

Г.И. Матвеевская
И.К. Зубова

Владимир
Иванович
ДАЛЪ
в Оренбурге

Samuel

Г.П. Матвиевская
И.К. Зубова

Владимир Иванович ДАЛЬ в Оренбурге

ОРЕНБУРГСКОЕ
Книжное
издательство

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

УДК 8Р1(092)

М-33

*Издано при финансовой поддержке Федерального
агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»*

*Департамент по культуре и искусству
администрации Оренбургской области*

Матвиевская Г. П., Зубова И. К.

**М-33 В.И. Даль в Оренбурге. Оренбург: ООО «Оренбург-
ское книжное издательство», 2007, 584 с.**

ISBN 5-88788-144-5

В книге рассказывается о ранее неизвестном оренбургском периоде жизни В.И. Даля — писателя, ученого, администратора. На основе архивных материалов последовательно воспроизводятся события каждого из восьми лет, проведенных в Оренбурге.

**ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
УДК 8Р1(092)**

ISBN 5-88788-144-5

© Г.П. Матвиевская, И.К. Зубова, 2007
© ООО «Оренбургское книжное издательство», 2007

Общий вид Оренбурга в 30-х годах XIX в. Рисунок В.В. Дорофеева

Рисунок А. Ф. Чернышева

Введение

Написать биографию В.И. Даля, последовательно рассказать о богатой неожиданными поворотами и наполненной яркими событиями жизни этого удивительного человека — задача, хотя и заманчивая, но очень трудная.

Он прошел путь морского офицера, военного врача, преуспевающего хирурга-окулиста, государственного чиновника высокого ранга, увлеченного ученого-натуралиста и популярнейшего писателя, которому посчастливилось при жизни увидеть напечатанным восьмитомное собрание своих сочинений. Ему довелось побывать в самых разных регионах Российского государства, познакомиться с его разнообразной природой, с населяющими его народами, их нравами и обычаями. Он смог увидеть глазами писателя и ученого немало интересного и отразил свои впечатления в многочисленных очерках, художественных произведениях, научных статьях.

Но о себе В.И. Даль написал очень мало. Его биографам приходится основываться на трех кратких авто-

биографиях [160 - 162], составленных им в весьма преклонном возрасте, и рассказах его близких, с которыми он делился воспоминаниями. Наиболее основательным источником сведений, несомненно, является большой критико-биографический очерк, опубликованный вскоре после смерти В.И. Даля известным писателем П.И. Мельниковым (Андреем Печерским), с которым его много лет связывали служебные, творческие и дружеские отношения.

Воспоминания другого его друга, декабриста Д.И. Завалишина, хорошо знавшего его в юности и близко общавшегося с ним в последние годы его жизни, к сожалению, почти неизвестны, хотя содержат немало важных биографических сведений. Откликнувшись на кончину В.И. Даля статьей в «Московских ведомостях» [283], Д.И. Завалишин исправил ряд ошибок в появившихся некрологах и сообщил «некоторые неизвестные еще публике, но верные данные, которые могут послужить на пользу будущим биографам В.И. Даля и предупредить дальнейшие ошибки в статьях о нем». По его словам, он взял на себя эту задачу как «товарищ и друг В.И. Даля», добавив: «Это название давал нам всегда Владимир Иванович. В 1866 г. он пожелал, чтобы мы вместе отпраздновали 50-летний юбилей нашего товарищества и неизменной дружбы». И действительно, Завалишин ревниво следил, чтобы в публикациях о Дале не было утверждений, позволяющих неверно представить события его жизни.

Биографические сведения, оставленные самим Далем, предельно скудны. Причина этому, прежде всего, — свойственная ему скромность, строгость к себе, сдер-

жанность в высказываниях о том, что касалось его лично. В письме к академику Я.К. Гроту, по просьбе которого была составлена одна из автобиографических записок Даля, он, сообщив некоторые данные о себе, спрашивал: «Да для чего вам все это, право, не понимаю... Судите дело, а личность откиньте, что вам до нее?» [256, с.41]. Этим убеждением он всегда и руководствовался.

Объяснил он свои взгляды и в другом письме Я.К. Гроту. «Вы, — писал Даль, — говорите о моих записках. Не решаюсь на это, не видя в них большой пользы и будучи поставлен в раздумье. Записки могут, главнейше, относиться до личности пишущего или до современных ему событий. Первое считаю слишком ничтожным, второе мне не под силу: я не любил подноготных дрызгов, на коих, как на мази, вертится земная ось, и нет у меня памяти на них. Первый род записок коренится на самостийности, на самолюбии, тщеславии, а у меня, славу Богу, такой шишки нет; второй приличен человеку, живущему в большом свете, бывшему представителем, зачинщиком, коноводом, я век свой был подчиненным работником, избегал начальничанья, не будучи к этому способен, и вся бытовая жизнь моя протекала в тесном кругу. Наконец, как ни верти, а пропоешь хвалебную песнь себе — и всех других опорочишь: в каждом встречном деле сам выходишь прав, а прочие виноваты» [там же, с.43].

Решительное нежелание писать о себе В.И. Даль выражал не раз. В письме от 26 марта 1854 г. А.В. Старчевскому, редактору «Справочного энциклопедического словаря», он заявлял: «Какие бы ни стал я представлять

Вам доводы, почему именно я не считаю нужным заботиться о своем жизнеописании, все это будет похоже на уничижение, которое паче гордости, как и простота бывает хуже воровства. Не могу запретить никому писать и печатать то, что Ценсура печатать разрешит, но не вижу никаких побудительных причин, для чего бы мне содействовать изданию вестей о своей личности и заботиться об этом. Эта шубка не стоит вычинки».

Но все же, по настоянию Я.К. Грота, им была написана краткая автобиографическая справка [256, с. 39 - 42] и составлен не менее важный для его биографии список трудов, опубликованных до 1862 г. Он озаглавлен: «Роспись напечатанным сочинениям моим, составленная самим автором по требованию Я.К. Грота» и хранится в рукописи в Петербургском филиале архива Российской академии наук¹.

Хотя, как писал Даль Гроту, «старина вспоминчива и заманчива», многое с высоты прожитых лет представлялось ему в последние годы уже в несколько искаженном виде. Прежде всего это касается «Автобиографической записки», продиктованной им совсем незадолго до смерти — в марте 1872 г., она хранилась у его дочери О.В. Демидовой и была опубликована в том же году в журнале «Русский архив» [160]. На эту публикацию сразу отозвался Д.И. Завалишин [284]. Он писал: «Так как этот отрывок не сопровождается пояснением обстоятельств, в каких покойный Владимир Иванович диктовал его, то он легко может ввести в заблуждение будущих составителей жизнеописания Даля насчет действительного значения этой автобиографии. Мы считаем себя поэтому обязанными пояснить вышеупомя-

нутые обстоятельства, вполне нам известные, и указать на то влияние, которое они имели на верность некоторых воспоминаний покойного». Завалишин засвидетельствовал, что Даль, которого близкие настойчиво просили написать воспоминания о своей жизни, «занятый другими работами, все откладывал исполнение этой просьбы и решился диктовать вышеупомянутое начало автобиографии лишь после того, как с ним несколько раз повторился удар, и когда память уже значительно изменила ему». Завалишин исправил очевидные ошибки, допущенные Далем (например, в имени матери), и многое уточнил. Он был убежден, что Даль, «описывая все более подробно и в полной памяти», был бы с ним вполне согласен.

Резкую критику Д.И. Завалишина вызвали опубликованные в 1879 г. в журнале «Русский вестник» воспоминания Е.В. Даль [264], другой дочери Даля, которая, видимо, не поняла многого в рассказах отца или слишком буквально восприняла сделанные с присущим ему юмором описания некоторых очень серьезных событий. Рецензия Завалишина [286] была напечатана только в 1904 г., но, очевидно, она стала известна издателям журнала, и публикация воспоминаний Екатерины Даль прекратилась. Их продолжение было обнаружено недавно А.Г. Прокофьевой среди рукописей Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом) [267] и частично опубликовано в оренбургском альманахе «Гостиный двор» [266]. Многие факты, приведенные дочерью Даля, особенно относящиеся ко времени его службы в Оренбурге (1833 — 1841 гг.), представляют несомненный интерес.

В конце XIX в. было собрано немало документов, писем, воспоминаний о В.И. Дале, написанных его друзьями, сослуживцами и людьми, встречавшимися с ним при разных обстоятельствах. Однако имеющихся в них данных все же недостаточно для восстановления полной картины его жизни. Поэтому трудно переоценить значение находок, сделанных в разных архивах А.В. Седовым, Ю.П. Фесенко, Е.П. Горбенко и др., существенно дополняющих биографию В.И. Даля.

В предлагаемой работе широко использованы документы, обнаруженные в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО), где имеется множество автографов В.И. Даля, и в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Эти документы большей частью относятся ко времени службы В.И. Даля в Оренбурге, где с 1833 по 1841 гг. он был чиновником особых поручений при военном губернаторе В.А. Перовском.

Оренбургский период жизни В.И. Даля долгое время почти не затрагивался его биографами. Только в 1913 г. известный краевед Н.Н. Модестов в некоторой степени восполнил существовавший пробел работой «Владимир Иванович Даль в Оренбурге» [388]. Заметив, что «имя Даля забыто там, где он провел лучшие годы жизни и где написал большую часть своих рассказов и повестей», Модестов на основании документов местного архива осветил некоторые важные моменты его жизни в этот период. В частности, он остановился на вопросе об участии В.И. Даля в организации естественно-научного музея (о чем ранее писал П.Н. Столпянский [470]) и рассказал о его встрече с Пушкиным, посетившим Оренбург в 1833 г. в поисках материалов о Пугачевском вос-

стании. Последний эпизод фигурирует во многих работах о Пушкине, как и присутствие Даля, находившегося в 1837 г. в командировке в Петербурге, при кончине великого поэта. Свои встречи с ним В.И. Даль описал подробно [218, 440, 441], так как был убежден, что «много алмазных искр Пушкина рассыпалось тут и там в потемках» и «их надо бы снести в одно место» [441, т.2, с.264].

Кроме Н.Н. Модестова, ряд документов из оренбургского архива, касающихся служебной деятельности В.И. Даля, обнародовал в 1913 г. П.И. Цыпляев [501].

Сведения об оренбургском периоде жизни В.И. Даля были обобщены в книге Н.Е. Прянишникова «Писатели-классики в Оренбургском крае», вышедшей первым изданием в 1946 г. [437]. Однако, как теперь выяснилось, основательное изучение архивных материалов, а также публикаций Даля в газетах и журналах его времени, позволяет представить этот период гораздо более полно. Такая попытка в предлагаемой работе сделана.

Документы, обнаруженные в Государственном архиве Оренбургской области, по характеру разнообразны и в значительной степени касаются служебной деятельности В.И. Даля. Сюда относятся, прежде всего, написанные его рукой черновики официальных писем, записки различного содержания, составленные по требованию военного губернатора, заметки к годовым отчетам, которые отправлялись в столицу, и даже проект «Положения об Уральском казачьем войске». Они создают представление о занятиях Даля-чиновника, принимавшего непосредственное участие в решении

таких важных государственных задач, как управление обширным Оренбургским краем и регулирование непростых отношений России со среднеазиатскими ханствами, которое осуществлялось через пограничный Оренбург.

Особый интерес представляют письма В.И. Даля и его близких, хранящиеся в рукописных отделах Пушкинского Дома (Института русской литературы РАН) и Российской национальной библиотеки и до сих пор не публиковавшиеся.

Переписка с сестрой П.И. Шлейден, с сотрудниками и столичными литераторами показывает его в повседневной семейной жизни с ее радостями и горем, говорит о его взглядах и убеждениях, об отношении к делам служебным, которые самым естественным для него образом сочетались с литературным и научным творчеством.

Литературоведы, исследовавшие творчество Даля-писателя, показали, что в его художественных произведениях и очерках отражены природа Оренбургского края, легенды, верования и обычаи населявших его народов. В поездках по краю Даль наблюдал жизнь людей, собирал пословицы и поговорки, значительно пополнив материалы для своего будущего монументального труда — «Толкового словаря живого великорусского языка», замысел которого тоже созрел в Оренбурге. Эти материалы послужили также базой серьезных этнографических исследований, которые были продолжены им позднее в Петербурге в Русском географическом обществе, одним из учредителей которого В.И. Даль стал в 1845 г. По существу, этим и ограничиваются сведения

о научных исследованиях В.И. Даля в Оренбурге, которые приводят его биографы.

Между тем, исследованные нами документы свидетельствуют, что диапазон научных интересов В.И. Даля — человека, одаренного многообразными талантами и наделенного неистощимой любознательностью, — был необычайно широк и что именно в оренбургский период он сумел реализовать свои способности. Мы располагаем сейчас достаточным материалом, чтобы утверждать, что в Оренбурге Даль проявил себя как зоолог и натуралист широкого профиля, как востоковед-тюрколог, знаток географии, истории, литературы Средней Азии, как медик, много размышлявший над теоретическими вопросами врачебного искусства, а также инженер, не раз применявший на практике немалые познания в области точных наук, полученные во время обучения в Морском кадетском корпусе.

Эти материалы обнаружены прежде всего в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО), где имеется множество автографов В.И. Даля и различных документов, касающихся его службы в должности чиновника особых поручений при военном губернаторе.

Книга состоит из трех частей и приложений. В первой части приводятся сведения о жизни В.И. Даля до 1833 г., когда судьба привела его в Оренбург. Вторая, основная часть, посвящена оренбургскому периоду, а третья содержит краткий обзор деятельности Даля после Оренбурга. В приложения включены очерки, которые касаются некоторых моментов его биографии, малоизвестных или заслуживающих, по мнению авторов, особого внимания. Далее приведены основные даты жизни

В.И. Даля и список его трудов. Следует заметить, что полного списка в существующей литературе о Дале найти не удалось. Наш список уточнен по его собственноручной «Росписи сочинений», которая была обнаружена А.Г. Прокофьевой в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (ф.9, оп.1, № 358). Работу заключает список литературы.

При написании книги были использованы материалы Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук (ПФА РАН), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), рукописных отделов Института русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ, Пушкинский Дом), Российской национальной библиотеки (РНБ), Российской государственной библиотеки (РГБ). Авторы считают своим долгом сердечно поблагодарить сотрудников этих учреждений за неоценимую помощь в работе.

Ссылки в тексте на список литературы даны прямым шрифтом, на архивные источники — петитом, а примечания в «Приложениях» обозначены курсивом.

ЖИЗНЬ В.И. ДАЛЯ ДО ПРИЕЗДА В ОРЕНБУРГ

Семья. Первые годы жизни

Владимир Иванович Даль родился 10 (22 по новому стилю) ноября 1801 г. в городке Луганский Завод (сейчас г. Луганск) Екатеринославской губернии в семье врача, состоявшего при литейном заводе.

Его отец, датчанин Иоганн Христиан Даль (Johann Christian Dahl, 1764—1821), родом из Копенгагена, переехал в Россию и стал именоваться здесь Иваном Матвеевичем, получил образование в Германии, где прошел курс богословия и изучил несколько языков, включая древние, и был приглашен Екатериной II на должность библиотекаря [474, 482]. Но вскоре, решив по материальным соображениям стать врачом, И.М. Даль вновь отправился в Германию, учился в Вене и Эрлангене и вернулся в Россию с дипломом доктора медицины.

О начале его государственной службы и продвижении его по служебной лестнице подробно говорится в формулярном списке 1799 г., недавно обнаруженном профессором Ю.П. Фесенко [482]. В документе зна-

чится, что «Иван Матвеев сын Даль, 35 лет от роду, происходящий из датских офицерских детей», сдал 8 марта 1792 г. экзамен в Государственной медицинской академии и получил права практикующего врача. В ноябре того же года он поступил «в Гатчинскую наследника Цесаревича волость для пользования жителей и крестьян» [482, 532].

В Гатчине И.М. Даль, тогда уже семейный человек, прослужил немногим более трех лет. Ему пришлось непосредственно общаться с наследником престола Павлом Петровичем и вначале, видимо, у них сложились вполне добрые отношения. Великий князь даже стал крестным отцом старшей дочери Даля, названной в его честь Паулиной [264, с.79]. Однако из-за крайней неуравновешенности характера будущего императора эти отношения оказались непрочными.

Впоследствии В.И. Даль вспоминал: «Отец мой был иногда горяч до безумия, а с великим князем не ладил», хотя «по обязанности являлся ежедневно к нему с рапортом» [384 с. XXXIII]. После весьма неприятной сцены, когда с майором кирасирского полка случился удар после грубейшего выговора за опоздание, И.М. Даль к ужасу жены «постоянно держал заряженные пистолеты, объявив, что если бы с ним случилось что-нибудь подобное, то он поклялся наперед застрелить виновного, а потом и себя» [там же, с. XXXIV].

В феврале 1796 г. И.М. Даль уволился из Гатчины по собственному прошению. В выданном ему аттестате говорилось, что помимо «пользования жителей и крестьян Гатчинской волости», он «наблюдение имел за состоявшим в той же волости гошпиталем и должность сию

исправлял с добрым успехом и рачительностью» [482, с.163]. В апреле того же года он был назначен уездным врачом в Петрозаводск, а 7 мая 1798 г. переведен в Луганск на должность старшего лекаря литейного завода.

На основании изучения архивных документов Ю.П. Фесенко подробно осветил подвижнический труд И.М. Даля [482, 485].

В Петрозаводске он, по выражению выдавшего ему аттестат городничего, «привлекал к себе любовь в пользовании бедных трудолюбием и беспристрастием». В Луганске его успешная борьба за улучшение условий жизни и работы мастеровых, добывавших уголь, позволяет видеть в нем создателя первых лечебных учреждений для рабочих на Луганщине.

14 декабря 1799 г. И.М. Даль дал присягу на вечное российское подданство, в 1804 г. получил чин надворного советника. В 1805 г. он был переведен в должности инспектора на Черноморский флот, во врачебную управу, находившуюся в Николаеве. Здесь он оставался до самой смерти, последовавшей 5 октября 1821 г.

В.И. Даль вспоминал об отце как о человеке «честном в самом строгом смысле слова», несколько суровом и замкнутом, но очень умном, справедливом и твердо следовавшем в жизни законам нравственности. «Отец мой, — писал он, — силою воли своей умел вкоренить в нас навек страх Божий и святые нравственные правила. Видя человека такого ума, учености и силы воли, как он, невольно навсегда подчинишься его убеждениям» [256]. Принципы, которых придерживался отец, всегда в дальнейшем определяли образ мыслей и действий сына.

Всей душой полюбив свою новую родину, И.М. Даль воспитал детей в духе глубокой преданности России. «Он при каждом случае, — писал В.И. Даль, — напоминал нам, что мы русские, знал язык, как свой, жалел в 1812 году, что мы еще молоды и негодны» [там же].

В.И. Даль всегда чувствовал себя истинно русским человеком. П.И. Мельников-Печерский вспоминал, что на вопрос дерптских друзей, кто он — русский или немец — он ответил: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или иной народности. Дух, душа человека — вот где надо искать принадлежности его к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа — мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски» [384, с.LXXV].

Д.И. Завалишин засвидетельствовал, что В.И. Даль был очень доволен, прочитав, что его предки, хотя и поселились некогда в Дании, но имели славянские корни. При встрече он заметил: «А знаешь ли, говорят, что и я происхожу от славян» [283].

Не меньшее влияние оказала на В.И. Даля мать, Юлия (Ульяна) Христофоровна, урожденная Фрейтаг. Она была дочерью «бывшего на русской службе чиновника ломбарда» [200, с.LXXXIII] и имела среди предков немцев, французов, швейцарцев. Как рассказывала Е.В. Даль, по женской линии она происходила от французских протестантов Де Мальи [264]. Но ее семью вполне можно назвать обрусевшей, так как ее мать Мария Ивановна Фрейтаг, бабушка В.И. Даля, не просто знала и любила русский язык, но, по его словам, «даже была

русская писательница, по крайней мере переводчица и значилась в Смирдинском каталоге» [200, с.LXXXV]. Юлия Христофоровна имела превосходное образование, знала, по свидетельству сына, «кроме немецкого, еще три языка» и была талантливым педагогом.

О роли матери в становлении его личности В.И. Даль сказал проникновенные слова в «Автобиографической записке»: «Мать разумным и мягким обращением своим, а более всего примером с раннего детства поселила во мне нравственное начало, окрепнувшее с годами и не покинувшее меня всю жизнь. Не умею объяснить, как и чем это сделалось, но чувствую и сознаю, что это так и нынче, когда мне уже исполнилось 70 лет и когда сыну моему уже 35. Я сознаю это благое влияние материнского воспитания, и сын мой, ею же воспитанный, говорит о себе то же» [там же, с.LXXXVI].

Семья Далея была многодетной. Кроме двух старших дочерей, Паулины и Александры, у них выросли четыре сына — Владимир, Карл, Лев и Павел.

Воспитанию и образованию детей в семье уделялось огромное внимание, хотя, как видно из автобиографии В.И. Даля и воспоминаний его дочери, этим в основном занималась мать. О своем первоначальном образовании Даль писал: «Отец был строг, но очень умен и справедлив. Мать добра и разумна и лично занималась обучением нашим, насколько могла. У нас были только учителя Штурманского училища, к которым мы ходили на дом, учителя рисования и математики. Прочему учила мать» [там же, с.LXXXV].

В.И. Даль рассказывал дочери, что в детстве его вместе с сестрами усаживали за рукоделие, а так-

же обучали ремеслам, к которым у него навсегда сохранился интерес. Эти полезные навыки пригодились ему впоследствии и помогли стать искусным хирургом [264, с.81]. Операции по снятию катаракты он делал очень быстро, так как одинаково владел обеими руками.

От матери, которая прекрасно играла на фортепьяно и пела, В.И.Даль унаследовал любовь к музыке.

Морской кадетский корпус

Когда возник вопрос дальнейшего образования сыновей, И.М. Даль, служивший на Черноморском флоте, выбрал для них профессию морских офицеров. Еще в 1812 г. от имени Владимира и Карла было подано прошение на имя Александра I о зачислении их в Петербургский морской кадетский корпус. В этом документе, опубликованном Ю.П. Фесенко, в частности, говорится: «Отец наш родной находится на службе Вашего Императорского Величества главным доктором Черноморского флота, ныне нам от роду 11 и 9 лет, обучены российской, французской и немецкой словесности, математике и рисовать, но в службу Вашего Императорского Величества никуда еще не записаны, а желание имеем определиться в морской кадетский корпус» [482, с. 169].

Морской кадетский корпус
в Санкт-Петербурге

Зачисление последовало через три года. В формулярном списке В.И. Даля сказано: «Воспитывался в Морском кадетском корпусе, в который поступил кадетом 1815 года 1 августа. В службу вступил гардемарином 1816 года июля 10. Унтер-офицером 1819 года февраля 20. По окончании в этом корпусе полного курса наук произведен мичманом 1819 года марта 3, лейтенантом 1824 года мая 10» [173, с.36].

О времени обучения в Морском корпусе в автобиографиях В.И. Даля не нашлось ни единого доброго слова. Он вспоминает эпизоды, которые свидетельствуют о пороках воспитательной системы, основанной на телесных наказаниях, и приходит к горькому выводу, что из-за нее лучшие годы его жизни были убиты [200, с.LXXXVI]. Его дочь, у которой по его рассказам сложились такие же впечатления, писала: «Вообще говоря, пребывание в Морском корпусе составляло безотрадную страницу в жизни отца, и он с отвращением отворачивался от здания Корпуса, когда проходил мимо него» [264, с.84].

Против такой оценки Морского корпуса очень решительно выступил Д.И. Завалишин, соученик В.И. Даля, который прошел те же испытания во время учебы. Но после окончания он был оставлен при этом учебном заведении для преподавания астрономии, высшей математики, теории морской науки и других предметов, а поэтому знал его гораздо лучше. Он раскритиковал рассказ Е.В. Даль в части, касающейся жизни ее отца в корпусе, и показал, что кадеты получали основательное разностороннее образование, а их жизнь имела много светлых сто-

рон [286]. По его мнению, так считал и Владимир Иванович.

В своих статьях [284-286] Завалишин обратил внимание на быстрое продвижение Даля по службе и объяснил это его прекрасной учебой и примерным поведением. Большим успехом было производство в гардемарины: «Этот чин считался в то время офицерским, так как в случае перехода в армию гардемарин переводился уже офицерским званием» [284]. Производство же из гардемарин в унтер-офицеры, по словам Завалишина, «допускалось только для 10, много если 15 человек, самых отличных по наукам и по поведению из выпуска почти в сто человек» [там же].

О том, что в корпусе Даль «учился и вел себя очень хорошо», свидетельствует также его участие в состоявшемся в 1817 г. учебном походе русских кадетов в Швецию и Данию, который, как признавала и Е.В. Даль, отец вспоминал «с удовольствием». Этой чести удостоились только двенадцать учеников, в том числе Д.И. Завалишин и будущий прославленный флотоводец П.С. Нахимов. Они были включены в состав команды брига «Феникс», который с 20 мая по 18 сентября совершил под командованием С.А. Ширинского-Шихматова плавание по маршруту Санкт-Петербург — Кронштадт — Рочесальм — Свеаборг — Рига — Ревель — Стокгольм — Карлскрона — Копенгаген — Санкт-Петербург.

В походе кадеты должны были вести дневники — «дневные журналы». По словам Завалишина, Даль «очень жалел в последнее время, что не мог отыскать своего журнала, первого своего литературного произведения». Оказывается, однако, он сохранился и сейчас

находится среди рукописей В.И. Даля в Российской государственной библиотеке. Отрывки из него были опубликованы его дочерью М.В. Станишевой [468], которую интересовали в основном записи о посещении шведской и датской столиц и встречи кадетов с членами королевской семьи. Основательный обзор «Дневного журнала» Даля предложил Ю.П. Фесенко [485], рассматривающий его как художественное произведение, написанное в жанре маринистики. Анализ текста позволил выявить много новых биографических сведений и составить более полное представление о взглядах и интересах юного моряка.

«Дневной журнал», кстати, подтверждает мнение Д.И. Завалишина, что негативная оценка жизни в Морском корпусе появились у В.И. Даля лишь в преклонном возрасте: записи свидетельствуют, что

в то время он очень интересовался морским делом и гордился своей принадлежностью к русскому флоту.

Д.И. Завалишин

Форма кадета и офицера
Морского корпуса

С другой стороны, они показывают, какие страдания доставляла ему морская болезнь, которая позднее послужила основной причиной смены профессии.

Флотская служба

3 марта 1819 г. В.И. Даль закончил Морской кадетский корпус, был произведен в мичманы и по собственному желанию определен на службу на Черное море. Местом назначения был Николаев, небольшой морской город с примерно 14-тысячным населением [327], где располагался штаб Черноморского флота и где жила семья Даля. Сюда же после окончания корпуса был определен на службу и его брат Карл.

Вид Николаева

В Николаеве прошли следующие пять лет жизни В.И. Даля, которые, если верить его «Автобиографической записке» 1872 г., он оценивал как время, тоже потраченное впустую. «После корпусного воспитания, — писал он, — не было у меня никаких разумных наклонностей: я

шатался с ружьем в степи, не брал книги в руки» [160]. Однако верно здесь только признание, что именно тогда зародилась его страсть к охоте, сохранившаяся на всю жизнь. В остальном же Даль, по своему обыкновению, здесь слишком строг к себе. Как показали исследования

последних лет в Николаеве, время, свободное от нелегкой службы морского офицера, он проводил в обществе людей образованных, с немалыми культурными запросами и занимался литературным творчеством.

Он сам признавал, что «по какому-то чутью искал знакомства и товарищества с лучшими людьми». У него сложились дружеские отношения с Анной Петровной Зонтаг (1787—1864), урожденной Юшковой, племянницей прославленного стихотворца В.А. Жуковского, которая была известной детской писательницей. Она приехала в Николаев с мужем, лейтенантом Е.В. Зонтагом, служившим с 1822 г. на Черноморском флоте, и оказала большое влияние на жизнь местного общества. С семьей В.И. Даля ее связала «добрая дружба», о которой она говорит в письмах к нему, недавно опубликованных Е.П. Горбенко [249, 250]. Из этих писем видно, например, что А.П. Зонтаг в 1824 г. познакомила Даля со своей сестрой Авдотьей Петровной Елагинной, хозяйкой знаменитого литературного салона в Москве, и тем самым ввела его в писательские круги.

Подружился В.И. Даль и с Карлом Христофоровичем Кнорре (1801—1883), астрономом, учеником

К.Х. Кнорре

академика В.Я. Струве, приехавшим в 1821 г. из Дерпта для работы в обсерватории, которая в то время начала строиться в Николаеве. Инициатором строитель-

ства был командир Черноморского флота А.С. Грейг (1775—1845), не только прославленный в сражениях адмирал, но также крупный ученый и кораблестроитель. Николаевская морская обсерватория вступила в строй в 1827 г., но астрономические наблюдения Кнорре начал проводить сразу по приезде в личной обсерватории адмирала. С ним активно сотрудничал Карл Даль, который интересовался астрономией и сделал в ней немалые успехи [251].

В.И. Даль всегда поддерживал с К.Х. Кнорре теплые отношения и посвятил ему одну из своих первых опубликованных сказок.

В Николаеве В.И. Даль продолжил свои литературные опыты, сочинял пьесы, писал стихотворения. К таким опытам относятся и «Записки», которые он вел, находясь «для практики и эволюции» в плавание по Черному морю на сорокачетырехтысячном фрегате «Флора» с 1 июня по 1 сентября 1820 г. Они сохранились в рукописной записной книжке и были частично опубликованы и исследованы Ю.П. Фесенко [485, с.32-38], который отметил значительный рост литературного мастерства Даля по сравнению с его ранним «Дневным журналом».

Вместе с тем «Записки» являются источником интересных сведений о жизни В.И. Даля в Николаеве, о его службе и семейных отношениях. Из его заметок видно, что плавание увлекало его, он гордился своим быстроходным кораблем, но приступы морской болезни заставляли его подумывать о смене профессии. Так, 13 июня он писал: «Вчера и сегодня — два злые дня для меня; ветер свежий и я уже брожу без головы. Неужели я

весь свой век буду мучиться таким образом, не будучи в состоянии помочь себе? Не только не приносить ни малейшей пользы отечеству и службе, но и напротив того, быть в тягость самому себе и другим? Неприятная, сердце оскорбляющая мысль. Надобно ждать облегчения от времени (если это возможно) или искать другую дорогу» [там же, с.35].

В заметках Даля проявляется его глубокая привязанность к родителям, братьям и сестрам. Вместе с Карлом, который тоже участвовал в плаванье («мичман Даль 2-й»), они с нетерпением ждали вестей из дома, надеялись на встречу с родителями в Севастополе и печалились по поводу смерти годовалой сестры Эмилии [там же].

Карл Даль служил в Николаеве до самой смерти от чахотки в 1828 г. А в 1820 г. взрослые сыновья еще жили с родителями и, как можно заключить по воспоминаниям Е.В. Даль, иногда им приходилось нелегко. Замкнутость отца особенно угнетала старшего сына, веселого, общительного, деятельного. Понять друг друга им помогала сестра Паулина, с детства близкая с отцом. К этому времени она уже несколько лет была замужем за П.П. Шлейденом, который, по выражению Е.В. Даль, «имел занятия» верстах в двадцати от города. Позднее у него была собственная суконная фабрика в Москве, а сам он значился московским 3-й гильдии купцом [308, с.319].

Паулина всегда была задушевным другом Владимира Ивановича. Об этом свидетельствуют его письма к ней, написанные в разные годы и хранящиеся сейчас в рукописном отделе Пушкинского Дома. Их переписка нача-

лась во время его пребывания в Морском корпусе, причем велась она по-французски, и это, как он говорил потом, очень помогло ему в изучении языка.

После отъезда Паулины Ивановны в Москву брат делился с ней в письмах всеми заботами и радостями жизни в Николаеве. Он рассказывал о наблюдениях, сделанных во время плавания летом 1820 г. Он писал, например, о двух смерчах — «тифонах», которые описаны и в «Записках»: «Видели мы два тифона: один весьма отдаленный поутру, который держался не более 5 минут и был в виде конуса, коего основание сливалось с облаками, а вершина касалась поверхности моря — он шел не прямо, но искривившись в одну сторону. Другой же представлял прекрасный вид и держался довольно долго. Солнце было при заходе, и лучами своими обаграло весь запад; по сему-то пурпурному полю медленно двигался величайший водяной цилиндр — вершина его также касалась облаков, но он стоял совершенно прямо» [485, с.36].

Рассказывая о перелетных птицах, отдохавших на палубе корабля, он радовался, что увидел среди них перепелок: многие естествоиспытатели сомневались, что эти птицы относятся к перелетным, а он теперь в этом уверен.

Вторая сестра Даля Александра в это время вышла замуж за артиллерийского офицера П.О. Кистера, датчанина, что особенно нравилось отцу — он называл этого зятя «своим», в отличие от немца Шлейдена, «зятя матери».

В 1821 г. на семью обрушилось горе: 5 октября скончался Иван Матвеевич Даль.

После смерти мужа Юлия Христофоровна осталась в тяжелом положении с двумя малолетними сыновьями, Львом и Павлом. Ее внучка Е.В. Даль пишет: «Надо было серьезно подумать о доставлении способов к образованию дяди Льва: ему было уже 14 лет, а он еще нигде, кроме дома, не учился. Финансы бабушки положительно ничего не позволили ей предпринять, да и к тому же у нее на руках был еще любимец ее, пятилетний Павел» [264, с.91-92]. Очень помог семье «отцовский» зять Кистер, взяв Льва юнкером в свой полк. Позднее мать переехала с Павлом в Дерпт, где зарабатывала уроками и где, как она надеялась, могла дать сыну образование.

С В.И. Далем в 1823 г. случилось неприятное происшествие, связанное с поэтическим творчеством, что серьезно повлияло на его дальнейшую жизнь. Среди произведений молодого поэта, весьма склонного к язвительной шутке, встречались, к его несчастью, и сатирические стихи. Поэтому, когда в городе появился «пасквиль», задевший лично адмирала Грейга, авторство сразу было приписано Далю. Нашлись улики [330], якобы подтверждающие обвинение, и последовал суд, который приговорил его к лишению чинов. Даль никогда не признал своей виновности, хотя соглашался, что написал «шесть или восемь стишков, относящихся до домашних, городских вестей» [162]. «Главный местный начальник (тот же Грейг), — писал Даль впоследствии, — предал меня военному суду, требуя моего сознания в сочинении и распространении этого пасквиля, тогда как я увидел его в первый раз на столе военного суда. Дело тянулось с лишком год; не было никакой возможности изобличить меня в деле, вовсе мне чуждом, и несмотря

ни на что, я был наконец обвинен, без всяких доказательств, и приговорен к лишению чинов» [там же].

После апелляции В.И. Даль был оправдан, но переведен на новое место службы — на Балтийское море, в Кронштадт. Здесь вскоре у него созрело решение уйти в отставку. Причин для этого, кроме склонности к морской болезни, было несколько. О них впоследствии писал Д.И. Завалишин [283]. Подтверждая, что «к морской службе Даль никогда не чувствовал особого расположения», он обратил внимание на то, что «флот находился тогда в чрезвычайном упадке, совершались страшные злоупотребления, особенно по хозяйственному управлению» и «надо было иметь особенное призвание к морской службе, чтоб оставаться в ней не по необходимости». Завалишин писал, что для борьбы с этими злоупотреблениями «Даль, по его собственным словам, не имел ни средств, ни расположения», а пассивно подчиняться им или с ними уживаться «был неспособен». Поэтому, столкнувшись с «разного рода неприятностями», он оставил морскую службу без всякого сожаления.

Даль мог перейти в армию, куда, по словам Завалишина, лейтенант флота переводился с чином капитана, или на гражданскую службу, где сразу же получил бы чин титулярного советника. Однако он отказался от этих возможностей и решил поступить в университет. Завалишин объяснял этот менее выгодный выбор тем, что Даль в Морском корпусе принадлежал к тем кадетам из их выпуска, которые «не считали для себя достаточным лишь одно специальное образование, даже и высшее, а стремились дополнить его университетским».

Е.В. Даль писала, вспоминая, видимо, рассказы отца: «Он решился ехать в Дерптский университет: город немецкий, уроками русского языка он наверное что-нибудь заработает себе. А по какому идти факультету? Опять-таки обстоятельства решили дело: после дедушки осталось много медицинских книг, а покупать книги для другого факультета было не на что» [264, с.95]. Немалую роль сыграло и то, что в Дерпте уже жила мать с братом Павлом.

Дерптский университет

Как сказано в формулярном списке В.И. Даля, он был «по Высочайшему повелению, по прошению, поданному 1 января 1826 года, уволен от службы с чином лейтенанта 1826 года февраля 5-го», а уже 20 января он «вступил в Императорский Дерптский университет студентом». Ему уже исполнилось 24 года, но приходилось все начинать сначала.

Дерптский университет

Главная трудность состояла в том, что он не знал латыни, и, чтобы ее преодолеть, требовались большие способности, прилежание и железная воля. По словам Даля, он «стал учиться латыни почти с азбуки». Е.В. Даль писала: «Он положил себе, кроме остальных занятий, выучивать каждый день по сту слов латыни; любил он гулять за городом и вот во время этих-то прогулок и твердил он новый для себя урок» [264, с.96].

Медицинский факультет

Даль слушал лекции по естественным наукам, а в медицине специализировался по хирургии. Кроме того, он написал работу на тему, предложенную философским факультетом, и в декабре 1827 г. полу-

чил за нее серебряную медаль. Речь в ней шла о пористости как общем свойстве тел, и по объему она занимала 93 страницы [532, с.6].

20 января 1828 г. Даль, как сказано в его формулярном списке, был «принят в число казенных воспитанников медицинского института при Дерптском университете» [173]. Сам он писал по этому поводу: «Года через полтора один казеннокоштный студент не в порядке оставил честь и место; меня пригласили занять его, и я в 1828 вступил в число казенных. Кроме того, я давал уроки русского языка, по 1 рублю ассигнациями в час» [256, с.40].

О студенческой жизни Даля в Дерпте много написала его дочь. Она хорошо запомнила рассказы отца о друзьях, веселом времяпрепровождении, шутках, проказах. В ее представлении они, пожалуй, несколько затмили серьезную сторону этой жизни.

Зато она трогательно рассказывает, как отец навещал своего любимого брата Льва, полк которого стоял в 60 верстах от Дерпта. Во время этой дальней прогулки, в которую Даль «пускался, когда приходилось три дня праздников сряду», он «легко проходил 60 верст в день и шел он день туда, день проводил со Львом и день упот-

реблял на обратной путь» [264, с.96].

Описывая жизнь отца в этот период, Е.В. Даль подчеркивает, что он «гордился тем духом рыцарской чести, каким был проникнут Дерптский университет» [там же, с.97].

Учителем В.И. Даля был профессор Иван Филиппович Мойер, замечательный хирург и, как писали о нем впоследствии,

В.И. Даль

«одна из светлых и даровитых личностей, высоко поднимавших в свое время научное и образовательное значение этого университета» [279, с.476]. Virtuозность хирурга он приобрел во многом благодаря тому, что блестяще играл на рояле. Музыку он знал в совершенстве и был всесторонне образован.

Даль был дружески принят в гостеприимном и многолюдном доме Мойера. Как вспоминала впоследствии Екатерина Мойер, дочь профессора, он жил у них одно время и стал для семьи одним из «самых искренних, преданных друзей» [там же, с.480]. Здесь Даль встречался с многими интересными людьми и прежде всего с Василием Андреевичем Жуковским. Покойная жена Мойера, Мария Андреевна, урожденная Протасова, приходилась поэту племянницей и была очень дорогим для него

И.Ф. Мойер

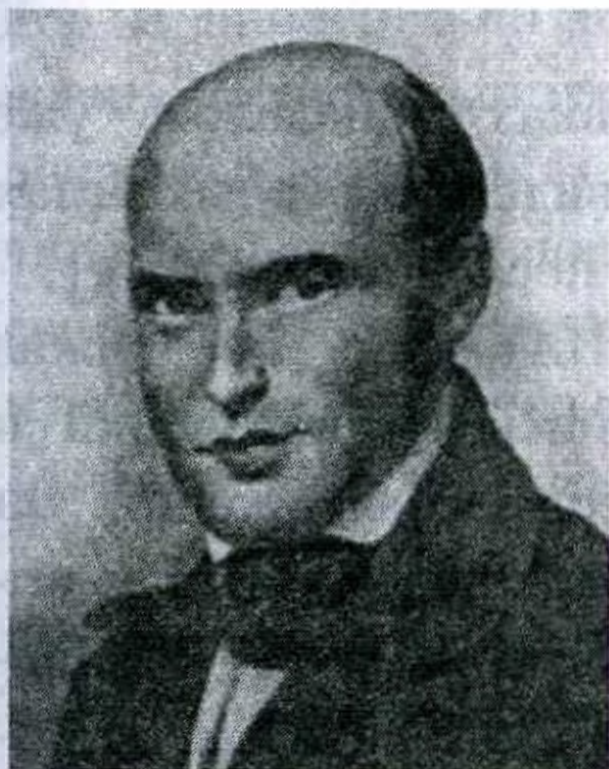

В.А. Жуковский

человеком. После ее смерти Жуковский поддерживал с ее семьей постоянную связь и часто приезжал в Дерпт.

Здесь же Даль подружился с поэтом Николаем Михайловичем Языковым и известным впоследствии врачом Карлом Карловичем Зейдлицем, вместе с которым ему вскоре пришлось участвовать в войне с турками.

Одновременно с В.И. Далем у И.Ф. Мойера обучались Н.И. Пирогов и Ф.И. Иноземцев, в будущем выдающиеся хирурги. Они приехали в числе выпускников российских университетов, отобранных для подготовки к профессорскому званию.

Н.И. Пирогов

Николай Иванович Пирогов (1810—1881), с которым В.И. Даля связали прочные дружеские отношения, оставил воспоминания об их жизни в Дерпте. Он писал: «Первое наше знакомство было довольно оригинально. Однажды, вскоре после нашего приезда в Дерпт, мы слышим у нашего окна с ули-

цы какие-то странные, но не незнакомые звуки: русская песнь на каком-то инструменте. Смотрим, стоит студент в вицмундире, всунул он голову чрез окно в комнату,

держит что-то во рту и играет: «Здравствуй, милая, хорошая моя», не обращая на нас, пришедших в комнату из любопытства, никакого внимания. Инструмент называется органчик (губной), а виртуоз — В.И. Даль; он, действительно, играл отлично на органчике» [412, с.293].

Н.И. Пирогов дал яркую характеристику В.И. Далю: «Это был прежде всего человек, что называется, на все руки. За что ни брался Даль, все ему удалось усвоить. Со своим огромным носом, умными серыми глазами, всегда спокойный, слегка улыбающийся, он имел редкое свойство подражания голосу, жестам, мимике других лиц; он с необыкновенным спокойствием и самою серьезною миною передавал самые комические сцены. Подражал звукам (жужжание мухи, комара и пр.) до невероятия верно. В то время он не был еще писателем и литератором, но он читал уже отрывки из своих сказок...

В читанных нам тогда отрывках попадалось уже множество собранных им, очевидно, в разных углах России, поговорок, прибауток и пословиц» [там же].

Действительно, в Дерпте В.И. Даль продолжал ставшее любимым занятием — записывал поговорки и пословицы, собирал слова и местные выражения. Он занимался и литературным творчеством. В 1827 г. появилась его первая публикация: в журнале «Славянин», который издавал известный литератор А.Ф. Воейков, были напечатаны два его стихотворения. В них усматривают «характерный отпечаток богатства русского языка», свойственный в дальнейшем произведениям Даля [227]. В 1829 г. он передал с Н.М. Языко-

вым в журнал «Московский телеграф» сатирическую сказку «Сила Калиныч», которую, однако, не напечатали [480].

У Пирогова мы находим и оценку научной деятельности Даля, какой она представлялась ему на склоне лет: «Как известно, прежде лейтенант флота Даль должен был оставить морскую службу, отчасти потому, что страдал постоянно на корабле морскою болезнью, а отчасти за памфлет в стихах, написанный им на адмирала Грейга. Даль переседлал из моряков в лекаря; менее чем в четыре года выдержал отлично экзамен на лекаря и поступил в военную службу.

Находясь в Дерпте, он пристрастился к хирургии и, владея, между многими способностями, необыкновенной ловкостью в механических работах, скоро сделался и ловким оператором. Таким он и поехал на войну; потом он сделал и польскую кампанию, где отличился как инженер и пионер; а по окончании вступил ординатором в военно-сухопутный госпиталь и вскоре переседлал из лекарей в литераторы, потом в администраторы и кончил жизнь ученым, посвятившим много лет составлению своего лексикона, материал к которому, в виде пословиц и поговорок, он начал собирать еще, кажется, до Дерпта» [412, с.293].

Учебу В.И. Даль был вынужден прервать раньше времени: с началом русско-турецкой войны 1828—1829 гг. все казеннокоштные студенты-медики, годные к службе, должны были отправиться в действующую армию в качестве военных врачей. Перед отъездом, однако, Даль получил возможность сдать экзамены «на докторское достоинство» и защитить диссертацию по хирургии. Как

сказано в формулярном списке, он был «возведен в звание лекаря 1-го отделения», а затем «защитил публично диссертацию и получил диплом на звание доктора медицины 1829 года марта 18».

29 марта В.И. Даль получил определение во вторую действующую армию и отправился к месту службы.

В.И. Даль — военный врач и инженер

Об участии В.И. Даля в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. красноречиво говорит формулярный список [173], собственноручно им заполненный, а потому точно отразивший, в каких сражениях ему пришлось побывать, какие выполнять обязанности и за что он получил боевые награды.

В документе значится, что Даль «по назначению во 2-ю действующую армию переправился через реку Прут в Молдавию» 6 мая 1829 г. и 21 мая «по прибытии к крепости Силистрии, назначен ординатором в передвижной госпиталь Главной квартиры», где и находился при осаде этой крепости. Затем он был «при разбитии армии верховного визиря в сражении при Кулачеве — мая 30-го; ...при взятии трех редутов близ Шумлы — мая 31-го; при разбитии отряда фуражиров казаками генерал-майора Жирова и отражении во время сего вылазки из крепости Шумлы — июля 29-го; при переходе войск 2-й армии чрез реку Камчик и чрез Балканы; при взятии города Сливны — июля 31-го; при занятии второ-столичного города Адрианополя — августа 8-го» [там же, с.42].

В Адрианополе был учрежден военно-временный госпиталь, куда Даль был назначен ординатором. Затем 22 октября его командировали «к генерал-лейтенанту Ридигеру для сопровождения его в Бухарест и Яссы» [там же, с.37]. В декабре Даль получил назначение ординатором в Ясский военно-временный госпиталь, в марте 1830 г. был прикомандирован к конно-артиллерийской роте № 6, а 20 апреля «вместе с войсками 4-го резервного корпуса возвратился в пределы Российской империи» [там же, с.42].

За сухим перечнем событий скрыты полная лишений военная жизнь и много тяжелых переживаний молодого хирурга. Е.В. Даль пишет: «Поход укрепил нервы отца: его страх перед кровью прошел, он не падает в обморок при виде ее, но его мучит теперь другая крайность: он уже несколько раз ловил себя, что спал на раненых. Он так привык к перевязкам, что стоны больных не раздражают более его чувств. Он рассказывал, вспоминая это время, что ему приходилось падать от изнеможения на того же раненого, которому он делал операцию» [264, с.104].

Дочь пишет, что «операции удавались ему отлично» и «благодаря его умению одинаково владеть левою и правою рукой, они были у него не столь продолжительны, как у других». «Солдаты, — продолжает она, — любили отца за его операции. «Его благородие не кобенится», говаривали они. И он, в свою очередь, полюбил солдат» [там же].

В это время В.И.Далем «овладело желание искать случая к спасению погибающих», а кроме того, по словам Е.В. Даль, он задался «еще и другою задачей: как только пошлет ему Бог место с жалованием до 3000 руб.,

не лечить за деньги» [там же]. Этого своего решения он впоследствии строго придерживался.

Во время военной кампании вспыхнула чума, распространявшаяся в армии, которая, по словам П.И. Мельникова-Печерского, за Дунаем была встречена двумя врагами — турками и чумой [384, с. XXVIII]. В.И. Далью и его товарищам-медикам пришлось сталкиваться с ней непосредственно, о чем очень подробно рассказал его дерптский друг К.К. Зейдлиц, который был старшим доктором подвижного госпиталя Главной квартиры. В статье «О чуме, свирепствовавшей во 2-й русской армии во время последней турецкой войны в 1828—1829 гг.» [288] он доказывал, что тогда пришлось иметь дело именно с чумой, описывает ее течение, приводит документы (рапорты и т.д.) об участии в борьбе с ней врачей его госпиталя, в том числе и В.И. Даля.

Зейдлиц затронул и вопрос о заразности чумы и холеры, широко обсуждавшийся в медицинских кругах. Многие врачи, в том числе и В.И. Даль, «не верили в прилипчивость чумы вследствие прикосновения здорового человека к какой-либо вещи, принадлежащей зачумленному» [384, с. LXXX]. Даль при этом основывался на своем личном опыте и многочисленных наблюдениях. Как писала впоследствии его дочь, «молодые доктора не боялись чумы: в своих медицинских разговорах они решили, что она не столько прилипчива, сколько рождается при удобных для нее условиях, и что потому ее ни накликать, ни избежать нельзя. Они не брали никаких предосторожностей и она сгубила Барбота, а отца помиловала [264, с. 103]». Е.В. Даль имела здесь в виду Барбота де Морни, соученика ее отца по

Дерптскому университету, отправившегося на войну вместе с ним.

15 декабря 1829 г. в звании ординатора Ясского временного госпиталя В.И. Даль получил орден Св. Анны 3-й степени с бантом, а по окончании турецкой кампании был награжден учрежденной по этому случаю серебряной медалью на георгиевской ленте.

После войны В.И. Даль продолжал службу. Как сказано в его формулярном списке, в декабре 1830 г. он «заведовал временным 1-го конно-артиллерийского дивизиона сводным лазаретом в г. Умани», а в январе следующего года «в свирепствование холеры в Каменец-Подольске заведовал первой частью города» [173, с.37].

Во время русско-турецкой войны В.И. Даль стал очень серьезно относиться к своему давнему увлечению — собиранию слов, местных выражений, пословиц и поговорок. Е.В. Даль писала, что именно тогда он решил передать со временем свои запасы какому-нибудь составителю словаря или Академии наук. По ее словам, отец пришел к такому решению после того, как верблюд, груженный его рукописями, пропал одиннадцать суток, а затем нашелся и груз оказался целым. «Рассказывая об этом, — писала она, — отец сознавался, что с возвращением верблюда он обрадовался своим рукописям, как чему-то родному, и с этой поры начал особенно дорожить ими» [264, с.105].

П.И. Мельников-Печерский тоже передавал слова В.И. Даля о пополнении своих словарных запасов в военное время: «Нигде это не было так удобно, как в походах, — говаривал он. — Бывало на дневке где-нибудь соберешь вокруг себя солдат из разных мест, да и нач-

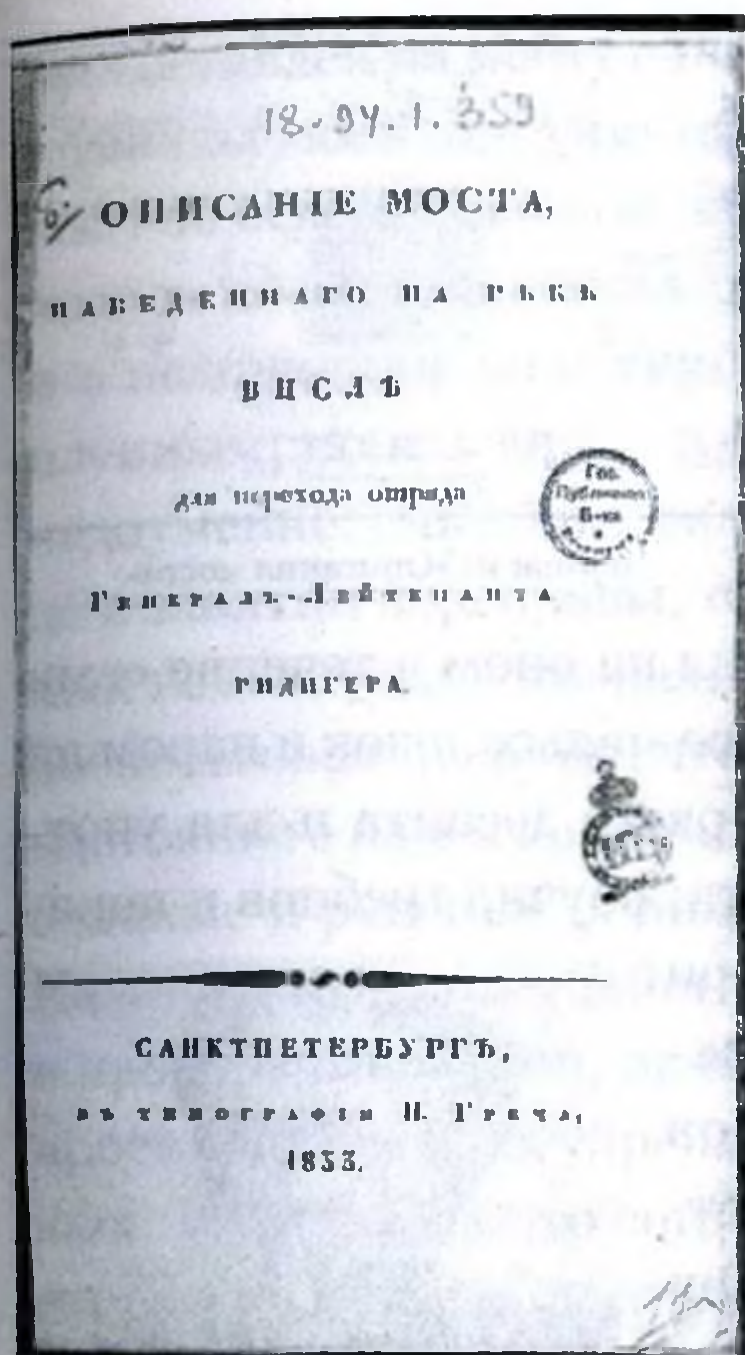
нешь расспрашивать, как такой-то предмет в той губернии называется, как в другой, в третьей; взглянешь в книжку, а там уже целая вереница областных речений» [384, с. XXIX]. Даль, по его словам, говорил, что изучил русский язык со всеми его говорами преимущественно в турецкой, а затем польской кампании 1831—1832 гг.

В формулярном списке В.И. Даля сказано, что 20 апреля 1831 г. он был «определен медицинским департаментом в Костромской пехотный полк младшим лекарем и прикомандирован к Каргопольскому драгунскому старшим лекарем» [173, с. 37]. Далее перечислены сражения, в которых он участвовал, и отмечен эпизод с постройкой моста через Вислу 17 июля: «По совершенному недостатку при корпусе генерал-адъютанта Ридигера инженерных офицеров имел от него поручение заведовать построением через р. Вислу моста на плотках, лодках и паромах на бочках» [там же, с. 42].

Е.В. Даль рассказывает со слов отца, что когда возникла необходимость переправить войско через быструю Вислу, казалось, что построить мост «на живую нитку» невозможно. Но Даль сказал: «Что нужно, то и можно», и согласился решить эту задачу, ответив на предложение, что «он так же счастлив будет служить России и в этом, как служит, перевязывая раны солдат» [264, с. 107].

«Вот когда, — замечает Е.В. Даль, — пригодились ему морское воспитание: он стал вспоминать правила построек мостов, сообразил местные условия, вспомнил еще и «морской узел», основанный на том, что чем больше его тянут, тем он плотнее стягивается» [там же].

Титульный лист «Описания моста»

Мост был построен вовремя.

В 1933 г. в газете «Русский инвалид», а затем и отдельным изданием вышла статья В.И. Даля «Описание моста, наведенного на реке Висле для перехода отряда генерал-лейтенанта Ридигера» [8], в которой он подробно, с чертежами объяснил свои действия, считая, что это может «послужить в пользу военного инженера». В ней перепечатано выданное Далю генералом Ридигером «Свидетельство» об этом важном событии, повлиявшем на дальнейший ход кампании [445].

Генерал сообщает, что его корпус должен был переправляться через Вислу, чтобы зайти в тыл к противнику. При этом «обстоятельства требовали совершить переправу с возможной поспешностью», но не было ни инженерных офицеров, ни команды мастеровых, ни запаса материалов. «При таковом положении дел, — пишет Ридигер, — зная особенную ревность к службе и способности доктора медицины Даля, служившего во флоте лейтенантом и находившегося с 1829 г. под моим начальством при войсках медиком, я поручил 1-го июля ему, совместно с штабс-капитаном Генерального штаба Семякиным,

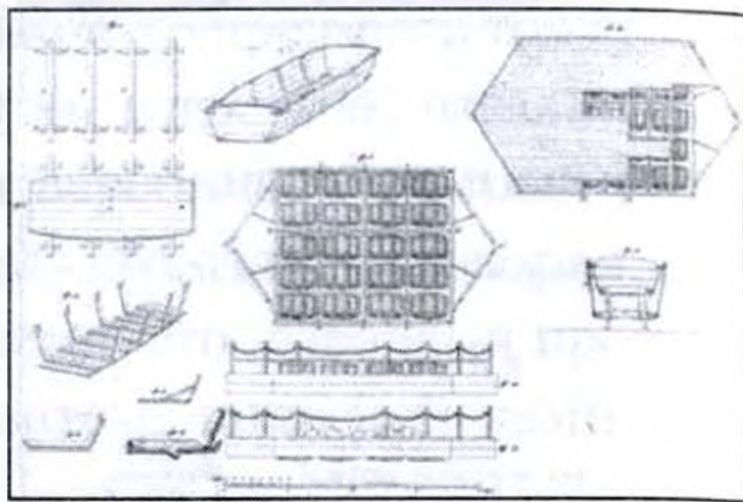

составить проект моста и, пока будут собраны материалы, обучить избранных из полков людей мастеровым работам».

«Доктор Даль, — продолжает Ридигер, — приискав около с. Ванвольни-

цы небольшое озеро, построил на оном в течение семи дней двенадцать больших и две малых лодок и паром на бочках, необходимые для первого десанта и для употребления для наведения моста; обучил гребцов и показал способы закидывать якоря и вязать плоты. Когда же нужное количество материалов было собрано и место для постройки моста обозначено при с. Юзефове, то лодки и паром сухим путем перевезены туда и спущены на Вислу. При сем доктор Даль управлял лично 17-го июля своею флотилиею при первом десанте войск на левый берег Вислы и при переправе четырех орудий. Постройка моста произведена столь успешно, что 25-го июля корпус перешел Вислу со всеми тяжестями и артиллерией» [8, с.43].

Очень любопытен конец рассказа Даля. Как только по собранному из подручных средств понтонному мосту перешли гарнизон и артиллерия, появился преследующий их вражеский отряд и тоже вступил на мост. Необходимо было помешать переправе. В.И. Даль пишет: «Я

Чертеж из «Описания моста»

Ф.В. Ридигер

был оставлен на мосту с пятнадцатью человек отборной команды моей для уничтожения его вслед за перешедшим по нем гарнизоном нашим. Но офицеры польские, числом до десяти, поскакавшие вперед, окружили меня и в недоумении закидывали вопросами. Я считал себя пленным; но как мне о том не объявляли, да и вообще недоумение, смятение, радость о мнимой дешевой победе и занятии переправы, и беспорядок в толпах мятежных войск господствовали в странном смешении, то я, воспользовавшись тем, что неприятель не мог еще знать настоящего назначения моего, сказался медиком, коего больные и раненые оставались в занятом неприятелем Казимирже, — что и действительно было справедливо, — и просил позволения, на случай, если неприятель долго простоит в занятых укреплениях, навестить своих больных. Получив на это согласие, я поклонился и отошел скоро на несколько десятков шагов от них по мосту, бросился через перила одного на плоты; Забалканского полка волтижеры за мною, и мы, последовательно перескакивая с плота на плот, в миг перерубили одиннадцать перлиней (канатов). Офицеры польские подняли крик, провожая нас по мосту, но скоро увидев, что мост ломается с треском, бросились назад... Мост, лишенный значительного числа твердых точек своих, быстрым течением согнуло, сломило и понесло вниз по реке. В бессильной мести своей взяли поляки на себя труд изрубить оставшийся конец моста и распустить его по бревну!» [там же, с.35-37]. Тем самым В.И. Даль спас свой отряд и преградил путь следовавшему по пятам неприятелю, который затем был разгромлен. За этот подвиг он был награжден орденом Св.Владимира 4-й степени.

Несколько месяцев спустя один из польских офицеров, не зная, кто его собеседник, рассказал Далю, что командир, позволивший уничтожить мост, с трудом избежал расстрела, и добавил: «А если бы офицер, ушедший из рук наших и под ногами нашими срубивший мост, попался тогда же, то не избежать бы ему пули в лоб» [там же, с.41].

Следует заметить, что статья Даля с описанием моста, наведенного через Вислу в 1831 г., не осталась забытой специалистами: в 1864 г. она была полностью перепечатана в «Военно-инженерном журнале». В предисловии к публикации говорится: «Всякий истинно военный человек, хорошо знакомый с событием, наверное, согласится, что ни одна, может быть, переправа через большую реку в виду неприятеля не исполнялась и так успешно еще при подобном отсутствии средств, и материальных, и технических: все это заменялось дарованиями доктора Даля. В Истории военной литературы нет более обстоятельного — и научного, и картинного — описания большой переправы, как рассматриваемое нами, сделанного разносторонне образованным человеком и, притом, морским офицером... У доктора Даля технические подробности, строго последовательный порядок изложения всех действий переправы и поучительные военные эпизоды, встречающиеся местами, делают его военно-ученую статью достойною второго и даже более изданий».

В польской кампании участвовал и погиб при взятии Варшавы любимый брат В.И. Даля Лев. Для него это было тяжелым ударом. В своей статье он писал: «Приступ Варшавы отзывался и у нас, у Казимиржа.

Глухой стон и рокот слышен был в особенности в моей землянке. Я не думал тогда, что один из сих ударов, глухо отдаленное подземелье мое потрясающий, будет стоять мне — брата!» [8, с.32].

Е.В. Даль писала: «Льву было двадцать четыре года, когда его убили. Отец всю жизнь с горем вспоминал о нем, прибавляя, что это был человек мягкий, редкого ума, честности и храбрости. Что несмотря на свое небольшое образование, он ушел бы далеко» [264, с.110].

Петербург. Медицина и литература

Как сказано в формулярном списке, 8 января 1832 г. В.И. Даль «по окончании походов возвратился в пределы Империи», а 21 марта был назначен ординатором Санкт-Петербургского военного госпиталя. Начался новый, хотя и недолгий, но очень важный период жизни, когда определилась его дальнейшая судьба, как профессиональная, так и личная. В это время окончательно оформились медицинские и литературные взгляды Даля.

Переезд в столицу радовал его. Свою первую научную статью «Слово медика к больным и здоровым» [4], опубликованную в газете «Северная пчела», он начал словами: «Не слезая почти три года сряду с казенного седла, устанешь и захочешь успокоиться. Желания мои исполнились, и я, наконец, после долгих переворотов вступил опять в состав мирного гражданского общества, принадлежу снова званию своему, от которого на коне и в биваке легко отвыкнуть и отстать». Под статьей он поставил подпись: «Владимир Луганский, отставной флота лейтенант и доктор медицины».

Звание врача требовало от него напряженной работы в госпитале. «Здесь, — писал П.И.Мельников-Печерский, — он трудился неутомимо и вскоре приобрел известность замечательного хирурга, особенно окулиста. Он сделал на своем веку более сорока одних операций снятия катаракты и вполне успешно. Замечательно, что у него левая рука была развита настолько же, как и правая. Он мог левою рукой и писать и делать все, что угодно, как правою. Такая счастливая способность особенно пригодна была для него как оператора. Самые знаменитые в Петербурге операторы приглашали Даля в тех случаях, когда операцию можно было сделать ловчее и удобнее левою рукою» [384, с.XXXIII].

В составленной Далем «Росписи» его сочинений², которая сохранилась в архиве Академии наук, упоминается статья о глазных операциях («Мои операции катаракты»), опубликованная в 1832 г. «в одном из немецких журналов в Берлине». Здесь же сделана приписка: «Сам не видел, по слухам».

Занимаясь с успехом практической хирургией, В.И. Даль много размышлял и о медицинских проблемах общего характера. Как и многих современных ему врачей, его серьезно беспокоило злоупотребление лекарственными препаратами, приносящими пользу далеко не всегда. Об этом говорится в упомянутой статье «Слово медика к больным и здоровым». Даль обращает внимание читателей на правильное, по его убеждению, высказывание в одном научном журнале о том, что в медицине господствует «превратное, зловерное, искаженное направление», основанное на применении множества пилюль, порошков, микстур, которыми «легко потрясти силу животную до такой степени, что она не в состоянии более будет защищать и удерживать самостоятельность свою». Даль соглашается с мнением, что «творческой силы в микстурах, и самых драгоценных, не бывает», что «врач — слуга природы, а не господин ее», и признает, что, к сожалению, «врачи не знают природы, не знают болезни».

В то же время, ссылаясь на свой опыт, он приводит примеры того, как больные или их родственники вынуждают врача прописывать им лекарства, хотя он твердо убежден, что эти средства «бесполезны, тщетны, даже вредны». Он пишет: «Я должен, я нахожусь в необходимости прописывать, если не хочу отказаться от звания своего! Кто в кони пошел, тот и воду вози». Даль видит в этом причину недовольства многих русских врачей, а то, что «французские врачи всегда веселы и совершенно собой довольны», подтверждает, по его мнению, их «бессовестную самонадеянность».

О себе Даль говорит, что обращается с больными «честно, открыто». «Прописываю мало и редко, —

пишет он, — и восхищаюсь, созерцая все величие и силу матери Природы, которая, особенно в острых болезнях, упорствуя в борьбе таинственной с болезнью, с погрешностью больного и медика, остается нередко победительницей».

Даль убежден «в том, что мы девяносто девять рецептов пишем если не вредных, то по крайней мере бесполезных, а один путный». Поэтому он стремится убедить читателя, больного и здорового, не злоупотреблять лекарствами и тем самым надеется способствовать «сохранению долголетия его и благоденствия». Чтобы придать вес своим рекомендациям, он напоминает, что статья написана медиком, «который из любви и пристрастия к нынешнему званию своему уже в зрелые годы посвятил себя оному и выменял саблю и эполеты на диплом доктора медицины» и который «никогда не имел случая сожалеть, что сделал шаг этот».

Дежурства в госпитале и врачебная практика отнимали у В.И. Даля много времени и сил, но молодой, веселый человек не чуждался общества. В Петербурге у него было немало родственников по материнской линии, а круг знакомых быстро расширился. Впоследствии академик Я.К. Грот вспоминал, что его первая встреча с Далем произошла в это время «в одном купеческом доме, именно у Я.А. Шредера, в семействе которого любили русскую литературу», и он произвел на него и на всех присутствующих «сильное впечатление». «В молодости Даль, — писал Грот, — обладал, между прочим, талантом забавно рассказывать с мимикой смешные анекдоты, подражая местным говорам, пересыпая рассказ поговорками, пословицами, прибаутками и т.п.

В тот вечер... он был, что называется, в ударе: слушатели, особенно молодежь, хохотали до упаду» [256, с.38].

Больше всего привлекало В.И. Даля общение с литераторами, в круг которых он вошел сразу, благодаря завязавшемуся еще в Дерпте знакомству с наиболее в то время авторитетным из них В.А. Жуковским. Как пишет, основываясь на воспоминаниях самого Даля, П.И. Мельников-Печерский, «в Петербурге это знакомство перешло в тесную дружбу» [384, с. XXXV], благодаря которой Даль сблизился со многим писателями и познакомился с А.С. Пушкиным.

А.С. Пушкин

С великим поэтом его связал общий интерес к русской сказке, которая давала, по словам Даля, предлог познакомить читающую публику с русским словом, находившимся «в загоне», с народным языком, которому в сказке открывался «вольный разгул и широкий простор». Даль вспоминал, что виделся с Пушкиным в это время всего два или три. «Это было, — писал он, — именно в 1832 году, когда я по окончании турецкого и польского походов приехал в столицу и напечатал первые опыты свои. Пушкин, по обыкновению своему, засыпал меня множеством отрывчатых замечаний, которые все шли к делу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что казалось, у всякого из нас на уме вертится и только что с языка не срывается». «Сказка сказкой, —

говарил он, — а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать, надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке. Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!» [441, т. 2, с. 261-262].

Слова Пушкина, цитированные Далем, были высказаны по поводу первой книги начинающего писателя, которая вышла в 1832 г. в типографии А.А. Плюшара под заглавием: «Русские сказки, из предания народного изустного, на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. Пяток первый». Каждая из сказок посвящалась близким людям В.И. Даля: первая — сестрам Паулине и Александре, вторая — другу по Николаеву, астроному К.Х. Кнорре, третья — юным дерптским приятельницам Катеньке Мойер и Машеньке Зонтаг, внучатым племянницам В.А. Жуковского, четвертая — поэту Н.М. Языкову и всем товарищам из профессорского института при Дерптском университете, пятая — однокашникам по Морскому кадетскому корпусу П.М. Новосильскому и Н.И. Синицину.

Однако сказки В.И. Даля не у всех встретили одобрение. В дневнике литератора А.В. Никитенко, в то время цензора, 26 сентября 1832 года появилась запись: «Новое гонение на литературу, нашли в сказках Луганского какой-то страшный умысел против верховной власти и т.д.» [397, №8, с. 59]. Сам он считал, что это «не иное что, как иная русская болтовня о том, о сем» и

что «достоинство их в народности рассказа», однако «люди, близкие ко двору, видят тут какой-то политический умысел» [там же].

И, действительно, уже 7 октября управляющий III отделением императорской канцелярии А.Н. Мордвинов писал находившемуся в отъезде шефу корпуса жандармов и начальнику III отделения А.Х. Бенкендорфу: «Наделала у нас шуму книжка, пропущенная цензурою, напечатанная и поступившая в продажу. Заглавие ее: «Русские сказки Казака Луганского». Книжка напечатана самым простым слогом, вполне приспособленным для низших классов, для купцов, солдат и прислуги. В ней содержатся насмешки над правительством, жалобы на горестное положение солдата и пр. Я принял смелость поднести ее Его Величеству, который приказал арестовать сочинителя и взять его бумаги для расследования» [414, с.412].

Арест был недолгим. Сам Даль записал в автобиографии, что он напечатал сказки, «за кои взят жандармом без вреда и посажен в III отделение, откуда выпущен без вреда того же дня вечером» [256, с.40]. В другом месте он добавил, что Мордвинов объявил ему, ссылаясь на царскую волю, что «случай этот не будет иметь никаких вредных последствий и влияния на будущность» [162, с.183].

О причинах столь быстрого снятия с Даля подозрения в неблагомыслии биографы пишут по-разному, но сходятся на том, что главную роль сыграли его военные заслуги и ходатайство влиятельных друзей. Однако на В.И. Даля с его обостренным чувством собственного достоинства инцидент произвел немалое впечатление, которое не забывалось с годами.

Но из-за этого случая интерес общества к литературным произведениям В.И. Даля значительно возрос. «Имя Даля, — писал Я.К. Грот, — как и псевдоним его Казак Луганский, было у нас, начиная с 30-х годов, одним из самых популярных. С самого появления в литературе известность его быстро распространилась, благодаря, между прочим, неожиданному запрещению, которому подвергались изданные им в 1832 году сказки» [256, с.38].

Критика встречала публикации молодого писателя весьма доброжелательно. Так, после выхода в издательстве А.Ф. Смирдина сборника «Новоселье», в котором — наряду с поэмой А.С. Пушкина «Домик в Коломне», произведениями П.А. Вяземского, И.А. Крылова, Н.И. Греча, М.П. Погодина и др. — была напечатана сказка В.И. Даля о Емеле-дурачке [10], рецензент газеты «Северная пчела» писал в апреле 1833 г.: «Сказка о Емеле-дурачке, сочинение Владимира Луганского, испечена из ржаной русской муки и присыпана солью, но, кажется, не пересолена. Хотелось бы мне по-распространяться о сочинениях сего рода, но теперь не место и не время. Между тем я уверен, что многие и многие читатели «Новоселья» прочитают «Емелю» с удовольствием, а для нас это главное».

«Северная пчела» напечатала одобрительный отзыв и на первую часть «Былей и небылиц» [11] Даля, вышедшую весной 1833 г., а в мартовском номере (№ 66) была опубликована его интересная статья «О русских песнях И.А. Рупини» [12]. В ней В.И. Даль, рассматривая новый песенный сборник, пишет: «Слова и напевы народных песен, коих источник можно следить

только до целой страны или народа, где он уже теряется в толпе и отзывается везде и нигде, имеют одинаковое значение с тем, что древние так удачно называли Хорами трагедий своих: это глас народа. Словами и напевом такой песни говорит не частный человек, не мимолетная причуда, но целый народ и все. Вот почему они драгоценны всякому, кто умом и сердцем прирос к краю своему; вот почему в них отзывается для всякого туземца нечто давно знакомое; вот почему возмужавший в кругу не народном, т.е. не родном, чуждается песни родной и не постигает, для чего она сладка и утешительна собрату его».

Из сборника И.А.Рупини особое внимание Даль обращает на песню «Не шуми, мать зелена дубрава, не мешай мне добру молодцу думу думати». «Эта песня, — пишет он, — сложена, и слова, и голос, известным разбойником Ванькой Каином, и принадлежит, несомненно, к числу истинно народных песен, сочиненных без всяких познаний пиитики и генерал-баса, но вытесненных избытком чувств из груди могучей, из души глубокой, воспрянувшей при обстоятельствах необыкновенных». Интересно отметить, что эту же песню выделил А.С. Пушкин, который привел ее полностью в шестой главе «Капитанской дочки».

К началу 1833 г. относится коренной перелом во взглядах В.И. Даля на медицину: он стал приверженцем гомеопатии — учения немецкого врача С. Ганемана (1755—1843), которое завоевало в это время в России немало поклонников и вызывало яростные споры среди врачей. Даль еще в 1832 г. относился к гомеопатии скептически и в «Слове медика к больным и здоровым»

писал: «Сам я никогда по этому способу не пользую, ибо считаю звание свое превыше всех самохвальных обаятельных ухваток. Пыль в глаза пускать бывает нередко полезно, если это делается с разборчивостью; но с правилами каждого это не согласуется». Правда, и здесь он отмечал, что лечение гомеопатов «спасительнее нашего», так как они не отягощают организм больного избыточными лекарственными средствами.

В начале 1833 г. в журнале «Сын отечества» (№№ 13-14), в разделе «Медицина» появились большая статья за подписью В. Луганского [9], в которой подробно и «к подлиннику близко» излагалось содержание вышедшей в 1830 г. немецкой книги, написанной гамбургским врачом Ф.А. Симоном и посвященной критике учения Ганемана. Далю книга очень понравилась, тем более, что автор был известен как «критик остроумный и глубокомысленный». Он решил познакомить с ней «мыслящего и благонамеренного читателя», поскольку, по его словам, «гомеопатия и поборники ее сделали причастниками всеобщего внимания» [там же, т. 34, с. 348].

Суть гомеопатии Даль излагает в саркастическом тоне, называя Ганемана — вслед за Симоном — «лжемессией» медицины, «рассказчиком Шехерезады», «шаманом», а его основной труд «Органон врачебной науки» — «достойнейшим исчадием гусиного пера нашего века» и «мастерским набором хлама из лоскутного ряда науки врачевания». Он сочувственно повторяет возражения Симона на упрек, который сделал Ганеман традиционной медицине, будто бы в ней всегда «царствовали одни только умозрения и догадки», и «ни один врач не шел путем опыта». По мнению критика, «все науки лечеб-

ные возродились первоначально из опытов случайных и умышленных; открытию лучших средств наших и снадобий обязаны мы сим источникам; гораздо позже опытные истины были собраны людьми мыслящими и составили нечто целое, заслуживающее название Науки» [там же, с.358]. Ответы же Ганемана, по мнению Симона, не стоят ломанного гроша, и он приходит к выводу, что нет ничего общего между медициной гомеопатов и нашей, да и быть никогда не может, ибо «между истиной и ложью, правдой и неправдой нет связи, нет середины; это вечные противники и противоборцы».

Даль, казалось бы, не возражает против оценки труда Ганемана как «памятника заблуждений ума человеческого», «жалкой, безрассудной переимчивости и страсти к новизне немалого числа современников». Однако он четко формулирует основные правила гомеопатического лечения:

«Должно испытывать снадобья на здоровых; припадки и явления, ими в здоровом человеке рождаемые, суть единственный оселок целебной силы их;

Для постоянного, успешного и отрадного исцеления должно всегда избирать снадобье, призывающее всегда в здоровом недуг, подобный тому, какой исцелить желаем;

Всякое болезненное изменение жизненных сил вполне уничтожается вторым сильнейшим впечатлением, сходным с первым в явлениях, но разнствующим сущностью».

По-видимому, эти правила заставили его размышлять, тем более, что он и сам видел недостатки общепринятых методов лечения.

А.А. Перовский. Худ. К.П. Брюлов

Сторонником гомеопатии В.И. Даль стал, как он вспоминал позднее [48, с.13-14], под влиянием Алексея Алексеевича Перовского (1787—1836), популярного писателя, известного под псевдонимом Антония Погорельского, автора романа «Монастырка», повести «Лафертовская маковница», сказки «Черная курица» и др. А.А. Перовский, по словам Даля, держался учения гомеопатов «с твердою, непоколебимою уверенностью» и когда в 1832—1833 гг. их «свела судьба», это учение стало предметом долгих споров между ними. Даль, автор статьи, в которой гомеопатия была выставлена «во всей наготе ничтожества», не хотел менять взглядов. «Написав и напечатав подобную статью, — вспоминал он, — право, труднее убедиться в несправедливости своей и покаяться, признав всенародно вину свою» [там же, с.13]. Однако Перовский настоял, чтобы он проверил действие гомеопатических средств на себе, и Даль, проведя многочисленные опыты, пришел к «совершенному убеждению» в его правоте. Успешные опыты на больных сделали его горячим сторонником гомеопатии, которую он применял и защищал в письмах к своему другу К.К. Зейдлицу [17], а позднее к В.Ф. Одоевскому [48].

Из-за беспорядков, которые В.И. Даю пришлось наблюдать в госпитале, из-за царившей там бюрократии усиливалось его разочарование в официальной медицине, о чем, вспоминая его рассказы, писал впоследствии Д.И. Завалишин [283].

Все это вызывало у Даю недовольство собой и желание переменить род деятельности. Одно время у него была надежда занять в Дерптском университете кафедру русского языка и словесности, но, хотя он уже получил достаточную известность в этой области, по формальным причинам план расстроился [384, с. XXXIX].

Другая возможность появилась в результате неожиданного стечения обстоятельств: 20 марта 1833 г. в далеком Оренбурге скоропостижно скончался военный губернатор П.П. Сухтелен (1788—1833), а на его место 13 апреля был назначен брат А.А. Перовского генерал-адъютант В.А. Перовский (1795—1857) [405]. Он предложил В.И. Даю должность чиновника особых поручений при оренбургском военном губернаторе и получил его согласие.

Василий Алексеевич Перовский, блестящий тридцативосьмилетний придворный, имел к тому времени богатую яркими событиями биографию. Участник войны с Наполеоном и турецкой кампании 1828—1829 гг., он прошел французский плен, получил тяжелое ранение под Варной и был удостоен высоких воинских наград. Много лет В.А. Перовский был адъютантом великого князя Николая Павловича и после декабрьских событий 1825 г. неожиданно оказался приближенным к императорскому двору. Питомец московского универси-

тета, он принадлежал к числу наиболее просвещенных людей столицы, а душевная дружба с В.А. Жуковским тесно сблизила его с кругом писателей.

Перовского не удовлетворяла жизнь в Петербурге. Независимый, прямой и резкий, он с трудом подчинялся светским ограничениям, а его огромная энергия требовала выхода в деятельности, не скованной рамками столичной службы. Назначение в Оренбург соответствовало его стремлениям. Должность военного губернатора и командира Отдельного Оренбургского корпуса давала ему не только свободу и власть, но и возможность проявить себя в роли государственного деятеля. Оренбургским краем ему предстояло управлять два срока: с 1833 по 1842 гг. и с 1851 по 1856 гг.

Оренбург, далекий пограничный город, привлекал внимание русского правительства как главный пункт торгового и политического общения с ханствами Средней Азии, где в это время усилилась активность Англии, стремившейся вытеснить Россию с восточных рынков. Кроме того, он был центром огромного края, еще не до конца освоенного, но сказочно богатого. Совсем недавно, в 1829 г. это подтвердил, познакомившись с Южным Уралом, всемирно известный ученый Александр Гумбольдт (1769—1859).

Вступая в новую должность, Перовский имел обширные планы, для осуществления которых требовались надежные помощники. Первым из них стал В.И. Даль.

Из хранящегося в Государственном архиве Оренбургской области дела, озаглавленного «Материалы о службе доктора медицины, чиновника особых поручений Владимира Ивановича Даля», мы узнаем, что по

просьбе Перовского Даль был 9 мая 1833 г. уволен из Санкт-Петербургского военно-сухопутного госпиталя и определен (с 8 мая) на должность чиновника особых поручений при Оренбургском военном губернаторе с жалованием по 1500 руб. в год¹ и чином коллежского ассесора, в котором утвержден 24 января 1834 г.²

В.А. Перовский

В мае Перовский направил в канцелярию петербургского военного губернатора отношение о выдаче Дально подорожной на три лошади на проезд до Оренбурга. Однако новоиспеченный чиновник особых поручений выехал позднее, отстав от Перовского, который прибыл на место и вступил в управление Оренбургским краем 9 июня 1833 г.³ Причиной задержки была свадьба В.И. Даля. К новому месту службы он прибыл с молодой женой Юлией Егоровной, урожденной Андре.

Рисунок А. Ф. Чернышева

ОРЕНБУРГСКИЙ ПЕРИОД

Оренбург

Новая служба привела В.И. Даля в незнакомую ему область России — в Оренбургский край, который поразила его своей необычностью. Первые впечатления он выразил в письме в столицу: «Край здешний представляет смесь необыкновенного, странного, многообразного, хотя еще дикого» [210, с.52].

Особые чувства вызвала у него оренбургская степь. Позднее, в повести «Бикей и Мауляна», чтобы составить у читателя представление о степном пейзаже, он предлагает ему, взяв в руки перо или карандаш и положив перед собой большой лист бумаги, сделать следующий рисунок: «Начните карандашом с одного конца и ведите прямо, до другого края бумаги, а потом подпишите выше черты: небо, а ниже земля, ...и вы познакомились с видом в зауральскую степь» [209, с.215-216].

Даль писал, что от Оренбурга и вниз по берегам Урала до Каспийского побережья «степь наша, сама при-

нимает вид сухого моря». Правда, выше — места разнообразные, частью гористы и лесисты, но бедный Оренбург, перенесенный с места на место до трех раз, судьбы своей не миновал: он наконец расположился в безлесной и голой пустыне».

Здесь же Даль привел историческую справку: «Оренбург был первоначально заложен на месте Орской крепости, потом перенесен туда, где ныне Красногорская, наконец, уже основался там, где стоит и поныне» [там же, с.216].

Действительно, город имел необычную историю [380]. Он возник на карте России в 1743 г., расположившись на границе с бесконечной степью, по которой кочевали киргиз-кайсаки, как тогда называли казахов. Поводом для его постройки послужило обращение к императрице Анне Иоанновне хана Малого киргизского жуза Абулхаира, принявшего российское подданство. Он просил возвести пограничную русскую крепость для защиты его народа от неприятелей и поддержки меновой торговли. Первоначально предполагалось построить эту крепость на реке Яик (теперь Урал) при устье ее притока Ори и поэтому ее заранее называли Оренбургом. Она была заложена на указанном месте в 1735 г. участниками специальной экспедиции, получившей сначала название «Известной», а затем «Оренбургской». Ее возглавил сподвижник Петра I, географ и картограф И.К. Кирилов (1688-1737). После его смерти начальником экспедиции, преобразованной в Оренбургскую комиссию, стал другой «птенец гнезда Петрова» В.Н. Татищев (1685—1750), видный дипломат и ученый, историк и географ. Он нашел место, выбранное для кре-

пости, неудачным и добился ее переноса на урочище Красная гора — ниже по течению Яика на 174 версты.

Здесь в 1741 г. Оренбург был заложен во второй раз. Но и этот выбор оказался неудачным. Первый оренбургский губернатор И.И. Неплюев (1693—1773) перенес строительство крепости еще ниже по течению Яика, избрав для него место близ устья реки Сакмары, где ранее располагалась Бердская крепость. Город под названием Оренбург был торжественно заложен в апреле 1743 г., а затем и построен именно на этом месте.

С самого начала своей истории город-крепость Оренбург стал важнейшим постом для охраны юго-восточной границы государства и главным центром дипломатического и торгового общения России с азиатскими странами. Здесь сходились пути караванной торговли с ханствами Средней Азии и велось управление киргизами — беспокойными поданными России, доставлявшими ей много хлопот. Кроме того, город был центром огромного Оренбургского края с неизмеримыми природными богатствами, освоение которых стало важной государственной задачей.

В первой половине XIX в. управление краем осуществлял оренбургский военный губернатор, одновременно являвшийся командиром Отдельного Оренбургского корпуса. Под его началом состояли также казачьи войска — Оренбургское, Уральское и башкиро-мещерякское. Местом его пребывания был Оренбург, тогда как гражданский губернатор со своими учреждениями находился в Уфе.

Военный губернатор имел широкие полномочия, касавшиеся как внутренней, так и внешней политики. Его власть распространялась на Южный Урал и Баш-

кирию, земли Уральского казачьего войска и Внутренней (Букеевской) киргизской орды, а также на зауральские киргизские степи.

Через оренбургского военного губернатора осуществлялись дипломатические связи России с ханствами Средней Азии. В Оренбурге располагался своего рода филиал Азиатского департамента министерства иностранных дел России. Специально киргизскими и среднеазиатскими делами ведало особое учреждение, подчиненное военному губернатору, — Оренбургская пограничная комиссия, созданная в 1799 г. Она играла весьма важную роль, потому что отношения с соседями были сложными. Приходилось улаживать постоянные междоусобицы у киргиз, которые, кроме того, часто действовали в интересах враждебного России Хивинского ханства.

С ним была связана главная забота: хивинцы не только мешали международной торговле, постоянно нападая на караваны бухарских и русских купцов, но и поощряли захват в плен русских подданных, которые затем продавались в рабство на невольничьих рынках Хивы и Бухары. Оренбургские власти вели непрерывную борьбу с этим преступным промыслом. Все случаи похищения людей строго учитывались, собирались сведения о дальнейшей судьбе пленников и казна отпускала специальные средства для их выкупа. Но, как правило, выкуп не удавался, и в 30-е годы XIX в. сотни людей из России находились в среднеазиатских ханствах на положении рабов без надежды вернуться на родину.

Все эти обстоятельства определяли полуторговый и полувойенный облик Оренбурга, состав и характер его населения.

Внешний вид Оренбурга был описан посетившим его в 1824 г. издателем «Отечественных записок» П.П. Свиным в очерке, который сопровождался рисунком автора [452]. На него город произвел самое отрадное впечатление. Поэтическим языком он обрисовал картину, которую видел подъезжающий к Оренбургу путешественник: «На

прекрасном возвышении, склоняющемся ровным, едва приметным скатом от крутизны каменного берега, видите вы

Вид Оренбурга в 1824 г. Гравюра по рисунку П.П. Свинына

крепкие, увенчанные дерном стены, из-за которых поднимаются верхи строений и колокольни церквей. За ними открываются: сия живописная крутизна и зелень рощи, осеняющей воды Урала; вправо — Голубиная слободка, в разительной противоположности с гордыми каменными твердынями; разные загородные строения, военная больница и губернаторский сад, украшенный павильоном; влево — Форштадт, кладбище, ветряные мельницы и за всеми сими предметами — Зауральская степь, необозримое зеленое поле, ограниченное цепью дымоподобных холмов, а посреди сего — Меновой двор, огромное белокаменное здание, вокруг которого роятся киргизские табуны и стада» [там же, с.13-14].

Радовал приезжего и внутренний вид крепости. «При въезде в город, — пишет Свиный, — приятно видеть точную правильность кварталов и улиц; чистоту сих

последних, которые по сухости грунта вместо мостовых усыпаны только песком; пленительную опрятность домов, большей частью деревянных, оштукатуренных; начало великолепного каменного тротуара на большой улице и ряды молодых деревьев, насаженных перед домами... Город разделен на прямоугольные кварталы и в середине своей заключает чистую площадь, на коей находится главная гауптвахта и бывают разводы Оренбургского гарнизона» [там же, с.14-15].

Свиньин описывает городские церкви, наиболее заметные каменные здания, места прогулок горожан. Особенно понравилась ему Зауральная роща. «В Оренбурге, — пишет он, — есть превосходное гульбище в летнюю пору. Это старая роща, осеняющая под самым городом противоположный ему низменный берег. Три прямые аллеи, идущие по разным направлениям от одного пункта и соединенные между собой множеством английских дорожек, разделяют ее на четыре части чрез всю ее широту; две другие аллеи, защищенные от солнца самыми сенистыми деревьями, расположены по направлению берега, и все они сходятся на прекрасной площадке, с которой открывается прелестный вид на гору и реку. Гуляющий в роще на каждом шагу встречает что-либо приятное: здесь самородный пруд, чрез который перегибаются два красивых мостика; там в разных местах, под сенью старых ив, осокорей и вязов, затейливые беседки, деревянные скамейки и дерновые канапе для отдохновения; всюду, наконец, прохлада, свежесть, чистота... Здесь летом в воскресные дни играет подковная музыка и становится тесно от гуляющих. Паром и лодки беспрестанно перевозят их чрез

Урал из города и в город, и красный утесистый берег оживляется рассыпанными по нем группами» [там же, с.19-20].

Незадолго до Свиньи́на Оренбург посетил путешествовавший по России император Александр I и освободил город от военного постоя. Это важное событие, еще волновавшее горожан, находит отражение в очерке.

Автор старается показать особый характер Оренбурга, непохожего на другие русские города. Он замечает: «Оренбург — город военный: на каждом шагу встречаются в нем солдаты, казаки, пушки, платформы и другие грозные принадлежности крепостей. Сверх пехотного и казачьего полков и артиллерийской роты, составляющих постоянный гарнизон крепости, ежегодно приходят сюда (для содержания летних кордонов в ее окрестностях, не совсем безопасных от киргизских набегов) казаки, мецгеряки и башкирцы от всех концов Оренбургского края, рота казачьей артиллерии и один из двух тептярских полков, — так что число всех войск, находящихся летом в городе и в ближайших его окрестностях, простирается до 3500 человек регулярных и до 6000 человек иррегулярных» [там же, с.23-24].

Оренбург как центр международной торговли отличается многонациональным составом населения. На это обращает внимание Свиньин, отметив, что «различие языков, одежд и обыкновений представляет в сем городе весьма занимательные картины» [там же, с.34]. Среди торгующего сословия он выделяет татар и бухарцев. «Более всех замечательны в Оренбурге, — пишет он, — татары, составляющие особый и значительный класс

обывателей... Как в больших европейских городах повсюду слышен язык французский, так в столице Оренбургского края татарский между низшими сословиями не уступает в употребительности своей русскому» [там же, с.34-35]. Бухарцы, которые «оставили свое отечество для того, чтобы жить и торговать в Оренбурге», населяют вместе с татарами улицу, «посреди которой возвышается каменная мечеть».

Торговля с азиатскими купцами происходила летом на находившемся за городом Меновом дворе, а зимой — в Гостином, «построенном почти в самой середине города». Свиньин красочно описывает это важное для Оренбурга сооружение: «Снаружи он более похож на городскую

Общий вид Оренбурга в 30-х годах XIX в.
Рисунок В.В. Дорофеева

тюрьму, нежели на торговое место; ибо открытая сторона лавок находится внутри двора, так что с улиц гостиный двор представляет одни только стены. В самой середине одного находится пограничная таможня — старинное здание, пост-

роенное, по-видимому, без малейшего пособия архитектуры. Над одними из ворот, ведущих в Гостиный двор, возвышается церковь Вознесения, а над другими, противоположными первым, башня с часами. Сии последние ворота ведут на довольно обширную площадь, обставленную множеством деревянных лавочек с мелочными товарами и называемую базаром. Здесь останавливаются обозы, приходящие из окрестных селений с

жизненными припасами, как то: мукою, овсом, илецкой солью, огородными овощами и пр.; здесь же толкучный рынок, на котором по вечерам народ толпится и жужжит, как пчелиный рой» [там же, с.30-31]. Свиныин сообщает и о занятиях ремесленников Оренбурга, отдавая ему предпочтение перед многими губернскими городами, «наполненными странствующими мастеровыми, художниками и шарлатанами всякого рода». Он пишет: «Здесь могут сшить порядочную пару платья, починить часы, сделать мебель и тому подобное. Всего приятнее видеть здешнего мастерства зимние и летние экипажи. Чистотою отделки не уступают они, по моему мнению, никаким на свете. Может быть, спросят: кто занимается здесь работою экипажей? Отвечаю: солдаты. На полковом и артиллерийском дворах учреждены большие мастерские, где при множестве казенных занятий находят время отдыха для работ по заказу и на продажу» [там же, с.32-33].

Картина жизни города, обстоятельно нарисованная П.П. Свиныиным в 1824 г., вряд ли сильно изменилась и через девять лет, когда в Оренбург приехал В.И. Даль. О том, как выглядел город в это время, сказано в работах В.В. Дорофеева [272-277]. На основании внимательного изучения архивных материалов ему удалось реконструировать многие здания старого Оренбурга и достоверно представить его общий облик. Рисунки и чертежи В.В. Дорофеева даются в этой книге со ссылкой на автора.

Увидеть Оренбург глазами В.И. Даля помогает описание, которое дал его друг, геолог Г.П. Гельмерсен, хорошо знавший город.

Г.П. Гельмерсен

Выдающийся ученый академик Григорий Петрович Гельмерсен (1803–1885) получил образование в Дерптском университете, где познакомился и подружился с В.И. Далем. Еще в студенческие годы он побывал в экспедиции на Урале, а в 1828 г. вместе с Э.К. Гофманом был командирован на год в Оренбург для геологических

исследований по широкой программе. В это время произошла их встреча с А.Гумбольдтом, которого они сопровождали по территории Оренбургского края. Позднее Г.П. Гельмерсен основательно изучал Южный Урал, Алтай и Зауральские степи, подолгу задерживаясь в Оренбурге. В его книге «Путешествие на Урал и в киргизские степи в 1833 и 1835 годах» [531], наряду с обзором природы исследованного региона и результатами геологических наблюдений, приводится подробное описание Оренбургской крепости.

Г.П. Гельмерсен писал: «Оренбург, как известно, — это единственная настоящая крепость на русско-азиатской границе от Каспийского моря до Иртыша. Все остальные так называемые крепости не имеют совсем или имеют только легкие полевые укрепления. Поэтому Оренбург один смог противостоять атакам неистового Пугачева, который обстреливал город с церковной колокольни, которая находится восточнее в казачьем Форштадте.

Стены крепости возведены большей частью из того же красного песчаного камня, на котором расположен город, и имеют четверо ворот; на востоке — Орские, на севере — Сакмарские, на северо-западе — Чернореченские и на западе — Водяные ворота. Против первых и третьих из этих ворот на небольшом

Сакмарские ворота Оренбургской крепости.

Рисунок В. В. Дорофеева

расстоянии расположены два предместья, некоторые казенные постройки и несколько загородных домов высокопоставленных жителей. Улицы широкие, прямые и пересекаются под прямыми углами.

Дома, за немногими исключениями, одноэтажные и большей частью из дерева. Многие значительные казенные постройки, как гарнизонные казармы, жилища некоторых военных начальников, Неплюевское училище и один-два частных дома построены из камня и имеют два этажа. В центре города находится просторная четырехугольная площадь, на которой проводятся смотры гарнизона. С трех сторон она окружена большими каменными строениями, среди которых просторный манеж; но на четвертой стороне видны убогие деревянные хижины, в которых живут бедные татары, что составляет резкий контраст...

Среди значительных построек заслуживает упоминания Гостиный двор, очень большой каменный четырехугольник с двумя входами, которые от внешней слепой стены ведут во внутреннее пространство к рядам лавок.

Часть этих лавок занята исключительно бухарскими купцами и отделена от остальных. Здесь сидит со скрещенными ногами и завер-

Гостиный двор.

Рисунок В. В. Дорофеева

нутый в белую мантию равнодушный бухарец в окружении продуктов своего отечества и уделяет покупателю столь мало внимания, что не встает, не приветствует его и даже на вопрос о цене едва дает ответ на ломаном русском языке» [там же, с.150-153].

У Даля внешний вид Гостиного двора, одного из старейших городских сооружений, вызывал мрачные мысли. Он писал: «В Оренбурге есть и Гостиный двор, но это огромное здание более походит на арестантский двор или на монастырь; лавки все обращены внутрь, а с наружи видны только стены; все глухо, пусто, мертво, и покупщики неохотно туда заходят» [209, с.214]. Значительно позже Гостиный двор был перестроен, и вместо глухой стены появились двухэтажные магазины.

Гельмерсен пишет далее: «В Оренбурге насчитывается пять русско-греческих церквей, одна протестантская, временная католическая и одна мечеть. Шестая греческая церковь расположена в так называемом казачьем Форштадте, перед Орскими воротами и приобрела историческое значение, о чем я упомянул выше» [там же]. О том же впоследствии рассказывал и Даль, описывая в «Бикее и Мауляне» вид Оренбурга с левого,

пологого берега Урала, где «зеленилась рощица, одна-одинехонька в обширной степи». Он писал: «На противоположном, крутом, европейском берегу реки высились несколько каменных зданий, разрушающийся губернаторский дом, собор, а повыше, в Форшдтате, церковь Георгиевская, знаменитая тем, что Пугачев во время приступа к Оренбургу употребил колокольню Георгиевскую вместо барбета: он втащил на нее пушку, из которой стрелял, за неимением снарядов, пятаками. Это обстоятельство, сказывают, хорошо помнит один почтенный старец, которого строгий, тогдашнего века отец больно высек, чтобы восьмилетний ребенок, бегавший без спросу собирать пятаки, помнил Пугачева. Так в старину секли у нас ребятишек на меже, чтобы они помнили грани» [209, с.215].

Гельмерсен обратил внимание на архитектуру Вознесенской церкви при Гостином дворе. Она была, по его словам, «построена в благородном стиле, хотя очень проста. При ближайшем рассмотрении знаток увидит, что отношения, которые даны отдельным ее частям, очень хорошо продуманы и расположены со вкусом» [531, с.152].

Две церкви, находившиеся на высоком берегу Урала, Преображенская и Введенская, не имеют, как ему казалось, большой архитектурной ценности, но «служат жителям степи как маяки мореплавателям».

Важное значение для торговли с восточными соседями имел находившийся за Уралом Меновой двор, который составлял неотъемлемую часть Оренбурга. В 1827 г. в журнале «Отечественные записки» появился очерк оренбургского писателя А.П. Крюкова, описавшего

Меновой двор и происходивший в нем торг во всех подробностях.

Позднее наглядное представление о Меновом дворе дал в своем «Топографическом и статистическом описании Оренбургской губернии» [268] И.Л. Дебу, прослуживший в должности гражданского губернатора с 1827 по 1832 гг. Он писал: «В 1788 г. в двух верстах от нынешнего города, за рекою Уралом, следственно на левой стороне, в киргиз-кайсацкой степи основан Меновой двор, где производится торг с азиатскими народами. Он обнесен каменною стеною, а для въезда и выезда построено двое ворот со сводами и достаточное число лавок и амбаров внутри двора, который имеет фигуру четырехугольника с бастионами по углам.

Под воротами с западной стороны находилась пограничная таможня, перемещенная ныне к северной стороне. Внутри Менового двора построен особый четырехугольный же двор, именуемый азиатским, который имеет также двое ворот, из которых над западными построена церковь во имя св.Захария и Елизаветы» [там же, с.95].

Красочным рассказом о прибытии торгового каравана на оренбургский Меновой двор начинается повесть В.И. Даля «Бикей и Мауляна».

Учреждением, оказывающим существенное влияние на общественную жизнь Оренбурга, являлось Неплюевское военное училище [386, 453]. Оно было официально открыто 2 января 1825 г., но этому предшествовала длительная подготовка. Начало ей положил императорский рескрипт 1801 г. об учреждении дворянских военных училищ в ряде губерний, в том числе Оренбург-

ской [238]. В 1806 г. военный губернатор Г.С. Волконский начал сбор пожертвований на заведение в Оренбурге училища, названного в честь И.И. Неплюева, в котором «обучаться будут войска оренбургского казачьи, башкирские, тептярские, мещеряцкие и всех азиатцев дети»⁴. В 1824 г., когда собранная сумма достигла 152 тысяч рублей, был составлен проект, по которому училище относилось к типу кадетских корпусов и должно было «способствовать сближению азиатцев с русскими, внушать первым любовь и доверие к русскому правительству и доставлять этому отдаленному краю просвещенных чиновников по разным частям военной и государственной службы» [386, с.193]. Оно стало одним из первых военных училищ, где среди главных предметов обучения значилась восточные языки. Проект открытия Неплюевского училища был Высочайше утвержден 9 февраля 1824 г. Первым его директором стал начальник инженеров Отдельного Оренбургского корпуса полковник Г.Ф. Генс. При военном губернаторе П.П. Сухтелене программа обучения была усовершенствована. Для преподавания восточных языков его стараниями из Казани был переведен образованный востоковед П.И. Демезон. Директором был назначен инженер-капитан К.Д. Артюхов, а Г.Ф. Генс — попечителем училища.

В 1832 г. при Неплюевском военном училище было открыто Девичье училище «для обучения дочерей солдат и неимущих людей всякого состояния».

В.А. Перовский, отправляясь в Оренбург, постарался подобрать себе ближайших сотрудников в столице. Кроме В.И. Даля, с ним приехали камер-юнкер Н.Н. Ду-

расов и молодой чиновник И.В. Лебедев, который занял должность секретаря его канцелярии. Но в Оренбурге он встретил людей, ставших его надежными помощниками и единомышленниками. В их числе был, например, А.И. Серeda, возглавивший его канцелярию и помогавший осуществлять чрезвычайные полномочия военного губернатора, и Г.Ф. Генс [377, 454, 523].

Генс Г.Ф.

Григорий Федорович Генс (1787—1845), которого считали «одним из умнейших и замечательнейших людей края» [333, с.12], уроженец Дерпта, учился в Инженерном корпусе в Петербурге и, окончив его в 1807 г., был назначен в инженерную команду Отдельного Оренбургского корпуса. В Оренбурге он прослужил до конца жизни. В 1814—1815 гг. как наиболее подготовленный для топографических и картографических работ офицер участвовал в экспедиции к открытым в верховьях реки Каратургай залежам свинца [380, с.243-264]. В 1820 г. стал начальником инженеров Отдельного Оренбургского корпуса, в 1824 г. был определен, при сохранении прежней должности, директором Неплюевского военного училища, в 1825 г. назначен председателем Оренбургской пограничной комиссии и возглавлял ее до ухода в отставку в 1844 г. Г.Ф. Генс оставил о себе добрую память безупречной честностью и умением разумно и справедливо решать спорные воп-

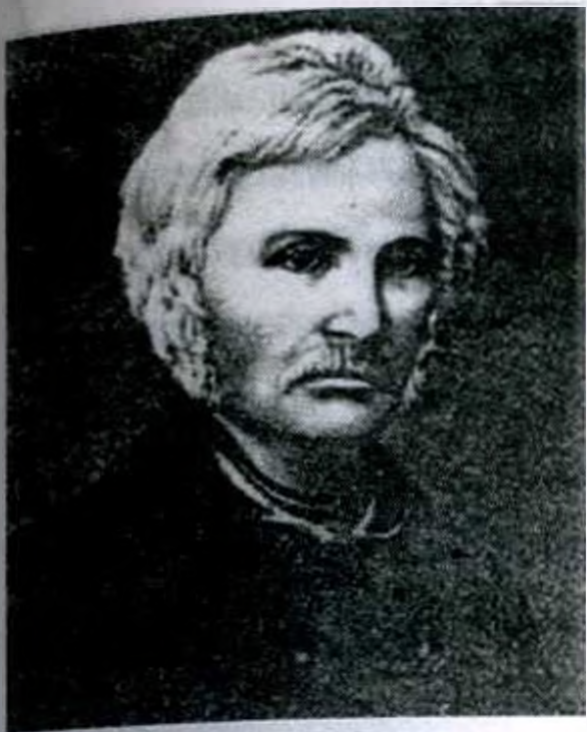

росы пограничной жизни. Обладая огромным запасом исторических и естественнонаучных сведений об Оренбургском крае и Средней Азии, собиравшихся в течение долгих лет, Г.Ф. Генс пользовался среди современников репутацией вдумчивого исследователя и был отмечен А. Гумбольдтом, посетившим Оренбург в 1829 г.

Как видно из отчета В.А. Перовского по управлению Оренбургским краем с 1833 по 1842 г., который хранится в рукописном отделе РНБ в Петербурге⁵, он приехал в Оренбург с уже готовой программой действий. Важное место в ней занимало научное исследование Южного Урала и зауральских степей, а также ознакомление с далекими и закрытыми для европейцев ханствами Средней Азии. Эти задачи ставились здесь и раньше. Для их решения было немало сделано при военном губернаторе П.К. Эссене (1772–1844), который управлял краем в 1817–1830 гг. В частности, он оказал поддержку молодому немецкому ученому Э.А. Эверсману, который в 1821 г. стал оренбургским жителем и внес важный вклад в изучение природы края [248, 348, 510, 519].

Эдуард Александрович Эверсман (1794–1844) — член-корреспондент Петербургской Академии наук, выдающийся ученый-натуралист XIX в., сыгравший видную роль в развитии зоологии и экологии животных, родился в Германии, образование получил в Марбургском и Берлинском университетах. Он готовился к профессии горного инженера, но увлекался зоологией и задался целью совершить научное путешествие по неизведанным странам Азии.

Э.А. Эверсман

Путь туда Э.А. Эверсман решил начать с Урала, где в 1814-1820 гг. работал по приглашению русского правительства его отец, крупный металлург, основавший оружейную фабрику в Златоусте. Предварительно он прослушал курс на медицинском факультете Дерптского университета и, уже

имея ученую степень доктора философии, получил диплом доктора медицины. В Златоусте Эверсман занимался врачебной практикой и поисками возможности осуществить свой план. Она представилась в связи с отправкой в 1820 г. в Бухару через Оренбург русской дипломатической миссии под началом А.Ф. Негри. По ходатайству Эссена Эверсман был включен в её состав с тем, чтобы из Бухары самостоятельно продолжить путь в Центральную Азию. Хотя этот план не удался, и ему пришлось вернуться вместе с миссией, натуралистические наблюдения, проведенные им по пути, дали материал для книги «Путешествие из Оренбурга в Бухару» [528], которая была издана в 1823 г. в Берлине и принесла ученому европейскую известность.

По возвращении из Бухары в 1821 г. Э.А. Эверсман женился на дочери заслуженного генерала и крупного оренбургского землевладельца С.А. Мансурова и навсегда остался в России. Живя в Оренбурге, он

зимой практиковал как врач, а летом путешествовал, изучая природу Южного Урала и степных районов Оренбургского края. В этих исследовательских поездках им был собран богатейший материал для сочинений, позднее вышедших из-под его пера. В 1825 г. Э.А. Эверсман принял участие в военно-топографической экспедиции полковника Ф.Ф. Берга к северо-восточным берегам Каспийского моря, во время которой сделал ценные естественнонаучные наблюдения.

В Оренбурге он прожил до 1828 г., когда был избран профессором естественной истории Казанского университета и переехал в Казань. Посещая свое имение Спасское, он поддерживал связь с оренбургскими друзьями. Позднее в их число вошли В.А. Перовский и В.И. Даль.

По предложению Перовского Эверсман взялся за написание своего главного труда — трехтомной «Естественной истории Оренбургского края». Первая часть («Вступление в пробную естественную историю Оренбургской губернии, или общий взгляд на край Оренбургский в отношении к произведениям природы»), написанная на немецком языке, была переведена на русский В.И. Далем и с его примечаниями напечатана в 1840 г. в Оренбурге в типографии Отдельного Оренбургского корпуса [518]. Переиздана в 2001 г. [519].

Исследованию природы Оренбургского края большое значение придавал и предшественник В.А. Перовского на посту военного губернатора П.П. Сухтелен. Им был создан первый музей Оренбурга, призванный

служить «вышнему развитию понятий юношества и общей пользе распространения наук» [342, 349]. Музей находился при Неплюевском военном училище, а его «смотрителем и устройтелем» П.П. Сухтелен назначил политического ссыльного поляка Ф.К. Зана [349, 389, 422, 517].

Ф.К. Зан

Фома (Томаш) Карлович Зан (1796–1855), уроженец Виленской губернии, учился в Минской гимназии, затем — на физико-математическом факультете Виленского университета. Закончив его, занимался педагогической деятельностью. В 1816 г. получил ученую степень кандидата философии, а в 1823 г. магистра философии. За участие в организации тайных студенческих обществ Зан был осужден и в 1824 г. отправлен в Оренбург, «где, выдержав целый год аресту, оставлен на жительство»⁶.

Здесь наряду с преподаванием он серьезно занялся изучением геологии, животного и растительного мира Оренбургского края, собрал ценные естественнонаучные коллекции и написал несколько научных статей. В 1830 г. он был зачислен в штат Оренбургской Пограничной комиссии, а затем определен в музей при Неплюевском военном училище.

При Перовском Зан оставался на той же должности и участвовал в различных научных мероприятиях: был прикомандирован в 1834 г. к экспедиции на реку Тобол для исследования месторождений

золота, производил первые в Оренбурге систематические метеорологические наблюдения и т.д.

По ходатайству Перовского в 1837 г. Зан получил разрешение жить в Петербурге и одновременно — должность библиотекаря в Горном институте. Через четыре года он вернулся на родину.

Оренбург того времени не производил впечатления провинциального города. По словам военного инженера И.Ф. Бламберга, который приехал сюда несколько позже В.И. Даля и прослужил здесь 15 лет, Оренбург был тогда «настоящим военным городом; в нем располагались все власти, и, так как большая часть жителей состояла из казаков или башкир, несущих военную службу, то здесь было полным полно офицеров всех чинов — настоящий парад мундиров. Линейная пехота, пешая и конная казачья артиллерия, оренбургские и уральские казаки, башкиры и киргизы — все они были представлены здесь» [224, с.218].

Период правления В.А. Перовского он назвал золотым веком Оренбурга и показал, что культурный уровень общества был очень высок. «В Оренбурге, — писал он, — находилось и много гвардейских офицеров из Петербурга, которые служили под началом военного губернатора генерал-адъютанта Перовского, собравшего возле себя блестящий круг образованных военных и гражданских чиновников, так что жизнь протекала тут очень интересно и отдаленность от столицы не ощущалась» [там же].

Чиновник особых поручений

Год первый (1833–1834)

С переездом в Оренбург для В.И. Даля началась жизнь, ничем не похожая на прежнюю. Его новые обязанности касались управления Оренбургским краем, огромным по территории, разнообразным по природным условиям, населенным разноразличными народами, из которых каждый придерживался своих верований, обычаев, имел свой жизненный уклад. Дально предстояло хорошо изучить этот край, понять местных людей, найти с ними общий язык.

Новое дело, за которое он взялся с присущей ему обязательностью, значительно расширило круг его практических и научных познаний, общение с представителями различных народностей давало богатую пищу творческой фантазии писателя. Особенно важна была для него возможность познакомиться с ранее неизвестными ему наречиями русского языка и пополнить уже богатое к тому времени собрание слов, новых оборотов речи, пословиц, поговорок.

В.И. Даль приехал в Оренбург летом 1833 г. и почти сразу, в августе, был отправлен в командировку в область уральского казачьего войска. По-видимому, он тогда еще не успел хорошо познакомиться с городом и людьми. Из записок его дочери известно, что первым местом жительства семьи стал дом богатого откупщика В.И. Звенигородского [265, с.140]. Принадлежавший ему участок земли находился в центре города, рядом с почтовой конторой, и выходил на Неплюевскую (теперь Ленинскую)

улицу [275, с.17]. Звенигородский развел здесь замечательный сад. По словам дружившего с ним Гельмерсена, он попытался приспособить к суровому климату Оренбурга фруктовые деревья, которые «за большие деньги привозил из Риги и даже из Франции через Санкт-Петербург, Нижний Новгород и Самару. Ему даже удалось получить от своих питомцев 3-4 спелых яблока, но ни одно из этих деревьев не уцелело; их всегда убивали холодная зима и опасная весна» [531, с.159-160].

Первое серьезное поручение В.А. Перовский дал В.И. Далю в своем распоряжении, подписанном 17 августа. В нем значилось: «Предполагая употребить Вас по разным делам внутри вверенного мне края и желая, чтобы Вы не упускали случая ознакомиться со всеми подробностями и наипаче местностями его, предлагаю Вам... отправиться на первый раз в землю уральских казаков»⁷. Одновременно был дан приказ управляющему уральским казачьим войском полковнику Покотилову распорядиться в отношении Даля, «чтобы в пределах войска уральского было оказываемо ему в потребных случаях законное пособие и чтобы все требуемые им сведения доставлялись без промедления»⁸.

Из архивных документов мы узнаем, что командировка длилась не менее месяца. Вернувшись, Даль докладывал военному губернатору в рапорте от 21 сентября: «Объехав по предложению Вашего превосходительства войско уральское и имев уже честь отдать Вам лично отчет о сей поездке, осмеливаюсь просить покорнейше, дабы следующие мне казенные прогонные деньги за проезд от Оренбурга через Уральск до Гурьева, обратно до крепости Калмыковой, от оной до орды Букеевской,

обратно по Узеньям на Александров Гай... в Уральск и, наконец, степною дорогою через Илецкий Городок в Оренбург, всего за 2050 верст на три лошади, то есть 307 рублей и 60 копеек — повелено было отколе следует мне выдать»⁹.

Причина срочной поездки чиновника особых поручений в Уральск становится понятной, если обратиться к архивному делу, которое озаглавлено: «По рапорту войскового старшины уральского войска Назарова о неудобстве распоряжения Уральской войсковой канцелярии, запрещающего вводить в Гурьев-городок суда и рыболовные снасти» и датировано 1832—1834 гг.¹⁰ Оказывается, военное министерство получило жалобу старшины Назарова, и, поскольку в правительстве относились настоятельно ко всякому проявлению недовольства среди уральцев, в свое время поддерживавших Пугачева, Перовскому было предписано немедленно провести расследование. Из дела видно, что тяжба Назарова из-за введения некоторых рыбоохранных правил, неудобных для гурьевских купцов и чиновников, началась уже давно и военный губернатор П.П. Сухтелен признал его жалобу неосновательной. По-видимому, к такому же выводу пришел и Даль: в письме от 16 октября Перовский сообщил в Петербург, что Назаров, «человек вздорный и беспокойного характера», возобновил свои «ложные и неосновательные доносы» и, минуя при этом свое ближайшее начальство, проявляет к нему неуважение, которое не должно остаться безнаказанным.

Вернувшегося из командировки В.И. Даля поджидала большая радость: 18 сентября в Оренбург приехал А.С. Пушкин, собиравший материалы для своей «Исто-

рии Пугачевского бунта». Этому событию, оставившему яркий след в культурной жизни Оренбурга, посвящено сейчас множество исследований [294, 402, 403, 424, 427, 437, 463, 466 и др.]. О нем напоминает прекрасный памятник работы Н.Г.Петиной, изобразившей поэта вместе с В.И. Далем, который с ним почти не расставался до отъезда Пушкина в Уральск 20 сентября.

Памятник А.С. Пушкину и В.И. Далю.

*Скульптор Н.Г. Петина,
архитектор С.Е. Смирнов*

«Пушкин, — вспоминал Даль, — прибыл неожиданный и нечаянный и остановился в загородном доме у военного губернатора В.А. Перовского, а на другой день перевез я его оттуда, ездил с ним в историческую Бердинскую станицу, толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым; указывал на Георгиевскую колокольню в предместьи, куда Пугач поднял было пушку, чтобы обстреливать город, на остатки земляных работ между Орских и Сакмарских ворот, приписываемых преданием Пугачеву, на зауральскую рощу, откуда вор пытался ворваться по льду в крепость, открытую с этой стороны; говорил о незадолго умершем здесь священнике, которого отец высек за то, что мальчик бегал на улицу собирать пятаки, коими Пугач сделал

несколько выстрелов в город вместо картечи, — о так называемом секретаре Пугачева Сычугове, в то время еще живом, и о бердинских старухах, которые помнят еще «золотые» палаты Пугача, то есть обитую медною латунью избу» [441, т.2, с.260].

Даль описал поездку в Берды, «бывшую столицу Пугачева» и встречу со старухой, «которая знала, видела и помнила Пугача». По его словам, «Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец, где разбойник казнил несколько верных долгу своему сынов отечества; указали на гребни, где, по преданию, лежит огромный клад Пугачева». Под конец «старуха спела также несколько песен, относящихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощание червонец» [там же, с.261].

Даль навсегда сохранил в памяти разговор с поэтом о литературе: «По пути в Берды Пушкин рассказывал мне, чем он занят теперь, что еще намерен и надеется сделать. Он усердно убеждал меня написать роман» [там же, с.262].

Запомнился ему и эпизод, связанный с директором Неплюевского военного училища К.Д. Артюховым, с которым Даль впоследствии был очень дружен. «В Оренбурге Пушкину захотелось сходить в баню. Я свел его к инженер-капитану Артюхову, добрейшему, умному, веселому и чрезвычайно забавному собеседнику. В предбаннике написаны были картины охоты, любимой забавы хозяина. Пушкин тешился этими картинами, когда веселый хозяин, круглолицый, голубоглазый, в золотых кудрях, вошел, упрашивая Пушкина ради первого знакомства откусать пива или меду. Пушкин старался быть

крайне любезным со своим хозяином и, глядя на рисованный предбанник, завел речь об охоте». Этот разговор очень позабавил поэта и в знак симпатии он прислал Артюхову через год на память «Историю Пугачевского бунта» с надписью: «Тому офицеру, который сравнивает вальдшнепа с Валленштейном» [там же, с.422-423].

А.С. Пушкин и В.И. Даль в бане у К.Д. Артюхова. Рисунок О. Козловской

К.Д. Артюхов стал одним из друзей В.И. Даля, который не раз упоминал его с большой симпатией. В очерке «Охота на волков» он описан как «всеми любимый записной охотник, не унывавший никогда, нигде и ни при какой невзгоде и умевший смешить всех» [204, с.114]. В другом месте [210, с.340] Даль сообщает, что Артюхов помогал ему в экспериментах для подтверждения действенности гомеопатических методов лечения, и говорит о нем как о «человеке здоровом телом и душой». Подпись Даля значится под духовным завещанием Артюхова, составленном 28 апреля 1842 г.

Константин Демьянович Артюхов (1796–1842), уроженец Пензенской губернии, но жизнь его была связана с Оренбургом. Он обучался во 2-м кадетском корпусе в Петербурге и по окончании его в 1813 г. получил назначение в Оренбургскую инженерную команду. В 1816 г. был направлен в открывшееся в столице Главное инженерное училище, закончив

которое в 1819 г. с чином полевого инженер-прапорщика вернулся в Оренбург. В 1821 г. он участвовал в экспедиции для военно-топографического обозрения и составления карты района, ограниченного реками Орь, Улькояк, Кара-Тургай и Тобол. В 1823 г. принимал участие в военной экспедиции Ф. Ф. Берга, во время которой производились топографические съемки пространства между реками Урал, Орь и Эмба.

В 1832 г. был назначен директором Неплюевского военного училища и оставался в этой должности до выхода в отставку в 1837 г. Участвовал в Хивинском походе 1838–1840 гг.

После отъезда Пушкина Даль начал осваиваться с новым местом. Но он не намеревался терять связи с петербургскими литераторами. Полный впечатлений от своей поездки по Оренбургскому краю, он поделился ими с издателем газеты «Северная пчела» Н. И. Гречем в письме, датированном 25 сентября 1833 г. Эта «Корреспонденция» была опубликована за подписью Казака Луганского 11 октября [13]. Она начиналась словами: «Уехав из Питера и не простившись даже с Вами, хотел я писать Вам немедленно по прибытии моем в Оренбург, день за днем, и вот уже прошло двенадцать недель со дня отбытия моего из столицы, когда судьба привезла меня на карандасе в Уральск». Объяснив, что «карандас» — это надежная и крепкая «повозка на необыкновенно зыбких и длинных дорогах», Даль сообщает, что «уральское войско и заповедный быт его, столь мало известный, заслуживает внимания и удивления». Здесь, по его словам, сохранилась «Русь первобытная, совре-

менная первым царям русским, дониконовский быт, со всеми странностями своими, радушием и закоренелыми предрассудками, процветает здесь и тщательно оберегается непреклонными, безусловными чтителями старины. Уральцы-христиане суть старообрядцы, между ними еще довольно расколов». Даль рассказывает об истории, обычаях, одежде уральских казаков, об их воинской службе и о жизненно важном для них рыбном промысле.

В этой поездке Даль смог познакомиться с Оренбургским краем с его значимостью для России. Он пишет, имея в виду столичного читателя: «Край Оренбургский для нас важнее и значительнее, чем многие думают; едва ли Кавказ со всеми причудами своими может обещать то, что заповедает восточный склон хребта Уральского, Общего Сырта и прилежащие к Уралу степи. Не говоря о том, что Башкирия, т.е. Оренбургская губерния, красуется природою, какой нет более нигде в России, ниже о неисчерпаемых богатствах золотоносного Мияса и множества ему подобных ручейков, несущих из недр кремнистых гор веками в песок истертые золотые жилы окаменевших исполинов, — хочу наметнуть только на предстоящий торговле нашей огромный переворот чрез непосредственные сношения и связи с Южною Азией, и если это сбудется, то нет, кажется, сомнения, что мы достигнем цели сей не чрез Кавказ, даже едва ли чрез Астрахань и Каспийское море, но чрез киргиз-кайсацкие степи».

Между тем для В.И. Даля наступил напряженный период. Приходилось осваиваться с непривычными обстоятельствами и привыкать к требованиям новой

службы. Нужно было также войти в круг людей, с которыми предстояло жить и работать. Человек общительный и веселый, он сразу приобрел популярность в местном образованном обществе.

Это засвидетельствовала в своих письмах гостившая тогда в Оренбурге самарская барышня Е.З. Воронина [214]. Она сообщала домой обо всех событиях светской жизни, в которых ей довелось участвовать, — о званых обедах, балах, прогулках по городу и его окрестностям, посещении музея и т.д. В ее письмах красочно описаны встречи с новым оренбургским военным губернатором и теми, кто прибыл с ним из столицы.

Ю.Е. Даль

27 сентября, познакомившись с Юлией Егоровной, молодой женой Даля, она писала: «Мадам Даль мила, как нельзя более: ми-
ньятюрененькая, голосок тоненький, звонкий; ну точно колибри эта интересная немочка. Муж ее литератор; это он пишет под именем Казака Луганского. Он служит у Перовского, женат не более двух месяцев; свадьба и остановила его в Петербурге, а то бы он приехал вместе с Перовским» [там же, с.648]. Сам Владимир Иванович, с которым она встретилась спустя несколько дней, вначале, видимо, не произвел на нее большого впечатления.

«Наружность его, — сообщала Воронина, — очень мало обещает. Его надобно, так сказать, расшевелить, чтобы он заговорил, а очень приятно слушать его, когда разговорится» [там же, с.652].

Но из письма 8 октября видно, что Даль уже стал душой общества. Воронина пишет: «Вечер провели мы очень приятно. Сначала явился Дурасов, потом Перовский с Далем и его женой. Перовский уехал ранее всех, тогда Даль послал за своими сказками и прочел нам две из них, презабавные и прекрасно написанные в самых народных русских выражениях. Одна из них под названием «О воре и бурой корове», другая: «Дочь Строева или коровушка-буренушка». И он читал их очень хорошо. Потом начали петь: прежде Дурасов, который поет прекрасно, потом жена Даля преприятным голоском; наконец составили трио: Дурасов и Даль с женой пели русские песни прелестно» [там же, с.658].

И на другом музыкальном вечере, 17 октября, Дурасов пропел «несколько арий и романсов, а в заключение к нему присоединились Даль с женой и пели русские песни очаровательно» [там же].

Воронина, которая уже не застала А.С. Пушкина в Оренбурге и очень об этом сожалела, описала со слов Юлии Егоровны встречу поэта с В.И. Далем: «Мадам Даль, — пишет она, — рассказывала, как всем дамам хотелось видеть Пушкина, когда он был здесь. Он приезжал ненадолго и бывал только у нужных ему по делу людей или у прежних знакомых. Две ее знакомые барышни узнали от нее, что Пушкин будет вечером у ее мужа и что они будут вдвоем сидеть в кабинете Даля. Окно этого кабинета было высоко, но у этого окна рос-

ло дерево; эти барышни забрались в сад, влезли на это дерево и из ветвей его смотрели на Пупкина, следили за всеми его движениями, видели, как он от души хохотал; но разговора не было слышно, так как рамы были уже двойные» [там же].

Светская жизнь Оренбурга для Даля как писателя представляла несомненный интерес. В своих художественных произведениях он часто с юмором воспроизводил сценки, которые ему приходилось наблюдать, и отмечал забавные черты провинциального быта.

Так в повести «Бикей и Мауляна» читаем: «Кареты и коляски, восклицаете вы, в киргизской степи! Да, господа, ... так было и так бывает ныне и будет вперед. Оренбург, в котором с каждого перекрестка во все четыре стороны виден крепостной вал, вмещает в себе почти столько же рыдванов и колымаг, сколько числится в городе малых и больших домов. Куда на них ездят? — спросите вы; да мало ли куда; то за угол, то за другой, — визит, дамский визит, сами знаете, дело великое, а с визитом не ходить же пешком, да и не ездить же, упаси Бог, и на дрожках!» [209, с.217]

Впрочем, уделять много внимания светской жизни В.И. Даль не мог. В Оренбурге в это время решались серьезные политические вопросы, которые требовали участия чиновника особых поручений при военном губернаторе. В.А. Перовский был занят выяснением отношений с ханствами Средней Азии, что, с одной стороны, имело важность для внешней торговли России, а с другой — касалось международной политики, так как затрагивало интересы Англии, утвердившейся в Вест-Индии и стремившейся расширить сферу своего влия-

ния. С самого начала службы в Оренбурге В.И. Даль столкнулся с «восточными» делами, которыми ему пришлось много заниматься в дальнейшем.

Стремясь оживить торговлю с Бухарой, сильно сократившуюся из-за эпидемии холеры 1829—1832 гг., В.А. Перовский решил направить к бухарским властям своего личного посланника, который должен был заодно «получить верные и основательные сведения обо всем, происходящем в Средней Азии». Его выбор пал на портупей-поручика И.В. Виткевича, хорошо знакомого с бухарцами, их языком и обычаями. Но эту кандидатуру Перовского отклонили в Петербурге и он послал в Бухару выпускника Петербургского университета П.И. Демезона [350, 491, 503], который преподавал в Неплюевском военном училище арабский и персидский языки и одновременно был переводчиком в Оренбургской пограничной комиссии.¹¹

Крупный русский востоковед Петр Иванович Демезон (1807—1873) родился в г. Шамбри в Пьемонте (тогда Сардинское королевство, сейчас область Италии) в семье врача. Переехав в Россию, он обучался восточным языкам за казенный счет в Петербурге, а затем был направлен в Казанский университет. Здесь он получил степень кандидата восточной словесности. В 1831 г. военный губернатор П.П. Сухтелен добился его перевода в Оренбург. Поездкой в Бухару он обратил на себя внимание министерства иностранных дел. В 1835 г. по ходатайству Перовского Демезон был переведен в Петербург на должность профессора турецкого и персидского языков в Учебном отделении восточных языков Ази-

П.И. Демезон

атского департамента этого министерства. В 1843 г. он стал директором Учебного отделения. Занимался дипломатической деятельностью.

Отправившись 11 ноября в путь из Орска с торговым караваном, П.И. Демезон (под именем татарина — муллы Мирзы Джафара) добрался до Бухары через сорок пять дней, оставался

там до 23 мая следующего года и возвратился в Орск 6 июня. Путешествие в Бухару, закрытую для европейцев, было сопряжено с большими опасностями. Оно потребовало от П.И. Демезона безупречного владения восточными языками и знания местных обычаев и нравов, а также большой выдержки и личного мужества. Все дипломатические поручения он выполнил. Отчет о поездке, представленный Демезоном, — это не только документ, очень важный для внешней политики России того времени, но и серьезный труд востоковеда, впервые описавшего Бухарское ханство. Его текст, сохранившийся в архиве министерства иностранных дел, был опубликован только в 1983 г. Н.А. Халфиным [492].

Другое событие, происшедшее осенью 1833 г., носило серьезный политический характер. К военному губернатору поступил донос, как выяснилось, ложный — о вооруженном мятеже, который якобы готовят ссыльные поляки [389, 422, 517]. Приказом от 29 октября

В.А. Перовский распорядился учредить следственную комиссию под своим председательством, в которую включил и В.И. Даля, фактически заменившего его в ходе разбирательства. Главными обвиняемыми оказались уважаемые люди — магистр философии, смотритель музея при Неплюевском училище Фома Карлович Зан, бухгалтер Оренбургской пограничной комиссии Адам Демьянович Сузин и портупей-прапорщик Иван Викторович Виткевич.

Очень скоро выяснилось, что донос польского ссыльного рядового Мейера не имел под собой никакого основания. В рапорте военному министру от 14 ноября 1833 г. Перовский сообщал: «Действия комиссии продолжаются уже две недели и, хотя оные не проведены еще к окончанию, обнаружилось, что донос Мейера совершенно ложен; никаких признаков заговора, а равно ничего подозрительного в бумагах не найдено»¹².

Однако для порядка следствие было проведено со всей тщательностью и В.И. Даль активно участвовал в нем. Среди документов архивного дела¹³ — подробные протоколы допросов обвиняемых, под которыми первой стоит его подпись. В одном из них значится, что найденные при обыске бумаги на русском и иностранных языках по приказанию Перовского «были вручены для перевода г-ну Далю»¹⁴.

В результате обвиняемые были полностью оправданы, а с Виткевичем, замечательным человеком трагической судьбы, Даля связала близкая дружба. О ней свидетельствуют и строки из «Бикея и Мауляны», посвященные Виткевичу, и его письма к Далю, хранящиеся в Пушкинском Доме и недавно опубликованные нами [373].

И.В. Виткевич

Иван (Ян) Викторович Виткевич (1809—1839) происходил из Виленской губернии, учился в Крожской гимназии, где стал участником тайного общества, раскрытого в 1823 г. Был сослан рядовым в Орский батальон отдельного Оренбургского корпуса. Здесь, занявшись самообразованием, он изучил восточные языки и проявил большой интерес к жизни и обычаям киргизкайсаков, бухарцев и хивинцев. Своей образованностью Виткевич обратил на себя внимание проезжавшего через Орск в 1829 г. А. Гумбольта, который ходатайствовал об облегчении его участи [379].

В 1830 г. Виткевич был произведен в унтер-офицеры, переведен в Оренбург и прикомандирован к Оренбургской пограничной комиссии. В 1835 г. он самостоятельно совершил поездку в Бухару, где провел полтора месяца. Он вернулся оттуда с посланцем афганского владельца к русскому царю и был отправлен с ним для его сопровождения в Петербург. Правительство, заинтересованное в афганских делах, послало Виткевича через Персию в Кабул с дипломатическим поручением. Оно было успешно выполнено, но из-за недовольства англичан правительство от результатов деятельности Виткевича отказалось. Вернувшись в Петербург, 9 мая 1839 г. он покончил с собой [260, 461, 490, 492].

Должность чиновника особых поручений обязывала В.И. Даля принимать непосредственное участие в по-

вседневных заботах по управлению Оренбургским краем, которые занимали военного губернатора. О многообразии этих больших и малых забот нам могут рассказать многие документы из Государственного архива Оренбургской области, в том числе и написанные рукой Даля.

Одно из интересных в этом отношении архивных дел¹⁵ касается вопроса «об издании в Оренбурге провинциальной газеты», который еще в 1830 г. поставил перед министерством внутренних дел тогдашний военный губернатор П.П. Сухтелен. Он ссылаясь при этом на необходимость ускорить распространение среди населения распоряжений начальства, что было чрезвычайно важно в связи с бушевавшей в то время эпидемией холеры. Дело затягивалось из-за значительности расходов и соображений цензурной политики. Осенью 1832 г. Сухтелен повторял запрос¹⁶, предлагая издавать в Оренбурге два раза в месяц «периодические листки, любопытные для всех по содержанию оных, а для местных жителей особенно полезные» - под названием «Записки Оренбургского края». Он полагал, что может обойтись «без всякого отягощения казны», рассчитывая на «деньги, получаемые с подписчиков», а политическую благонадежность гарантировал, «принимая на себя ответственность соблюдения с точностью правил, цензурою поставленных».

В ответ министерство попросило уведомить его о цене предполагаемого издания и редакторе¹⁷, так как в 1832 г. вышло постановление, «чтобы никакие новые журналы не были дозволяемы без особого Высочайшего разрешения и чтобы при испрашивании такового разрешения

были представляемы Его Величеству, кроме подробно-го изложения предметов журнала, и обстоятельные сведения об издателе». Документ, датированный 21 марта 1833 г., поступил в Оренбург 15 апреля, т.е. уже после неожиданной кончины П.П. Сухтелена 20 марта. Резолюция, сделанная кем-то после назначения нового военного губернатора, гласит: «Доложить по приезде его превосходительству Василию Алексеевичу»¹⁸.

По-видимому, Перовский тогда не обратил внимания на письмо, так как в феврале 1834 г. последовало напоминание от министра внутренних дел Д.Н. Блудова: «21 марта 1833 года я имел честь относиться к предместнику Вашего превосходительства покойному генерал-адъютанту графу Сухтелену о сообщении мне дополнительных сведений касательно издания в Оренбурге периодических заметок. Я покорнейше прошу Вас, милостивый государь, поспешить доставлением в министерство внутренних дел означенных сведений»¹⁹. В резолюции Перовского сказано: «В.И. Далю для объяснения с делом».

О том, что Даль внимательно изучил все материалы, свидетельствует обширная, собственноручно им написанная «Записка о делопроизводстве по предполагаемому в Оренбурге изданию газет»²⁰. Ознакомившись с ней, Перовский отправил Блудову донесение, в котором писал: «Хотя с своей стороны крайне желал бы споспешествовать общепользному предприятию сему, но при всем том затрудняюсь устранением некоторых препятствий». Из них «главнейшее» состояло в том, что он не видел «никаких возможностей прикрывать издержки издания, буде не назначится на сей предмет особой

суммы», так как приходилось рассчитывать только на местных подписчиков, а «образованный класс Оренбургской губернии, по ограниченному числу помещиков, весьма невелик»²¹. По-видимому, в это время, когда начали обостряться отношения с Хивой, расходы из внутренних средств на издание газеты представлялись неуместными.

Но Перовский, очевидно, надеялся на дополнительные деньги из казны. Об этом говорит вставка в текст письма, сделанная его рукой: «Если же бы вышеназванные затруднения могли быть устранены, то издателем периодических записок назначил бы я тогда состоящего при мне для особых поручений коллежского ассессора Даля»²². Этих обязанностей В.И. Далию выполнять не пришлось, поскольку, как следует из ответного письма Блудова, в Петербурге разрабатывался общий проект об издании ведомостей для губерний, а потому было решено «с изданием в Оренбурге периодических записок приостановиться впредь до приведения означенных предположений в действие»²³.

Другое любопытное архивное дело касается Г.П. Гельмерсена, который путешествовал по Уралу для описания месторождений полезных ископаемых и приехал в Оренбург в конце 1833 г. Здесь он оставался всю зиму, занимался обработкой собранных материалов, проводил температурные и барометрические наблюдения, а весной отправился на Алтай.

Архивное дело, датированное 1834 г. и озаглавленное «Об отправлении по Высочайшему повелению титулярного советника Гельмерсена для геогностического исследования Северного Урала»²⁴, начинается с адресованной

В.А. Перовскому собственноручной записки В.И. Даля об организации выплаты Г.П. Гельмерсену 4500 руб., назначенных министерством на эту поездку. Даль пишет: «Находясь же ныне в самом городе Оренбурге и предполагая выехать в Сибирь прямо отселе, просит он, Гельмерсен, покорнейше, дабы сделано было распоряжение об отпуске ему означенной суммы непосредственно в месте пребывания его, в г.Оренбурге»²⁵.

Когда после соответствующей переписки 3 мая было получено разрешение министерства на «немедленную» выплату денег из оренбургского уездного казначейства, ученый, видимо, уже уехал на Алтай и Перовский поставил на документе резолюцию: «Справиться, кому поручил Гельмерсен получение сих денег, не Далю ли? 8 мая»²⁶.

Далее в деле подшита другая записка В.И. Даля, составленная в ноябре и адресованная также Перовскому. Из нее видно, что деньги до Гельмерсена так и не дошли. Даль пишет: «В начале года Оренбургская казенная палата получила предписание министра финансов отпустить чиновнику 9-го класса Гельмерсену 4500 рублей; впоследствии министр финансов переассигновал сумму эту к отпуску из Томской казенной палаты; сия последняя с мая месяца поныне тщетно ожидает уведомления о сем Оренбургской палаты и Гельмерсен без денег»²⁷. После обращения военного губернатора к казенной палате инцидент был исчерпан.

Лично В.И. Даля касаются документы еще одного архивного дела, начатого 30 сентября 1833 г. и связанного с требованием военного министерства взыскать с него деньги, «выданные ему в счет жалованья во время

турецкой кампании»²⁸. Перовский поставил на поступившем к нему письме резолюцию: «Спросить г. Даля, признает ли он сей долг». В ответном рапорте Даль разъясняет досадное недоразумение, в котором его вины не было, и добавляет, что этот долг с него взыскали уже дважды. Из дальнейшей переписки видно, что дело тянулось долго и только через три года Дально были возвращены удержанные у него 300 рублей.

Но служебные заботы не могли заставить В.И. Даля отказаться от литературных занятий. Его жизнь была богата яркими впечатлениями, отражавшимися в заметках, которые он посылал в Петербург Н.И. Гречу для публикации в «Северной пчеле». В начале января появилось его «Письмо к издателю из Оренбурга» [14], знакомившее читателей с крепостью Илецкая Защита и Илецким соляным месторождением. Даль писал: «Оренбург обыкновенно почитается крайней пограничной точкой между губернией и степью кайсаков. Но это с некоторого времени не совсем справедливо. От Оренбурга простирается еще в степь по реку Илек, впадающую в Урал, треугольник, именуемый по-русски Илецким районом... В нем более всего обращает на себя внимание наша Илецкая Защита, а по сей последней легко забываем гипсовую пещеру и странную, крутую каменную гору, взглянув на неизмеримую, неисчерпаемую толщу каменной соли, которой, по рассказам современных Архимедов, стало бы для продовольствия всего государства нашего на несколько десятков тысяч лет!!! Здесь вы можете увидеть, обнять глазами взвешенные и складенные миллионы пудов соли. Я видел знаменитую Величку (в Галиции), но здешняя соль чище и

пласт ее лежит гораздо поверхностнее. Это весьма значительная выгода при разработке».

Сообщив, что от недавнего пожара Илецкая Защита сгорела и жители нуждаются в помощи, Даль отметил главное: «Любители музыки благородного Оренбургского круга соединенными силами дали концерт в пользу погоревших: выручено более 1500 рублей. Вот известие, о припечатании коего хотел я просить Вас и по поводу коего пишу... Доброе дело заслуживает сделаться гласным. Виолончель и фортепьяно концерта нашего удостоились особенного всеобщего одобрения».

Медицинской практикой В.И. Даль не занимался, хотя продолжал интересоваться гомеопатическими методами лечения и при случае применял их на практике, предварительно испытав на себе. Об этом он сообщал в печатавшихся в «Северной пчеле» письмах к своему другу доктору К.К. Зейдлицу, не признававшему гомеопатии [17, 32, 210, с.339-342]. В одном из них Даль отметил, что помощником его стал К.Д. Артюхов. «В товарищи для этого опыта согласился, по дружбе своей ко мне, поступить директор Неплюевского военного училища, человек плотного сложения, здоровый телом и душой, смеявшийся всегда дифференциальной медицине и потому тем охотнее согласившийся на всякое испытание» [210, с.340].

Весной 1834 г. в Оренбурге находился путешествовавший по России с научной целью немецкий ученый Х. Лессинг (1809—1862) [362]. Он также был приверженцем гомеопатии. Познакомившись с В.И. Далем в 1833 г. в Петербурге, знал его как и превосходного хирурга. Именно благодаря рекомендации Лессинга Дально пришлось выступить в этой роли в Оренбурге.

Случилась беда с ушедшим в отставку оренбургским полицмейстером, героем Отечественной войны 1812 г. Львом Васильевичем Соколовым [458, 459]. Возникла необходимость срочно ампутировать ему руку, но в Оренбурге не было врачей, способных сделать такую сложную операцию. При обсуждении сложившегося положения «гомеопат Лессинг заговорил о чиновнике, приехавшем с Перовским, прибавя, что из него вышел бы знаменитый хирург, если б он из-за какого-то чудачества не переменил рода занятий» [264, с.77]. Даль вначале отказывался, но затем уступил просьбам и успешно провел операцию, спасшую Л.В. Соколову жизнь.

Спустя много лет в статье «Верующие и неверующие», напечатанной в «Журнале гомеопатического лечения» за 1861 г., В.И. Даль сам подробно описал этот случай из своей медицинской практики [147, с.89-90]. Он вспоминал, что, хотя он и покинул врачебное поприще, его позвали к майору Соколову, болевшему уже больше года из-за повреждения опухоли, которая была у него на левой кисти, началось «воспаление, а затем костоеда плечевой кисти с хрящевым перерождением ее», т.е. остеомиелит. Больной был изможден, изнурительная лихорадка, длившаяся два месяца, усиливалась и он был уже «приговорен тремя или четырьмя врачами, принимавшими сердечное участие в его положении».

«Все мы, — пишет Даль, — были одного мнения, что руку должно отнять, но как приступить к этому, когда ровная опухоль с отеком идет вокруг до самого плеча и нет средств узнать, до которых мест идет болезненное изменение костей и в каком состоянии верхняя половина плечевой кости?». Присутствовавший при этом Лессинг

предложил провести гомеопатическое лечение, которое, как он уверял, «в три, четыре недели может обнаружить состояние руки и может поправить силы больного».

Даль продолжает: «Поглядев друг на друга, мы беспрекословно передали Лессингу безнадежного». Недели через три, действительно, состояние больного улучшилось, опухоль отступила и «легко было убедиться, что плечевая кость здорова, но что болезнь достигла уже плечевого сустава». Стало ясно, что теперь времени упускать нельзя. «Я отнял руку, — пишет Даль, — вполплеча; помню по особой случайности, что это было в четверг; и в четверг же на следующий неделе, то есть ровно на восьмой день, я провел своего больного сотни две шагов по улице: рана срослась, как на клею, в сутки».

Год второй (1834—1835)

В июне 1834 г. В.И. Даль — «по засвидетельствованию начальства об отлично усердной службе» был пожалован орденом Святого Станислава 3-й степени, а несколько позже произведен в надворные советники.

Тогда же произошло важное семейное событие: 11 июня родился первенец — сын, нареченный русско-восточным именем Лев-Арслан-Василий. Екатерина Даль писала впоследствии, что отец назвал старшего сына Львом в память любимого брата, погибшего в 1831 г. в Варшаве. Арслан по-татарски означает «лев», а имя Василий было дано в честь В.А. Перовского, считавшегося крестным отцом. Крестил ребенка пастор 28-й пехотной дивизии Оливер Гольм, так как родители были лютеранами. В.И. Даль перешел в православие

лишь к концу жизни. По словам Е. Даль, на крестины Льва были приглашены пастор, священник и мулла. Из шутливой записки Перовского к Далю, написанной 16 июня на летней даче военного губернатора («кочевке»), следует, что основания у нее для этого были.

В записке хранящейся в рукописном фонде Пушкинского дома²⁹, сказано: «Знайτε вперед, что кормилиц и нянек приискивают не после, а прежде родов; спасибо вам за извещение о здоровье юной матери. Когда крестины? Я буду в городе, кажется, около 20-го. Скажите, тогда же или после намерены вы вверить наследника вашего святому назиданию пастора Гольма? Как жаль, что малютка под таким скучным предзнаменованием вступает в христианскую религию. Знаете ли вы, впрочем, что пастор Гольм намерен дать драпа и объехать свое стадо; не лучше ли обратиться к мулле?»

Далее Перовский упоминает о мосте, имея по-видимому, в виду понтонный мост через Урал, к строительству которого имел отношение Даль [437, с.91], и приглашает его приехать с семьей на «кочевку»: «Мне любопытно взглянуть на мост и пропеть с вами: «Возле речки, возле мосту, уж по мосту, мосту». — Можно ли надеяться, что приедете к нам на кумыс? Я так пристрастился к кобыльему кислому молоку, что всех им потчевая, не исключая и Льва — Василья Владимировича...»

Между тем на службе дела шли своим чередом и Даль был активным участником всех предприятий военного губернатора. Ему приходилось участвовать и в решении практических задач, возникавших в городском хозяйстве Оренбурга. Так, 8 мая 1835 года на имя В.А. Перовского поступил следующий рапорт орен-

бургского полицмейстера: «На днях г. Даль известил меня, что Ваше превосходительство изволили приказывать, чтоб пешеходный мост состоял в ведении моем; но как на устройство одного потребна будет сумма: на якоря, канаты, смолу, гвозди, скобы и прибавку досок, а суммы пожертвованной состоит только до 130 рублей у господина оренбургского коменданта, которой будет недостаточно, то не угодно ли будет разрешить мне употребить часть из экономической, остающейся от большого Уральского моста»³⁰.

На рапорте значится резолюция Перовского: «Заняться тотчас устройством того моста в наилучшем виде и так, чтоб пешеходы во всякое время могли ходить по нему сухо. Для издержек заимствовать из экономических сумм, а во сколько обойдется устройство мне донести».

Уже 13 июля 1835 г. полицмейстер докладывал: «На предписание Вашего превосходительства 8 числа мая сего года имею честь почтеннейше донести, что пешеходный мост через реку Урал мною устроен».

Летом 1834 г. к реке Тоболу был отправлен отряд, под командованием полковника А.А. Жемчужникова, для поисков месторождений золота. Но, как обычно в таких случаях, решались и различные задачи пограничного ведомства, в частности, пытались задержать разбойничавших в степи киргиз-кайсаков джегайбайлинского рода, от набегов которых страдали и их «мирные собратья» и пограничные казачьи селения. В экспедиции принимали участие Ф.К. Зан, руководивший работой золотоискателей, и И.В. Виткевич. В.И. Даль, по-видимому, просил его записы-

вать по пути татарские, башкирские и киргизские песни и сказки.

В письме с верховьев речки Урус-Кискан, датированном 24 июня 1834 г., Виткевич писал ему: «Милостивый государь Владимир Иванович! Едва 8 июня мы выступили из Орской. Местоположение по проходимым нами местам вообще довольно хорошее, хотя и не видели еще лесов. Золотоискатели на каждом почти переходе вымывают золото, хотя видимое только в микроскоп, что меня не очень удовлетворяет. В одном только месте найден кусок весом 8-ю долю золотника, как Вы подробнее об этом узнаете из посланного Заном донесения.

Наши киргизские дела нисколько не продвигаются вперед. Те, с которых нужно было сделать взыскание и нужные для захвату, все откочевали за Тобол. Так что с отрядом, делающим 7 или 10 верст в день, и думать нельзя о настижении их. С сим посланником я донес подробно Григорию Федоровичу [Генсу] о всем, что нам досель известно... Песни и сказки пишутся; только сказки говорят татары и башкиры. Киргиза еще не встретил, который бы умел что-либо.

Ежели дела наши пойдут дальше так, как теперь, то, быть может, я возвращусь раньше, нежели предполагал»³¹.

В это время В.И. Даль сам готовился к новой командировке — поездке к северо-восточному побережью Каспийского моря, где происходила закладка Ново-Александровского военного укрепления.

Оно должно было защищать от нападений хивинцев торговые караваны, следующие из Бухары и обратно, и обезопасить рыбаков на Каспии, которые находились

под постоянной угрозой похищения для продажи в рабство в Хиву. С его помощью надеялись также навести порядок в отношениях с кочевавшем на каспийском побережье Адаевским киргизским родом, постоянно колебавшимся между Россией и Хивой. Чтобы выбрать место для такого укрепления, было необходимо обследовать район, тогда еще совсем неизвестный. В 1830 г. военный губернатор П.П. Сухтелен организовал морскую экспедицию для осмотра северо-восточных берегов Каспийского моря и залива Мертвый Кутлук, а для руководства ею избрал отставного артиллерийского прапорщика Г.С. Карелина, смелого и предприимчивого человека, уже получившего известность своими естественно-научными путешествиями по Оренбургскому краю [225, 331, 360, 510].

Г.С. Карелин

Григорий Силыч Карелин (1801–1872) родился в Петербурге; учился в 1-м кадетском корпусе, после окончания которого с чином прапорщика артиллерии с 1817 г. служил в Штабе военных поселений, выполняя топографические и картографические работы. В 1822 г. за карикатуру на своего начальника и покровителя, всесильного графа А. Аракчеева, попал в немилость и был переведен в Оренбургский артиллерийский гарнизон. Новое место службы дало возможность Карелину хорошо познакомиться с Оренбургским краем. В 1822 г. он сопровождал в поездке по Оренбургской пограничной

линии писателя, издателя «Отечественных записок» П.П. Свиньина; в 1823 г. участвовал в военнотопографической экспедиции полковника Ф.Ф. Берга к реке Эмба и на Устьюрт; в 1824 г. занимался топографическими съемками для определения наилучшего маршрута Симбирск - Оренбург - Екатеринбург при подготовке поездки Александра I; тогда же производил поиски на Урале месторождений горного хрусталя и топазов, а позднее исследовал залежи яшмы; в 1825 г. участвовал в экспедиции в степи Внутренней киргизской орды вместе с инженер-капитаном К.М. Тафаевым и позднее дополнил и уточнил составленную им карту этой области; в 1825 г. Карелин женился на образованной оренбургской дворянке А.Н. Семеновой, выпускнице петербургского пансиона благородных девиц, и вышел в отставку. К этому времени под влиянием Э.А. Эверсмана он стал увлеченным натуралистом и его излюбленным занятием сделались путешествия по Оренбургскому краю для ботанических и орнитологических наблюдений и сбора коллекций. В 1828 г. он был принят в члены Московского общества испытателей природы. В том же году Карелин стал советником хана Внутренней Орды Джангера Букеева с местом пребывания в ханской ставке в Рын-песках. Вернувшись на государственную службу в чине титулярного советника, он одновременно выполнял различные поручения оренбургского военного губернатора. Так, в 1831 г. он участвовал в экспедиции под началом Г.Ф. Генса к верховьям реки Тобол. В 1829 г. Карелин встретился в Оренбурге с А. Гум-

больдтом, а позднее сопровождал по киргизской степи до Волги шведского ученого Х. Ганстена [360].

В 1832 г. Карелин совершил экспедицию к северо-восточным берегам Каспийского моря, а в 1834 г. возглавил работы по закладке Ново-Александровского укрепления. В 1836 г. он был назначен руководителем экспедиции для осмотра и описания восточных берегов Каспийского моря, в 1840–1844 гг. по заданию Московского общества испытателей природы совершил путешествие по Алтаю. В 1846–1851 гг. Карелин жил в подмосковной деревне Трубицыно, куда в 1842 г. переехала его жена с дочерьми, а в 1852 г. отправился в новую исследовательскую поездку в земли Уральского казачьего войска, поселился в Гурьеве и остался там до конца жизни.

Организованная П.П. Сухтеленом экспедиция³² состоялась в 1832 г. и оказалась весьма успешной. По ее завершении Карелин был отправлен в столицу с полученными материалами, которые легли в основу дальнейших планов правительства. Оно решило строить военные укрепления на берегу залива Мертвый Кутлук в Урочище Кизил-Таш, а руководить его закладкой было поручено Карелину. Осуществлялись эти планы уже при новом губернаторе, так как П.П. Сухтелен внезапно скончался 20 марта 1833 г.

Архивные документы свидетельствуют, что В.А. Перовский с осени 1833 г. внимательно следил за действиями Карелина и оповещал о происходящем правительство. Весной 1834 г. он сообщил в Петербург, что «суда с первым отрядом экспедиции 23 апреля вступили под

паруса»³³, и далее подробно отчитывался в работах по строительству укрепления.

С Карелиным Перовский вел постоянную переписку. Он писал ему: «Вы можете себе представить, с каким нетерпением ожидаю я первого от Вас известия. Не хочу и верить неудаче, а надеюсь, что первый Ваш шаг на земле Ново-Александровской совершен удачно и благополучно. Прошу Вас при первой предоставляющейся возможности писать мне обо всем до Вас касающемся сколь можно подробно» [331, с.47]. Из письма от 15 мая видно, что работы по закладке укрепления начались. «Можете вообразить, — пишет Перовский, — с каким удовольствием читал я известие о счастливом водворении Вашем в Ново-Александровске. Честь Вам и слава! Не менее моего порадуются в Петербурге» [там же]. Наконец, 5 июня Перовский высказывает намерение лично удостовериться в благополучном ходе дел: «Скажите мне, с какого времени можно плавать по Каспийскому морю, но не подвергаясь сильным штормам? Сей вопрос нужен мне для соображения: если только предоставится малейшая возможность, то я явлюсь к Вам на почтовой лодке. Но надо рассчитать так, чтобы и на обратном моем пути не занесло меня куда-либо вместо Гурьева» [там же, с.49].

Дело представлялось настолько важным, что возможность совершить столь трудную поездку у военного губернатора нашлась. Недавно в Оренбургском областном архиве удалось обнаружить документы, свидетельствующие, что его при этом сопровождали В.И. Даль и И.В. Виткевич, уже вернувшийся из предыдущей командировки.

30 июля 1834 г. Перовский сообщил оренбургскому гражданскому губернатору Н.В. Жуковскому в Уфу, что, «на сих днях оправляясь для обозрения на восточном берегу Каспийского моря в урочище Кизил-Таш Ново-Александровского укрепления», он поручает ему заведывать всеми гражданскими делами края³⁴. Управление пограничной частью он поручил начальнику штаба Отдельного Оренбургского корпуса, полковнику генерального штаба П.И. Рокасовскому³⁵. Поскольку отсутствие предполагалось недолгим, «не более трех недель», он не счел нужным объявлять о нем официально по губернии, но подчеркивал, что до сведения императора свои намерения довел через военного министра.

По возвращении из поездки Перовский сообщил военному министру в рапорте от 31 августа 1834 г.: «Честь имею уведомить Ваше сиятельство, что вчерашнего числа возвратился я из Ново-Александровска и вслед за сим буду иметь честь представить подробное донесение о состоянии, в коем найдено сие укрепление»³⁶.

1 сентября датировано его отношение к Оренбургской казенной палате: «Следующие мне и сопровождавшим меня в поездке от Оренбурга до Сергеевска и оттоль через Уральск до Гурьева городка и обратно до Оренбурга адъютанту моему штабс-капитану Челяеву, чиновникам особых поручений полковнику Циолковскому и коллежскому ассесору Далю и прапорщику Виткевичу прогонных денег по числу 2033 верст на положенное число лошадей прошу Казенную палату отпустить из Оренбургского уездного казначейства под расписку казначея моей канцелярии Андрюкова»³⁷.

Вернувшись из поездки, В.А. Перовский узнал, что императорским указом от 5 июля ему предписано явиться в Петербург³⁸. Он отправился в путь в начале зимы. На этот раз отсутствие военного губернатора оказывалось более длительным, так что на его помощников ложилась серьезная ответственность.

В.И. Далю было дано чрезвычайно важное задание — составить годовой отчет военного губернатора по управлению краем. 4 декабря он получил следующее распоряжение В.А. Перовского: «Покорно прошу Ваше высокоблагородие во время отсутствия моего заняться составлением отчета по управлению Оренбургским краем за 1834 г. Потребные для сего сведения будут доставлены к Вам секретарями канцелярии моей, коллежским асессором Валовым и коллежским секретарем Лебедевым, коим приказано от меня исполнять неукоснительно все Ваши по сему предмету требования. В случае недостатка в канцелярии сведений, необходимых к составлению отчета, оные, по предъявлению Вашему, секретарем канцелярии должны быть истребованы, отколь следовать будет»³⁹. Материалы архивного дела «Приложения к отчету по управлению Оренбургским краем военного губернатора за 1834»⁴⁰ показывают, насколько серьезной была эта работа. Отчет составлялся как по гражданской, так и по военной части и содержал самые разнообразные сведения, в том числе о посеве и урожае хлеба, о состоянии «денежного капитала для пособия в продовольствии», о падеже скота, о городских расходах и доходах, о работах и расходах по устройству нового торгового пути от Верхнеуральска до Самары, о фабриках и заводах, о происшествиях (смертоубийствах,

пожарах, наводнениях и т.п.), случившихся в Оренбургской губернии, об оспопрививании и т.д. Многие документы, касающиеся этих вопросов, имеют пометки, сделанные рукой Даля. В качестве приложения к отчету даны подробные ведомости по различным вопросам, в том числе «Список о возвратившихся из азиатского плена российских людях в 1834 г.»⁴¹. В нем значатся 26 человек, похищенных в разное время, из которых одни «выбежали сами» из неволи, другие же были вырваны разными способами.

Отчет был одобрен Перовским, вернувшимся в Оренбург 17 марта, а затем правительством. Военному губернатору было выражено за него Высочайшее благоволение, а Даль, как значится в его формулярном списке, был «г.генерал-адъютантом Перовского награжден 2000 рублями из сумм, в распоряжении его состоящих».

Далю и позднее приходилось заниматься составлением отчетов по управлению краем. Поэтому (например, в 1837 г.) на его имя поступали такие документы, как «записки» о действиях и распоряжениях управляющего Оренбургским казачьим войском, о ходе работ «по построению в Оренбурге в куртине первого полигона крепости каменной оборонительной казармы» и т.д.

Среди служебных поручений, которые приходилось выполнять В.И. Далю, наиболее ответственные были связаны с внешнеполитическими проблемами, возникавшими у оренбургской администрации. Повышенный интерес англичан к Средней Азии и их явное намерение завязать отношения с правителями Бухары и враждебной Хивы, усилив свое торговое и политическое влияние в регионе, вызывали все большую настороженность

русского правительства. Поэтому в Петербурге внимательно прислушивались к сообщениям В.А. Перовского о положении на Оренбургской пограничной линии, в киргизской степи и в среднеазиатских ханствах.

Эти сообщения основывались на рассказах бухарских и хивинских купцов, регулярно прибывавших с караванами для торговли на оренбургском Меновом дворе, на нижегородской ярмарке, других российских городах. Много важных сведений получили также от российских торговцев и киргиз, непосредственно общавшихся с южными соседями и посещавших Хиву и Бухару. Но особенно ценным источником нужной информации были рассказы русских невольников в Средней Азии, которым удавалось тем или иным способом «выбежать из плена».

В Государственном архиве Оренбургской области сохранились многочисленные записи таких рассказов. Некоторые из них — это поистине потрясающие документы, которые свидетельствуют о трагической судьбе простых людей разных национальностей — рыбаков, крестьян, казаков, мужчин и женщин, похищенных и увезенных на чужбину в рабство. В свое время они имели важное политическое значение, так как давали представление о жизни среднеазиатских ханств, об их экономике, социально-политическом устройстве, народонаселении и т.д. Поэтому очень много внимания уделял рассказам бывших пленников многолетний председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генс. Своими востоковедческими познаниями он щедро делился с В.И. Далем.

В корреспонденции «О бухарском хане», опубликованной в «Северной пчеле» в январе 1835 г. [25], Даль

писал Гречу: «Скажу вам еще, кстати, что меня здесь Бог натолкнул на клад: не только могу я вам сказать, коли угодно, как зовут хана Бохарского с чадами и домочадцами и весь двор его по имени и отчеству, но почти мог бы взяться отвечать на любой вопрос относительно нынешнего состояния Средней Азии, благодаря от всей души ученого и благомыслящего человека, который, не будучи сам в состоянии, по многосложности служебных занятий, воспользоваться собранными в течение двух десятков лет записями, поручил мне вывести из-под многолетнего спуда сведения, за которые весь ученый и неученый мир должен сказать ему, неутомимому собирателю и исследователю, большое спасибо».

В.И. Даль воспользовался материалами Г.Ф. Генса и сам собирал сведения о Средней Азии. Записанные им рассказы пленников (Якова Зиновьева и урядника Попова [58], Федора Грушина [49], Тихона Рязанова [57], Андрея Никитина [50], портупей-поручика Медяника [67]) были опубликованы в столичных периодических изданиях и вызывали у читателей огромных интерес. Отмечалось, что они изложены «так мастерски, как умел излагать только Даль» [243, с.8], и подчеркивалась их важность с научной точки зрения. Так, известный востоковед П.С. Савельев писал об этих статьях Даля: «Для этнографии края они представляют драгоценные данные, каких напрасно будем искать у ученых путешественников, и заслуживали бы быть изданы» [448]. Сейчас они почти неизвестны, в собрание сочинений Даля из них попали очень немногие, а остальные можно найти только в малодоступных журналах и газетах 30-х гг. XIX века [304]. Материалы о Хиве,

Бухаре, Коканде и северо-западной части китайского государства, собранные Г.Ф.Генсом, были опубликованы в 1839 г. Г.П. Гельмерсеном [530].

Несмотря на множество забот, В.И. Даль не оставлял и литературной деятельности. В 1834 г. в петербургском журнале «Библиотека для чтения» была напечатана его «Сказка о воре и бурой корове» [19], а 13 марта он отправил в Дерпт этнографический очерк о башкирах. Извлечение из этого очерка, вышедшего в «Ежегоднике Дерптского университета» на немецком языке, в том же году было опубликовано в «журнале министерства внутренних дел под заглавием «Замечание о башкирцах» [20].

Продолжая знакомить российскую публику с малоизвестным Оренбургским краем, В.И. Даль посылал Н.И. Гречу свои корреспонденции. В мае 1834 г. в «Северной пчеле» появилась его статья «Новый атаман (Письмо из Уральска)» [15], в которой описан праздник по случаю немаловажного для уральских казаков события: впервые вместо атамана, избиравшегося из своей среды, они получили назначенного сверху «наказного атамана». Им стал артиллерийский полковник Василий Осипович Покотилов (1788–1838), который с 1830 г. после смерти от холеры атамана Бородина исполнял обязанности управляющего уральским казачьим войском. В казачьих верхах это вызывало явное неудовольствие. Но празднование провели шумно и весело, придерживаясь традиционного обряда. В.И. Даль, по всей видимости, был участником торжеств и описал их во всех подробностях.

В ноябре 1834 г. в «Северной пчеле» была напечатана корреспонденция Казака Луганского «Скачка в Ураль-

ске» [18; 520, с.59-66]. В ней он рассказывает о рыболовном промысле у уральских казаков, который имеет свои характерные особенности и традиционно подчиняется чрезвычайно строгим правилам. Красочно описана рыбная ловля с «бударки» — «остроносой, щегольской, тонкой отделки долбленой лодчонки» и «скачка», как называется плавание на бударках. А дальше следует подробное описание скачки на конях, происходившей в Уральске 17 сентября 1834 г., и дается информация о состоянии коневодства в Оренбургском крае.

Вышедшую в 1835 г. статью «Скачки в Уральске и Оренбурге» [27] Казак Луганский посвятил народным праздникам с захватывающими сценами состязания скакунов.

Даль волновали и общие вопросы, которые обсуждались в то время литераторами. В вышедшей в 1835 г. в Дерпте на немецком языке статье о русской народной литературе [29] он давал ей безусловное предпочтение перед литературой образованных кругов, которую сравнивал с незрелым плодом, выросшим из иностранного зерна, а ее образы с «воспитанниками оранжерей, которые русскими звуками и словами говорят на иностранном языке». По его мнению, этот язык «здешним уроженцам остается чужим, как английский язык кантонского китайца остается непонятным любому англичанину, пока сила привычки не приучит его к этим звукам, но родными они ему все же не станут» [310, с.156].

Живя в далеком Оренбурге, В.И. Даль обратил внимание петербургской читающей публики на творчество украинского писателя Григория Федоровича Квитки (1778—1843), писавшего под псевдонимом Грицка

Основьяненко. Даль, хорошо знавший и любивший украинский язык, песни, фольклор, познакомился с его первой книжкой «Малороссийских повестей», которая вышла в Москве в 1834 г., и откликнулся на нее восторженной рецензией. Она была опубликована в «Северной пчеле» в январе 1835 г. [26]. В ней содержались также сведения о литературных чтениях, которые являлись составной частью оренбургской светской жизни. Даль писал: «не смею также советовать никому братья за перевод повестей Основьяненка на русский. Это вышла бы «переводня», а не перевод. Их надобно читать в подлиннике, и читать, право, немудрено. Я на днях читал их, например, в образованном кругу женщин, которых часть не знала вовсе по-малороссийски. При первой странице все восклицали: «Что это такое? Мы ни слова не понимаем!» Потом начали останавливать меня реже, спрашивали только объяснения на то, на другое. А потом стали вслушиваться внимательно. И когда я после первой четверти рассказа или повести хотел кончить — все просили в голос продолжать, уверяя, что уже почти все понимают, и мы читали книжку Основьяненка четыре вечера сряду, доколе не кончили ее всю, от доски до доски. Стоит ли переводить и искажать книгу, которую так легко понимать в подлиннике, и тешиться и радоваться неподражаемою простотою оборотов и выражений?»

Интересуясь народной литературой, В.И. Даль не мог обойти вниманием фольклор тюркских народов. Он начал серьезно изучать татарский язык, самый распространенный среди местных жителей. Его учителем стал мулла Абдулла Давлетшин, с которым в дальнейшем

его связывала близкая дружба. О быстрых успехах Даля свидетельствует выполненный им перевод татарской легенды о Джингиз-хане, который был напечатан в 1835 г. в журнале «Сын отечества» [24]. В примечаниях к переводу Даль сообщает, что он был сделан с татарского текста, опубликованного в 1822 г. адъюнктом восточной словесности Казанского университета Ибрагимом Хальфиным (1778—1829), которым сказка была «заимствована из какой-то старинной рукописи, отысканной в татарской деревеньке» [23, с.227]. Далю понравилась эта легенда, которая «как все сказки, основана на некоторых исторических событиях, перемешана с баснословными преданиями, разукрашена небывальщиною всякого рода и искажена странностями восточного воображения... Сказка эта вещь неважная, но наравне со многими подобными заслуживает, кажется, быть тиснутою, хотя бы только в повременном издании» [там же]. Примечательны слова Даля: «Стыдненько, что мы доселе не много ознакомились с непространною словесностью азийских народов или около белой Руси обитающих» [там же].

В.И. Даль выражает уверенность в точности своего перевода, указав, что ему помогали — оренбургский мулла Абдулла и преподаватель Неплюевского военного училища М.И. Иванов. «Кажется, перевод верен и близок, — пишет он, — впрочем, подлинник во многих отношениях сбивчив и неясен, да притом и словаря татарского у нас в России нет вовсе. Я ссылаюсь во всем, что сделал, на муллу Абдуллу и на учителя татарского языка при Неплюевском военном училище г.Иванова, который со всегдашним радушием и готовностью

нередко служил мне, так сказать, живым словарем» [там же].

Мартемиан (или Мартиниан) Иванович Иванов, как указано в его формулярном списке,⁴² «свободного состояния воспитанник ассесора Глазова», родился в 1812 г. (или, судя по другому формулярному списку⁴³, в 1810 г.). В 1825 г. он поступил пансионером в Неплюевское военное училище и еще во время учебы выполнял ответственные поручения: в 1829 г. сопровождал в качестве переводчика афганского принца Шах-заде Мухаммада Мустафу при поездке в Петербург, а с 1830 г. исправлял должность учителя татарского языка. Закончив в 1831 г. Неплюевское училище, он сдал в Казанском университете испытания и получил право быть учителем татарского языка в гимназиях, а также обучать чтению, письму и грамматике персидского языка.

В 1832 г. Иванов был зачислен в штат Неплюевского училища как учитель татарского языка и утвержден переводчиком при канцелярии военного губернатора. В 1839–1840 гг. участвовал в Хивинском походе, а затем сопровождал бухарского посла в Петербург.

В 1840 г. он написал «Татарскую грамматику» и «Татарскую хрестоматию», которые были изданы в 1842 г. в Казани. Книги получили высокую оценку специалистов, но при пожаре в типографии их тираж почти полностью сгорел.

Год третий (1835–1836)

Обстановка в Оренбурге становилась все тревожнее из-за усложнявшихся отношений с беспокойными восточными соседями. Особую озабоченность по-прежнему вызывали хивинцы, которые создавали постоянную угрозу для торговых караванов и тем самым подрывали выгодные для России связи с Бухарским ханством и другими странами Востока. Работорговый промысел, процветающий в Хиве, также наносил немалый ущерб России, поскольку именно ее подданные — по сравнению, например, с персами, ценились наиболее высоко в качестве живого товара. Добычей этого товара, как весьма прибыльным делом, особенно усердно занимались туркмены и киргизы, обитавшие на берегах Каспийского моря и похищавшие как рыбаков, так и жителей селений на оренбургской пограничной линии.

Известный краевед, знаток архивных документов М.Л. Юдин писал в 1913 г.: «Шайки степных хищников не давали покоя пограничному населению. Подстрекаемые Хивой киргизы и туркмены производили частые нападения на линию, грабили жителей, угоняли скот, уводили русских людей в плен и продавали их в рабство на хивинских базарах. Хива жила трудом рабов и работорговлей. Здесь был главный рынок по сбыту русских невольников, за которых платили высокие цены. Добыча и продажа их составляли выгодный промысел, прельщавший лихих степных наездников и подвигавший их на бесчисленные дерзкие набеги. Больше всего гибло и увозилось русских пленников с рыбных ловель на Каспийском море. В 30-х годах наши потери

здесь доходили до 200 человек ежегодно и не было средств предотвратить их» [520, с.106].

Кроме того, Хива оказывала постоянный нажим на кочевавшие на соседних с ней землях, но находившиеся в российском подданстве киргизские народы, которых принуждали платить подати хивинскому хану. Сами киргизы находились в постоянной междоусобной вражде, которую не могли пресечь султаны-правители, официально признанные, но фактически не имевшие реальной власти. Несмотря на все усилия, не удавалось искоренить обычай «баранты», служивший основой кровавых междоусобных стычек.

Неприятности усугублялись повышением внимания Англии к Средней Азии, что создавало угрозу торговым и политическим интересам России. Поэтому русская политика в отношении восточных соседей стала в 30-е гг. XIX в. более активной и жесткой. Ее начал оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен, а затем последовательно проводил его преемник В.А. Перовский.

Началом этой политики явилась закладка Ново-Александровского укрепления. Другой важной политической мерой было устройство Новой пограничной линии, протянувшейся по киргизским степям от Орска почти 500 верст до станицы Березняковской. Выбор мест для новых укреплений сделала во время похода в 1834 г. экспедиция обер-квартирмейстера Отдельного Оренбургского корпуса полковника А.А. Жемчужникова, а в 1835 г. по линии было заложено четыре форта: Императорский, Наследника, Николаевский и Михайловский.

В.И. Даль непосредственно участвовал в разработке и осуществлении внешнеполитических проектов В.А. Пе-

ровского. Это видно из архивных материалов как официальных документов, так и личных заметок и писем. Любопытные подробности жизни Даля в это время можно найти в его записных книжках, которые находятся в рукописном отделе РГБ в Москве. Особый же интерес представляют его письма к сестре, Паулине Ивановне Шлейден, с которой он делился мыслями и заботами. Эти письма хранятся в Пушкинском доме (ИРЛИ), в Санкт-Петербурге.

В письме, датированном августом 1835 г., Даль сообщает сестре, что все лето он провел в седле, не уточняя, впрочем, деталей: речь шла о делах, связанных с устройством Новой линии и относившихся к разряду секретных⁴⁴. Более подробные сведения мы находим в его записной книжке, относящейся к 1835—1840 гг.⁴⁵ Здесь упоминаются две поездки: в мае и июне-июле.

Первая поездка описана в короткой заметке, которая озаглавлена «Прогулка в степь 1835, май» и начинается словами: «16-го в четвертом часу выступили в пестром и разнородном вооружении всех народов»⁴⁶. В ней отражены дорожные впечатления и в частности, остановка у киргизского хана, имевшего «17 жен, 4 сына и 35 дочерей». Возвращение в Оренбург датировано 25 мая.

Вторая поездка, названная в дневнике «Поход в степь II. Июнь 1835», длилась целый месяц. Даль отмечает⁴⁷, что они выехали из Оренбурга 4-го июня в 6 часов утра, 5-го прибыли в Орскую крепость, побывали на Тоболе и вернулись домой 5 июля, пройдя за это время 1005 верст. Кроме заметок о походе, мы находим в записной книжке сочиненную Далем «Песню для

уральцев на поход 1835 года на Тобол»⁴⁸, тексты уральских народных песен, а также наброски к его художественным произведениям рассказу «Подольянка» и повести «Бедовик».

Более подробно обстоятельства этого похода изложены в документах хранящегося в ГАОО дела «О перенесении части Оренбургской линии в Киргизскую степь»⁴⁹, начатого 24 марта 1835 г. Этим числом датировано письмо только что вернувшегося из столицы Перовского Г.Ф. Генсу. В нем военный губернатор сообщает председателю Пограничной комиссии о принятом Азиатским комитетом положении «по предмету сокращения оренбургской линии», которое было утверждено императором 5 декабря 1834 г. Далее следует переписка о выделении из казны на эту операцию 250 тысяч рублей, из которых 50 тысяч были выданы в мае 1835 г., а остальные выплачивались «по мере надобности».

Мы знаем, что Генс отправился в степь в мае, а отрядом, выступившим 4 июня, командовал сам Перовский. При нем находились чиновники особых поручений Даль, генерал-майор Циолковский, гвардии штабс-капитан Балкашин и линейного оренбургского батальона прапорщик Виткевич. Отряд состоял из 98 казаков и 50 башкирских всадников с офицерами⁵⁰.

Задачи и маршрут следования отряда описан в письме Перовского, отправленном в Петербург 16 июля. Он пишет: «Желая лично осмотреть все пространство земли, присоединяемое к Оренбургскому краю перенесением некоторой части линии, я отправился из Оренбурга 5 июня и через два дня выступил из крепости Орской с конным отрядом в числе 150 человек. Пройдя по

всем местам, через которые предполагается новая линия, я обозрел, кроме того, часть течения Тобола и другим путем возвратился в крепость Орскую ровно через месяц, сделав всего по одометру 1100 верст. При осмотре новой линии я нашел, что оба крыла ее заняты согласно Высочайше утвержденному предположению, а именно: на правом крыле основаны укрепления Императора и Наследника, на левом Михайловское, а в промежутках их, считая к флангам, сделаны пять редутов и десять пикетов; на каждом из этих пунктов находятся войска и производится заселение; на будущий год укрепление новой линии будет приведено к окончанию»⁵¹.

Как свидетельствует другое архивное дело⁵², действия Перовского «удостоились полного одобрения», выраженного в Высочайшем рескрипте, о котором он оповестил 22 сентября всех «участников и сподвижников своих на поприще службы».

Тот же путь по степи до Тобола прошла затем геологическая экспедиция под руководством Г.П. Гельмерсена. Она должна была исследовать места, где в 1834 г. отрядом полковника А.А. Жемчужникова были обнаружены следы золота. Экспедиция отправилась в конце июля из Орска и вернулась в сентябре. В дневниковых записях Г.П. Гельмерсена [531] подробно описан ее путь, результаты работы и приключения, пережитые ее участниками. Сам Гельмерсен возвратился больным и был вынужден оставаться до мая 1836 г. в Оренбурге, где привел в порядок данные метеорологических, барометрических и психрометрических наблюдений, которые проводил в Оренбургском крае с 1828 г.

Осенью 1835 г. началась подготовка к важной внешнеполитической акции, в которой В.И. Далю также пришлось принять самое активное участие. Продолжавшийся, несмотря ни на какие меры оренбургской администрации, невольничий торг русскими пленниками в Средней Азии вынудил Перовского приступить к более решительным действиям. 25 сентября он обратился к управляющему Азиатским департаментом К.К. Родофинкину с большим письмом, в котором заявил, что в Хиве и Бухаре живет до 3 тысяч русских, «которые на воровских происках киргизов и турхменцев лишились свободы и в тяжком рабстве, не доедая и не досыпая, ждут искупления своего»⁵³. «В то же время, — писал он, — с бухарским и хивинским правительствами нельзя иметь никаких сделок и условий, ибо все это делается без всякой пользы, только на бумаге... Несообразность таковых взаимных отношений в политике Державы нашей и этих ничтожных владельцев должна поразить всякого, кто имел случай познакомиться с этим предметом»⁵⁴.

Перовский напоминал об обязанности русских властей «изыскать средства для вынуждения от ханов Хивы и Бухары поступков, более сообразных с нашими понятиями о человечестве и справедливости», тем более что «этого требуют невинные жертвы рабства и само достоинство нашей Державы»⁵⁵. Поскольку политика ханов «состоит в том, чтобы обещать в случае нужды все с тем, чтобы не исполнять ничего», то было бы правильным «не ставить их на одну доску с европейскими державами, зная, что один только страх и необходимость могут вынудить от них поступки чести и справедливости, а

потому и должно действовать с ними положительнее и решительнее»⁵⁶. В качестве первой меры предлагалось задержать на год-два всех хивинских купцов, прибывших с караванами в Россию, и потребовать за каждого из них возвращения пяти русских пленников. Экономический ущерб от этого, по мнению Перовского, не будет значительным, так как «Хива и Бухара без нашей юфти и без железа существовать не могут; этих двух потребностей не могут им доставить ни Китай, ни Персия, ни Индия, а следовательно, временное и вынужденное обстоятельством затруднение в торговле в сущности не изменит взаимных торговых отношений»⁵⁷.

Написанный писарским почерком черновик этого письма, как и другие документы последовавшей затем обширной переписки с правительством, испещрены поправками Перовского и Даля. Иногда текст полностью написан почерком Даля. Можно думать поэтому, что именно он занимался подготовкой документов и разработкой плана задержания хивинских купцов, который начал осуществляться в 1836 г.

Вначале Перовскому было разрешено задерживать «праздношатающихся» хивинцев, которые разъезжают по степи под предлогом мелочной торговли или «принимая на себя названия мулл», восстанавливают киргиз против России и «побуждают к уводу людей, которых передают невольниками в Хиву и другие соседние владения»⁵⁸.

Однако более решительные меры долго отвергались и взамен предлагалось «усилить из государственного казначейства денежные средства на выкуп пленных». Как писал вице-канцлер К.В. Нессельроде, «тогда бухарцы

и хивинцы, движимые чувством интереса, сами станут мало-помалу привозить к нам наших пленных, и мы успеем, если не всех, то по крайней мере часть их освободить из неволи, не причиняя тем ни малейшего расстройства торговле, безопасность и сохранение коей при всех наших действиях относительно народов Средней Азии есть первая и главнейшая цель, с которой должны сообразоваться все прочие»⁵⁹.

В ответ последовало гневное и убедительное письмо Перовского, подготовленное, видимо, Далем (его рукой написаны дата и адрес). В нем эта мера отвергается, так как иначе «продажа русских русскому правительству обратилась бы в постоянный и доходный промысел»⁶⁰. Сейчас, сказано в письме, с помощью выкупа удастся освободить в год лишь 2-5 человек, тогда как увозится в плен от 50 до 100. Уже складывается мнение, что «правительство не считает нужным или возможным принять меры против этого зла» и растет «ропот народный». Действительно, ведь «каждый русский, попавший в Хиву, лишается жизни или свободы, между тем как хивинец чванно и смело выступает по оренбургскому Меновому двору или по нижегородской ярмарке»⁶¹.

Перовский утверждал далее, что «дерзость и самонадеянность хивинцев будет возрастать по мере снисхожденности с нашей стороны и жалкая, смешная, но крайне невыгодная уверенность их, что Россия без Хивы существовать не может, упрочиваясь более и более, будет руководить и управлять действием и поступками их еще в большей степени, чем ныне». Поэтому, по его мнению, необходимо принять справедливые и решительные

меры «для наказания дерзкого, строптивого и наглого образа мыслей и действий», учитывая, что «здесь дело идет о сохранении достоинства Державы, о благе народном, о произведении в быту невежественного и изуверского правительства общепользнего перелома»⁶².

Нессельроде возражал Перовскому, повторяя прежние доводы и напомнив, что «при нынешнем положении дел в Европе» резкое выступление против Хивы «было бы вовсе несообразно с нашими видами и лишь сделало бы политические обстоятельства еще сложнее и затруднительнее»⁶³. В ответном обширном письме от 5 мая 1836 года⁶⁴ Перовский доказывал, что отношения с хивинцами и так уже обострились до предела, что «они того только не делают, чего сделать не в состоянии»⁶⁵, что «бездействие наше ободряет наглых проходимцев», что «на письменные сношения Хива не отвечает, смеется в глаза, посланным грозит смертью и рабством, а отвечает дерзко, грубо, заносчиво»⁶⁶. В результате киргизы теряют уважение к России и среди них начинается смута, так что вскоре, может статься, «останется только действовать оружием, чего при нынешних обстоятельствах желать не должно»⁶⁷.

В подтверждение своих выводов Перовский ссылается на отправляемую им в Петербург «подробную записку», которая «составлена из показаний прапорщика Виткевича, на слово коего можно положиться».

В конце концов правительство признало убедительность доводов Перовского, и 22 июня К.К. Родофинкин сообщал ему, что «Государь Император вчера вечером собственноручно утвердить изволил постановление Азиатского комитета, разрешающее оренбургскому

военному губернатору действовать на основании предложенного им плана». При этом подчеркивалось, что «задержание хивинских купцов следует произвести не в каком-либо одном месте, а желательнее одновременно по Оренбургской и Сибирской линиям, в Астрахани и на Мангышлаке», и непременно объявить, что «все сии строгости относятся токмо до одних хивинцев, и тем успокоить прочих азиатцев, ведущих с нами торговлю». Эту акцию решено было провести осенью 1836 г.

Принимая решительные меры против Хивы, Перовский старался укрепить добрососедские отношения с Бухарским ханством. Важную роль в этом должно было сыграть путешествие в Бухару, которое совершил И.В. Виткевич. Никаких официальных полномочий у него не было и эту необычайно смелую поездку он предпринял самостоятельно.

В октябре 1835 г. ему было предписано⁶⁸ отправиться в степь, чтобы, «осматривая все глазом просвещенным и беспристрастным», добиться «личным внушением и советами» мира между враждующими киргизскими родами и содействовать «упрочению спокойствия в самой орде и ограждению ее от смущений со стороны внешних врагов, завистников и ложных притворных доброжелателей». Здесь речь шла о хивинцах, которые подстрекают подданных России киргизов против русского правительства и «из видов корыстолюбия вовлекают их в несчастье».

В том, что Виткевич с его «знанием языка и местных обстоятельств» с заданием справится, сомнения не было и ему предписывалось провести всю зиму в аулах вблизи реки Сыр-Дарьи, добравшись туда с попутным бухар-

ским караваном. Ему поручалось также освободить из плена находившегося там казака Степанова с женой, которые были захвачены летом на линии. Наконец, он должен был обратить «самое бдительное внимание на слухи о событиях в Средней Азии». В данной ему инструкции говорилось: «Бухарцы и хивинцы, несмотря на то, что они пользуются чрезвычайными выгодами от торговли с Россией, без которой они не могут обойтись, умышляют всегда против нас зло, покупают и держат в неволе наших людей, возмущают киргизов (т.е. казахов) и всегда готовы внимать советам, для нас невыгодным. Советы такие легко могут им быть предлагаемы европейцами, начавшими посещать соседние нам области Средней Азии, и потому мы должны наблюдать тщательно сношения их».

Как сообщал позднее Виткевич, некоторые обстоятельства заставили его несколько изменить планы, продолжить путь с тем же караваном, «проникнуть далее и побывать даже в самой Бухаре». Там он, «отказавшись сидеть взаперти», сумел обеспечить себе достаточную свободу действий, чтобы получить интересные сведения о неизвестной Бухаре, ее хозяйстве и системе управления, нравах и обычаях народа, а также о происках англичан в Средней Азии. Пробыв в столице ханства со 2 января по 13 февраля, Виткевич в конце апреля вернулся в Оренбург вместе с афганцем Хусейном-Али, посланником афганского эмира Дост-Мухаммада, который отправил его в Петербург, чтобы заручиться помощью русского царя в борьбе против англичан.

Таким образом, во второй раз после П.И. Демезона, посетившего Бухару двумя годами ранее, сотруднику

В.А. Перовского удалось лично познакомиться со страной, недоступной европейцам, и благополучно вернуться из опасной поездки. Отчет о ней, озаглавленной «Записка, составленная по рассказам оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно», получил — как важный политический документ — гриф секретности. Почти полтора столетия он оставался неопубликованным и впервые был напечатан только в 1983 г. [492].

Составил «Записку» В.И. Даль. Об этом свидетельствует заметка, сделанная по-немецки Г.П. Гельмерсеном на рукописи, которая хранится в Санкт-Петербурге в ПФА. Упомянув, что сам был знаком с Виткевичем, Гельмерсен указал, что рассказ о путешествии в Бухару отважный прапорщик «продиктовал в Оренбурге своему другу Далю»⁶⁹.

Вскоре по приказу из Петербурга Виткевич был вместе с Хусейном-Али отправлен Перовским в столицу, где должен был дожидаться решения вопроса. Дело затянулось надолго, потому что правительство колебалось, не желая обострять отношений с Англией. Виткевич в письмах к Далю [373] делился впечатлениями и, узнав, что Перовский собирается в Петербург, выражал надежду на встречу. Эта встреча состоялась, так как Перовский вместе с Далем приехал в столицу в начале зимы 1836—1837 г.

Летом 1836 г. в Оренбурге появилось новое лицо — восемнадцатилетний выпускник Царскосельского лицея Яков Ханьков, занявший должность чиновника особых поручений при военном губернаторе, которую Перовский выхлопотал специально для работы по статисти-

ческому описанию Оренбургского края. В.И. Далю предстояло с ним сотрудничать. Несмотря на разницу в возрасте, он нашел в молодом человеке единомышленника, близкого по интересам и стремлениям.

Яков Владимирович Ханыков (1818–1862) [359], видный статистик, географ и картограф, деятельность которого была тесно связана с Оренбургским краем [356]. Ему принадлежат общие обзоры природы и экономики края, составленные во время службы в Оренбурге в 1836–1842 гг.: «Географическое обозрение Оренбургского края», «Обозрение рудного производства частных оренбургских заводов в 1838 году», «Орографическое обозрение Южного Урала» (опубликовано в 1834 г. на английском языке в «Журнале Королевского Лондонского географического общества»), «Очерк состояния Внутренней киргизской Орды в 1841 году».

Особую группу составляют важные для своего времени исследования Я.В. Ханыкова об экономических отношениях России с ханствами Средней Азии.

Подлинную славу в ученом мире принесли ему картографические работы: карта Южного Урала (1841 г.), карта Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями (1851 г.) и др. Они получили высокую оценку крупнейших географов того времени — А. Гумбольдта и Р.И. Мурчисона.

В 1851 г. Я.В. Ханыков был избран секретарем Русского географического общества. После вторичного назначения В.А. Перовского в Оренбургский край он последовал за ним и в 1852–1855 г. занимал должность оренбургского гражданского губернатора.

Творческая активность В.И. Даля как писателя и журналиста в 1835-1836 гг. продолжала возрастать, несмотря на его загруженность служебными делами. В столичных изданиях появлялись его сообщения об Оренбургском крае, продолжали выходить пользовавшиеся большой популярностью у читателей сказки Казака Луганского. Печатались также работы научного содержания, под которыми стояла подпись «Доктор медицины Даль». Журнал «Библиотека для чтения» напечатал статью В.И. Даля «О козьем пухе» [23], в которой рассматривается история оренбургского пуховязального промысла, а ежегодник Дерптского университета — заметки о лечебных свойствах кумыса [29, 30].

С 1835 г. началось сотрудничество В.И. Даля в «Энциклопедическом лексиконе» А.А. Плюшара — первом справочном издании для образованных русских читателей, единодушно поддержанном в ученых и писательских кругах. Статьи заказывались известным литераторам, специалистам в различных областях науки, техники, искусства. Главным редактором первых семи томов был Н.И. Греч. Всего в 1835—1841 гг. вышло 17 томов «Лексикона», но затем издание прекратилось, оставшись незавершенным.

В предисловии к первому тому доктор медицины В.И. Даль назван в числе сотрудников и особо упомянут среди авторов, «бывших в местах, ими описываемых» и посвятивших статьи русской географии и статистике. Его многочисленные очерки касаются не только природы края, но и толкования терминов, связанных с ним и слов татарского и казахского происхождения (айда, айдар, айран, аксакал, аксюяк, арчак, баранта, биш-

бармак и др.). В.И. Даль проявил здесь не только хорошее знакомство с тюркскими языками, но и глубокое знание быта и обычаев башкир, татар, киргиз-кайсаков, полученное при повседневном общении с ними. Оно проявилось и в повести «Бикей и Мауляна», которую Даль в то время готовил к печати. В начале 1836 г. он закончил «Памятную книжку для нижних чинов императорских казачьих войск» [39], которая содержала правила, регламентирующие службу и жизнь казака. В письме к сестре 7 марта Даль сообщал: «Я написал, по поручению начальства, «Памятную книжку для казачьих войск». Я очень любопытен, как это получилось и как ее примут. Это народная книжка, написанная простым языком, в которой излагаются все правила и обязанности казака». А 4 июня он уже писал о том, что книжка получила одобрение императора и о предложении написать такую же книжку для солдат: «Памятная книжка моя, о которой ты спрашиваешь, удостоилась полного Высочайшего одобрения и распространена во все казачьи войска; кроме того, поручено мне написать еще нечто подобное, более простое в виде... народного чтения для солдат. Это мне очень приятно; и это занятие, за которое я взялся бы охотно и с большим чувством самоуверенности; в этом роде я могу быть полезен».

О личной жизни В.И. Даля рассказывают его письма к П.И. Шлейден⁷⁰. В письме, датированном 20 или 25 августа 1835 г. (дата неразборчива) он сообщает сестре, что дом, в котором его семья жила до тех пор, — вероятно, дом В.И. Звенигородского — продается и на днях придется переезжать, так что жена «хлопочет с банками, склянками, горшками и другим скарбом».

Из этого письма также видно, что мать Даля, Юлия Христофоровна, перебирается из Дерпта в Астрахань, к дочери Александре, а его младший брат Павел, заболевший чахоткой, отправился в Италию. Е.В. Даль в своих воспоминаниях рассказывает, что он был за что-то исключен из Дерптского университета. «Павел написал отцу пререзкое письмо на могера, — пишет она, — но отец отвечал ему, что в его глазах могер всегда и во всем будет безусловно прав». Непонятное слово «могер» четко написано в рукописи, которую в 1995 г. обнаружила в рукописном фонде Пушкинского Дома и опубликовала в альманахе «Гостиный Двор» А.Г. Прокофьева [261]. По-видимому, переписчик ошибся и написал «могер» вместо «Мойер», и речь идет о хирурге И.Ф. Мойере, любимом учителе Даля. Если Павел поссорился с Мойером, то понятно, почему старший брат был с ним так резок. Он сердился и за то, что Павел не оправдал надежд матери и свел на нет все ее усилия дать ему образование. Даль мало надеялся на выздоровление Павла: «Климат, право, везде один; он может дать отсрочку на две недели больному, но не спасает никого. И в южной Франции люди живут не долее нашего, и все, которых туда посылают лечиться от таких болезней, не возвращаются. Это пустое». Он оказался прав.

Сыну Даля, Льву-Арслану, в это время уже исполнился год. Отец описывает малыша коротко, но ярко: «У сына моего глаза голубые, волосы — не знаю, какие будут, теперь русые. Он бегаёт сам и ломает все, что в руки попадет. Большой разбойник. Полон рот зубов».

Кроме семейных и хозяйственных забот в письмах обсуждаются литературные дела Даля. Он немного

жалуется на издателей, у которых залеживаются его рукописи, на петербургских приятелей, обещавших помочь и позабывших об этом. «Если бы я был там сам, — пишет он — все бы пошло». Пишет Даль и о впечатлении от первого тома «Энциклопедического лексикона» Плюшара: «Если бы словарь наш издавался толковее, то было бы довольно работы; но опять беда: у людей голова кругом ходит от миллиона, который выручили, и им некогда заниматься пустяками. Как-нибудь, авось и небось. Впрочем, первый том гораздо лучше, чем я надеялся». Из письма видно также, что Даль начал посылать сестре свои работы для перевода на немецкий язык и публикации «где угодно». В дальнейшем Паулина Ивановна систематически помещала статьи брата в газете «Петербургские ведомости», издававшейся на немецком языке.

Следующее письмо написано 7 октября 1835 г., всего через месяц с небольшим после предыдущего. Речь в нем опять идет о заботах по изданию посланных в Петербург сказок, работе над статьями для энциклопедического словаря Плюшара и о семейных делах. Даль вновь сетует на трудности, вызванные невозможностью часто бывать в Петербурге, на занятость друзей, обещавших помочь в издательских хлопотах, на строгости цензуры.

Он пишет: «Поверишь ли, что ... цензура делает? Вымарала мне половину книжки, ни дай, ни вынеси! Запретила употреблять в сказке слово *чудо*, будто оно пригодно только для священных предметов; вымарала поговорку: «Видно ты в солдатах не бывал, руки не знаешь», не позволили князю Владимиру низко кла-

няться перед Полканом — словом, нельзя ни в каком уставе выразить тех придилок, которые цензура себе позволяет, а между тем, просить на них некому, да и пенять на них нельзя: обожжешься на молоке, будешь дуть и на воду».

Даль сообщает о своих литературных занятиях и планах: «Теперь я занимаюсь приведением в порядок сведений о Средней Азии, показаний русских пленников и пр. и едва ли кончу все это прежде полугода».

О словаре Плюшара он пишет: «В первом томе, если увидишь его, найдешь статей пять, маленьких, моей работы, во втором — не знаю, что будет; а посылал я всего, на четыре первые буквы, статей до 50. Впрочем, первый том вышел лучше, чем можно было, по поспешности дела, ожидать. Во всяком случае, предприятие важное и достохвальное». Однако свое участие в этом предприятии Даль «до времени» приостановил из-за неясностей с оплатой и неопределенности с заказом статей, ему не сообщают, «какие статьи обрабатывают», и он опасается, что «работа пропадет».

Из этого письма мы узнаем, что жена Даля ждет второго ребенка, что мать решила перебраться в Оренбург, что сюда же планирует переехать из Астрахани семейство сестры Александры, но возникли некоторые осложнения с переводом ее мужа на службу к Перовскому, что Даль очень доволен новым жильем: «Мы теперь на новой квартире: немножко потеснее, но хорошо и уютно. Здесь так трудно найти жилье, особенно семейное, что такой дом, как у нас теперь, клад. Мы не должны с ним расстаться, покуда пробудем здесь, разве что хозяин сам выгонит...»

Интересны мимолетные замечания Даля о жизни в Оренбурге, о привычках жителей города. Он упоминает о проведенных недавно скачках и об описании их, подготовленном для «Северной пчелы». Для передачи П.П. Шлейдену, мужу Паулины Ивановны, такому же заядлому охотнику, как он сам, Даль сообщает: «На этой неделе поеду с Перовским на 5 дней в горы, на охоту, которая здесь так богата — расскажи это П.П. — знаю, не поверят люди, если б об этом рассказывать: сотня зайцев на десять ружьев в одно поле, дело обыкновенное; привозили мы и по 150... Скажи также П.П., что вальдшнепов бьем мы также десятками».

Особенно нравится ему свобода от светских условностей, простота жизни в Оренбурге. Он пишет: «Есть ли у вас в Москве тонкое верблюжье сукно? Мы здесь ходим, изволите видеть, в черкесках, а они всего лучше и дешевле из самоцветного верблюжьего сукна... Я теперь два года в Оренбурге и два или три раза надевал порядочное платье. За это Оренбург наш город золотой; ходи в чем хочешь: кто в шелку, кто в меху — никому нет нужды. Кажется, что до войсковых это не относится: те на вытяжку, как всюду. Но и сам Перовский ходит в казацьем мундире».

Любопытны высказывания Даля по поводу его отношения к наградам: «Ты упоминаешь о наградах моих, по службе — об этом я, кажется, не писал тебе ничего — скажу теперь вот что: два чина, которые здесь получил, следовали мне за выслужением срока. Это не награда. А получил я Станислава 3-й степени да теперь еще 200 руб. денег. Но замечу, что я, при нынешнем положении моем, упираюсь руками и нога-

ми противу наград. Еще прошлою зимою, когда Перовский был в Петербурге, написал к нему особое письмо, которое заключил таким оборотом, что принудил его сделать, чего мне хотелось, т.е. не представлять меня к наградам. На это у меня были свои причины, а именно: он и так уже сделал для меня много, и я хочу отслужить несколько и не оставаться у него в долгу свыше сил моих. Во-вторых, у меня завистников довольно, знают же меня еще мало, а я не позволю никому попрекать себя, чтобы я получал более, чем заслуживаю, более, чем люди, которые работают более меня. Это чувство для меня в такой степени нестерпимо, что мне без всякого сравнения гораздо легче переносить обратное положение дел, которое я испытал довольно резко у Ридигера, во время и после Польской кампании. Но полно об этом, можно бы наговорить с три короба, да я не совсем охотно пускаюсь на этот предмет».

Весна 1836 г. ознаменовалась для В.И. Даля радостным семейным событием: у него родился второй сын, названный Святославом. По этому поводу он писал сестре: «Имею честь поздравить: прибыл казак, 4-го марта в 8 часов утра. Такой же молодец, как и Ленька, который зовет его: «мой баць», т.е. мой братец. Жена совсем здорова».

Сохранились и две записки В.А. Перовского, откликнувшегося на рождение мальчика в свойственной ему шутливой манере. В первой значится: «Душевно рад и поздравляю; надеюсь, что вы и второму внушите те строгие правила, которыми отличается первый. Между тем продумайте, как бы нам это радостное событие скрыть

от пастора и окрестить новорожденного домашними средствами»⁷¹.

Во второй записке, носящей служебный характер, Перовский торопит Даля, который работает над нужным ему документом. Он пишет: «Если бы мне не было известно, что вы час спустя после рождения возлюбленного сына вашего (имени еще не знаю) ходили стрелять зайцев, то я бы не беспокоил вас о имеющейся у вас бумаге относительно калмыцких челнов, потому что рождение сына и даже дочери есть законная причина на прерывание на несколько дней занятий по службе; но по вышеупомянутой причине, кажется, могу... спросить у вас, готова ли та бумага»⁷².

Год четвертый (1836–1837)

Отложенная до осени акция по задержанию хивинских купцов была проведена 20 августа 1836 г. На оренбургском Меновом дворе были задержаны 372 купца, а их товары, примерно на полмиллиона рублей, опечатаны и взяты на хранение. В.А. Перовский отправил хану послание, в котором объявил, что купцам будет позволено уехать вместе с имуществом только после того, как будут выполнены справедливые требования России.

Мотивируя принятие столь жестких мер, Перовский писал: «Хивинцы начинают распоряжаться в степи кайсацкой, как дома: собирают подати с киргизов и купцов наших, грабят и притесняют киргизов, устанавливают своих ханов в Орде. Между тем Хиве не может быть неизвестно, что кайсаки эти уже со времен Абулхаир-Хана, т.е. уже более ста лет, подданные русского госу-

даря и, следовательно, расправе хивинского правительства не подлежат»⁷³.

Главное требование к хану касалось запрета на невольничий торг русскими подданными. Ему предлагалось также устранить неравноправие в русско-хивинской торговле. «Ни один купец, ниже путник наш, — говорилось далее в послании, — не смеет показаться в Хиве, потому что, нарушая все народные права, хивинцы встречают гостей своих ножом, ядом или кандалами невольников. Между тем хивинские купцы, доселе свободно разъезжали по всему Российскому государству, пользовались покровительством законов, словом, торговали, меняли, приезжали и уезжали по своей воле без малейшего от нас притеснения»⁷⁴.

Заключение послания звучало категорически: «Верните всех русских пленников и дайте ханское слово вести себя впредь мирно и дружественно; не поощряйте грабежей и разбоев, не мешайтесь в управление кайсацкого народа, дайте подданным Императора Всероссийского те же права у вас, какие он дает у себя вашим — и старое забыто»⁷⁵.

В.И. Даль участвовал в разработке плана акции и составлении связанных с ней документов. Его рукой написан текст предварительных распоряжений военного губернатора, которые были отданы 14 августа 1836 г. Пограничной комиссии, таможене, полицмейстеру, армейским и казачьим офицерам⁷⁶. Все были уверены, что принятые меры окажутся действенными, потому что вскоре дошли слухи, будто хивинский хан принял решение немедленно отпустить русских пленников на родину.

Тем временем В.А. Перовский готовился к командировке в Петербург, куда собирался отправиться вместе с В.И. Далем поздней осенью. В столице военный губернатор предполагал получить правительственную оценку некоторых своих проектов - как внешнеполитических, так и научных, связанных с изучением Оренбургского края. К последним относилось предложение об отправке исследовательской экспедиции к северо-восточным берегам Аральского моря. Этот проект Перовский намеревался обсудить также в Академии наук.

Понимая важность изучения природы Оренбургского края, в то время еще совсем мало известной, Перовский всячески содействовал естественнонаучным исследованиям. В 1835 г. по его инициативе в Оренбурге начали проводиться метеорологические наблюдения с помощью барометра и термометра, которые он заказал в механических мастерских Казанского университета. Выполнять эту работу Перовский поручил Ф.К. Зану.⁷⁷ Тогда же у него возник план создания «Музеума естественных произведений Оренбургского края», также требовавший поддержки петербургских ученых.

У В.И. Даля с поездкой в Петербург были связаны литературные планы. Ему предстояло выяснить отношения со столичными издателями, к которым у него появилось немало претензий. Это касалось прежде всего редактора журнала «Библиотека для чтения» О.И. Сенковского (1800—1858). Известный ученый-востоковед, занявшийся литературой и писавший под псевдонимом «барон Брамбеус», он снискал себе как журналист дурную славу. Редактируя журнал, Сенков-

ский допускал произвол по отношению к авторам и их текстам, что крайне возмущало Даля.

Особенно задели его поправки, которые редактор внес в «Сказку о Георгии Храбром и волке» [34], вышедшую в 1836 г. в 14-м томе журнала. Ею Даль дорожил. В примечаниях к тексту он заметил: «Сказка эта рассказана мне А.С. Пушкиным, когда он был в Оренбурге, и мы вместе поехали в Бердскую станицу, место пребывания Пугача во время осады Оренбурга. Этот разговор состоялся 19 сентября 1833 г.».

О своем негодовании по поводу действий Сенковского Даль писал П.И. Шлейден 7 марта 1836 г.: «Георгий Храбрый», сказка моя, напечатана в «Библиотеке», но опять с такими исправлениями, что они меня вывели из терпения; я написал к Смирдину, и требую, чтобы он отдал все рукописи мои и не печатал бы ничего моего в «Библиотеке». Сенковский этот подлый, самолюбивый и нахальный человек, который оседлал Смирдина и делает, что хочет»⁷⁸.

В письме к сестре от 4 октября Даль опять вспоминал «барона Брамбеуса, который, чай, скоро будет подписываться Наполеон, Чингиз-хан и Бог знает чем»⁷⁹.

Свои чувства к Сенковскому Даль выразил в написанной им в августе 1836 г. статье «Во всеуслышание», которую адресовал А.С. Пушкину как издателю нового журнала «Современник». «Какой вольный казак словесного царства, — спрашивал Даль, — потерпит над собой и над самим художеством самовластие этого хивинского хана? И взгляните на все, что он писал, то есть сам писал, а не набрал на прокат у других: в науке положительной он, может быть, полезен; но в изящной словес-

ности писатель безвкусный, приторный, неблагоприс-
тойный, развратный, а разврат всегда распростра-
нется и прививается легче и скорее, чем сама добродетель. Вот почему хан этот опасен и вреден» [38, с.479].

Поездка в Петербург, где он не был уже три года, радовала Даля. Ему не доставало живого общения со столичными литераторами, с друзьями. Он хотел повидаться с родственниками по материнской линии — теткой Анной Христофоровной, двоюродными братьями Федором Небо и Алексеем Реймерсом, а по дороге встретиться в Москве с сестрой Паулиной.

Правда, семейных забот у Даля прибавилось. В Оренбург приехала его мать, Юлия, или — как ее чаще называли — Ульяна Христофоровна. Женщина властная и резкая, она, видимо, не очень сдружилась с невесткой и подумывала об отъезде в Астрахань к дочери Александре. Настроение матери тревожило и огорчало Даля, тем более, что вопрос о переводе в Оренбург мужа сестры, П.О. Кистера, уже решился.

Своими переживаниями Даль делился с Паулиной Ивановной. Он писал ей 4 июня: «Мы теперь на летней кочевке, в горах, живем весело в балаганах и кибитках; жена моя, маменька и дети в 30 верстах отсюда, у помещика адъютанта губернаторского Балкашина; вчера жена с детьми приехала ко мне, погостить; она раза четыре заболела лихорадкой, но теперь здорова и в деревне очень поправилась. Дети тоже. Не знаю, нравится ли маменьке у нас, довольна ли она, кажется, не совсем. Бог знает, как это так сделалось, и я и жена все готовы для нее сделать, но, может быть, не умеем, делаем не ладно, не во время. Мне, признаюсь, кажется,

будто она с самого начала не совсем полюбила жену мою, которая, право, любит ее всею душою, но, может быть, не умеет это показать. Как это странно и нехорошо на свете, что иногда добрые, хорошие, благомыслящие люди не могут сойтись без всякой вины и причины.

Впрочем, это одна догадка с моей стороны и речей об этом не было никаких. Между тем она все порывается в Астрахань, и я не знаю, как быть. Перовский говорит, что это было бы весьма неосновательно, если бы я ее отправил или увез туда, чтобы ей взад и вперед проездить (слишком дорогая дорога), потому что перевод Кистера сюда ожидается с недели на неделю. Клейнмихель уехал до сентября в отпуск, и это может задержать дело; но (все говорят) неблагоприятно ехать теперь в эдакий дальний путь с тем, чтобы воротиться опять через несколько месяцев; дорога трудная, дальняя и хлопот и расходов было бы много»⁸⁰.

В конце лета 1836 г. произошло важное для семьи событие — покупка дома [303]. Даль не собирался приобретать жилья в Оренбурге, но как писала его дочь, «какой-то отъезжающий до тех пор приставал к отцу, купи да купи у меня дом, что в самом деле купил» [264, с.143]. В то время большинство домов оренбургских чиновников числилось за их женами. Из документа, недавно обнаруженного в ГАОО, следует, что Даль оформил купленный дом на мать. На «Плане I-й части 3-го квартала»⁸¹ обозначен участок, находившийся недалеко от Орских ворот и ограниченный улицами Орской (теперь Пушкинская), Преображенской (современная улица 8-го Марта) и Артиллерийской площадью (на ней позднее был построен католический костел).

Хозяйкой дома названа «вдова, статская советница Ульяна Христофоровна Даль».

После переезда в новое жилище Даль писал сестре: «Маменька теперь живет у нас немного привольнее, по крайней мере своя комнатка, отдельная, в стороне». В новом доме нашлось помещение и для токарного станка, на котором он с увлечением работал. Об этом он рассказывал в более позднем письме: «В новый покой свой, большой, просторный, поставил я верстак и станок токарный, потому что сидячая жизнь меня убивает, а здоровье нужно не на один год или два, а если угодно еще пожить, то лет на десяток — другой. Поэтому я каждый день часа два работаю на станках своих до усталости и бываю здоровее и веселее»⁸². По-видимому, вслед за ним токарным делом увлекся и Перовский. Это видно из его записки, датированной, вероятно, 1836 г.: «Вчера я строгал до двух часов ночи и источил весь кленовый болванчик, пришлите мне другой, хоть березовый. От работы болит поясница, зато вы удивитесь успехам»⁸³.

Собираясь поздней осенью в столицу, В.И. Даль тревожился о жене, которая надолго оставалась одна с детьми. Он писал Паулине Ивановне 4 ноября: «Я еду скоро в Питер и еду один, жена не решается покинуть ребятишек. Я еду с Перовским, по делам, иначе бы гораздо охотнее остался здесь. Как быть! А несмотря на все уверения Юлии, думаю, что ей очень грустно будет здесь, а матери ее и вдвое того жаль [Мать Юлии Егоровны жила в Петербурге. — Авт.]. Как быть! Надобно стараться как можно скорее воротиться, и я думаю, что в феврале, коли не раньше, непременно поспею назад. Рад я увидиться с вами и с петербургскими друзьями,

приятелями и родичами — а все жаль покидать месяца на три жену — не для себя, я не встоскуюсь. Да ей будет тошно; и дом, и хозяйство, и люди, и дети, а хозяина нет; хлопот и неприятностей куча!

Мне позволят приостановиться у вас на несколько дней...

Зато прогулявшись да воротившись, заживешь вдвое уютнее и веселее, как душа потянется на свой очаг. В гостях хорошо, дома лучше! Жена сделала при этом одно только условие: чтобы весной не держать ее ни под какими предлогами, а отпустить куда-нибудь в деревню. Ей летом так душно и скучно в городе, что мочи нет, в деревне каждый раз она молодеет душой и телом»⁸⁴.

В этом письме В.И. Даль говорит, что полностью удовлетворен жизнью: «Подумаешь, я теперь в таком достатке, относительно житейского быта, что мне, право, по совести остается только изливать молитву свою чистою благодарностью, просьбы у меня нет, кроме: продли нынешнее наше положение. А между тем, сколько мелочных, суетных, пустых, но докучных хлопот, ни дня без досады! Как быть!» Упомянув о письме от брата Павла, дела которого «не совсем хорошо, не совсем и худо», так что остается надежда на выздоровление, и о болезни бабушки, он заключает: «Все горе да горе кругом — как не благословлять судьбы, пока у меня все хорошо?»

Готовясь к поездке, Даль вынужден был заботиться о зимней одежде для Петербурга. «Теперь у меня до вас просьба, — обращается он к сестре, — у меня нет теплого плаща; здесь носил я тулуп, лошадиный (чепрак) и проч., там этого нельзя будет; надо обзавестись. Генерал Циолковский, который все знает, посоветовал мне

купить в Москве песцовый лапчатый мех; самый лучший стоит 120 руб. Мех дешев, прочен и хорош. Ц. посылает меня в большой ветошный ряд, в лавку Ефима Ломова, уверяет, что лавка эта одна из наидешевейших и что меха хороши. Посылаю 200 руб. Нельзя ли просить Эдмунда, чтобы он соорудил это? Шубу подберут там же, в лавке, а воротник я привезу с собою. Покрыть ее сукном рублей в 10-12, какого цвету (неважно), не маркого. Проси об этом Эдмунда, я ему спасибо скажу. Если может быть дешевле тридцати, то пусть возьмет сукна вал, небольшую штуку, и справит мне также легкий плащ; и этого у меня нет, оно и кстати. И остаток пригодится мне. Впрочем, виноват, камлотовый плащ лучше; я его могу справить в Питере. Летнего не шейте. Посылаю 200 рублей»⁸⁵.

Командировка началась в декабре и продлилась всю зиму. Год 1837-й В.И. Даль встречал в Петербурге. Как и ожидалось, эта поездка в столицу, первая за время службы в Оренбурге, оказалась для него очень интересной и полезной. Он смог повидаться со старыми друзьями и родственниками по материнской линии, возобновить знакомства в писательской среде, установить личные деловые отношения с издателями.

Круг столичных литераторов принял Даля как уже признанного писателя, автора многих произведений, получивших к тому времени широкую популярность. Он активно включился в развернувшуюся борьбу против «торгового» направления в журналистике, которое олицетворял О.И. Сенковский. Против него выступали близкие Дालю по взглядам В.Ф. Одоевский, А.А. Краевский, В.А. Сологуб, А.П. Башуцкий и др. Централь-

ной фигурой этой группы был А.С. Пушкин, с которым Даль встречался часто и дружески. Продолжалось его старое знакомство с В.А. Жуковским и Н.И. Гречем.

Можно думать, что по приезде в Петербург В.И. Даль передал А.С. Пушкину для публикации в «Современнике» упоминавшуюся выше статью «Во всеуслышание». Пушкин был для него высоким образцом не только в художественной литературе, но и в журналистике, которая, как он считал, приходила в упадок из-за Сенковского, «вносившего в нее недобрый, враждебный и губительный дух». Критикуя Сенковского и высказывая свой взгляд на роль журналиста, Даль называет «Современник» А.С. Пушкина и «Московский наблюдатель» М.П. Погодина журналами, «основанными, по духу и направлению своему, с достойной и благородной целью», а чувство, испытываемое в обществе к Пушкину, должно, по его мнению, «воспламенить каждого из нас к благородному соревнованию на поприще полезного и изящного».

Столичная жизнь давала В.И. Далю немало ярких впечатлений. Представление о том, чем жил Петербург в зимние месяцы 1837 года, мы можем составить, перелистав подшивки газет «Северная пчела» и «Литературные прибавления к Русскому инвалиду». Сообщалось, что в Большом театре шли спектакли «Жизнь за царя» М.И. Глинки и «Севильский цирюльник» Дж. Россини, что из печати вышли третье издание «Евгения Онегина» А.С. Пушкина и вторая книга записок «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой. Особое внимание привлекали начавшиеся осенью пробные поездки между Царским Селом и Павловском по первой в России железной

дороге. Хотя «о дозволении австрийскому дворянину фон Герстнеру учредить акционерную компанию для постройки двух железных дорог Санкт-Петербург — Царское Село и Санкт-Петербург — Петергоф» было сообщено в «Северной пчеле» только 20 марта 1836 г., уже 29 сентября газета писала о «первых опытах езды». Несмотря на суровую зиму, поездки прошли успешно и показали, как отмечалось 8 января, что «хорошо устроенные железные дороги могут служить и в самую дурную погоду: и ни дождь, ни буря с метелью, ни сильные морозы им не мешают». Следующие десять поездок были благополучно проведены 24 января и газета известила, что вскоре будет объявлено о времени открытия всей дороги.

Затем последовало известие о горестном событии, потрясшем Петербург и всю Россию. «Сегодня, 29 января, — писала «Северная пчела», — в 3-м часу пополудни литература русская понесла невознаградимую потерю: Александр Сергеевич Пушкин, по кратковременных страданиях телесных, оставил юдольную сию обитель. Пораженные глубочайшей горестью, мы не будем многоречивы при сем сообщении: Россия обязана Пушкину благодарностью за 22-летние заслуги его на поприще словесности, которые были ряд блистательнейших и полезнейших успехов в сочинении всех родов. Пушкин прожил 37 лет: весьма мало для человека обыкновенного, и чрезвычайно много в сравнении с тем, что совершил уже он в столь краткое время существования, хотя много, очень много могло бы еще ожидать от него признательное отечество».

Газета «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» поместила в черной рамке знаменитый текст,

составленный В.Ф. Одоевским: «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более о сем говорить не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! Наш поэт! Наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина? К этой мысли нельзя привыкнуть!» (В этом же номере газеты было опубликовано очередное произведение В.И. Даля — украинская сказка «Ведьма»). Гибель Пушкина стала для Даля огромной личной бедой. Узнав от Башуцкого о дуэли и ранении поэта, он сразу пришел к нему на квартиру, «приблизился, — как писал он позднее, — к одру смерти и не отходил от него до конца страшных суток». Как вспоминал К.К. Данзас, Даль «до самой смерти Пушкина оставался в его доме с другими друзьями Пушкина и отлучался только на несколько минут. Пушкин не был коротко знаком с Далем и говорил ему «Вы», а в последние минуты начал говорить «ты» [441 т.2, с.378].

В записках В.И. Даля, озаглавленных «Смерть А.С. Пушкина», передано потрясение от потери великого человека, побратавшегося с ним «уже не для здешнего мира». Он восхищается мужеством Пушкина, который «заставил всех присутствующих сдружиться со смертью, так спокойно он ожидал ее, так твердо был уверен, что последний час его ударил» [там же, с.267].

Даль писал: «В продолжение долгой, томительной ночи глядел я с душевным сокрушением на эту таинственную борьбу жизни и смерти и не мог отбиться от трех слов из «Онегина», трех страшных слов, которые

неотвязчиво раздавались в ушах, в голове моей, — слова: «Ну, что ж? — убит!» О, сколько силы и красноречия в трех словах этих! Они стоят знаменитого шекспировского вопроса: «Быть или не быть». Ужас невольно обдавал меня с головы до ног, я сидел, не смеядохнуть, и думал: вот где надо изучать опытную мудрость, философию жизни, здесь, где душа рвется из тела, где живое, мыслящее совершает страшный переход в мертвое и безответное, чего не найдешь ни в толстых книгах, ни на кафедре!» [там же, с. 268-269].

Воспоминания Даля стали для исследователей жизни Пушкина важнейшим документом, который составил не только глубоко потрясенный друг, но и опытный врач, поставивший диагноз и объективно описавший ход смертельного недуга. Он очень точно (это подтверждено воспоминаниями других очевидцев смерти Пушкина) воспроизвел все подробности той страшной ночи. Поэтому его записками воспользовался В.А. Жуковский, который 15 февраля 1837 г. писал С.Л. Пушкину о последних часах жизни его сына [там же, с. 393-407].

В то же время записки В.И. Даля — это медицинский документ, в котором с протокольной четкостью и точностью описано развитие последствий пулевого ранения, дано, на основании вскрытия тела, заключение о смертельном характере этого ранения и о потере крови как причине смерти.

В разное время В.И. Даль обнародовал все, что ему было известно об А.С. Пушкине. Особый интерес представляют воспоминания об их встречах, в том числе о встрече в Оренбурге в 1833 г. и совместной поездке в Берды. Даль писал в этой связи: «Пусть бы всякий сно-

сил в складчину все, что знает не только о Пушкине, но и о других замечательных мужах наших. У нас все родное теряется в молве и памяти, и внуки наши должны будут искать назидания в жизнеописаниях людей не русских, к своим же поневоле охладеют, потому что ознакомиться с ними не могут; свои будут для них чужими, чужие сделаются близкими. Хорошо ли это?» [там же, с.264].

В написанных около 1840 г. «Воспоминаниях о Пушкине» В.И. Даль упомянул о вещах поэта, которые он получил на память. «Мне достался, — пишет он, — от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень его с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл, не знаю почему, талисманом; досталась от В.А. Жуковского последняя одежда Пушкина, после которой одели его, только чтобы положить в гроб» [там же, с.263]. Позднее Даль рассказывал П.И. Бартеневу, что Пушкин заходил к нему за несколько дней до дуэли и, указав на этот сюртук, только что сшитый, назвал его «выползиной» (т.е. кожей, которую меняет змея) и сказал, что сбросит ее нескоро [там же, с.270].

Этот простреленный сюртук видел в 1856 г. у Даля И.И. Пущин, которому он говорил, что собирается принести его в дар Академии наук или Публичной библиотеке [441. Т.1. с.108]. Даль как-то заметил, что сюртук А.С. Пушкина был подарен им М.И. Погодину [441. Т.2, с.263]. Впоследствии эта реликвия оказалась утерянной [478]. Перстень же Пушкина, сохранившийся до наших дней, стал талисманом и для Даля.

Среди тех, с кем В.И. Даль особенно сблизился зимой 1836—1837 гг., были В.Ф.Одоевский и А.А. Краевский.

С В.Ф. Одоевским (1804—1869) — одним из наиболее образованных людей своего времени, писателем, публицистом, литературным и музыкальным критиком, ученым-изобретателем, популяризатором научно-технических знаний В.И. Даль сдружился раньше, а события той зимы еще более сблизили их. Одоевский, сотрудничавший с Пушкиным в «Литературной газете» и «Северных цветах», помогавший ему в редактировании «Современника», до последней минуты не терял надежды на благополучный исход. Сохранилась его записка Дально от 29 января 1837 г.: «Напиши одно слово: лучше или хуже. Несколько часов назад Арндт (доктор) надеялся» [443, с. 321].

После отъезда Даля в Оренбург они переписывались. Одоевскому адресовано письмо Даля «Об гомеопатии», которое было опубликовано в 1838 г. в журнале «Современник» [48].

А.А. Краевский (1810—1889), в 1834 г. стал помощником редактора «Журнала министерства народного просвещения», а в 1837—1839 гг. редактировал «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду»». Краевский сотрудничал с А.С. Пушкиным и после его смерти поместил в своей газете некролог, написанный В.Ф. Одоевским.

Таким образом, проведя в столице несколько месяцев, В.И. Даль упрочил отношения с многими писателями и издателями, готовыми публиковать его сочинения. По возвращении в Оренбург, погружившись в служебные дела, каждую свободную минуту он использовал для литературного творчества и делился в письмах со столичными друзьями своими замыслами и планами.

Однако в Петербург В.И. Даля привели дела служебные, и он не мог допустить, чтобы личные переживания помешали исполнению обязанностей чиновника особых поручений при оренбургском военном губернаторе. Он помогал В.А. Перовскому в деловых хлопотах, которые были вполне успешными. Так, 20 февраля «Северная пчела» опубликовала указ Николая I, в котором говорилось: «Желая преподать способы к возвышению благосостояния пограничного города Оренбурга и усилить непосредственную торговлю жителей с Азией, признали мы за полезное... распространить на сей город облегчения гильдейских повинностей и подушной подати, предоставленные Астрахани нашим указом от 30 октября 1836 года».

А 8 марта газета напечатала Высочайший рескрипт на имя Перовского, в котором выражалось одобрение мерам, принятым «против туркмен и адаевцев, обитающих на восточных берегах Каспийского моря, близ Мангышлака, для наказания их за разбои и грабежи, произведенные ими в течение минувшего года на водах Каспийских и даже в самих устьях Волги и Урала». Оренбургскому военному губернатору высказывалась «признательность за сей новый опыт неусыпной попечительности о сохранении, пользе и выгоде» вверенного ему края. Перовский получил поддержку и в политике в отношении Хивы, так как сохранялась уверенность, что задержание хивинских купцов вскоре даст ожидаемый результат — из Хивы будут возвращены все русские невольники и хан прекратит действия, враждебные России.

Решались и другие вопросы, связанные с управлением Оренбургским краем. Например, В.А. Перовский

счел необходимым заключить договор с петербургским механиком Дж. Ишервудом об устройстве в Оренбурге водоподъемной паровой машины для обеспечения горожан водой из Урала. Задача казалась очень сложной, но уже через год водопровод был построен и начал действовать⁸⁶. В книге, вышедшей в 1841 г., Г.П. Гельмерсен писал о «водопроводе, который завел нынешний военный губернатор генерал-адъютант Перовский», и действующей паровой машине: «Она устроена теперь у берега Урала и приводит в движение нагнетательный механизм, который поднимает достаточное количество воды вплоть до берега реки» [531, с.155].

Одновременно были заказаны паровые машины для мукомольного и лесопильного заведений, которые предполагалось открыть в Оренбурге, а главное — контракт предусматривал подготовку «семи способных молодых казаков Оренбургского войска искусству устанавливать машины, знать употребление их и проч». Заметим, что это было отнюдь не рядовым событием. Ведь еще незадолго до того, в январе 1836 г. «Северная пчела», напомнив, что изобретение Джемса Уатта оживило и привело в цветущее состояние промышленность Англии, писала: «В России с недавних времен заметно распространяется употребление паровых машин, но все эти машины строятся и управляются англичанами, которым мы платим очень дорого». Надежды улучшить положение связывались с тем, что теперь и у нас «преподается теория паровых машин во многих учебных заведениях, а в некоторых часть воспитанников приготавливается собственно по механике в строители механизмов сего рода». Другими словами, остро ощущалась необходимость

подготовки отечественных специалистов. Оренбург, следовательно, оказался среди первых российских городов, где не только внедрялось замечательное техническое новшество, но и появились местные умелые механики.

Не менее успешно В.А. Перовский вел переговоры с Академией наук. Прежде всего с ней были согласованы и получили правительственную поддержку его планы организации научной экспедиции к северо-восточным берегам Аральского моря. Было решено провести ее весной 1838 г., а приготовления начать сразу же. В Оренбурге подготовкой экспедиции должен был заняться В.И. Даль.

Другим серьезным научным предприятием, в котором ему предстояло играть главную роль, было устройство задуманного ранее «Музеума естественных произведений Оренбургского края» т.е. естественно-научного краеведческого музея. Для осуществления этого проекта также требовалась поддержка Академии наук. В.А. Перовский обратился с просьбой о содействии к директору Зоологического музея академику Ф.Ф. Брандту и получил его согласие обучить четырех оренбургских «казачьих малолетков» чучельному искусству. Взамен ему была обещана доставка образцов редких животных, обитавших в Оренбургском крае и зауральских степях. Главная роль здесь отводилась В.И. Далю, который принимал непосредственное участие в переговорах с академиком.

Из переписки В.И. Даля с Ф.Ф. Брандтом, недавно обнаруженной в ПФА РАН, видно, что между ними установились тесные научные и дружеские связи. Еще в

университетские годы Даль испытывал к биологии особый интерес и, кроме того, был страстным охотником. В ходе общения с академиком и работы по организации музея он настолько усовершенствовал свои познания в зоологии, что стал считаться профессионалом в этой области и его заслуги были высоко оценены Петербургской Академией наук.

В Петербурге В.И. Даль и В.А. Перовский последний раз виделись с И.В. Виткевичем. Вскоре он получил дипломатическое задание к афганскому правителю и выехал в Кабул вместе с Гусейном-Али. В письмах к Далю с дороги [373] он делился новыми впечатлениями, тепло вспоминал об Оренбурге и выражал надежду на скорое возвращение. Но вернуться ему не пришлось. Трагический конец жизни этого незаурядного человека глубоко опечалил его оренбургских друзей.

В.А. Перовского чрезвычайно волновал вопрос о маршруте начинавшегося в мае путешествия по России наследника престола, будущего императора Александра II. Программа поездки, составленная его воспитателем В.А. Жуковским, предполагала, что от Царского Села он проследует через Новгород, Тверь, Ярославль, Кострому, Вятку, Пермь, Екатеринбург до Тобольска, а затем вернется в Москву. В первоначальном печатном варианте путешествия Оренбург не значился⁸⁷. Однако Перовский, заинтересованный в том, чтобы высокий гость посетил земли вверенного ему края, по-видимому, приложил все силы для изменения маршрута. В марте он отправил В.И. Даля в Оренбург, поручив ему составление годового отчета, а сам оставался в столице до 4 мая. Как видно из архивных докумен-

тов, 27 марта ему уже было известно, что цесаревич проследует через Оренбургский край в начале июня. Он сообщил об этом в Оренбург, а затем посылал подробнейшие распоряжения относительно организации его приема.

В.И. Даль первое время после возвращения из Петербурга был полностью поглощен написанием отчета военного губернатора по управлению краем за прошедший год. Трудная и ответственная работа была к тому же срочной: требовалось закончить ее к приезду Перовского. Однако ему удавалось сочетать ее с литературным творчеством.

Свидетельствует об этом письмо к В.Ф. Одоевскому от 5 апреля 1837 г. [375, 376], которое находится в рукописном отделе РНБ⁸⁸. Оно написано на почтовой бумаге с рисунком: «Вид дома в деревне Андреевке Оренбургской губернии». Такую бумагу выпустила тогда походная типография при Штабе Отдельного оренбургского корпуса. «Придравшись к удобному случаю, — пишет Даль, — рад я поклониться Вам душевно и пожать руку Вашу, благодарить за дружбу Вашу и расположение с первого дня встречи нашей; не забывайте меня и я Вас поминать буду». Он сообщает Одоевскому, который участвовал в редактировании «Литературных приложений к Русскому инвалиду», что через Башуцкого и Краевского послал в это издание рецензию, или, как он выразился, «воззрение на пьесу Г.Ф. Квитки-Основьяненко «Сватанье на Гончаровке», которая была опубликована в 1836 г. на украинском языке в Харькове. Для «Современника» он передал перевод рассказа того же автора «Солдатский портрет»,

который был напечатан в 1833 г. в Харькове в альманахе «Утренняя заря» и понравился В.А. Жуковскому. «Ей богу, — жалуется Даль, — нет ни средств, ни досугу переписать; должен, чтобы мало-мальски сдержать слово, послать измаранную черновую рукопись свою; иначе протянулось бы дело еще на неделю».

Даль надеется подготовить к печати еще кое-что, но не может довести задуманного до конца, так как очень занят. «Работы столько теперь, — пишет он, — что только украдкою от самого себя мог сделать и это: работа, говорят, не медведь, в лес не уйдет, да казенная работа упырем сидит на шее и не дает покою». В подтверждение он сообщает, что «даже еще ни разу не был в поле», на охоте, хотя «ястреба клетком своим зовут на потеху».

Творческий подъем, который В.И. Даль испытал в то время, не покидал его и позднее. Он объяснял это особое состояние непрекращающимся воздействием на него А.С. Пушкина. «Перстень Пушкина, — пишет он, — который звал он, не знаю почему, талисманом, для меня теперь настоящий талисман. Вам я это могу сказать. Вы меня поймете: как гляну на него, так и пробежит по мне искорка с ног до головы, и хочется приняться за что-нибудь порядочное».

Год пятый (1837–1838)

В то время, как В.И. Даль трудился над годовым отчетом по управлению Оренбургским краем (получившим впоследствии особое одобрение), город жил в напряженном ожидании, готовясь к важному событию — приезду великого князя Александра Николаевича,

будущего императора Александра II. В связи со своим совершеннолетием наследник совершал путешествие по России, так как должен был хорошо познакомиться с государством, которым ему предстояло управлять. Его сопровождали воспитатели — знаменитый поэт В.А. Жуковский и крупный ученый-экономист, глава статистического отделения Министерства внутренних дел К.И. Арсеньев (1789—1856).

О цели поездки наследника Арсеньев писал: «Познание всякого государства есть предмет многосложнейший и, так сказать, нескончаемый. В отношении к России он представляется совершенно необъятным. Ее части раскинулись на таком пространстве; их особенности так поразительны; каждое племя жителей такую сохраняет самобытность в домашнем и общественном быту; история, языки, вероисповедывания, нравы, увеселения, образованность, промышленность, торговля и самые понятия о богатстве, благосостоянии так неожиданно меняются перед путешественником, что, объехав Россию, он может подумать, что объехал весь свет» [215, с.3].

Цель путешествия была достигнута. По словам Арсеньева, наследник, уже постигший теоретическую часть науки о государстве, теперь получил практические познания: «Из огромной массы названий, чисел, бесцветных фигур образовалась для него прекрасная картина или, справедливее сказать, все для него получило жизнь, движение, голос, цвет» [там же, с.4-5].

Тринадцать дней путешественники затратили на обозрение Оренбургской губернии и особенно — «весьма замечательного Златоустовского горного округа, селений, обитаемых башкирским войском, и всей военной

линии, начиная от Верхнеуральска, через Оренбург до Уральска» [там же, с. 10].

Оренбург торжественно встретил высоких гостей 12 июня 1837 г. Для В.И. Даля это было очень радостным событием, потому что ему довелось снова увидеться с В.А. Жуковским, старая дружба с которым крепла в часы, проведенные вместе у постели умирающего Пушкина. Из дневниковых записей Жуковского видно, что три дня пребывания в Оренбурге они почти не расставались.

В конце первого дня Жуковский записал: «Приезд в Оренбург в три часа пополудни. Тотчас с Далем на берег Урала. Роща за Уралом. Хивинцы. (Падишах с падишахом. Русь и Хива. Две матери. Видим розу, а не видим труда) Гевлич. Ханыков. Манцуров. Вечер с Далем. Бал» [320, с. 139].

Из этих отрывочных заметок понятно, что В.И. Даль начал знакомить гостя с Оренбургом в самом интересном месте, где открывается вид из крепости на бескрайнюю степь за Уралом. Обратил его внимание на Зауральную рощу. Рассказал о Средней Азии, об отношениях среднеазиатских ханов между собой и с Россией, поделился впечатлениями от воспоминаний русских пленников о Хиве. Он представил Жуковскому оренбургского гражданского губернатора А.П. Гевлича, одного из близких Перовскому оренбургских офицеров полковника Н.А. Мансурова и чиновника особых поручений Я.В. Ханыкова. В эти дни Ханыков представил результат своего годичного пребывания в Оренбурге — рукопись «Географического описания Оренбургского края». Благодаря присутствию К.И. Арсеньева его исследова-

ние было оценено по достоинству и в 1838 г. опубликовано в Петербурге, в сборнике статистических материалов, изданном Министерством внутренних дел [363]. «За поднесение Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу во время присутствия его в Оренбурге «Географического описания Оренбургского края» удостоен пожалования бриллиантовым перстнем»⁸⁹.

О том, что происходило в Оренбурге при посещении города наследником престола, написано немало [282, 521 и др.]. Сейчас события тех дней восстанавливаются по документам, сохранившимся в ГАОО [472, 473].

Как сообщал Перовский 14 июня в рапорте военному министру⁹⁰, прибыв благополучно в Оренбург 12 июня в третьем часу пополудни, наследник «по въезде в крепость отправился прямо в Преображенский собор, где был встречен духовенством с крестами и отслужил молебствие». Затем он отбыл на приготовленную ему квартиру — в доме Тимашева на центральной улице, где жил Перовский⁹¹. «После обеда того же дня, — пишет далее военный губернатор, — в 6 часов имели счастье представляться Его Высочеству корпусной штаб и находящиеся при корпусной квартире воинские начальники. Потом Его Высочество осмотрел тюремный замок, богадельню, военный госпиталь, строящуюся казарму, батальон военных кантонистов и Нецлюевское училище».

Жуковский при этом, видимо, не присутствовал. Он записал в дневнике: «Вечер с Далем. Бал» [326, с. 139].

«На другой день поутру, — продолжает отчитываться Перовский, — Государь Наследник Цесаревич изволил принимать у себя оренбургских: гражданского губерна-

тора и губернского предводителя дворянства с чиновниками гражданского ведомства и дворянами, также муфтия, хана Внутренней киргизской орды и киргизских султанов-правителей, а от оренбургского купечества благоволил принять хлеб-соль. Отслушав обедню в соборе Его Высочество, осматривал за крепостью бывшие в параде войска... После парада Его Высочество повелел башкирским сотням и конно-артиллерийским батареям произвести в присутствии своем ученье, которым, как и парадом, остался совершенно доволен».

В 6 часов вечера наследник отправился на «азиатский праздник», устроенный в семи верстах от Оренбурга за Уралом, «куда по этому случаю стеклись в значительном числе разнородные обитатели здешнего края». По дороге он и его свита осмотрели Меновой двор и посетили киргизское кочевье, а затем наблюдали скачки на лошадях и верблюдах, национальную борьбу, пляски, заклинание змей, хождение босыми ногами по острым саблям и т.д. «После кратковременного отдыха в особо приготовленной кибитке, — пишет далее Перовский, — Его Высочество осчастливил посещением своим оренбургское благородное общество, собравшееся в нарочно для того устроенной галерее, и удостоил принять участие в празднестве, какое местные средства позволили сделать. Около 12 часов Государь Наследник изволил возвратиться в город, отзываясь с удовольствием о всем в тот день им увиденном».

Жуковский, который с утра приболел, присутствовал на «азиатском празднике» и тоже остался очень доволен. По-видимому, его сопровождал Даль, объяснявший ему происходящее и толковавший значение восточных слов.

О впечатлениях можно судить по записи, сделанной вечером 13 июня: «Пребывание в Оренбурге. Болезнь. Пиявки. После обеда азиатский праздник. Киргизское кочевье (кибитка). Диван. Решетка. Стрелы или унины. Круг. Кошма или войлок. Скачка вокруг холма. Скакали лошади некованные и некормленные, без овсов, без седел, в шлеях. Две скачки. Выигрыши. Верблюды, лошади, кафтаны. Скачка на верблюдах. Пляска башкирская. Борьба башкир с киргизами. Музыка башкирская. Музыкант: курайчи; инструмент: курай или чеблузга. Юрлаучи — певец. Баксы, или колдун киргизский; змеи, прыганье на саблю, исступление. Чай в кибитке. Театр в галерее. Возвращение домой и разговор с Далем» [326, с.139-140].

14 июня великий князь присутствовал на военных учениях, а затем отправился в Илецкую Защиту, где осмотрел «заведения Илецкого соляного промысла и квартирующую там роту линейного батальона». Это был крайний южный пункт маршрута наследника.

Жуковский в этот день записал в дневнике: «Пребывание в Оренбурге. Целый день дома от болезни. В.К. в Илецкой защите. Посещение загородного дома. У Далевой жены. Соколова, институтка Патриотического института. Письма» [там же, с.140]. Из-за нездоровья он не поехал со всеми в Илецкую Защиту, но побывал в загородном доме Перовского, а потом был в гостях у жены Даля. Среди приглашенных Юлией Егоровной он выделил учившуюся в Петербурге в Патриотическом институте Екатерину Соколову, дочь Льва Васильевича Соколова, того самого, которому В.И. Даль сделал успешную хирургическую операцию.

Когда 15 июня гости покинули Оренбург, В.И. Даль был в числе лиц, провожавших их в Уральск. В дневнике Жуковского значится, что он ехал с Перовским, но «сначала в тарантасе с Далем».

Во время поездки в Уральск дома произошло большое несчастье: скончался маленький сын Святослав. Для семьи, особенно для Юлии Егоровны, это было тяжелым ударом. Даль писал сестре: «Четыре года сряду тешила судьба нас житейным и семейным счастьем и только изредка разве... суетные случаи напоминали нам истину древнего (изречения): нет счастья на земле! Вот и мое семейство познало горькую утрату, по которой молодой и крайне чувствительной матери перенести тяжело; не велик человек, а дом теперь пуст! 18-го июня, в день маменькиного рождения, часу в 3-м ночи Святослав скончался. Я, по приказанию В.А., ездил за наследником в Уральск, воротился уже в тот же день, 18-го в полдень. Юля теперь спокойна и вынесла всю беду лучше, нежели я полагал»⁹².

Долго предаваться печали не пришлось. В первых числах июля В.И. Даль вновь оказался в Уральске в связи с инцидентом, происшедшим во время пребывания там наследника, когда группа казаков пыталась подать ему жалобу на притеснения местных властей. После отъезда высокого гостя наказной атаман В.О. Покотилов оповестил Перовского об «опасном брожении умов в казачьем войске» и тот с отрядом прибыл для разбирательства, в котором должен был участвовать и В.И. Даль. Виновные были наказаны, зачинщики сосланы в Сибирь. Текст соответствующего «Приказа генерал-адъютанта Перовского по Ураль-

скому войску», датированный 4 июля 1837 г., принадлежит Далю⁹³.

В Уральске, впервые после возвращения из Петербурга, он смог основательно взяться за написание писем к столичным писателям и сестре. Эти письма чрезвычайно интересны, так как помогают понять, какой напряженной внутренней жизнью В.И. Даль жил в это время, успешно совмещая службу с писательским творчеством и работой натуралиста.

В письмах к сестре Даль рассказывает о своем семейном горе, переосмысливает его, понимая необходимость по возможности стойко перенести утрату. Он пишет 4 августа: «Давно, давно и очень давно, сестрица, не писал я тебе ни слова. Сперва почти некогда было, работал, сколько сил было над отчетом за прошлый год, который следовало кончить к приезду В.А., потом то, другое, третье, — дело затянулось, я заленился и когда, проводивши наследника в Уральск, воротился я домой в обед на маменькино рождение, то нашел Святлашу своего на столе. Долго не верилось нам с женой в беду и горе. Вот так были мы избалованы в четыре года нашего брака счастьем; особенно для нее это было что-то новое, к чему она не привыкла. Меня уже не так легко удивить и сбить с толку — грусть и горе не гложет меня и не убивает через меру, а так, заставляет иногда только призадуматься на счет будущего и прошедшего и предать дело воле Божией. Не миновать же того, чтобы умереть, ни нам, ни детям нашим; а коли оглянешься назад, поглядишь вперед, то видишь и тут и там одну только Вечность, то как-то совестно придавать муравьиному бытию своему такой вес и важность. Ничтожно и

суетно привязываться к житейским заботам до такой степени, тогда как час, сутки, год и десять лет в сравнении с этою вечностью так же ничтожны, как один миг в жизни нашей. Коли Богу угодно сохранить и вырастить мне живого сына, то не стану плакать по мертвым.

Жена крепко порывалась куда-нибудь в деревню, ей летом в городе неимоверно скучно. Мне нельзя было ехать, и мы уже думали оставаться на все лето дома, как В.А.П. вдруг собрался и поехал, за делами, в Уральск и мне велел ехать с собою. Поэтому я в тот же день отправил жену с Арсланом к Циолковскому в деревню, где они живут довольны и веселы уже около месяца, а мы сидим в Уральске, откуда, однако, скоро отправимся домой.

Тогда надобно опять засесть на полгода, до весны, и поработать»⁹⁴.

Даль мало говорит о делах, которые привели его в Уральск, так как цель поездки была секретной и ее нельзя было описывать в личной переписке. Зато он довольно обстоятельно рассказывает сестре о своей литературной работе. Письмо завершается словами: «Все это, и старания, и работа, и труды наши — все это так пусто; все пропадет как есть и, кажется, не стоило бы и начинать, но на что же дан человеку ум-разум и душа, если не на временное творение? Кто угодит на лучших современников своих, тот жил для всех веков и для потомства. А свыше сил своих никто не живет».

В следующем письме к П.И. Шлейден, датированном 4 октября 1837 г., он откликается на известие о гибели писателя-декабриста Александра Марлинского (А.А. Бестужева), убитого в стычке с горцами на мысе Адлер

7 июня 1837 года, высказывает мнение о его прозе, видимо, не особенно высокое: «Сердце отстало от головы, если не силою чувств своих, то по крайней мере благородством. Между ним и Пушкиным, о котором ты поминаешь в то же время, в этом отношении была большая разница: этот грешил в свое время порывами молодости, легкомыслия и как бы на зло судьбе и людям, которые его огорчали и не понимали; тот готов был посягнуть на все. От этого они и не сошлись, и Пушкин его не жаловал...»

Как и в других письмах, здесь значительное внимание уделено переводам сказок и статей Даля на немецкий язык, которые выполняла Паулина Ивановна. У нее возникали вопросы, требовавшие разъяснения. В этом письме, касаясь поговорок, которые нередко переключаются в разных языках, он просит обратиться за помощью к зятю: «Петр Петрович знает много немецких поговорок, которые могут заменить русские».

Из письма мы узнаем, что планировались переводы статьи Даля о построенном им мосте через Вислу, сказки о Чингиз-хане, заметки о русских пленниках в Хивинском ханстве. По этому поводу он пишет: «Сказка «Чингиз-хан» напечатана в «Сыне отечества» 1835, № 4; и она там с большими ошибками. Я пришлю ее списанную, вместе с описанием моста. Если поместишь в немецкой газете отрывок о невольниках наших в Хиве, то можешь сделать оговорку: «Молва говорит, что ныне правительство наше приняло меры для их освобождения, и если верить слухам, по-видимому достойным вероятия, то пленники наши будут вскоре возвращены в Россию...» Среди поправок к статье «О козьем пухе»,

которая была опубликована в журнале «Библиотека для чтения» в 1835 г. и которую теперь Паулина переводила на немецкий язык, несколько уточнений собственного текста, но есть и сердитые замечания по поводу редакторских изменений, внесенных Сенковским, с которыми Даль не может согласиться.

Письма, написанные сестре летом и осенью 1837 г., пестрят жалобами на недостаток времени. «От самого приезда в Оренбург и по нынешний день, — писал Даль 20 июля, — право, как-то все делалось так спешно, густо и суматошно, что я еще не опомнился; зима прошла, весна прошла и лето проходит, а у меня не было еще свободного дня, где бы можно сесть и подумать и опаматоваться. Вот и теперь: пишу к тебе, а сам думаю о другом, передо мною лежит груда бумаг. То большое, то малое, а в голове так пусто и бестолково, что не «схаменешься», как говорят на Украине».

«Много бы, кажись, в сутках времени, да при дележке не поровну на всех достается: кому делать нечего, у того досугу много, кому есть что делать, у того не хватает часу», — таким, похожим на пословицу, высказыванием начинается письмо от 4 октября. Заканчивается оно примерно тем же: «Время у меня изорвано на клочки и я не могу прияться ни за что порядочное; чтобы написать что-нибудь... потолковее, надобно месяц-другой не отрываться и не развлекаться. Поэтому... пишу повести, сказки, как письмо это, урывками и думая о другом. Запасов у меня наготовлено много; дай Бог пожить еще на свете, нарадоваться благоденственным положением моим, которого лучше и счастливее желать было бы грешно, и со временем да помаленьку будем подвигаться вперед».

Мысль В.И. Даля в это время была занята произведением об уральских казаках. Он сообщал сестре раньше, что собирается описать их жизнь, «нрав и быт совсем отдельные, особые, обычаи и отношения мало известные, но замечательные и достойные любопытства». В цитированном выше письме к Одоевскому речь шла о том же. Даль писал: «У меня давно на уме уральский роман; быт и жизнь этого народа, казаков, цветиста, ярка, обильна незнакомыми картинами и жизнью-самородою; это заветный уголок, который должен быть свят каждому русскому».

Этот роман так и остался у В.И. Даля в замысле, но его очерк «Уральский казак» [80], опубликованный в 1842 г. в сборнике «Наши, списанные с натуры русскими», по праву считается одним из лучших его произведений. В.Г. Белинский писал в «Отечественных записках», что этот «мастерски написанный» очерк «читается, как повесть, имеющая все достоинства фактической достоверности, легко и приятно знакомящая русского читателя с одним из интереснейших явлений современной жизни его отечества»⁹⁵. Именно в «Уральском казаке» проявилось, по словам Белинского, умение Даля «лицо типическое сделать представителем сословия, возвести его в идеал, не в пошлом и глупом значении этого слова, т.е. не в смысле украшения действительности, а в истинном его смысле — воспроизведения действительности во всей ее истинности».

О том, что В.И. Даль глубоко изучил жизнь уральских казаков, свидетельствует написанное его рукой «Положение о управлении уральского казачьего войска», которое обнаружено нами в ГАОО [346]. Оно было

Уральский казак.

Рисунок А. О. Орловского

составлено Далем по поручению Перовского и представляло собой документ, регламентирующий службу и все стороны быта уральского казачества.

Теме казачества, чрезвычайно занимавшей В. И. Даля и в связи со служебными делами, была посвящена «Памятная книжка

для нижних чинов Императорского казачьего войска» [39], которая была написана по предложению В. А. Перовского в 1836 г. и вышла из печати летом 1837 г.

Еще годом ранее Даль сообщил Паулине Ивановне, что книжка получила одобрение императора, а ему предложено написать аналогичную книжку для солдат, только это уже должно быть не просто изложение правил службы, а занимательное чтение, которое будет развивать, просвещать, обучать не только военному делу, но и расширять кругозор, воспитывать патриотические чувства. Речь шла о будущей книге «Солдатские досуги» [83]. «Посылаю тебе, — пишет Даль 4 августа 1837 г., — при открывшемся случае, книжечку мою, которая наконец вышла. Кой-что выкинуто, но, спасибо, ничего не переменили. Она разослана во все казачьи войска. Теперь я приготовил «Солдатские досуги»; книжка, которая выйдет, если Правительству будет угодно, несколько частей и которая назначена для солдатского чтения и включает дельное и шуточное, забавное и

поучительное, в коротких, перемежающихся между собою статьях. Не знаю, как она понравится».

В составленной самим Далем «Росписи напечатанным сочинениям» по поводу этой небольшой книжечки сказано: «Правительство разослало в казачье войско, весьма некстати, общую памятную книжку (воинские правила, наставления и пр.) для всей армии; пошел ропот на солдатчину; я написал особую книжку и она принята, напечатана в Департаменте военных поселений и разослана во все казачьи войска».

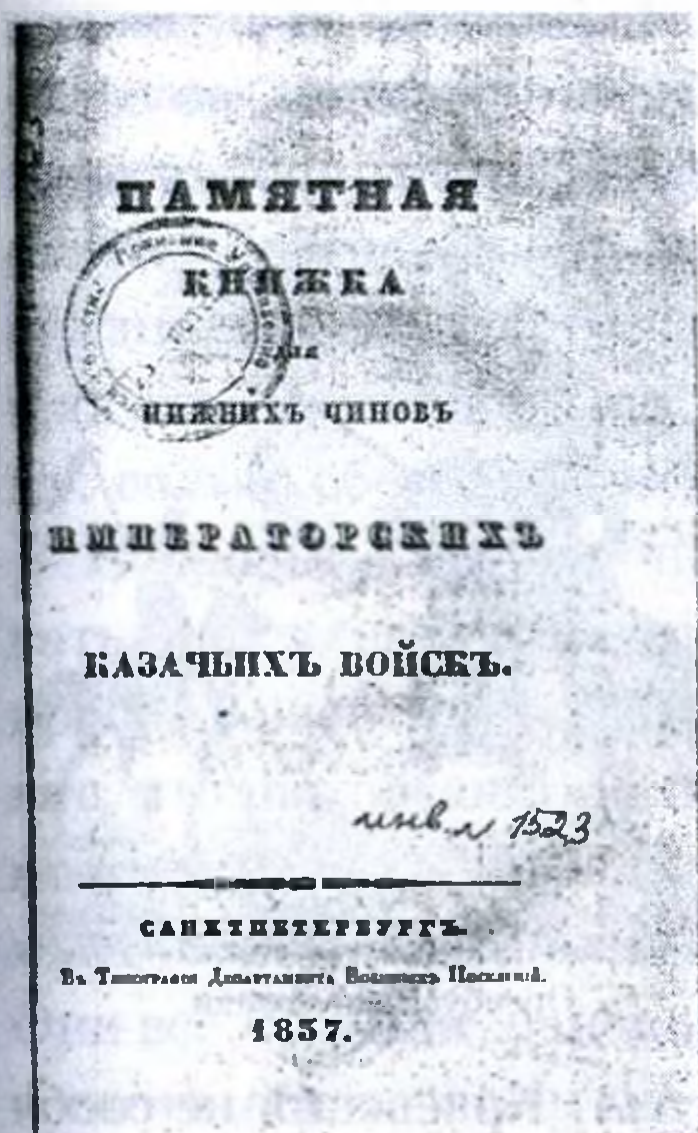
Даль очень гордился этим сочинением. В письме к М.П. Погодину от 2 декабря 1840 г., перечисляя свои труды, он заметил, что это — «полезнейшее и, может быть, самое лучшее, что я написал [304, с. 235].

«Памятная книжка» вышла без указания имени Даля, но его авторство ни у кого не вызывало сомнения. Так, в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» от 1 августа 1837 г. читаем: «Мы с величайшим удовольствием прочли присланную нам недавно из Оренбурга «Памятную книжку для Императорских казачьих войск», писанную, как слышно, по поручению началь-

Страница рукописи «Рыбная промышленность на Урале»

Титульный лист «Памятной книжки для нижних чинов Императорского казачьего войска»

ства одним из лучших наших литераторов, живущих в том краю. Простота и народность языка, коим объясняются в ней важнейшие нравственные и служебные обязанности казака как человека и русского воина, обличают талант высокий, постигший искусство говорить понятно русскому необразованному человеку».

В «Памятной книжке» обобщались традиционные воззрения казака на службу, присягу, долг перед Отечеством, сообщались

сведения о казачьем войске, о правилах несения службы. В ней, в частности, сказано: «Помни, что дороже всего тебе отчизна твоя. Помни и то, что отчизна эта, или Отечество, не одна станица твоя, не один двор твой да изба, а вся земля русская, которую из конца в конец не проедешь на коне своем, хоть и самом ретивом, в пять, не то шесть лет». На вопрос: «Что такое присяга?» следует ответ: «Присяга — дело великое, страшное, святое. Присяга есть клятва, обещание, которое возносится от уст человека прямо к Богу... Святее и ненарушимее присяги на этом свете нет ничего».

Письма В.И. Даля к А.А. Краевскому⁹⁶, датированные 1837—1838 гг., не только свидетельствуют о напря-

женной творческой работе В.И. Даля и его активном участии в литературной борьбе того времени, но сообщают много важных сведений о событиях, происходивших в Оренбурге, и об умственной жизни оренбургского общества.

Первое письмо⁹⁷, написанное 30 июля 1837 г., начинается словами: «Любезный Александр Андреевич, пишу записочку эту из Уральска, где сидим мы, по делам нашим, уже три недели». Цель

Оренбургские казаки

письма — выяснить, почему А.А. Краевский не сообщает о получении отправленного ему ранее, сделанного по его заказу «разбора» пьесы Г.Ф. Квитки-Основьяненко «Сватанье на Гончаровке». «За что Вы забраковали мой разбор Сватанья? — спрашивает Даль, — длинен или короток, широк или узок? Или опоздал?»

Он сообщает, что написал «с пяток повестей и рассказов», которые нужно переписать начисто, да нет переписчиков. «Однако, — пишет он об этих работах, — когда вернемся в Оренбург, хотелось бы отправить Вам». Здесь же упоминается стихотворение «Не стыдно ль Вам», тоже, по его словам, отосланное Краевскому ранее.

Второе письмо, датированное 1 сентября, написано в Оренбурге после получения ответа на первое. Даль объясняет, что 6 апреля он отправил Башуцкому для передачи Краевскому или Одоевскому свой разбор «Сва-

танья» Г.Л. Квитки-Основьяненко и русский перевод рассказа того же автора «Солдатский портрет». Он пишет, что от Башуцкого «не получил ни строки в ответ». Другое письмо ему же со стихотворением «Не стыдно ль Вам» он отослал 24 июля, но также «услышал одно молчание». Эта необязательность, по-видимому, сильно обеспокоила Даля.

Поскольку Башуцкий, позволивший ему выписывать через него книги, на письма не отвечает, Даль просит Краевского взять эту задачу на себя. «Виню, что нагружаю Вам на шею, — пишет он, — право, просить некого, а писать прямо книготорговцам, как мы, губернские жители, знаем, чрезвычайно неудобно. Они все большие паны, не допроситься, не домолиться и считаться с ними не дай Бог»⁹⁸. Даль хотел бы получить «Русские простонародные предания и суеверные обряды» И.М. Снегирева (1793—1868). Он пишет: «Они мне были подарены им, да, видно, забыл, а хочется, чтоб были»⁹⁹. Кроме того, он просит подписать себя и Н.Н. Дурасова на сочинения Пушкина и журналы.

Даль сообщает Краевскому, что пишет статьи для популярного «Энциклопедического лексикона» Плюшара и у него заготовлено «десятка два статей на букву «Г», но из-за чрезвычайной занятости по службе он не успел их отправить. При этом Даль опять жалуется на переписчиков: «Такие все лихие грамотеи, что того и гляди из Луки сделают Акула».

Он обещает выполнить заказы Краевского и, в частности, дать разбор «второй части» сочинений Г.Ф. Квитки-Основьяненко, но еще ее не получил. Ему хотелось

бы послать в «Литературные приложения» отрывок из сочинения хивинского историка XVI в. Абул-Газы Бахадур-хана «Родословная тюрков», экземпляр которого «достал из Бухары», но полагает, что для издания Краевского это будет «тяжело и сухо».

Весьма любопытны последние строки письма, из которого следует, что в пограничном Оренбурге, жившем как военная крепость, многие сведения об отношениях со среднеазиатскими ханствами считались секретными. Даль пишет: «Можно бы отсюда прислать Вам много повестей о хивинских дикарях, да Азиатский Департамент, кажется, не велит; чего доброго, потянут к допросу, а этого очень не люблю. Пуганый сыч и притолока боится»¹⁰⁰.

Особого внимания заслуживает упоминание о стихотворении «Не стыдно ль вам», которое Даль назвал «преполитическим» и которого, как он подозревал, «вероятно, нельзя будет напечатать»¹⁰¹.

И действительно, напечатано оно не было. Рукописный текст, который хранится в отделе рукописей Российской Национальной библиотеки в Петербурге¹⁰², написан писарским почерком, но под ним значится собственноручная подпись Даля. Здесь же — его карандашная приписка: «Прошу покорнейше передать князю В.Ф. Одоевскому или Краевскому для помещения в «Литературные прибавления». Ниже А.А. Краевский отметил: «Статья написана в свое время, но запоздавшая несколько в печати».

Приводим текст этого неизвестного стихотворения В.И. Даля, близкого по смыслу и духу к знаменитому «На смерть поэта» М.Ю. Лермонтова.

НЕ СТЫДНО ЛЬ ВАМ!

Не стыдно ль вам полвека без оглядки
Мычать, рычать, буйнить, пировать,
Святым играть, заветного не знать,
Не стыдно ль вам своей бессовестной повадки?
Святыню вы давно топтали в прах и грязь;
Святого нет для вас, — для вас оно погибло;
Вам буйство — и кумир и князь
И своеволье волю вам подшибло.
Кричит любой из вас за семерых,
Скрежещет, злобствуя, зубами
И на дыбы взвиваться лих
И мечет честью, что плевками...
И благо и добро вам пустышь, вздор и сор;
Что свято для других, для вас — одна игрушка;
Греха не знаете, вам совесть не укор;
Зато существенны — цветы, полоска, мушка,
Покрой жилетный да узор!
О, пустословия и похвальбы
Преголосистые, заносчивые барды!
Горазды вы причесывать чубы,
Отращивать усы и бакенбарды,
Да обмолачивать, на беззаботье,
Всех пошlostей хвостец да ухоботье!
Не стыдно ль вам, что ваши короли
Без пистолетов со взведенными курками,
Без взвода палашей, среди своей земли
Не смеют показаться между вами?
Кареты строят, словно корабли,
И обивают их железными листами?
Не стыдно ль вам — не нас, себя самих,

*Коли хоть искра в вас стыда найдется,
Не стыдно ль внуков вам своих,
Что им за вас краснеть придется?
Какой дадут они ответ
За эту бездну зол и бед,
Когда их спросят наши внуки?
За этот вздор, за этот бред,
За шалостей бессмысленных черед
И в пакостях сердца погрязшие и руки!
Да, гадко слушать вас и жалостно глядеть,
Как вам с похмелья все мерещится пирушка!
Пора, пора самих себя вам пожалеть,
Не дешево далась вам эта побрякушка!
Чего вам на стену, как бешеному, лезть
И нянчить сатану и день и ночь возиться?
Пора, пора уgomониться,
Пора опомниться, присесть,
Пора бы вам — перебеситься!*

В. Луганский

Пятый год пребывания В.И. Даля в Оренбурге стал временем, когда он смог проявить свои склонности и творческие возможности не только в литературе, но и в науке, особенно в естествознании. Биологией он интересовался давно, и даже будучи студентом медицинского факультета Дерптского университета, хотел сделать ее своей специальностью. Е.В. Даль писала: «Отцу представлялась было возможность переменить род своих занятий, перейти на факультет естественных наук, а там в виду научная поездка в Сибирь. Отец сильно колебался: он с детства чувствовал влечение к этого рода занятиям, а тут хирургия с ее кровью, медицина с ее *мнимою*

филантропией, но зато тут верный кусок хлеба..., и он решился остаться медиком. Отец мне говорил, что это решение стоило ему такой борьбы, что и решась уже остаться медиком, он вдруг заленился и с месяц ничем не занимался» [264, с.101].

Заняться основательно биологией В.И. Даль смог в оренбургский период своей жизни. Во время частых служебных поездок по Оренбургскому краю он имел возможность наблюдать природу Южного Урала и зауральских степей во всем ее разнообразии. Страстный охотник, он хорошо познакомился с животным миром региона. Его энтомологическая коллекция заслужила высокую оценку профессионалов. Результаты естественно-научных наблюдений В.И. Даля отразились как в его художественных произведениях, так и в специальных статьях, которые публиковались в столичных газетах и журналах, в «Энциклопедическом лексиконе» А.А. Плюшара.

Поводом к серьезному занятию зоологией послужила работа по организации «Музеума естественных произведений Оренбургского края», к которой он приступил, возвратившись из Петербурга весной 1837 г. В ожидании приезда четырех казачьих «малолетков», постигавших в Зоологическом музее Академии наук искусство изготовления чучел животных, он, как было договорено с академиком Ф.Ф. Брандтом, взялся за поиски интересных образцов для этого музея. Уже в первом письме к Ф.Ф. Брандту, датированном сентябрем 1837 г.¹⁰³, Даль сообщал, что отправил ему шкуру странного волка, убитого в Бирском уезде, которого «не могли принять ни за быка, осла, лошадь, ни за волка»

и пришли к выводу, что это «какой-то выродок, игра ветреной природы». Кроме того, в Петербург было выслано несколько экземпляров птиц, среди которых, по мнению Даля, были представители видов, неизвестных науке. С этого времени началась регулярная отправка посылок со шкурами редких животных и птиц. Каждая посылка принималась с благодарностью и аккуратно фиксировались в протоколах Академии наук.

Между В.И. Далем и Ф.Ф. Брандтом завязалась научная переписка. Их письма, которые сохранились в ПФА РАН и ИРЛИ, но до сих пор не опубликовались, очень интересны, потому что позволяют познакомиться с В.И. Далем как натуралистом. В 1837—1838 гг. в этой переписке уделялось много внимания юным чучельникам, которых Брандт взял под свою опеку. Двое из них — Иван Мелихов и Павел Волженцов вернулись в Оренбург достаточно подготовленными уже в начале лета 1838 г. Они поступили в полное распоряжение Даля, под руководством которого началась работа по сбору экспонатов для оренбургского музея.

Из письма Даля от 1 мая 1838 г.¹⁰⁴ следует, что в отправленных Брандту посылках находилось «около

Письмо В.И. Даля академику
Ф.Ф. Брандту от 12 сентября 1837 г.

десяток трехпалых куронок и двадцать с лишком черных жаворонков», «две кошачьих шкуры и шкура белой совы», а теперь он посылает лошадиную шкуру и прилагает усилия, чтобы добыть нужный академику экземпляр сайгака. Он обещает достать для академика К.М. Бэра точные сведения о том, «можно ли здесь и где именно найти осетровую икру». Наконец, в этом письме Даль сообщает, что работает над переводом сочинения Э.А. Эверсмана «Естественная история Оренбургского края с немецкого языка на русский».

Он пишет: «Доктор Эверсман написал по предложению нашего губернатора «Естественную историю Оренбургского края», включая степи и т.д. Первая часть, общее обозрение природы, готова и мне поручено сделать ее перевод. Как только Эверсман вернется из-за границы, мой перевод будет ему представлен».

С организацией музея было связано и приглашение в Оренбург из Дерпта молодого талантливое ученого Александра Лемана, которого В.И. Даль в свои студенческие годы знал еще мальчиком. Несомненно, по его совету В.А. Перовский в 1838 г. пригласил Лемана в Оренбург для естественно-научного описания Южного Урала и устройства «Музеума естественных произведений Оренбургского края».

Среди дел, связанных с естественно-научными исследованиями, которыми В.И. Даль активно занимался в это время, была подготовка к Аральской научной экспедиции.

В первой половине XIX в. изучение Аральского моря, его берегов, устьев впадающих в него рек, природы Приаралья являлось одной из важнейших задач рус-

ской науки и привлекало внимание ученых разных специальностей, рассчитывавших на новые интересные открытия в этом неизведанном регионе. Было ясно, что серьезное исследование могла провести только хорошо оснащенная научная экспедиция с программой работ, одобренной Академией наук. Инициатором такой экспедиции стал в 1837 г. В.А. Перовский.

В литературе встречается утверждение, что разговоры о ней велись с одной целью: замаскировать подготовку к военному походу в Хиву, который был предпринят зимой 1839—1840 года [464, 465]. Между тем архивные документы свидетельствуют, что научную экспедицию Перовский не только задумал значительно раньше и независимо от военной, но и провел большую работу по ее организации. Оказывается также, что активным участником этой работы был В.И. Даль. Первый шаг к осуществлению своего замысла В.А. Перовский сделал во время их совместного пребывания в Петербурге зимой 1836—1837 г., когда намечались новые планы исследования природы Оренбургского края и устройства «Музеума естественных произведений». Он подал Николаю I записку¹⁰⁵, в которой говорилось: «Со времени основания Оренбурга и по нынешнее время большие и малые отряды ходили по разным направлениям в степи Кайсацкой и доставили многие любопытные и важные сведения. Но ни разу еще не было совершено в местах этих ученое путешествие, которое, однако же, обещало бы плоды немаловажные и было бы оценено всею Европою». По мнению Перовского, «главнейшим предметом изысканий» должна была стать «северная половина Аральского моря, восточные его

берега, река Сыр, самое море и многочисленные острова его» — район, о котором имелось «самое темное и поверхностное понятие». Он был уверен, что «ученые сотрудники этого предприятия», занявшись «изысканиями и наблюдениями по всем отраслям естественных наук, определили бы наконец географическое положение Аральского моря, и ученый мир познакомился бы с новою малоизвестною для него страной».

Экспедиция, по замыслу Перовского, должна была отправиться летом 1838 г. «под прикрытием шести сотен казаков при 50 стрелках линейных батальонов и четырех трехфунтовых орудиях» и проследовать по хорошо продуманному им маршруту. «Выступив из Орской крепости, — писал он, — отряд следовал бы выгоднейшим для него путем по рекам Ори и Иргизу до урочища Ходжакуль; здесь, по изобилии воды и кормов, должно быть коренное становище отряда и сюда же доставилось бы из Орской крепости потребное количество продовольствия. Оставив небольшую охранную команду, отряд продолжал бы путь к северо-восточной оконечности Арала, к заливу Сары-Чаганак, обозрел бы берега рек Сыра и Куван, поднявшись по ним верст на 200 до Орской караванной дороги. Между тем спущенные на воду в заливе Сары-Чаганак взятые на этот предмет две или три лодки осмотрели бы северо-восточные берега Арала, загадочный большой остров Барса-Кайт-мас, где не бывала еще нога европейца, и малые острова, лежащие у восточных берегов, исследовали бы устье реки Сыр, столь важной в торговых отношениях, и, сделав всему этому опись, возвратилась бы в одно время с отрядом к Сары-Чаганак или Камышлы-Башу».

Относительно западной части Арала Перовский писал, что, хотя исследовать их было бы весьма желательно, «отношения наши с хивинцами таковы, что лучше отложить это до другого, более удобного времени». По его мнению, «невозможно будет разуверить хивинцев, что отряд наш шел не в Хиву и что не воротился, устранившись угроз их и неприязненных действий» [9].

Экспедиция требовала больших расходов, Перовский предполагал, что финансовые расходы возьмут на себя не только Министерство просвещения, но и Министерство финансов и военное, заинтересованные в результатах экспедиции: они помогут определить на реке Сыр-Дарье «точку для основания давно предполагаемого укрепления, имеющего способствовать связям и сношениям наших с азиатскими областями и дать торговле нашей надежную опорную точку».

Обосновывая необходимость задуманного предприятия, Перовский заключает: «Не говоря о разысканиях, какие могут быть сделаны по части естественных наук в местах, доселе бывших недоступными ученому свету, экспедиция может также обогатить нас сведениями, нужными для правительства, и которые могут послужить в последующем руководстве при всех будущих действиях, до тех мест касающихся».

По записке Перовского, заслушанной и одобренной на заседании Азиатского комитета Министерства иностранных дел 11 марта 1833 года, было принято решение «делать исподволь нужные приготовления так, чтобы все было готово к марту месяцу 1838 года»¹⁰⁶. Министру просвещения С.С. Уварову, который одновременно являлся президентом Академии наук, поручалось «учинить

В.А. Перовский. Худ. К.П. Брюллов

заблаговременно выбор ученых, долженствующих поступить в состав экспедиции, и снабдить их инструкциями и нужными деньгами на проезд и содержание во время экспедиции». Поэтому 9 апреля он направил в конференцию Академии наук отношение, в котором предлагалось «ныне же заняться рассмотрением проекта сей экспедиции в ученом отношении»¹⁰⁷.

Академия наук отнеслась к проекту со всей серьезностью. Для его обсуждения была назначена авторитетная ученая комиссия, которая разработала программу исследований. Был утвержден состав петербургской части экспедиции, определены правила составления ботанических, зоологических и минералогических коллекций, отмечена необходимость проведения этнографических наблюдений и археологических изысканий.

В Государственном Архиве Оренбургской области имеются документы, подтверждающие, что Перовский сразу же занялся оснащением предстоящей экспедиции. Так, уже в сентябре 1837 года из средств его канцелярии было выделено 2000 рублей «коллежскому советнику Далю на постройку лодок для экспедиции к Аральскому морю»¹⁰⁸.

В.И. Даль это задание выполнил. 23 марта 1838 года он сообщил академику Брандту, что у экспедиции «есть шанс» и «здесь все собрано в дорогу». «Между прочим, — писал он, — я построил две большие лодки, которые следует одну за другой разобрать и транспортировать; они также должны быть взяты с собой. Каждая лодка имеет примерно 35 футов длины, 12 весел и парус. Короче, за приготовлениями дело не станет, если только хивинцы не устроят штуки и не задержат еще дольше пленных или дело затянут и отложат. Последнее, однако, невозможно; напротив, мы надеемся довольно твердо закончить все летом 1838 г.»¹⁰⁹.

Перовский твердо намеревался отправить экспедицию в эти сроки. Об этом говорит сообщение, поступившее осенью 1837 года из министерства просвещения в Академию наук: «Ныне оренбургский военный губернатор уведомляет, что ...экспедиция, к которой в Оренбурге делаются уже все приготовления, должна выступить с линий около половины марта будущего года, и, как гг. ученые, вероятно, пожелают осмотреться там и приготовления к дальнейшему пути, то желательно бы было, чтоб они прибыли в Оренбург заблаговременно, зимним путем»¹¹⁰.

Однако этим планам не суждено было осуществиться. Надежды, что хивинский хан вернет всех русских пленников на родину, не оправдались и отношения России с Хивой вновь обострились. Задуманное путешествие становилось небезопасным. Поэтому 1 января 1838 г. последовало решение «отложить до весны 1839 г. ученую экспедицию к берегам Аральского моря»¹¹¹. Затем вообще наступила полная неопределенность: С.С. Ува-

ров писал в Академию наук, что на его вопрос, состоится ли экспедиция в указанный срок, вице-канцлер Несельроде ответил, что «по сему предмету он докладывал Государю Императору и Его Величество, приняв в уважение настоящее положение дел в Средней Азии и существующие неприязненные отношения к Хиве, Высочайше повелеть соизволил означенную экспедицию отложить до обстоятельств, более к тому благоприятных»¹¹².

Важной для В.И. Даля научной областью стало востоковедение [352, 356]. Восточная тематика интересовала его как писателя, и опубликованные им рассказы бывших хивинских и бухарских пленников при всей своей документальности носят характер художественных очерков. Хорошо овладев татарским языком, он изучал первоисточники и занимался переводами. Вслед за напечатанной ранее легендой о Джингиз-хане в 1837 г. в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» появилось переведенное им «Повествование об Аксак-Тимуре» [51].

Интересу к востоковедению способствовало сотрудничество В.И. Даля с М.И. Ивановым, который не только преподавал языки в Неплюевском военном училище, но одновременно служил переводчиком при канцелярии военного губернатора. Об их дружеских отношениях свидетельствует письмо, посланное Ивановым Далю в Петербург во время его зимней командировки 1836—1837 г.¹¹³

«Милостивый государь Владимир Иванович, — пишет М.И. Иванов, — Наконец и нам, оренбургцам, досталось писать в Питер, да только о чем писать в такую столицу?

Это трудно разрешить — новость теперь у нас одна: вьюги да метелицы. Снег валит, холод морозит, метелицы метут. И вот на днях был двой сутки буран при 20° холоду и забурения, в свою очередь, человек двадцать в окрестностях Оренбурга. Но нам, обычным здесь, эти новости не в диковинку, да и Вам, чать, также». Об оренбургских новостях, касающихся слухов из киргизской степи и потому политических, Иванов, опасаясь цензуры, пишет по-татарски арабским шрифтом. Затем он переходит к своей «Татарской грамматике», рукопись которой высылает Перовскому для представления в цензурный комитет, и просит Даля о содействии: «Татарскую грамматику и письмо к Василию Алексеевичу отправляю вместе с сим. Так или нет все это обделано, Вы сами увидите; только прошу Вас покорнейше не оставить меня в этом своим покровительством». Письмо завершается просьбой Иванова сообщить о его следующей книге, «Татарской хрестоматии» академику Х.Д. Френу: «Если будете иметь случай видеть г. Френа, покажите ему оглавление моей Хрестоматии, что скажет он о ней».

Знаменитый востоковед Х.Ф. Френ (1782—1851) проявил к оренбургским материалам большой интерес, отразившийся в его переписке с В.И. Далем. В письмах, которые хранятся в ПФА РАН, в частности, речь идет о приобретении восточных монет и рукописей, которые должны были пополнить коллекции Академии наук. Так, в письме от 1 мая 1838 г. Даль сообщил, что ему удалось купить у бухарцев превосходный экземпляр рукописи чрезвычайно интересного сочинения хивинского историка XVII в. Абу-л-Гази Бахадур-хана «Родословная тюрков». Эта ценная находка, переданная им в

Академию, особо отмечалась в научной печати. Исследованием рукописи занялся старый оренбургский знакомый Даля П.И. Демезон, переехавший в столицу в 1835 г.; позднее он издал текст этого сочинения вместе с французским переводом и комментариями [353, 371].

Большой научной заслугой В.И. Даля была организация в Оренбурге кружка, объединившего образованных людей, которые интересовались разными вопросами науки и литературы и занимались исследованием Оренбургского края. О собраниях этого кружка он рассказывал П.И. Шлейден в письме от 27 февраля 1838 г.: «Не помню, писал ли я тебе о наших «четвергах». Нас собралось теперь десять человек, мы собираемся по четвергам поочередно у двух, у меня и у генерала Генса, и каждый по очереди занимает остальным вечер своим предметом. Тут один говорит об истории, другой — о кайсаках и башкирах, третий — о сравнительной анатомии, четвертый — о Бородинском сражении, пятый — о расколах и пр., и пр. Затея очень хороша, идет досель довольно удачно; несколько статей были довольно любопытны и занимательны, так что это можно и должно напечатать. Может быть, мы составим из них сборник»¹¹⁴.

Много любопытного мог сообщать на этих научных заседаниях Г.Ф. Генс, накопивший за долгие годы службы огромный материал об истории и природе Оренбургского края, об азиатских народах и Средней Азии.

Непременный их участник Я.В. Ханыков, хотя и прибыл в Оренбург совсем недавно, уже хорошо знал географию Южного Урала и был богат впечатлениями от поездок, которые совершал, собирая данные для статистического обзора Оренбургского края. Например, в

письме к Далю, написанном 23 августа 1837 г. в Сарматнаево¹¹⁵, он подробно и с юмором рассказывал о приключениях, случившихся с ним в путешествии по горным тропам Башкирии, о встрече с А.М. Языковым, братом дружившего с Далем поэта Н.М. Языкова, и их беседе о литературе, о своих этнографических наблюдениях, о кумысе и т.д. [359, с.40-44]. Все это могло стать темой интересного сообщения на заседании кружка.

Немалыми сведениями располагали преподаватели Неплюевского училища М.И. Иванов и А.Н. Дьяконов, любитель и глубокий знаток русской словесности.

Александр Никифорович Дьяконов (1797-ок.1850), инспектор классов и учитель истории и географии Неплюевского военного училища. С 1820 г. служил в Илецком соляном правлении. В 1828 г. получил в Московской губернской гимназии (на «учиненном ему испытании») свидетельство о том, что «он знает российскую словесность от грамматики до красноречия, в истории и географии имеет хорошие сведения и знает французский язык по правилам грамматическим»¹¹⁶. С 1828 г. в течение пяти лет преподавал в Вольском уездном училище, а в 1832 г. был определен в Неплюевское училище. В.И. Даля сблизил с ним общий интерес к древним памятникам русской словесности. Е.В. Даль писала, «что отец дорожил им как хорошей летописью, называл его своим «русским учителем» и читал с ним Киришу Данилова», где «Дьяконов был как у себя дома» [260, с.141].

Дьяконов первым поддержал Даля в намерении составить «Толковый словарь живого великорусского

языка». П.И.Мельников-Печерский вспоминал: «Один только Дьяконов оказывал тогда в Оренбурге, по словам самого Даля, умное и дельное сочувствие к трудам его. Когда, лет через десять после того, я в Нижнем Новгороде каждый почти день бывал у Даля и мы целые вечера просиживали с ним над «Актами» археографической комиссии, над «Летописями» и «Житиями святых», отыскивая в них по крохам старинные слова и объясняя их остатками, сохранившимися по разным закоулкам русской земли, он бывало, часто говаривал: «Вот точно также Александр Никифорович Дьяконов в Оренбурге ходил ко мне с «Киршей Даниловым» да с «Памятниками русской словесности XII века», и точно так же мы целые вечера просиживали над ними с покойником. Изучение старинных памятников утвердило тогда во мне намерение составить «Словарь», а то, право, не раз приходило на ум бросить все запасы для него, как ни на что не годный хлам. Дьяконов поддержал меня. Если будет когда-нибудь словарь, так спасибо вам с покойным Александром Никифоровичем» [384, с.XLVI-XLVII].

Летом активность членов кружка уменьшилось, как видно из письма Даля к сестре от 4 июня: «Четверги наши кончились, все разъехались, а зимой, может быть, возобновятся. Маловато дельного народу. Впрочем, все-таки статей и заметок набралось довольно замечательных, вероятно, будут они напечатаны»¹¹⁷.

В.И. Даль придавал «четвергам» большое значение и строил в связи с ними обширные издательские планы. Он писал А.А. Краевскому 26 февраля 1838 г.: «Статьи с ученых вечеров наших прислать Вам едва ли будет

можно, потому что мы с Ханыковым затеваем издать — если со временем удастся — оренбургский сборник, в который войдут лучшие статьи с этих вечеров. Замечательных и достойных печати статей было только четыре: Генерал-майора Генса, о происхождении кайсаков; Ханыкова, о философии истории; Иванова, о мусульманских школах или медресах и так называемой учености здешних мусульман и пр.; Дьяконова, о раскопках и в особенности об Иргизском монастыре. Я читал им последним вечером довольно длинную повесть Бедовик, которую намерен Вам послать»¹¹⁸.

По-видимому, Краевский заинтересовался оренбургскими материалами и просил присылать их для публикации в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду». Разъяснения в связи с этим Даль дал ему в письме от 4 октября: «У меня найдется, — пишет он, — готовых три или четыре повести, от 10-15 листов каждая (печатных), и по мере того, как их перепишут, все пришлю.

Относительно прочих сотрудников, о которых вы пишете, дело обстоит гораздо посомнительнее. Генерал Генс имел уже несколько раз маленькие неприятности за сведения, которые сообщал другим, Вы знаете, что у него все секретно, даже статистика, география киргизской степи, Бохары, Хивы и Кокана. Поэтому он решительно ничего печатать не хочет; я буду таскать у него помаленьку, что могу, и извлекать, что можно. Но у меня досугу не больно сколько бы на все это надо. Что можешь сделать. Есть у нас еще молодой человек, Нагибин, и от него получите, вероятно, что-нибудь; он будет работать все, на что я ему укажу, человек с головой, и

если заплатите ему работу, если найдете, что статьи готовы, то помогать Вам будет.

Дьяконов преподает по пяти и по шести часов в день, и человек, сверх того, хворый; много ли тут остается времени? Между тем я вытереплю у него статью о раскольниках, статью очень занимательную и любопытную.

Ханыков ничего нигде не может печатать, кроме Журнала Министерства Народного просвещения; вот почему он даже от печатания должен отказаться вовсе...

Много, много любопытного есть в нашем краю; но что прикажете делать, кому охота лезть под обух? Пуганая ворона куста боится, придерутся после ваши, столичные, так что не рад будешь и печати. *Все секретно*¹¹⁹.

Год шестой (1838—1839)

Летом 1838 г. В.И. Даля постигло страшное горе: умерла его жена Юлия Егоровна. После рождения в феврале дочери, которую тоже назвали Юлией, она не переставала болеть и в конце июня скончалась.

Из писем Даля сестре видно, что сначала ничто не предвещало беды. Он писал ей 27 февраля: «Не забыть бы сказать, что у меня 22 февраля родилась дочь, будут звать ее Ольга или Софья. Первое имя от меня, второе — от крестного отца. Жена здорова и весела; я продержал ее неделю в постели, а сегодня она встала. Ребенок тоже здоров»¹²⁰. Это письмо пока еще очень счастливого человека, и лишь одна фраза похожа на слабое предчувствие беды. Даль пишет, что боится какой бы то ни

было перемены в своей жизни, так как «она, кажется, не может быть к лучшему, потому что все и так уже хорошо». Но из следующего письма, написанного 9 июня¹²¹, почти накануне семейной трагедии, выясняется, что Юлия Егоровна болеет так долго и тяжело, что забыто прежнее спокойное и счастливое настроение. Болезнь ее, по словам Даля, загадочная, тяжкая. «Всякий день собираются у меня, — пишет он, — все четыре медика здешние и советуются; я не мог сам собою ни на что решиться. Вероятно, гомеопатия пособила бы ей, как и помогла удивительным образом сестре, но у меня голова и сердце были не на месте, я ничего не мог делать, а притом еще и посторонние люди сбивали меня со всех сторон пересудами своими и я передал больную во власть и волю другим».

Какая-то надежда все еще была. Это чувствуется и в написанном 18 июня с «кочевки» письме В.А. Перовского, который, как следует из текста, имел отношение к крестинам дочери Даля. Он пишет: «Жаль, что не вздумали вы о крестинах, когда я был в городе, я мог бы для этого остаться и лишний день; если откладывать вдаль нельзя, то сами назначьте на мое место, кого хотите. — Грустно видеть, как туго поправляется Юлия Егоровна, но можно решиться на терпение, лишь бы правда, что она поправляется»¹²².

Кончина жены, несмотря на ее долгую болезнь, все же была для Даля неожиданностью. Он очень тяжело переживал случившееся. Опорой для него стала мать, взявшая на себя полностью заботу о двух осиротевших детях.

Его поддерживали своим сочувствием окружающие, в том числе В.А.Перовский, приславший письмо с

выражением соболезнования, датированное 21 июня. «Не стану говорить вам, — писал он, — сколько тронуло меня горестное, хотя и не совсем неожиданное известие; я покойницу любил, как сестру, а вас люблю как друга, и потому вдвойне чувствую вашу потерю. — Я думал бы, что вы сделали бы хорошо, если бы переехали теперь на житье сюда с Арсланом. Вам, ему и женщине при нем готова особая квартира; здесь были бы вы совершенно свободны и мне кажется, что во всех отношениях было бы вам лучше? — Душевно жалею, что в последнюю поездку мою не удалось мне еще раз ее видеть»¹²³.

Слова поддержки приходили и от других сослуживцев, например, из Москвы от недавно уволенного в отставку инженер-капитана Агапиева. Он писал 7 июля: «Я услышал здесь об ужасной потере, Вами испытанной, и спешу изъявить Вам мое душевное участие; лишившись сам многого, я знаю, что такое горе. Поэтому в какой бы час ни попало Вам это письмо, примите его как следствие внутреннего моего влечения сочувствовать человеку, которого я уважаю за неизменное благородство правил и за честное, доброе сердце; а это везде и всегда редкость. Будьте здоровы, поберегите себя, это нужно Вашим детям»¹²⁴.

Пришло письмо от путешествовавшего по Южному Уралу Я.В. Ханыкова, с которым В.И. Даль к этому времени перешел в обращении на «ты»¹²⁵. Письмо, написанное 3 сентября на Воскресенском заводе, не имеет обращения и начинается словами: «Я получил письмо твое 20 августа, в Качинском заводе и, как ни грустно содержание его, оно все-таки меня обрадовало в одном

отношении. Когда я услышал в первый раз о постигшем тебя несчастье, то первым желанием моим было написать к Тебе несколько строк; но уже взявшись за перо, я остановлен был мыслью: что буду писать к тебе? Как ни печальна для меня была полученная новость, все-таки ощущения мои были бы так слабы и бледны в сравнении с твоими чувствами, что я решился лучше молчать и ждать первой вести от Тебя. Радуюсь, что Ты понял меня и теперь спешу прервать продолжительное молчание свое».

Как видно, Ханыков был готов к печальному исходу долгой болезни Юлии Егоровны. Он пишет: «Действительно, несчастье твое было предвиденно. Но кто же изгонит надежду из души человеческой; каждый из нас, вслушиваясь в сомнительные ответы докторов, все еще думал: авось переменится. И потому, когда бедствие свершилось, весть о нем была так же грустна, как о несчастьи неожиданном. Ждешь грома в грозу, знаешь, что удар должен быть, но когда он разразится вблизи над человеком любимым, все-таки оплакиваешь жертву».

«Однако ж, — продолжает Ханыков, — одно бедствие не должно быть причиною другого и, если ты сам чувствуешь, что здоровье твое расстраивается, то, по крайней мере, для детей обязан употребить все средства по сохранению его. Жалко, что меня нет в Оренбурге, — не в самонадеянной мысли, что я мог бы рассеять тебя, но искренне желал бы хоть как-то этому содействовать».

Письмо, посланное Далем сестре спустя два месяца¹²⁶, глубоко проникнуто горем, но поражает мужественным, трезвым отношением к жизни. Он пишет слов-

но не о себе, рассматривая свое состояние как болезнь, против которой нет никаких лекарств, кроме времени и терпения. Из текста видно, что Даль принял приглашение Перовского и живет на «кочевке», где так любила бывать жена. Письмо без даты, на нем пометка Паулины Ивановны о том, что ответ она отправила 14 сентября 1838 г.

В письме, в частности говорится: «Тяжело, сестрица, и не знаю, как быть, как привыкать. Люди, у которых горе наружу, которые могут рассчитывать в подобных случаях наружными знаками отчаяния, у которых всякая беда бьет в кость и в ноги — скоро отдыхают и забывают; тело изнемогает, временно, под бременем удара, душа рвется и бьется, и засыпает вместе с телом. Сон этот дарует новую крепость и силу, новые обстоятельства и отношения развлекают мысли и душу и горе забыто.

Не так бывает у людей, которые не умеют заставить плоть, тело поработать вместо и на счет духа, у которых внешняя, наружная жизнь как-то всегда и при всех обстоятельствах довольно ровна и однообразна — здесь дух должен рассчитывать за духовное и ему подставы нет.

Знаю, что миллионам суждено испытать то же, что и мне; что миллионам определено нечто более тяжкое — верую в Творца и в посмертную жизнь, понимаю суетность, бренность, ничтожество каждодневной жизни, этого вековечного муравейника, переносу смиренно все и готов перенести еще более, не сломит меня никакое земное горе, не лишит меня — так я твердо уверен и надеюсь — рассудка; но если природа, Создатель, вложила в меня потребность, нераздельную с сущностью моею, и

если лишает меня в то же время навсегда средства уто-
лить потребность эту, любить, донельзя любить жену —
тогда не могу не сознаться, что это выходит сказка о
Тантале в лицах. Терпеть могу; сносить, молчать — но
не могу дать себе ни покою, ни улады — не могу даже
понудить себя к бесчувствию, равнодушию, к этой
преждевременной смерти духа; первой потребности,
без которой нет спокойствия ни одной минуты в тече-
ние целых суток — нет; болей, молись и жди — что
будет, то будет.

Живу опять на кочевке, где так хорошо, так хорошо,
что не расстался бы век — горы, леса — новый вид на
каждых ста шагах — и все это упорно и насильственно
напоминает мне только, как бы она радовалась всему
этому и утешалась, а без нее и тут скучно, грустно на-
смерть.

Впрочем, я думаю, никто этого не видит; я по наруж-
ности тот же человек, что и был; немножко более пря-
чусь от людей и то только иногда».

Е.В. Даль заметила впоследствии: «Смерть эта так
подействовала на отца, что он точно переродился: из ве-
селого, почти беспечного вышел вечно вздыхающий,
вечно задумчивый; с этой минуты я начинаю узнавать
своего отца в каждом его слове — он сделался именно
таким, каким я его впоследствии знала» [267, с.144].

Но внешне в жизни Даля ничего не изменилось: слу-
жебные дела шли своим чередом, продолжалась заин-
тересованная переписка с литераторами. 4 октября
1838 г. он писал А.А. Краевскому¹²⁷, отвечая на письмо,
которое его «обрадовало и утешило как нельзя боль-
ше», потому что содержало «новости неожиданные и тем

более радостные». По-видимому, они касались плана Краевского издавать журнал «Отечественные записки», который начал выходить в 1839 г. Даль обещает изданию Краевского, которому он — «первый подписчик», всяческое содействие и не желает лучшего места «думам и мечтам своим». Он собирается — «как только управится» — отослать Краевскому «кипу» своих работ и добавляет: «Бедовик и затем Мичман Поцелуев, а потом и Савелий Граб придут к Вам один за другим и Бедовик скоро, только бы не принести ему Вам беды!» Очевидно, Даль опасался осложнений с цензурой, но повесть «Бедовик» благополучно вышла в 1839 г. в «Отечественных записках» [53]. Цензурные строгости упоминаются и в связи с выраженной Краевским надеждой получить для публикации статьи Г.Ф. Генса, Я.В. Ханькова, А.Н. Дьяконова и других оренбуржцев, участников научных «четвергов».

В этом же письме В.И. Даль высказывается по поводу петербургской литературной жизни. Приветствуя издательские планы Краевского, он пишет: «Журналистика наша была в отчаянном положении; по крайней мере, издаека на нее глядя, кажется, что каждому доброму человеку надо бы было обходить омут этот и устраняться от всякого сношения с людьми, у которых вместо совести лежит полновесный медный пятак». Ниже он добавляет: «С Сенковским пусть водится Сатана, а не наш брат».

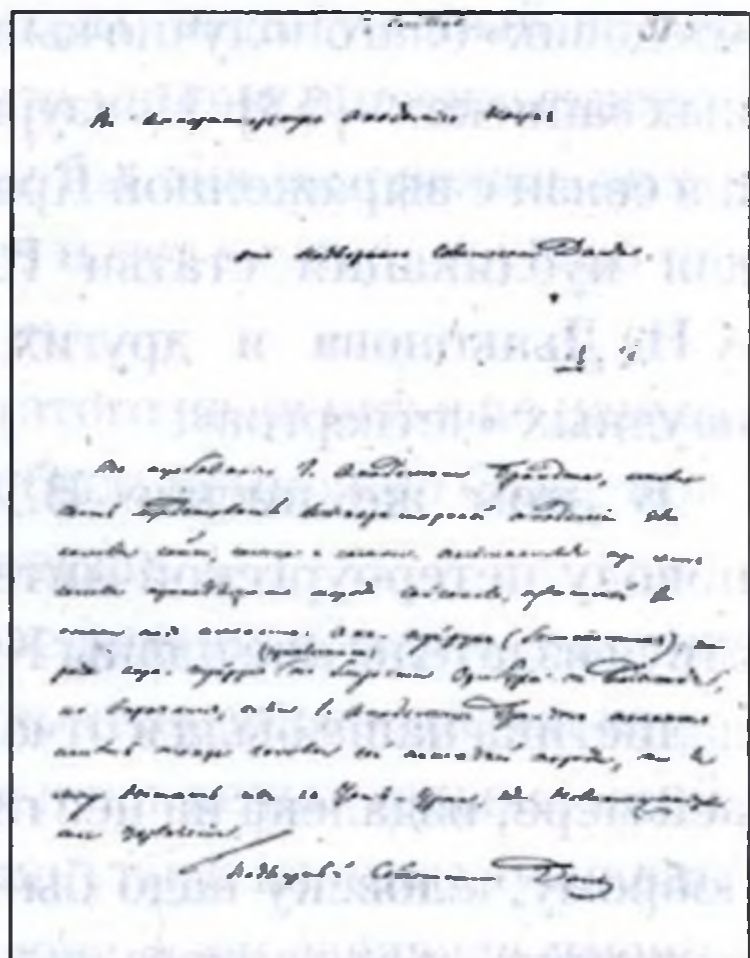
Письмо завершается вопросом: «Вы не пишете ни слова, почему не напечатали мою статью об омеопатии; она послана была вам от 26-го октября прошлого года. Я не претендую, но желал бы только знать, почему? При

случае вы мне это скажите». Большая статья медицинского содержания, которую Даль написал в форме личного письма к В.Ф. Одоевскому, вышла в журнале «Современник» в конце 1838 г. [48]. Она посвящена защите гомеопатических методов лечения, горячим сторонником которых Даль оставался. В Оренбурге он применял эти методы на практике и постоянно убеждался в их действенности.

Личные невзгоды В.И. Даля не изменили и хода его научных занятий. Он продолжал работу по организации музея, переписывался с академиками и регулярно отправлял в Зоологический музей Петербургской Академии наук образцы редких животных, водившихся на Урале и в киргизских степях. Только в письме к Ф.Ф. Брандту от 2 июля 1838 г., написанном в самые трудные дни¹²⁸, он ограничивается кратким сообщением о высылке денег за обучение оставшихся в Петербурге чучельников и просит простить ему «мазню», добавив: «Я действительно неспособен сейчас написать что-то порядочное. Я похоронил мою супругу».

Но уже в следующем письме, датированном 8 октября¹²⁹, Даль обсуждает многочисленные вопросы, поставленные Брандтом, и дает обстоятельный ответ на

Письмо В.И. Даля в Академию наук
от 8 июня 1838 г.

каждый из них. Речь, в частности, идет о животных, которых было желательно получить для Зоологического музея, например, тюленя с Каспийского моря и верблюда. Даль пишет, что в Оренбург из Бухары прибыл слон, предназначенный в подарок императору. Его поведут в Петербург следующей весной, так что с ним вместе можно будет отправить и требуемого верблюда.

Здесь же Даль сообщает, что закончил перевод первой части «Естественной истории Оренбургского края» Э.А. Эверсмана.

Он пишет: «Я хочу упомянуть о крайне интересном естественно-историческом труде, первую часть которого на этих днях я закончил переводить с немецкого на русский. Наш губернатор побудил профессора Казанского университета Эверсмана написать обстоятельную естественную историю Оренбургского края; Эверсман обживает и объезжает здешнюю область уже в течение 20 лет. Первая часть содержит общие сведения о стране, климате, погоде вместе с геогностическим обзором страны. Далее следуют специальные части, где все, что относится к трем царствам природы, должно быть названо по именам и описано вместе с латинскими названиями».

В.И. Даль хорошо понимал значение трудов Э.А. Эверсмана для русской науки. В его работах, печатавшихся, главным образом, в «Записках» Казанского университета, представлена фауна юго-восточного региона России и сделаны важные выводы относительно систематики животных и зоогеографии. Им были собраны богатейшие зоологические коллекции.

Особенно славилась энтомологическая коллекция Э.А. Эверсмана, которая очень интересовала Даля, также собиравшего насекомых. В том же письме он сообщает Ф.Ф. Брандту, что у Эверсмана «бабочек 1100 видов, жуков 2000 видов, мух и пчел тоже 2000»¹³⁰. Впоследствии эта огромная, образцово составленная коллекция была приобретена Русским энтомологическим обществом и сейчас хранится в Зоологическом Институте РАН [248].

В.И. Даль имел непосредственное отношение к главному произведению Эверсмана — «Естественной истории Оренбургского края». Ее первая часть («Вступление в подробную естественную историю Оренбургской губернии, или общий взгляд на край Оренбургский в отношении к произведениям природы») была напечатана в 1840 г. в Оренбурге, вторая («Естественная история млекопитающих животных Оренбургского края, их образ жизни, способы ловли и отношение к промышленности») — в 1850 г. в Казани, третья («Естественная история птиц Оренбургского края») — там же, в 1866 г. уже после смерти автора. Описание насекомых Оренбургского края было дано в особой работе Э.А. Эверсмана, опубликованной на латинском языке в Казани в 1844 г.

Инициатором создания «Естественной истории Оренбургского края» был В.А. Перовский, которому и посвящено сочинение. По словам Эверсмана, он взялся за этот труд после того, как осенью 1836 г. получил от оренбургского военного губернатора «вызов» написать «естественную историю, или, лучше сказать, естествоописание Оренбургского края» [518, с.82]. В посвящении к книге, обращаясь к Перовскому, автор пишет:

«Ваше превосходительство, милостивый государь! Почтив меня однажды посещением своим, Ваше превосходительство изволили предложить мне написать «Естественную историю Оренбургского края». Желание Ваше было для меня приказанием; сверх того, оно вполне согласовалось с собственным призванием моим. Таким образом, давнишнее намерение мое обнародовать наблюдения по части естественной истории, собранные мною в течение двадцати лет на всем пространстве между Волгою и хребтом Урала, удостоились Вашего поощрения и ныне сбылись на деле. Осмеливаюсь поднести Вашему превосходительству первую часть трудов этих: ОБЩУЮ ИСТОРИЮ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ. И кому бы я посвятил книгу эту, если не Вам, виновнику ее издания?» [там же, с.80 - 81].

Русский перевод первой части сочинения, написанного по-немецки, выполнил В.И. Даль. В «Предисловии переводчика» он говорит: «Приказание перевести сочинение это с немецкой рукописи на русский язык исполнил я, во всех отношениях, с особенным удовольствием. Независимо от всегдашнего желания сделать угодное своему начальнику, личные отношения мои к сочинителю и привязанность к предмету сочинения заставили меня заняться делом со всевозможным старанием» [там же, с.84]. Это дело оказалось очень нелегким из-за обилия специальных научных терминов и стремления Даля избегать в русском тексте иностранных слов. «Придерживаясь, сколько смог и умел, смысла и духа подлинника, — пишет он, — я избегал нерусских выражений и оборотов, стараясь передать русские названия предметов». Только там, где «русские названия могли

быть темными» переводчик «присовокуплял, для ясности, названия немецкие» [там же].

Кроме того, В.И. Даль составил примечания к тексту Эверсмана. Он пишет далее, что «по разрешению и желанию сочинителя, осмелился присовокупить от себя несколько замечаний». И оценивает их значимость с присущей ему скромностью: «Вовсе не будучи ученым естествоиспытателем, все притязания мои я ограничиваю тем, чтобы способствовать, по силам своим, людям более ученым и сведущим в изысканиях их и в распространении полезных знаний» [там же]. Однако научный анализ примечаний В.И. Даля к «Естественной истории Оренбургского края» позволяет исследователям считать его «в какой-то мере соавтором этой прекрасной книги», который проявил себя как тонкий наблюдатель и знаток природы края — лесистых и горных районов Урала, степной зоны и степи «по левую сторону реки Урала до Каспийского и Аральского морей» [510, с.63].

Даль не только подмечает и ярко описывает особенности климата Оренбургского края, в том числе собственные ему зимние и летние бураны, но и оценивает природные условия с медицинской точки зрения: утверждая, что этот климат «вообще здоровый», он приводит данные о характерных болезнях, распространенных среди людей и сельскохозяйственных животных. Он дополняет описание редкого природного явления марева, рассказывает о загадочных озерах Башкирии Ачулы-куль и Кандра-куль, о замечательных пещерах в Уральских горах, с которыми связано много народных сказок, об особенностях рек Южного Урала и т.д. Приводя дополнительные сведения о безводных райо-

нах зауральских степей, он говорит о трудностях, с которыми приходится встречаться кочующим здесь киргизам. При обсуждении описанных Эверсманом палов, вошедших в обычай у кочевых народов, Даль доказывает вред этого «гибельного обычая» и приводит примеры его трагических последствий. В его примечаниях сообщается также о попытках лесоразведения в Оренбургском крае при Перовском и об учрежденном им училище лесоводства, об углублении артезианского колодца, заложенного в центре Оренбурга, об открытии некоторых полезных ископаемых на Урале, а также о том, что в зауральских степях еще не удалось отыскать каменного угля, годного для горного дела.

После представления рукописи и ее перевода началась подготовка к публикации книги. Печатать ее Перовский решил в походной типографии штаба Отдельного Оренбургского корпуса на средства, которыми располагала канцелярия военного губернатора. О том как было осуществлено это издание, рассказывают документы хранящегося в ГАОО дела «Об отсылке профессору Эверсману 1500 руб. за Естественную историю Оренбургского края»¹³¹. Оно начинается следующим письмом В.А. Перовского к Э.А. Эверсману, которое датировано 28 ноября 1838 г. и написано после ознакомления с текстом перевода рукописи, представленного В.И. Далем:

«Милостивый государь Эдуард Александрович! С большим удовольствием прочитал первую часть Вашего учебного и основательного труда «Естественную историю Оренбургского края». Я поставляю себе в особую заслугу, что подал повод к сочинению Вами этой полезной и единственной у нас в своем роде книги и что

могу способствовать к ее скорейшему распространению в отечестве нашем.

Ограниченность средств, коими я могу располагать для подобных предметов, не позволяет мне вознаградить труды и время Ваше по достоинству, если только труд и время могут быть оценены.

Между тем, прошу Вас, милостивый государь, принять прилагаемые 1500 руб. собственно к 1-й части доставленного мне сочинения, признавая себя между прочим несостоятельным должником Вашим. Надеюсь однако же, что Вы не откажетесь от предложения скорого окончания великого труда Вашего собственно из любви к науке, которой Вы на поприще своем успели уже принести столько существенной пользы.

Прошу Вас, милостивый государь, принять уверения в совершенном уважении моем»¹³².

Интересно отметить, что текст письма написан почерком В.И. Даля.

Результаты своих натуралистических наблюдений Даль публиковал и в столичных изданиях. В 1839 г. он поместил в газете «Санкт-Петербургские ведомости» серию статей, в которых знакомил столичных читателей с далеким Оренбургским краем. Корреспонденция от 24 марта была посвящена знаменитым оренбургским буранам [59]. «Вьюга или метель, — говорится в статье, — которую мы знаем больше или меньше по всей России, принимает в обширных степях наших совсем иной, своеобразный вид и на востоке и юго-востоке известна собственно под именем б у р а н а». Даль замечает, что «слово это принято от кочевых и полукочевых народов», а затем дает описание зимнего и летнего буранов.

С буранами он был знаком очень хорошо, так как в то время зимы в Оренбурге отличались суровостью. Как писал позднее, вспоминая их, один из оренбургских старожилов, «снега и бураны были настолько обильны и свирепы, что во время последних крепостные ворота запирались, в них впускали только приезжавших в город, но из города даже в слободу не выпускали. Обилие снегов было так значительно, что некоторые улицы были совершенно занесены, торчали только концы труб, и жители выходили через прорытые галлерей» [499]. Для иллюстрации автор статьи приводит случай с В.И. Далем, который однажды, возвращаясь поздним вечером, заблудился вблизи от своего дома. «После долгих скитаний по непролазным сугробам снега, — пишет он, — лошадь отказалась везти его далее. Усадив кучера в сани, закутав его полами своей дохи, В.И. решил ждать рассвета. Когда рассвело, то оказалось, что лошадь уперлась в дымовую трубу занесенной избенки» [там же].

Служебные дела В.И. Даля между тем шли своим чередом. Он успешно продвигался вверх по чиновничьей лестнице: в конце 1838 г. он получил чин коллежского советника. Тогда же «в награду за труды» ему была пожалована 1000 десятин земли «в вечное и потомственное владение»¹³³. Этой наградой он, однако, не воспользовался, продав позднее землю титулярной советнице Еникуцовой¹³⁴.

Осенью 1838 г. В.И. Даль готовился к новой командировке в Петербург, куда должен был сопровождать военного губернатора. Но на этот раз, когда он еще не пришел в себя после смерти жены, поездка не доставила ему радости. Он писал перед тем сестре, что, если

прикажут, он поедет, но «по своей воле не хочется, очень не хочется». «Что я там буду делать? — объяснял он свое настроение. — Сотни новых лиц, огромное знакомство, которое всегда было мне в тягость, а теперь и подавно. Развеяться, кажется, не могу; надобно дать с год место покою и одиночеству, чтобы я переработал это сам, от себя и в себе, иначе не будет легче»¹³⁵.

Развеяться Далю, однако, пришлось. Кроме столичной суеты и служебных забот, его ждала важная новость: 21 декабря 1838 г. Петербургская Академия наук избрала его членом-корреспондентом по естественному отделению. Тем самым он получил официальное признание как ученый-натуралист.

Из академических протоколов, хранящихся сейчас в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН¹³⁶, видно, что кандидатуру В.И. Даля выдвинули академики Я.И. Шмидт, Ф.Ф. Брандт и К.М. Бэр¹³⁷. В список для голосования по естественному отделению были внесены также два иностранных ученых — Валентен (Valentin) из Бреслау и Гарлан (Harlan) из Нью-Йорка. В результате баллотировки наибольшее число голосов получил Даль: за него проголосовало 20 академиков из 21. Избранными были объявлены он и Гарлан, за которого было подано 18 голосов;

Ф.Ф. Брандт

их соперник набрал только 6 голосов. Один бюллетень оказался испорченным.

В «Отчете о трудах и действиях Императорской Санкт-Петербургской Академии наук за 1838 г.», опубликованном в Журнале министерства народного просвещения (ч. XXII, 1839. № 4-6. Отд. III. С. 10.) значится: По случаю нынешнего публичного заседания Академии избран: в число почетных членов г. действительный статский советник Аделунг, а в число корреспондентов Академии г. профессор Нейманн в Кенигсберге, надворный советник доктор Даль в Оренбурге и профессор Гарлан в Нью-Йорке, экзарх Грузии Евгений в Тифлисе и г. Овермер-Фишер в Батавии». Здесь названы также ученые, избранные по физико-математическому отделению и отделению истории, филологии и политических наук.

Официальное письмо В.И. Далю от неперменного секретаря Академии наук П.Н. Фуса датировано 21 марта 1839 г.¹³⁸ В нем сказано:

«Милостивый государь

Владимир Иванович!

Императорская Академия наук в изъявление уважения к заслугам Вашим, в публичном заседании своем, бывшем по случаю 112-го года ее утверждения, избрала Вас в число своих членов-корреспондентов. Вследствие чего, препровождая у сего диплом на сие звание, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, принять вместе с тем уверение личного моего к Вам почтения, с каковым честь имею быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою.

Павел Фус. Его Высокоблагородию В.И. Далю в Оренбурге».

Много лет спустя, 13 декабря 1863 г., В.И. Даль — автор «Толкового словаря живого великорусского языка», признанный лингвист и этнограф, стал почетным членом Академии наук по отделению языка и словесности. О том, что он, как член-корреспондент Академии принадлежал к отделению естественных наук, забылось и лишь изредка отмечается его биографами. Между тем Даль, считая себя натуралистом, высоко ценил свое первоначальное ученое звание, и с явной обидой заметил в автобиографической заметке: «Академия наук сделала меня членом-корреспондентом... по естественным наукам, а во время соединения Академий меня, без ведома моего, перечислили во 2-е Отделение» [252].

Во время пребывания в Петербурге В.А. Перовскому и сопровождавшим его лицам (среди которых, кроме В.И. Даля, был Я.В. Ханыков) пришлось заниматься сложными политическими проблемами. К этому времени стало ясно, что задержание хивинских купцов не дало ожидаемого результата. Хан, поначалу, казалось, готовый освободить русских невольников, ограничился присылкой немногих, преимущественно немощных стариков. А грабежи и разбои, похищения людей с Каспийского моря и пограничной линии продолжались по-прежнему. Перовский, убедившись в бесполезности попыток добиться выполнения требований России мирным путем, решил, что настал момент прибегнуть к силе оружия. Он сумел доказать свою правоту и получил правительственную поддержку. Специально учрежденный комитет, в который вошли вице-канцлер К.В. Нессельроде, военный министр А.И. Чернышев и В.А. Перовский, разработал общий план военного

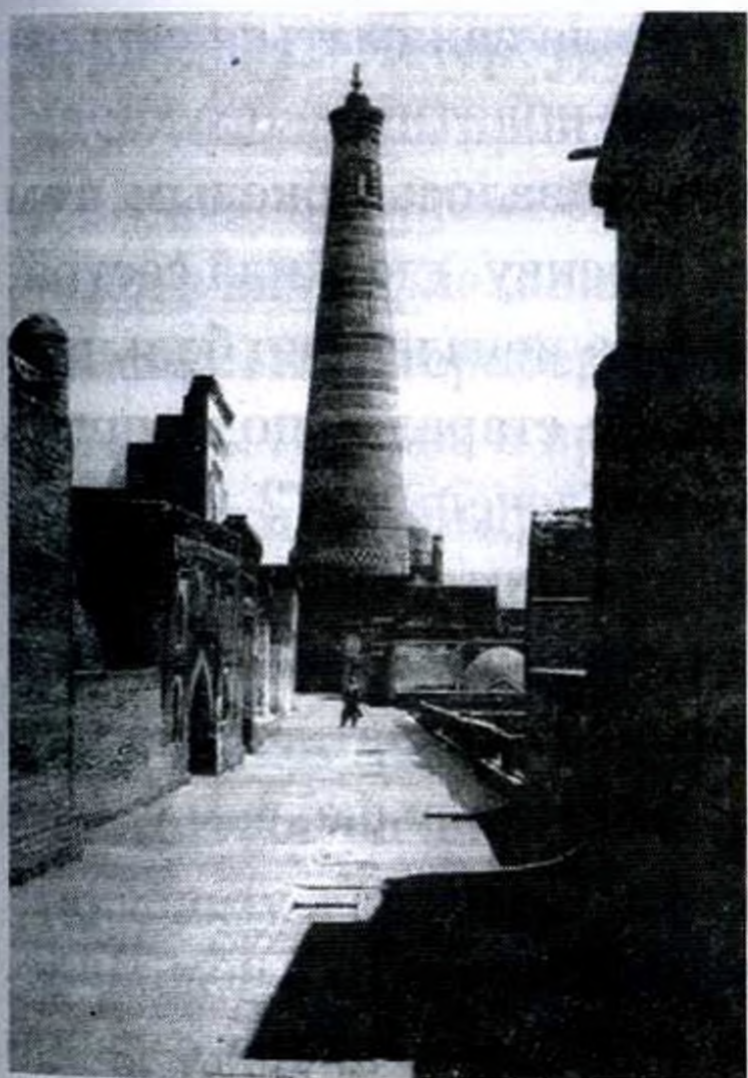

похода на Хиву, который 12 марта 1839 г. был утвержден Николаем I. Позднее В.И. Даль, подробно описав-

Хива

ший все обстоятельства этого похода в статье «Военное предприятие противу Хивы» [78], засвидетельствовал, что согласно этому плану предполагалось «в случае

Хива

удачи предприятия сместить хана Хивы и заменить его надежным султаном кайсацким, упрочить по возможности порядок, освободить всех пленных, дать полную свободу торговле нашей». Было решено «ни в

кчем случае не откладывать поход далее весны 1840 года», подготовку к нему начать немедленно и «содержать истинную цель предприятия в тайне, действуя под предлогом посылки одной только ученой экспедиции к Аральскому морю» [там же, с.147].

Кроме того, в правительственных кругах был обсужден другой, весьма

важный вопрос — о необходимости перенести Ново-Александровское укрепление на новое, более удобное место на восточном берегу Каспийского моря. Для пред-

варительного обследования побережья к оренбургскому военному губернатору был прикомандирован молодой, но опытный морской офицер капитан-лейтенант Л.Н. Бодиско.

Несмотря на решение о военном походе, В.А. Перовский не хотел отказываться и от своего проекта научной экспедиции к Аральскому морю. Он добился желаемого. Ему было предоставлено право решать эту задачу самому и «разрешено ныне же приступить к нужным приготовительным мерам»¹³⁹. Экспедицию предполагалось отправить в ноябре 1839 г., а поход против Хивы начать через год — весной 1840 г.

Таким образом, по возвращении из Петербурга весной 1839 г. В.И. Далю предстояло заниматься серьезными делами как научного, так и политического характера. Душевное его состояние оставалось тяжелым, тем более, что, посетив проездом Москву, где жила сестра, он понял, что Паулина Ивановна неизлечимо больна и проживет недолго. В письмах он старался подбодрить ее и внушить надежду на успех лечения. 12 июня он писал, что радуется силе ее духа, который она сумела сохранить, несмотря на тяжелую болезнь, и добавил: «Только имей терпение — хотел бы я сказать, но не должен, потому что, конечно, у тебя его больше, чем у меня и у многих других»¹⁴⁰.

Из этого письма мы узнаем многое и о самом Дале. Как всегда, он подробно рассказывает сестре о своей жизни, о матери, детях, о делах и планах о том, что по-прежнему остро ощущает тяжесть своей потери и страдает от одиночества. Он пишет: «Мои малыши здоровы; Арслан стоит как раз рядом и разговаривает со мной.

Юлия, конечно, не говорит почти ничего, но понимает все, что входит в область ее понятий, очень живая и подвижная. Таким образом, все внешне идет своим чередом, но мне совсем не кажется, что я дома и прижился здесь в Оренбурге, как раньше, а будто я должен был бы снова найти, что нам не хватает. Но с этим, конечно, кончено; здесь нельзя сказать: ищите и найдете, стучите и откроется вам!»

Жизнь, однако, ставила перед Далем свои требования и не позволяла углубляться в переживания.

«У мамы, — пишет он, — все очень хорошо, по-другому я не могу сказать, смотрит за всем хозяйством, и за детьми, и еще за массой гостей, так как с тех пор, как я вернулся из Петербурга, дом не бывает пустым, что мне, впрочем, очень приятно, так как это люди, с которыми я с удовольствием общаюсь». Далее выясняется, что он имел в виду приехавших в это время в Оренбург художника В.И. Штернберга, моряка Л.Н. Бодиско, натуралиста А. Лемана и врача К. Розенбергера. Даль пишет: «Бодиско прибыл сюда двумя днями раньше меня; Штернберга я привез с собой, оба остановились у меня».

Капитан-лейтенант Л.Н. Бодиско, с которым Даль был знаком еще в Морском корпусе, приехал в Оренбург из Астрахани. Ему предписывалось явиться к Перовскому в связи с Высочайшим повелением назначить в распоряжение оренбургского военного губернатора «для исполнения особых поручений морского офицера»¹⁴¹. Эти особые поручения состояли в обозрении и глазомерной и инструментальной съемке восточных берегов Каспийского моря, что было необходимо для задуманного переноса Ново-Александровского укрепления

на новое, более удобное место. Вместе с Бодиско осмотр берегов проводил капитан Генерального штаба Ширков.

Из формулярного списка Леонтия Николаевича Бодиско¹⁴² следует, что ему было в то время 34 года, происходил он из российских дворян лютеранского вероисповедания, был холост и недвижимым имуществом не владел. Образование получил в Морском кадетском корпусе, куда поступил в 1816 г. В 1818 г. был выпущен в гардемарины, в 1821 г. — в мичманы и в ходе службы «сделал на море 18 кампаний». В 1826—1827 гг. он участвовал в плаванье из Кронштадта на Камчатку, в 1827 г. — оттуда в Охотск, а в 1836—1837 гг. — в Архангельск. В 1826 г. он был произведен в лейтенанты, в 1836 г. — в капитан-лейтенанты.

14 апреля Л.Н. Бодиско получил от В.А. Перовского инструкцию относительно осмотра берегов Каспийского моря [462, с. 41-44], а 15 апреля датирована справка о том, что ему выдано из «сумм по пограничным укреплениям» 500 руб. «на покупку подарков для одарения туркмен и адаевцев» и столько же — «на собственное употребление»¹⁴³. Получил он также инструменты и материалы, необходимые для топографических работ и черчения планов¹⁴⁴.

27 апреля перед началом экспедиций Бодиско сообщал в донесении Перовскому из Астрахани: «Долгом поставляю приложить сведения, которые переданы мне изустно здешним военным губернатором г. генерал-майором Темирязовым: эмбенская промышленность пострадала в нынешнем году необыкновенно от смелого нападения туркменцев, действовавших по внушениям

хивинского хана, — ими захвачено в короткое время 168 человек и уведено в Хиву. Для выкупа кого возможно я получил от здешнего военного губернатора 4000 руб.»¹⁴⁵.

Таким образом, нелегкая научная задача, поставленная перед участниками этого плавания, осложнялась политическими обстоятельствами. Тем не менее, она была решена. 21 июля Перовский доносил военному министру, что Бодиско и Ширков, выполнив поручение, 28 июня прибыли в Астрахань; они «занимаются теперь отделкою чистых планов и приводят в порядок свои записки, надеясь в непродолжительном времени доставить ко мне описание обозренных ими берегов и планы инструментальной и глазомерной съемок с промерами» [там же, с.100]. Здесь же приводились их соображения о постройке нового укрепления на полуострове Мангышлак.

Приехавший из Петербурга вместе с Далем Василий Иванович Штернберг (1818—1845) — талантливый молодой художник, недавно закончивший Академию художеств, соученик и друг Т.Г.Шевченко, отправился в поездку по Оренбургскому краю и, по-видимому, собирался осенью присоединиться к Аральской экспедиции.

«Как только Бодиско уехал, — продолжает рассказывать Даль в письме к сестре, — прибыл Леман, которого ты, наверное, помнишь по времени в Дерпте, он был тогда маленьким мальчиком, а сейчас он — имеющий мировую славу натуралист, который уже с академиком Бэром побывал на Новой земле. Приятный обходительный юноша».

Александр Леман (1814–1842) родился в Дерпте в семье врача И.А. Лемана. Образование получил в Дерптском университете, изучая естественные науки, интересовавшие его с детства. В годы учебы приобрел опыт натуралиста, научился составлять естественно-научные коллекции, которые, имея талант художника, дополнял мастерскими зарисовками. В 1837 г. по рекомендации университетских профессоров принял участие в экспедиции К.М. Бэра, впервые посетившей Новую Землю.

В 1838 г. Леман получил приглашение в Оренбург от Перовского, который предложил ему заняться научным описанием природы Южного Урала и устройством «Музеума естественных произведений Оренбургского края». С Оренбургом, куда Леман приехал весной 1839 г., неразрывно связана недолгая творческая жизнь этого талантливого ученого.

С приездом Лемана для В.И. Даля открылись новые возможности удовлетворить свой интерес к естествознанию. Из его письма к академику Ф.Ф. Брандту от 25 мая 1839 г.¹⁴⁶ видно, что они увлеченно занимались определением вида найденных животных и в их беседах участвовал Э.А. Эверсман, заехавший в Оренбург по пути из путешествия по горному Уралу.

В этом же письме Даль сообщает Брандту, что как раз сегодня вместе со слоном — подарком императору от бухарского хана — отправляется в путь верблюд, приобретенный для Зоологического музея Академии наук. Правда, нет уверенности, что животное доберется до Петербурга благополучно, так как оно очень беспокойно — «не желало отделяться от своих товарищей» —

и скорость движения слона для него слишком велика. В сообщениях прессы того времени о путешествии слона сообщений о верблюде нет, а в протоколах Академии наук подтверждается получение от В.И. Даля в сентябре 1839 г. двух образцов верблюда¹⁴⁷. По-видимому, этот верблюд до столицы не дошел и позднее туда были отправлены еще два.

Оживилась и работа по организации музея. Работавшие под началом В.И. Даля чучельники Мелихов и Волженцов посылались в экспедиции, откуда они привозили шкуры зверей и птиц для набивки чучел.

Вскоре А. Леман отправился в путешествие по Южному Уралу. В.А. Перовский в ответ на его докладную записку от 24 мая 1839 г. распорядился, чтобы местные власти оказывали всяческую помощь «кандидату философии Леману, командированному для собирания разнородных предметов и сведений, нужных к составлению геогностического описания здешнего края»¹⁴⁸. Военный губернатор предписал выдавать ему «без малейшего замедления по три лошади с проводником» от Оренбурга в разные места здешней губернии» и обеспечить «для безопасности по линии приличный конвой».

В это время на службу в Оренбург был переведен врач Карл Розенбергер, друг В.И. Даля еще по дерптскому периоду, сын одного из профессоров университета. Связь между ними за прошедшие годы не прерывалась. В ИРЛИ хранятся 25 писем Розенбергера к Дально в том числе из Севастополя (1830) и Николаева (1831–1839)¹⁴⁹. Теперь им довелось служить вместе в Оренбурге. Даль пишет сестре, что после отъезда Бодиско и Лемана ему не пришлось долго скучать: «Когда эти двое

уехали по своим обязанностям, приехал Розенбергер со своей молодой женой; он, конечно, дорогой друг для меня здесь и доставляет мне много радости». Особенно его развлекает игра в шахматы, в которой Розенбергер большой мастер.

«Теперь, — продолжает Даль, — я ожидаю Штернберга из его экскурсии обратно, затем сам со своими перееду на кочевку, а осенью возвратятся Леман и Бодиско».

В Оренбург в это время приехал и новый чиновник особых поручений при военном губернаторе — младший брат Я.В. Ханыкова, Николай.

Николай Владимирович Ханыков (1819—1878) — известный востоковед, географ, этнограф, путешественник и дипломат [478]. После окончания в 1836 г. Царскосельского лицея он заинтересовался ориенталистикой и в течение двух лет изучал в Петербургском университете восточные языки. В 1838 г. поступил на службу в министерство иностранных дел, а 17 марта 1839 г. был определен в Оренбург. Здесь он получил практические познания в востоковедении, изучал природу Южного Урала и зауральских степей, знакомился с бытом и обычаями населяющих его народов. Н.В.Ханыков участвовал в зимнем Хивинском походе 1839—1840 гг., а затем совершил поездку в Бухару с миссией К.Ф. Бутенева в 1841—1842 гг. Вернувшись в Петербург, опубликовал «Описание Бухарского ханства» (1843 г.).

В 1845 г. началась служба Н.В. Ханыкова на Кавказе. В 1854—1857 гг. он был генеральным консулом

в Табризе. В 1858–1859 гг. возглавил научную экспедицию в Хорасан. С 1861 г. жил и работал в Париже.

Приглашая Николая Ханыкова к себе на службу, В.А. Перовский надеялся получить в нем помощника старшему брату в работе по изучению Оренбургского края. Молодой человек смог найти много возможностей для применения своих знаний. Оренбург стал начальной точкой его замечательной научной биографии. С В.И. Далем у него было немало общих интересов и их дружеские отношения не прерывались долгие годы.

Среди гостей Оренбурга, с которыми В.И. Даль общался, был горный инженер Е.П. Ковалевский, назначенный руководителем миссии в Бухару, которая по просьбе бухарского эмира должна была помочь в поисках золота и драгоценных металлов в землях ханства.

Е.П. Ковалевский

Егор Петрович Ковалевский (1809–1868), крупный русский геолог, неустойчивый путешественник, побывавший на Балканах, в странах Востока и в Африке, талантливый писатель и общественный деятель. В 50-е гг. XIX в. занимал пост директора Азиатского департамента министерства иностранных дел. Активно участвовал в работе Русского географического общества.

Капитан корпуса горных инженеров Ковалевский, несмотря на свои тридцать лет, уже имел огром-

ный практический опыт и был участником разведок и разработок золотых месторождений на Алтае, Урале и в Черногории. В ГАОО хранится дело «О командировке в Бухарию горного инженер-капитана Ковалевского»,¹⁵⁰ из которого мы узнаем, что 3 апреля 1839 г. он получил предписание «безотлагательно отправиться в Оренбург и там явиться к военному губернатору г. генерал-адъютанту Перовскому», чтобы получить «дальнейшие определения» и «все необходимое для проезда в степь». Тем же числом датировано письмо В.А. Перовскому от вице-канцлера К.В. Нессельроде¹⁵¹, который, подчеркивая важность экспедиции, просит «учинить нужные распоряжения» по ее организации. О Ковалевском он пишет: «Опытность сего офицера, основательные познания его по горной части и приобретённые им еще прежде некоторые сведения о Средней Азии подают надежду, что он оправдает выбор и исполнит возложенное на него поручение с должным благоразумием и желаемым успехом».

Ковалевскому были даны подробные инструкции¹⁵² относительно работы экспедиции и тех сведений о Бухаре, которые следовало собрать попутно. Из документов видно, что правительство, заинтересованное в расширении торговли с восточными странами, прежде всего хотело знать о «наиболее употребляемых» товарах, о ценах на них, о возможности увеличить сбыт изделий русских горных заводов — сельскохозяйственных орудий и т.п. Большое значение придавалось данным о состоянии бухарских промыслов и особенно об обработке стали. Кроме того, рекомендовалось произвести наблю-

дения естественно-научного характера, которые позволили бы уточнить тогда еще совсем неясные представления о природе Бухарского ханства и казахских степей, о реках Сыр-Дарье и Аму-Дарье и т.д.

В Оренбург Ковалевский прибыл в начале мая 1839 г. Здесь к нему присоединились включенные в его отряд горный инженер алтайских заводов штабс-капитан А.Р. Гернгрос, штейгеры и мастеровые люди с Златоустовских и алтайских заводов.

В письме Нессельроде к Перовскому от 10 апреля, которое привез с собой Ковалевский, выражалось «пламенное желание министерства, чтобы вся горно-изыскательская экспедиция сия была отправлена нынешнею весною, дабы не оставаться в Оренбурге до осени без всякого дела и попусту издерживая суммы, назначенные на ее содержание». Однако выполнить это пожелание Перовскому не удалось из-за занятости подготовкой военного похода в Хиву и из-за отсутствия попутного каравана. Дело с выездом миссии в Бухару затягивалось, но Ковалевский использовал неожиданный досуг для изучения Оренбургского края. Большую помощь оказал ему в этом Г.Ф. Генс. В одном из писем Ковалевский писал: «Чтобы разогнать тоску, я деятельно занимаюсь в Архиве пограничной комиссии, а на днях отправляюсь в степь с генералом Генсом к одному или двум султанам» [235, с.48]. В июне Ковалевский совершил научную поездку по Оренбургскому краю, изучил залежи каменного угля в Стерлитамакском уезде, а затем обследовал Сергиевские минеральные источники и месторождение серы. Он описал этот район, выяснил состав почвы, сделал химический анализ минеральной

воды. Результаты исследований были опубликованы им в «Горном журнале» в 1840 г., в статье «Сергиевские серные воды», содержащей очерк истории Сергиевского месторождения, где еще при Петре I был построен серный завод, а также сообщил о лечебных свойствах минеральных вод.

По-видимому, несмотря на общение с интересными людьми, Далю было трудно переносить одиночество. Но оно помогало литературному творчеству, которое, как всегда, оставалось для него необходимостью, приносило утешение и отдых. 1839 г. оказался в этом отношении очень успешным. Из печати вышли повесть «Бедовик» [53], рассказ «Подольянка» [63], четвертая часть «Былей и небылиц» [54], несколько сказок и произведений на злободневную для Оренбурга хивинскую тему — записи рассказов русских пленников, освободившихся из неволи, и статья «Новейшие известия о Хиве» [64].

Даль по-прежнему много писал. В письме от 16 мая он сообщал А.А. Краевскому¹⁵³, что «разная работа, случившаяся в это время», сильно мешает ему, но вскоре он вышлет еще три статьи; задерживают переписчики, которые «набирают по жиденькому листочку в день».

В этом же письме он упомянул о пребывании в Оренбурге Е.П. Ковалевского, который внешне напоминал ему В.Ф. Одоевского. «Пожмите ручку Одоевскому, — писал он, — поличие его теперь живьем ходит по улицам Оренбурга и навещает иногда и меня; это Ковалевский, горный, который был в Черногории и теперь едет в Бохару... славный и красивый человек. Он необыкновенно походит на князя Одоевского».

Но тяжелое душевное состояние не покидало Даля. При всей своей сдержанности Даль пожаловался Краевскому: «Очень скучно живется; почти в первый раз от роду скучаю и томлюсь. Не могу привыкнуть к одинокой жизни своей и едва ли когда-нибудь привыкну, забуду прошлое и помирюсь с настоящим».

Год седьмой (1839 – 1840)

Летом 1839 г. главной заботой оренбургского военного губернатора и его помощников была организация научной экспедиции к Аральскому морю, которая намечалась на начало зимы. Одновременно готовилась военная операция против Хивы, планировавшаяся на весну 1840 г., но она была секретной и о ней открыто не говорилось.

В.И. Даль собирался участвовать в Аральской экспедиции и писал об этом академику Ф.Ф. Брандту 26 августа 1839 г.¹⁵⁵ Он сообщал, что они отправятся «по первому снегу» и вернутся обратно весной. Даль надеялся пополнить свою коллекцию насекомых интересными экземплярами.

Переписку об экспедиции он вел и с академиком К.М. Бэр. Академия наук с самого начала очень интересовалась этим предприятием, но перенос первоначального срока отправления экспедиции с сентября 1838 г. и связанная с этим неопределенность нарушили все планы ученых. Если вначале готовились к летнему путешествию, то теперь выяснилось, что научные наблюдения придется производить зимой, а это требовало перемен в составе участников экспедиции и в программе

ее работы. Академику Бэру было поручено составить доклад об этой программе. Для выяснения сложившихся обстоятельств он обратился с конфиденциальным письмом к В.И. Далю, которого считал душой предприятия. В письме, датированном 15 июня 1839 г. [234], Бэр жалуется на неясности в сроках, маршруте и планах экспедиции. Его смущает зимнее время, назначенное для путешествия, и он спрашивает, «возможно ли, чтобы первая часть экспедиции вышла из Оренбурга только в феврале». «Во-первых, — пишет Бэр, — в покрытой снегом степи, пожалуй, нечего делать, а во-вторых, по крайней мере моя особа, тяжело перенесла бы пребывание зимой в открытой степи и совсем без пользы мерзла бы там» [там же, с.31].

Далее Бэр предлагает обратить внимание участников экспедиции на проблемы, наиболее важные с научной точки зрения и не разрешенные до тех пор потому, что еще никто не проводил исследований в столь малодоступных местах. Это проблема древнего русла Аму-Дарьи, которая, как считают, раньше впадала в Каспийское море, вопрос об Аральском море, вероятно, составлявшем в древние времена одно целое с Каспийским морем, и об отношении плато Усть-Урта к Мугоджарским горам, которые можно рассматривать как последние отроги Урала. Для решения этих проблем, — пишет Бэр, — «следует не ограничиваться восточным побережьем Арала, но и проникнуть на запад».

Петербургские академики не представляли себе реального положения в районе Аральского моря и опасностей, грозивших отправлявшейся туда экспедиции. Интересуясь только научной стороной дела, они не пони-

мали осторожности Перовского, который колебался в отношении исследований на Усть-Урте, в непосредственной близости от хивинских владений.

К осени выяснилось, что отправить экспедицию в намеченный срок опять не удастся: из-за обострения отношений с Хивой было решено начать военный поход гораздо раньше, чем предполагалось, а вопрос о научном путешествии рассмотреть после окончания военных действий, весной 1840 г.

Перовский должен был сообщить об этом в Академию наук, которая уже разработала для экспедиции расширенную программу, вполне его удовлетворяющую. «Должен в полной мере согласиться, — писал он в сентябре, — на пользу предположения Академии, которая, рассмотрев и исследовав ученую задачу во всем ее объеме, разрешила ее достойным образом. Важнейшие во всей Средней Азии спорные вопросы относятся именно до тех стран, на которые Академия обратила особенное внимание свое, и решение их, без сомнения, было бы важным не только в ученом, но и в политическом и торговом отношениях». Но «ученая экспедиция предположена была, когда еще настоящее предприятие против Хивы вовсе не имелось в виду». Теперь же обстоятельства требуют, чтобы она была отложена «до окончания предпринимаемого похода» [462, с.130 - 131].

Тщательно продуманная научная программа так и осталась не выполненной. Экспедиция к Аральскому морю не состоялась и после Хивинского похода, хотя имелось в виду, что она «не отменена, а только отложена»¹⁵⁶. Ассигнованные на нее деньги были помещены в Государственный заемный банк и нашли приме-

ние через некоторое время, в 1856 г., когда Академия наук отправила в Оренбургский край экспедицию Н.А. Северцова [359].

В Оренбурге летом 1839 г. подготовка к Аральской экспедиции шла полным ходом. В ней, кроме В.И. Даля, должен был участвовать А. Леман и все четыре чучельника, подготовленные в Петербурге. Летом вернулись, закончив полный курс обучения, последние из них — Степан Лысов и Андрей Скорняков, после испытания приступили к работе по устройству музея, которой руководил Даль.

О дружбе А. Лемана с В.И. Далем, их сотрудничестве в изучении природы Оренбургского края и в устройстве музея свидетельствуют, в частности, три неизвестных ранее письма Даля (на немецком языке), обнаруженные в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук среди материалов богатого и малоизученного фонда Лемана¹⁵⁷. Много интересных документов, отражающих научную деятельность Лемана, хранится также в Государственном архиве Оренбургской области.

Из архивных материалов мы узнаем о конкретных задачах, которые, приглашая Лемана, ставил перед ним В.А. Перовский. В одном из его писем сказано: «Главною целью занятий Лемана в Оренбургском крае было устройство Оренбургского Музея и составление геогностического описания Южного Урала»¹⁵⁸. Таким образом, выясняется роль Александра Лемана в истории создания музея в Оренбурге. Приведенная цитата показывает, что с самого начала Перовский поручил Леману собирать и готовить к экспозиции чучела животных, обитающих в Оренбургском крае, составлять коллекции

насекомых и минералов, гербарии и т.д. Этим молодой ученый занялся вскоре после приезда в Оренбург: летом 1839 г. он отправился путешествовать по Южному Уралу и Башкирии для знакомства с природой края.

Задание Леману по геогностическому описанию Оренбургского края Перовский уточнил позднее в подробном письме от 6 июля 1839 г., в котором подчеркнуто, что от исследователя ожидают не описания научного путешествия по краю, а научного описания его природы¹⁵⁹. Большие надежды возлагал Перовский на Лемана и в научной экспедиции к Аральскому морю.

Участником этой экспедиции должен был стать и приехавший в Оренбург известный путешественник П.А. Чихачев.

Платон Александрович Чихачев (1812–1892) с 1828 г. находился на военной службе, участвовал в

П.А. Чихачев

русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и польской кампании 1830–1831 гг. Человек широко образованный, знаток многих языков, он заинтересовался географией и, выйдя в отставку в 1833 г, совершил ряд научных путешествий, в том числе по странам Северной и Южной Америки (1835–1838 гг.).

В 1839 г. он решил отправиться через Среднюю Азию на Тибет, но, прибыв в Оренбург, оказался участником военного похода на Хиву. Не увенчались успехом

и более поздние попытки проникнуть в Среднюю и Центральную Азию.

П.А. Чихачев был одним из организаторов Русского географического общества, автором работ по географии Америки и Азии. Участвовал в чине офицера в Крымской войне 1853–1856 гг. В 1857 г. уехал за границу и до конца дней жил во Франции.

Поставив цель посетить неведомую в то время Центральную Азию, Чихачев получил поддержку Академии наук. Академик К.М. Бэр, рассмотрев проект его путешествия, в своем докладе 1 марта 1839 г. подтвердил целесообразность экспедиции на Тибет, но подчеркнул трудности, с которыми придется встретиться исследователю.

Поездка Чихачева была одобрена и правительством. Хранящееся в ГАОО «Дело о предпринятом по Высочайшему соизволению путешествии г.штабс-ротмистра Чихачева в Центральную Азию»¹⁶⁰, начинается секретным письмом военного министра графа Чернышева, направленным Перовскому 7 июня 1839 г. В нем сказано: «Государь Император, известясь о намерении уволенного из кавалергардского Ея Величества полка штабс-ротмистра Чихачева обозреть Центральную Азию в ученом отношении и одобряя это полезное предприятие, предоставляет ему присоединиться к ученой экспедиции, назначенной к восточным берегам Аральского моря под прикрытием отряда, снаряжаемого по распоряжению Вашего превосходительства»¹⁶¹.

Черновик ответного рапорта Перовского от 24 июня интересен не только содержанием, но и тем, что он написан рукой В.И. Даля. В нем говорится: «Смею про-

ситъ Ваше Сиятельство покорнейше, разрешить наперед недоумение мое, в которую именно из двух экспедиций г. Чихачеву представлено следовать, в военную ли, которая пойдет зимою, или собственно ученую, которая выступит весною? Вторая, как Вам, милостивый государь, известно, пойдет только до Аральского моря, до устьев впадающих в него рек, откуда г. Чихачеву может быть еще сильно затруднительно достигнуть в безопасности даже и самую Бухару, в чем можно успеть при известных обстоятельствах несравненно лучше и вернее, присоединясь к любому Бухарскому каравану. Если же г. Чихачев намерен присоединиться к военной, Хивинской экспедиции, то это, как мне кажется, сопряжено будет для него с еще большими неудобствами; уже одно то обстоятельство, что он сопровождал нашему военному отряду, может поставить его впоследствии в весьма затруднительное положение и во всяком случае может быть ему только помехой, а не пособием.

Считая долгом довести обо всех обстоятельствах до сведения Вашего Сиятельства, я буду иметь честь ожидать относительно данного поручения дальнейших от Вас, милостивый государь, предложений»¹⁶².

В следующем письме министр предписал Перовскому «по прибытии г. Чихачева в Оренбург устроить дальнейшее его путешествие по Вашему благоусмотрению и отправлять его так, как Вы признаете это лучшим и удобнейшим, ибо настоящий способ достижения внутренних стран Центральной Азии был указан г. Чихачеву по совершенной невозможности проникнуть туда чрез Восточную Индию, как он было намеревался это сделать»¹⁶³.

15 октября Перовского уведомили, что Чихачев намерен «приступить к исполнению желания посетить Центральную Азию, не ожидая содействия на то ученой экспедиции, предназначавшейся для исследования берегов Аральского моря». Военный министр писал: «Его Величество высочайше повелеть соизволил, дабы г. Чихачев отправился вместе с Вашим превосходительством в предпринимаемую Вами экспедицию, во время которой Вы, милостивый государь, можете употреблять его по своему усмотрению и по разрешении на месте вопроса насчет возможности проникнуть далее в Центральную Азию устройте дальнейшее путешествие г. Чихачева, так как признаете то лучшим и удобнейшим»¹⁶⁴.

Из письма военного министра от 7 июня 1839 г. видно, что в Петербурге решили вместе с Чихачевым послать в экспедицию А. Лемана. «Его Величество, — писал министр, — поручить мне изволил: отнестись к Вашему превосходительству с приглашением находящегося при Вас естествоиспытателя Лемана отправиться вместе со штаб-ротмистром Чихачевым в Центральную Азию с тем, чтобы Вы, милостивый государь, заключили с этим естествоиспытателем условия, на коих он согласен будет сопутствовать г. Чихачеву частным образом, так как участие правительства в предприятии Чихачева не должно иметь никакой гласности»¹⁶⁵.

В ответном рапорте Перовского читаем: «Имею честь донести, что приглашенный мною для исследования Оренбургского края естествоиспытатель Леман находится сейчас в дальних разъездах, по своим занятиям, но во всяком случае к осени должен возвра-

титься в Оренбург и тогда я не премину, во исполнение Высочайшей воли, предложить ему сопутствовать г. Чихачеву»¹⁶⁶.

Однако Леман от этой поездки отказался. Перовский сообщил военному министру 30 октября, что натуралист, вернувшись из разъездов по краю, на сделанное ему предложение «отозвался, что хотя путешествие во внутренность Азии всегда было целью его желаний, но что он не может решиться на подобное предложение без надлежащего предварительного уготовления, как по своей ученой части, так и в особенности без изучения по крайней мере двух важнейших азиатских языков, турецкого и персидского. Без этих средств путник в Азии подвергнется слишком не благоразумно явной опасности и никогда не может надеяться достигнуть цели своей»¹⁶⁷.

В начале ноября 1839 г. Чихачев прибыл в Оренбург. Документы архивного дела рассказывают о забавном недоразумении, происшедшем с ним по дороге в Самаре¹⁶⁸. Он вызвал подозрение у некоего жандармского капитана Панарева тем, что имел чужую подорожную, которая, как он объяснил, «ночью на станции была ошибкой обменена на его курьерскую подорожную». При этом он предъявил предписание военного министра немедленно явиться к Перовскому. «Я, — пишет Панарев, — тотчас предложил самарскому полицмейстеру не задерживать долее проезжающего, а вместе с тем я счел необходимым обо всем довести до сведения Вашего превосходительства, полагая возможным, что имеющий чужую подорожную может иметь и чужое предписание». Панарев «не считает излишним» описать с полицей-

ской точностью наружность проезжающего, благодаря чему мы узнаем, как выглядел Чихачев:

«Лет тридцать. Рост около 6 футов. Брюнет, короткие черные волосы. Небольшие усы. Лицо смуглое, продолговатое. Вся наружность вообще приятная. По-русски говорит очень хорошо. Одет в темно-синий сюртук, и в петлице Георгиевская ленточка. Сверх сюртука — черная шинель на вате с меховым воротником».

В.А. Перовский решил включить в состав экспедиции также Л.Н. Бодиско, выполнившего к тому времени задание по осмотру восточного побережья Каспийского моря. Разрешение на это должен был дать морской министр А.С. Меншиков. К нему Перовский обратился 21 августа со следующим письмом: «Милостивый государь Александр Сергеевич! Для описи Аральского моря и устьев впадающих в него рек, по случаю предпринимаемой ученой экспедиции сделаны с моей стороны все приготовления и построены между прочим четыре большие разборные лодки, которые, будучи отправлены туда сухим путем, должны быть собраны на месте. Как для сего, так и для управления гребными судами и даже для самой береговой описи я считаю необходимым иметь при отряде морского офицера; как капитан-лейтенант Бодиско, окончив уже прежнее поручение, находится ныне в Оренбурге и усердием своим и знанием дела вполне оправдал доверенность начальства, то я и решаюсь просить Вашу светлость покорнейше оставить Бодиску под начальством моим до окончания предпринимаемой экспедиции, в которой он, как я уверен, может быть весьма полезен...»¹⁶⁹. Согласие на эту просьбу последовало 3 октября¹⁷⁰.

Для перемены планов осенью 1839 г. у В.А. Перовского имелись веские основания. После двух относительно спокойных лет враждебность хивинцев опять усилилась. В Оренбург поступали сообщения из Уральска, Астрахани, с полуострова Мангышлак о новых многочисленных случаях разбоя и похищения людей, о распоряжениях хивинского хана захватывать в плен русских и его угрозах киргизам Адаевского рода, населявшим Мангышлак, разорить их селения, если они не будут ему содействовать¹⁷¹.

Даль писал впоследствии, что хан действовал «в надежде захватить гораздо больше русских, чем у нас содержалось хивинцев, и заставить разменять их». Он не верил, по своим понятиям, искренности скромных требований наших, а как человек крайне ограниченного ума, безо всякого образования, который привык, сверх того к безотчетному самовластию, и никогда никому не отдававший отчета в действиях своих, и теперь не мог решиться уступить очевидной необходимости. Советы у него собирались по ночам, десять раз решали выдать русских и через несколько дней, опять передумав, решали: попытаться еще раз обмануть русских новым льстивым письмом и обещаниями» [143, с.162].

В.И. Даль принимал непосредственное участие во всем, что касалось «хивинских дел», и в военных приготовлениях. Его рукой написаны черновики многих рапортов Перовского военному министру и вице-канцлеру Нессельроде о состоянии этих дел и о положении в киргизской степи, где действовал мятежный султан Кенисары. Им составлено, например, письмо к Нессельроде от 14 ноября, в котором сообщалось, что хан собрал на

южном склоне Усть-Урта отряды туркмен и хивинцев, а также о происках англичан в Средней Азии. «Вместе с известием о занятии англичанами Кабула, — говорится в документе, — распространились здесь еще и другие, хоть и более сомнительные, слухи: азиатцы говорят, будто англичане намереваются также вскоре занять Бохару и Хиву, чтобы завладеть судоходством по реке Аму и потребовать удовлетворения за убийство Маркрофта и других англичан. Другие утверждают, что для окончания этих дел отправлены англичанами из Кабула через Кундуз и Бальх какие-то агенты и что Бохара и Хива принуждены будут при известных обстоятельствах согласиться на все требования и предложения англичан»¹⁷².

Понятно, что в этих условиях следовало начать военный поход на Хиву как можно раньше, не дожидаясь весны. Были для этого и другие основания. «Если бы отряд выступил в самом начале тамошней весны, — писал впоследствии Даль, — то прошел бы в безводные южные степи во время тамошнего знойного лета» [143, с.148]. А это неминуемо сказалось бы пагубным образом на ходе операции.

В.И. Далю приходилось не только вникать в общеполитические проблемы, но и заниматься частными вопросами, касавшимися подготовки военного похода. Примером служит важный вопрос о верблюжьем караване, которым нужно было заменить войсковой обоз, так как в степи лошади для этой цели непригодны. Как писал Даль, «верблюдов требовалось, полагая на каждого ноши от 12 до 15 пудов, во всяком случае более десяти тысяч, количество, которое едва ли когда было в здешнем крае в сборе» [там же, с.149].

Число верблюдов удалось бы уменьшить, если бы каждый был запряжен в арбу. Тогда он смог бы поднять тяжесть в пять раз большую. Было решено испытать такой способ перевозки, издавна практиковавшийся в Крыму. А так как местные верблюды к упряжи не приучены, то летом были закуплены в Крыму для образца «две пары верблюдов с арбами в упряжке и под тщательным надзором препровождены в Оренбург»¹⁷³. Этим экспериментом руководил В.И. Даль, что подтверждается его собственноручной запиской о денежном расчете с крымскими татарами, сопровождавшими верблюдов¹⁷⁴. Впоследствии он заметил, что эксперимент был неудачным, так как «оказалось, что в песках, грязи и глубоком снеге без дороги верблюды в упряжь не годятся» [там же, с. 149].

Занимаясь подготовкой к военному походу, В.А. Перовский понимал, какое разочарование в научных кругах вызвала отмена Аральской экспедиции. Востокведы, географы, зоологи, ботаники, геологи надеялись, что при непосредственном знакомстве с этим регионом они получат много неоценимых по своей новизне и важности данных. Чтобы как-то восполнить ущерб, нанесенный науке, Перовский включил в состав военного отряда людей, которые должны были по пути вести естественнонаучные наблюдения. Само собой разумелось, что заниматься этими вопросами будет В.И. Даль. При штабе отряда значились натуралист, кандидат А. Леман, коллежский секретарь Н.В. Ханьков, отставной гвардии ротмистр П.А. Чихачев, капитан-лейтенант Л.Н. Бодиско, а также живописец — академик В.И. Штернберг.

Л.Н. Бодиско, который был включен в состав экспедиции к Аральскому морю, после очередного переноса ее срока и в связи с началом военных действий присоединился к отряду, отправившемуся в Хиву, и оставался с ним до конца похода. С отрядом были и все четыре чучельника — Мелихов, Волженцов, Скорняков и Лысов. Научные наблюдения в пути проводили сопровождавший отряд лекарь Илецких соляных промыслов Альфонс Ягмин и астроном-геодезист штабс-капитан И.В. Васильев, находившийся при корпусе геодезистов. В качестве переводчиков в состав отряда были включены титулярный советник М.И. Иванов и друг Даля «ахун Давлетшин».

Среди ученых, участвовавших в Хивинском походе, оказался и Е.П. Ковалевский. Его миссия, направлявшаяся в Бухару, смогла выбраться из Оренбурга только поздней осенью, присоединившись к возвращавшемуся бухарскому посольству. Со значительной поклажей — инструментами для минералогических исследований, правительственными дарами для эмира (золоченое оружие, медали и т.д.), провиантом для людей и фуражом для лошадей и верблюдов — отряд отбыл из Оренбурга в юго-восточном направлении 30 октября. Спустя две недели по тому же пути двинулись войска. Обстоятельства сложились так, что отряд Ковалевского позднее вынужден был присоединиться к ним.

Хивинский поход начался в ноябре 1839 г. и продолжался всю зиму. В истории Оренбургского края он занимает заметное место не только потому, что в свое время сильно сказался на жизни оренбуржцев, людей служилых и торговых, и повысил интерес современ-

ников к Оренбургу. Этот поход сыграл важную роль в развитии отношений России и ханств Средней Азии в последующий период. Между тем написано о нем сравнительно немного. Литература по этому вопросу представлена в основном работами дореволюционного периода [283, 507], а в более поздних исследованиях авторы ограничиваются лишь общей негативной оценкой похода как чисто колонизаторской акции и почти не касаются фактической стороны дела. Поэтому следует обнародовать и проанализировать с современной точки зрения многочисленные архивные документы и опубликованные в XIX в., но почти неизвестные широкому читателю воспоминания и письма участников похода — В.И. Даля [143, 153], В.А. Перовского [405], М.И. Иванина [306], Н.П. Иванова [307], Е.М. Косырева [320], Е.П. Ковалевского [311] и др. Эти материалы помогут представить общую обстановку в Оренбурге того времени и дать объективную характеристику многих лиц, оставивших след в истории края.

В.И. Даль, один из организаторов военной экспедиции и непосредственный ее участник, лучше других знал во всех подробностях трагические обстоятельства зимы 1839—1840 гг. В 1842 г. он описал их в статье «Военное предприятие противу Хивы» [143], которая была напечатана только в 1860 г. В ней по существу содержится официальный, основанный на реальных цифрах отчет о походе: четко сформулированы цели похода, с документальной точностью представлены мероприятия по его подготовке (подъемные средства, продовольствие, оружие и снаряды, разные припасы, одежда, основание

складов), подробно описаны последующие события и дана их беспристрастная оценка. Опубликованные же им в конце жизни «Письма к друзьям из похода на Хиву» [153] по эмоциональности и стилю представляют собой художественное произведение, отразившее стойкость и героизм солдат и казаков в тяжелейших условиях той небывало суровой зимы.

Пятитысячный военный отряд выступил из Оренбурга 14 - 17 ноября четырьмя отдельными колоннами, которые в пути объединились в одну. Как пишет Даль, «караваны шли по бокам в шесть и до десяти рядов, артиллерия, порох, лазарет — в середине, войска — в авангарде, арьергарде, а третья часть отделялась в караваны для подвьючки. В 2 или 3 часа ночи был сбор, в 5 или 6 — генерал-марш, в час, 2, иногда и 3 пополудни отряд становился покормить засветло верблюдов и на ночлег» [143, с.155].

Предполагалось двигаться по реке Илеку до верховьев Эмбы и вниз по ее течению до впадения в нее реки Аты-Якши, затем к Аральскому морю и далее через Усть-Урт к Хиве, придерживаясь западных берегов Арала. Еще летом в степи были подготовлены два укрепления, служившие продовольственными складами. Одно находилось на Эмбе близ устья Аты-Якши, другое — в 180 верстах от него у ключа Ак-Булак.

Зима наступила необычайно рано. Участник похода Е.М. Косырев вспоминал, что уже 18 ноября «с выступлением отряда за Урал пошел сильный снег, а на первом же полупереходе поднялся сильный буран, который продолжался, не переставая, трое суток, и суровая зима с этой поры вступила в полные права свои, то засыпая

горсточку смелых русских воинов цельными сугробами снега, то обдавая их трескучим морозом и ветром» [320, с.541].

Отряд продвигался с огромным трудом, проклады-

Хивинский поход. Штаб и следование пехоты на верблюдах. Рис. Н.П. Иванова

вая путь по глубокому рыхлому снегу. Люди страдали от жестокой стужи, особенно солдаты-пехотинцы, которые, в отличие от местных казаков, были непривычны к степным условиям. В.И. Даль пишет: «все это отряд, однако же, перенес на расстоянии первых 500 верст в полной уверенности, что за Эмбой, куда уходят ежегодно тысячами на зимовку, все это должно измениться, по крайней мере, снег должен быть менее глубок. Оказалось противное: киргизы сами гибли со скотом своим от необычайной зимы, какой в странах этих не бывало» [143, с.156].

Когда 19 декабря достигли укрепления на Эмбе и готовились отправиться в дальнейший путь, к Акбулакскому укреплению, открылось, по словам Даля, «сомнительное положение отряда». «Степь, — пишет он, — до последней былинки была погребена в снегу, который зачерствел сверху от жестоких ветров и морозов; верблюды и лошадь проваливались за каждым шагом по колено и по брюхо, сбивали себе щетки и копыта, выюки падали, а корму, даже самого скудного, не стало вовсе. Стужа стояла столь необыкновенная, что средний мороз за

три месяца, считая с половины ноября, составляет почти 19° Реомюра на день» [там же]. Тем не менее с 31 декабря четыре воинские колонны одна за другой выступили по направлению к Ак-Булаку.

Между тем небольшой отряд Е.П. Ковалевского двигался по тем же местам с торговым караваном в Бухару. Несмотря на морозы и бураны, Ковалевский исправно вел путевой журнал, в котором подробно описывал местность, по которой следовал отряд. Его заметки содержали ценнейшие по тому времени данные о ландшафте, растительности и животном мире, о геологическом строении почвы казахских степей, о быте населения и особенностях кочевого скотоводства. В журнал заносились результаты метеорологических наблюдений. Ковалевский и Гернгрос собирали образцы горных пород, при первой возможности старались проводить разведочные работы.

Но вскоре участники экспедиции оказались вовлеченными в военные действия [235]. Караван под влиянием встретившего его посланца из Хивы, который прибыл, чтобы, по словам Ковалевского, «возбуждать киргизов против русских», изменил свой маршрут и остановился у хивинского лагеря в районе песков Большие Барсуки. Члены экспедиции были взяты под охрану и будущее не сулило им ничего доброго. Оставалось единственное средство к спасению — побег. В ночь с 21 на 22 ноября, воспользовавшись бураном, Ковалевский и его спутники бежали из лагеря и направились к находившемуся в 300 верстах временному Акбулакскому укреплению.

Позднее в официальном документе говорилось: «Горная экспедиция вынуждена была, по случаю неприяз-

ненных в степи действий, отделиться тайно от каравана, при коем следовала в Бухарию, и искать убежища под защитой войск наших, в то время в Хиву шедших». Они оставили все свои вещи, кроме пороха и двух небольших артиллерийских орудий: фальконетов, которыегодились уже на следующий день, чтобы отбиться от погони. До укрепления они добрались 24 ноября и остались здесь в ожидании отряда Перовского. Идти к нему навстречу, как писал Ковалевский в своем донесении, они не могли «по случаю совершенного изнеможения» [462, т. I, с. 207].

Отдохнуть, однако, не удалось. Большой отряд хивинцев напал 18 декабря на Акбулакское укрепление, намереваясь уничтожить его до основания и в боевой готовности встретить наступавшие русские войска. Ковалевский и Гернгрос — как старшие по званию офицеры, взяли на себя руководство обороной. Небольшой гарнизон численностью не более 300 человек, большей частью больных, успешно отбил четыре атаки вражеского отряда, состоявшего из двух тысяч отборных всадников.

Но хивинцы, как пишет об этом эпизоде В. И. Даль, — «на другой день вечером, получив сведение об идущем в Акбулак конвое за больными, состоявшем из одной роты пехоты сотни казаков, встретили команду эту в 15 верстах от укрепления и, несмотря на все усилия свои, успели только в первый удар отогнать с паствы 40 верблюдов и 30 лошадей, но при всех покушениях своих были отбиты со значительным уроном... Они отступили на другой день и дали конвою пройти в Акбулак, не обеспокоив его на пути ни одного раза» [143, с. 157].

Этот единственный бой, в котором особенно отличился поручик Ерофеев, по существу стал центральным эпизодом хивинской кампании. Именно он заставил хана, познакомившегося с русским оружием, пойти на мировую и следующим летом выполнить все требования России. «О хивинском отряде, — продолжает Даль, — более не было слухов; после уже узнали, что он, испытав такую неудачу, возвратился немедленно в чрезвычайном расстройстве, потеряв от стужи и бескормицы почти всех лошадей и много людей» [там же, с.158].

Когда войсковые колонны, преодолев все трудности, достигли Акбулака, выяснилось, что дальнейшее движение невозможно, прежде всего, из-за массового падежа отощавших верблюдов. Даль пишет: «Из Оренбурга вышло 10 450 верблюдов, с Эмбы отряд поднялся на 8900, на Акбулаке осталось их уже с небольшим 5000 и ежедневно подыхало более сотни» [там же]. Предстояло пройти еще 600 верст, а на Усть-Урте, как донесла разведка, тоже лежали непроходимые снега. По словам Даля, «бесславная гибель целого отряда в снежных степях была бесполезна, а потому продолжать путь безрассудно». После колебаний Перовский принял решение возвратиться, не достигнув Хивы. 4 февраля отряд двинулся обратно, а 18-го достиг укрепления на Эмбе, где и остался до наступления весны. Продовольствия оставалось достаточно, лагерь оборудован: «устроены просторные камышовые балаганы для лазаретов; излишние котлы переделаны на печи, а часть верблюжьих телег, брошенных здесь уже прежде, на койки, для перевозки больных выюком; верблюды отогнаны в камыши, чтобы сохранить из них сколько

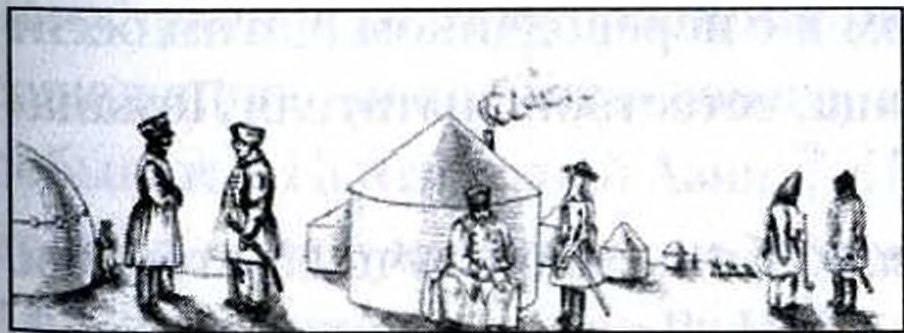

можно» [там же, с.159]. В мае двинулись в путь и в июне вернулись в Оренбург.

Потери из-за болезней были очень велики: они составили пятую часть отряда. Даль пишет: «В продолжение всего похода или шести месяцев умерло всех чинов 1054, а по приходе в Оренбург больных, почти исключительно цинготных, сдано в госпиталь 609 человек» [там же].

Таким образом, в статье «Военное предприятие противу Хивы» В.И. Даль излагает драматические события зимы 1839—1840 гг. кратко и с протокольной точностью. В своих «Письмах к друзьям из похода на Хиву» он, напротив, описывает эти события во всех подробностях. Из них видно, как стойко он и его товарищи переносили тяготы степной зимы. Письма полны остроумия и содержат яркие характеристики участников похода, которых объединяло и поддерживало искреннее товарищеское чувство.

Сохранилось изображение некоторых из них — В.И. Даля, Н.В. Ханькова, А.И. Лемана, П.А. Чихачева и Абдуллы Давлетшина — в походной кибитке. На другом рисунке В.И. Даль и Н.В. Ханьков изображены

В Хивинском походе.

Крайний справа — В.И. Даль.

Рисунок В.И. Штернберга

беседующими в степи на морозе. Автором рисунков был В.И. Штернберг, который тоже отправился с отрядом, но вскоре

вернулся в Оренбург. Даль сообщал в одном из писем: «Академист Штернберг, художник душой и телом,

милый малый, о котором мы все жалеем; но он, присоединившись к нашему походу волонтером, побыл с нами только три дня и, раздумав дело, еще вовремя воротился. Он едет в Питер и потом, вероятно, в Италию, где, говорит, несколько теплее» [153, с.444].

В Хивинском походе.

Худ. В.И. Штернберг

Слева направо: мулла, П.А. Чихачев,
В.И. Даль, В.И. Штернберг,
Н.В. Ханыков, А. Леман

П.А. Чихачев, который отправился с отрядом в надежде в дальнейшем продолжить путешествие самостоятельно, разделил со своими спутниками все невзгоды, как рядовой участник трудной кампании.

В.А. Даль писал: «Новый товарищ наш и сожитель Чихачев, путешественник, по званию и призванию, ein Reisender von Proffession, молодец, красавец, говорит на всех языках, как на своем, бывал в Германии и в Испании, в Алжире, в Мексике, но не бывал еще в Хиве и потому отправляется туда с нами при сей верной okazji. Он говорит и распевает весь день персидские стихи и прозу с муллой нашим и с переводчиком и этим бесит второго нашего товарища, естествоиспытателя Лемана» [там же, с.444].

В походе он проявил себя с самой лучшей стороны. «Чихачев у нас, — писал В.И. Даль, — один из полезнейших людей в отряде; он взял на себя самую тяжелую в военное время и самую неблагодарную часть: попечительство о больных. Он возится с ними день и ночь, не ест и не спит и успел многих накормить, которые без

него, вероятно, остались бы голодны, и обогреть таких, которые бы замерзли» [там же, с.495 - 496].

Мужество и благородство Чихачева произвели на всех глубокое впечатление. Об этом красноречиво говорит имеющийся в архивном деле черновик рапорта Перовского от 20 апреля 1840 г., написанный рукой Даля¹⁷⁵. Перовский просит военного министра «донести до сведения Государя Императора, что офицер этот, взяв на себя по доброй воле на все время похода присмотр за походным госпиталем и большею частью даже и самое устройство его, посвятил себя этой трудной и беспокойной обязанности с истинно примерною неутомимостью, усердием и постоянством». Здесь почерком Перовского сделана вставка: «Во все время необычайно трудного зимнего похода г.Чихачев, можно сказать, не отходил от больных ни на минуту, он, не зная покоя, днем и ночью заботился только изысканием средств к обеспечению наших страждущих воинов»¹⁷⁶. Последний документ из архивного дела свидетельствует, что в ответ на это ходатайство Чихачев был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени¹⁷⁷.

Как писал академик Грот, «этому даровитому, отважному, рыцарски благородному человеку не удалось, к сожалению, исполнить своего пламенного желания побывать в Центральной Азии»¹⁷⁸. Когда в 1848 г. он принял новую попытку и хотел проехать по долине Аму-Дарьи до ее истоков, новый оренбургский военный губернатор Обручев на запрос министерства ответил: «По моему мнению, подобное желание следовало бы отложить до тех пор, пока хивинцы не убедятся в явной своей пользе от водяного сообщения от Раимского

укрепления по Аральскому морю в устье Аму-Дарьи». Министерство иностранных дел согласилось с этим мнением. Вскоре Чихачев навсегда уехал в Париж.

В Хивинском походе П.А. Чихачев занимался научными исследованиями. На основании наблюдений, которые провели в это время Чихачев и Даль, академик К.М. Бэр составил статью «О климате киргизской степи с предварительными общими замечаниями о метеорологии вообще» [234, с.122]. Он писал в связи с этим секретарю Лондонского королевского географического общества Дж. Уошингтону: «Господин Чихачев, образованный молодой человек, полный рвения к географическим и физическим наукам, сопровождавший экспедицию в качестве добровольца, прислал мне наблюдения над температурой. Он вел их во время похода до середины февраля. Я вычислил среднюю температуру¹⁷⁹ декабря — $17,6^{\circ}\text{R}$, января — $13,2^{\circ}$ и февраля — $16,8^{\circ}$, всех трех месяцев — 16°R » [там же].

Интересные результаты получил в Хивинском походе А. Леман, который, несмотря ни на что, от души радовался возможности познакомиться с природой зауральской степи. Спутники относились к нему с большой симпатией. Об этом, ссылаясь на отца, писала впоследствии Е.В. Даль: «Естествоиспытатель Леман утверждает, будто стоит сюда съездить хотя бы и для того, чтобы получить отрицательное понятие о здешней флоре — он убедился, что здесь ничего не растет. Отец любит на это простодушное дитя природы, утверждающее, что будто ему даже довольно удобно: «Боже, я и у матери не мог бы чувствовать себя лучше, чем сидя здесь на чемодане и попивая кофе». И невольно при этом все смея-

лись, вспоминая недавнее угощение Лемана. Казак, посланный Леманом сварить кофе, не понял его ломанного немецкого языка — где его найти, и вместо того, ухватя банку с ваксой, засыпал в кофейник ваксы вместо сахара, и мнимый кофий не исправили ни сливки, ни сахар» [266, с. 171 - 172].

В походе Леману были созданы по возможности хорошие условия для научной работы — предоставлена отдельная кибитка, организована помощь в сборе материала. Вместе с ним работали два чучельника, Скорняков и Лысов, заготавливая шкуры степных животных.

Участник похода, в то время совсем молодой офицер Н.П. Иванов, рассказывал: «На обнаженных возвышенностях нам было приказано по пути, для предстоящих зоологических и геологических трудов ученой экспедиции, собирать небольшие камни и мышей, на что солдаты наивно смеялись меж собой, говоря: «Чать немало и в Питере этой дряни»... По Илеку, Исенбаю и другим речкам таскали ему плотный кварцевый песчаник, со стекловидным блеском слюду, просто кварц с белыми гальками, серый и желтый полевой шпат, роговую обманку, известняк, асбест, яшму и порфир. У Эмбы окаменелые рыбки нашлись; на стороне Темира я нашел один зуб да бросил его: он с помощью мороза чуть-чуть не откусил мне пальца. Уральский казак тоже не брал, уверяя, что его потерял киргизский сатана» [303, с. 135].

Другой спутник Лемана М.И. Иванин вспоминал: «Следовавший при отряде естествоиспытатель Леман, человек честный, добросовестный и трудолюбивый, собирал находящиеся в киргизских степях неизвестные

еще тогда или малоизвестные породы животных, растений и минералов» [302, с.115].

Холодная и снежная зима, конечно, мешала работе натуралиста, но Леман добился многого. В.И. Даль писал Г.П. Гельмерсену: «Леман очень и очень способный человек, но из-за снега и он ничего не смог сделать. Дюжины две мехов от млекопитающих, особенно грызунов, столько же растений, которые неутомимый собиратель отрыл под снегом и определил, и притом отчасти таких, каких здесь никогда еще не находили. Потом он снял и сообщил нам очень наглядный геогностический чертеж всего пройденного нами пространства; далее он набрал дюжины две минералогических образчиков, несколько окаменелостей, которые Вам будут интересны, вот и все» [252, с.16].

Любопытные сведения о работе А. Лемана во время Хивинского похода содержатся в письме В.И. Даля к нему от 17 февраля 1840 г.¹⁸⁰ Оно было написано, когда началось обратное движение войск от Эмбы к Оренбургу, а Леман решил отправиться к Ново-Александровскому укреплению, надеясь, что путешествие по местам, совершенно неизвестным науке, принесет много интересных открытий. Даль, который сопровождал Перовского, объезжавшего войска, передает от него Леману разрешение совершить задуманную экспедицию и необходимые наставления. Упомянув чучельников Скорнякова и Лысова, он пишет, что Скорняков по настоянию Перовского с Леманом не поедет, так как должен продолжать уже начатую работу, и добавляет: «Вы, пожалуй, до Оренбурга не заметите его отсутствия, так как за это время вряд ли найдете что-нибудь для снятия шку-

ры». Он советует Леману «не тащить с собой» уже собранных шкур. «Во всяком случае, — пишет он, — Вы оставьте здесь чучела лисиц-корсаков, которые Вам совсем не понадобятся». Предвидя, что Леман будет в Оренбурге раньше, чем он, Даль просит: «Вы, конечно, зайдете к моей старушке-маме и принесете ей хорошие вести от ее сыночка. Приветствуйте ее и скажите, что мы, вероятно, тоже скоро будем там, но не знаем точно, когда».

Судя по открытому листу, выданному Леману 16 марта, он должен был «отправиться в Ново-Александровское укрепление, а оттоль чрез Астрахань в Букеевскую орду и обратно в Оренбург»¹⁸¹. Однако, испытав много лишений во время морского путешествия из Ново-Александровска из-за сильных ветров, недостатка провизии и питьевой воды Леман заболел и вернулся в Оренбург прямо из Астрахани. Дневник, который он вел во время Хивинского похода (*Reise nach Chiva*), хранится сейчас в ПФА РАН¹⁸², но, к сожалению, он до сих пор не исследован.

За участие в походе А. Леман был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Ходатайствуя об этой награде, В.А. Перовский писал военному министру: «Находившийся при экспедиционном отряде в качестве натуралиста кандидат Дерптского университета Леман во все время похода постоянно и ревностно трудился для пользы науки и, несмотря на физические препятствия, успел сделать много любопытных открытий и наблюдений, равно собрать несколько редких ботанических и зоологических образцов»¹⁸³.

Интересные исследования провел во время Хивинского похода астроном-геодезист И.В. Васильев.

Иван Васильевич Васильев (1802—1866), сын солдата, в 1818 г. поступил на службу учеником Военно-топографического депо. В 1827 г. был произведен в прапорщики. В 1833—1837 гг. производил геодезические работы в Могилевской, Смоленской, Волынской и Подольской губерниях. В 1838 г. был командирован для определения астрономических пунктов в Оренбургской губернии и киргизской степи. Участвовал в Хивинском походе и в 1841 г. по болезни уволен в отставку в чине капитана. В 1842 г. снова поступил на службу и ушел в отставку в чине генерал-майора.

Он проводил топографические съемки и определил географическое положение Акбулакского укрепления. В.И. Даль упоминает о его «определении долготы и широты устья реки Аты-Якши, впадающей в Эмбу, и прекрасного, но невкусного и нездорового ключа Ак-булака, в 160 верстах от подошвы Усть-Сырта» [252, с.52].

По словам Даля, это помогало решению географических задач, ставившихся Аральской экспедицией, и, возможно, доставляло «новые сведения об очертании и положении Аральского моря». Он пишет: «Я еще не могу составить себе ясного понятия о справедливости этого уверения и знаю только, что Аты-Якши находится приблизительно на $3,5^{\circ}$ южнее и на $2,5^{\circ}$ восточнее Оренбурга» [там же].

Отлично проявил себя в походе Л.Н. Бодиско. Представляя его к награде, Перовский писал морскому министру, что капитан-лейтенант Бодиско «как во время приуготовительных к походу работ, постройки разных лодок, вооружения их и пр., так и во время самого похода, несмотря на необходимые трудности, не только нес

службу наряду с другими, но и часто употребляем был на поручении, требовавшие соображения и особой деятельности и усердия»¹⁸⁴.

После окончания похода Л.Н. Бодиско отправился к месту службы, но Перовский просил военного министра прикомандировать его к «приостановленной» Аральской научной экспедиции, когда она будет снаряжена. «Не желая долее задерживать здесь этого усердного к службе и способного офицера, — писал он, — я предписал ему отправиться к своей команде, снабдив его прогонными и подорожной до С.-Петербурга, о чем и имею честь донести до Вашего, милостивый государь, сведения, смею надеяться, что в случае приведения в действие предположения об ученой экспедиции Ваша светлость не откажет вновь командировать в наше ведение этого офицера»¹⁸⁵.

В.И. Даль испытал со всеми трудности зимнего похода, выполняя свои служебные обязанности. Среди архивных материалов имеются, например, многочисленные, написанные им тогда записки о выдаче наград и подарков киргизам-погонщикам верблюдов, отличившимся во время похода¹⁸⁶. Сам он получил награду — орден Св.Станислава 2-й степени с императорской короной¹⁸⁷.

Неудача зимней кампании 1839—1840 гг. не изменила твердого решения В.А. Перовского заставить хивинского хана выполнить требования России. Вернувшись из степи, весной 1840 г. он начал подготовку к новому походу на Хиву. В «Уведомлении», отправленном хивинскому михтияру 16 мая 1840 г. (черновик написан Далем со вставками Перовского), говорится: «Два пись-

ма, одно от хана Вашего, другое от Вас, мною получены. Если бы хан Ваш хотел мира, то давно сделал бы уже то, что Русский царь требовал — давно бы выслал всех пленников, не 20 и не 100 и не 300 человек, а всех, до последнего человека. Впрочем, получив уже повеление Государя Императора идти на Хиву войною, я не могу входить от себя ни в какие переговоры, а потому и послал письма ваши в столицу. Предупеждаю вас, однако же, что крепости, о которых вы говорите, уничтожены не будут и что они выстроены вовсе не на ваших владениях, а на земле, принадлежащей России... Между тем, я готовлюсь снова в поход, надеясь, что не каждый год непроходимые снега будут спасать Хиву»¹⁸⁸.

Однако при разработке плана этой операции следовало учитывать, что русская политика в Средней Азии затрагивала интересы Англии, пытавшейся установить свое влияние в этом регионе. Поэтому вопросы, касавшиеся отношений со среднеазиатскими ханствами, внимательно рассматривались в правительстве и в связи с этим велась оживленная переписка. Как видно из документов ГАОО, этой перепиской занимался В.И. Даль, готовивший секретные донесения военного губернатора в Петербург.

Встречается множество примеров сотрудничества В.И. Даля с В.А. Перовским, которые помогают понять, насколько ответственную роль играл чиновник особых поручений при решении дел государственной важности.

О том, что поход русских войск в Хиву вызвал серьезное беспокойство у английского правительства, вице-канцлер К.В. Нессельроде писал В.А. Перовскому 5 апреля 1840 г.: «Вашему превосходительству известно, что

англичане и особенно главное правление их в Ост-Индии всегда с недоверием смотрели на всякие наши действия и меры относительно Средней Азии. Таким образом, и Хивинская экспедиция должна была обратиться на себя внимание английского правительства, тем более, что она предпринята была вслед за экспедицией их в Афганистан»¹⁸⁹. Чтобы развеять появившиеся слухи, что «мы идем якобы в Афганистан», Николай I лично объяснил английскому послу настоящие цели Хивинского похода. В Лондоне, приняв это объяснение, не скрывали, однако, что военная экспедиция русских «производит весьма вредное влияние на дела в Афганистане»: могло создаться впечатление, что Россия поддерживает свергнутого англичанами афганского правителя Дост-Мухаммеда, сторону которого был склонен принять бухарский эмир. «Сие побудило, — продолжает Нессельроде, — английское министерство обратиться к великодушию Государя Императора с ходатайством о повелении дать знать бухарскому эмиру, что Россия не имеет никаких враждебных замыслов против Англии и находится с ней в дружественных отношениях»¹⁹⁰. Это должно было привести к «успокоению умов в Афганистане».

Нессельроде пишет, что, поскольку наши войска вернулись, не дойдя до Хивы, откуда вступить в сношения с бухарским эмиром было бы «легко и весьма бы даже кстати», теперь следует найти иной путь. Ссылаясь на волю императора, он предлагает Перовскому повторно отправить в Бухару геологическую миссию капитана Ковалевского и «поручить ему объяснить хану словесно, что единственная цель нашей экспедиции есть Хива,

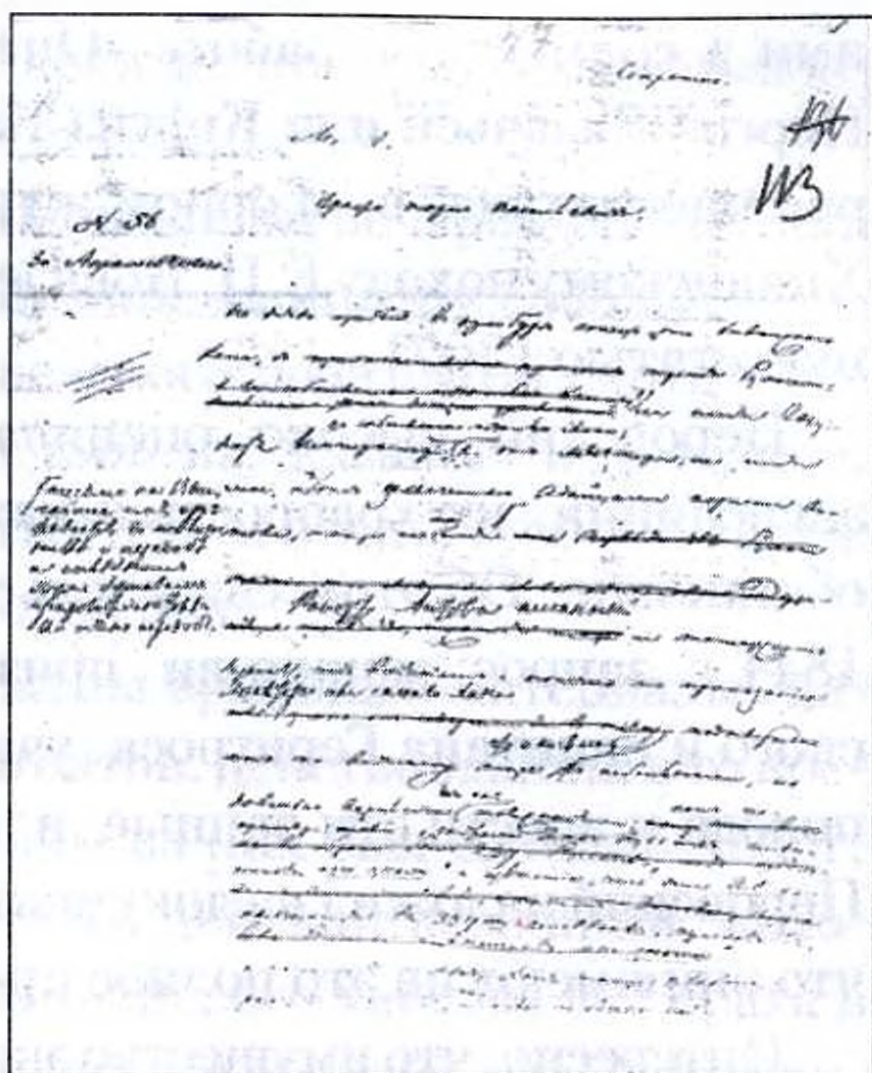
что, испытав все меры убеждения, правительство наше вынужденным нашлось употребить силу оружия для наказания и усмирения хивинцев и для обеспечения чрез то путей торговли с Бухарией и прочими азиатскими странами, что поход наш на Хиву не имеет ничего общего с экспедицией англичан в Афганистан, что Россия не принимала решительно никакого участия в политических переворотах, происшедших там в последнее время, что между Россией и Англией существуют мир и доброе согласие и что, следовательно, всякие слухи, несообразные с настоящими объяснениями, должны быть признаваемы несправедливыми»¹⁹¹.

На этом письме значится резолюция Перовского от 22 апреля: «Отвечать, что по настоящим нашим отношениям к Хиве я нахожу непреодолимые препятствия (объяснить их) к посылке с безопасностью в Бухару Ковалевского и всякого другого русского чиновника; а потому не признает ли г. Нессельроде полезным, чтобы я вступил с бухарским ханом в письменное сношение и объяснил ему все, что предполагалось поручить сказать чрез Ковалевского»¹⁹².

Почерком Даля написан черновик ответного письма, датированного 23 апреля. В соответствии с резолюцией Даль описывает «непреодолимые препятствия», не позволяющие выполнить предложение Нессельроде. «При нынешних отношениях наших к Хиве я не вижу возможности отправить г. Ковалевского или вообще какого бы ни было русского без явной опасности в Бухару; бухарские караваны не могут миновать занимаемых постоянно хивинцами переправ на реке Сыре, да и не осмелятся обойти их, если бы была на то возможность, из

опасения подвергнуть весь караван разграблению; поэтому посланный от нас чиновник не мог бы миновать рук хивинцев и участь его в таком случае была бы более, чем сомнительна. Полагая, что нет никакой нужды подвергать для этого кого-либо явной опасности, я, с другой стороны, думаю, что все сообщенное мне Вами, милостивый государь, может быть передано эмиру бухарскому на письме...»¹⁹³

Письмо В.А. Перовского
к К.В. Нессельроде от 30 апреля 1840 г.

Почерк В.И. Даля,
правки — В.А. Перовского

В ответ Нессельроде написал, что император повелел отложить экспедицию Ковалевского. «Когда же впоследствии окажется возможным безопасно предпринять путь в Бухарию, — заключил он, — тогда сделаны будут распоряжения о посылке туда предназначенной экспедиции для исполнения данного хану обещания»¹⁹⁴.

В соответствующем официальном сообщении, датированном 13 июля, майору Ковалевскому предписывалось прибыть в сопровождении капитана Гернгросса в Петербург «для донесения о сведениях, какие он мог собрать в течение пятимесячного своего пребывания в Киргизской степи»¹⁹⁵. Эти сведения были опубликованы

ими в совместной работе «Описание западной части Киргиз-Казачьей или Киргиз-Кайсацкой степи», которая напечатана в «Горном журнале» в 1840 г. [309]. Хивинскому походу Е.П. Ковалевский посвятил отдельную статью [307].

Перовский высоко оценивал действия участников экспедиции, их храбрость и находчивость в военной обстановке. Об этом свидетельствует сделанный ему в 1841 г. запрос: можно ли признать майора Ковалевского и капитана Гернгросса участниками Хивинского похода и внести эти данные в их послужные списки? Перовский наложил на документ резолюцию: «Нахожу, что они имеют на это полное право»¹⁹⁶.

Интересно, что имущество экспедиции Ковалевского, прибывшее с оставленным им караваном в Бухару, сохранилось там в неприкосновенности. Из архивных материалов видно, что в 1842 г. оно было возвращено в Оренбург со следующей геологической экспедицией, которая под руководством горного инженера К.Ф. Бутенева смогла выполнить задание по исследованию недр Бухарского ханства.

Рукой Даля написан и черновик письма Перовского к Нессельроде от 14 мая 1840 г., в котором приводятся «некоторые сведения о здешних пограничных делах». Наряду с сообщениями о судьбе торговых караванов, вышедших в Бухару из Оренбурга и Троицка, и о волнениях в казахской степи, здесь сделано существенное замечание: «Вообще, не должно ожидать ныне в степи большого спокойствия до окончания дел с Хивой; естественно, что кочевые племена, находящиеся между враждующими сторонами, будут более или менее уча-

ствовать во взаимной вражде этой до решительного переворота»¹⁹⁷.

В третьем письме¹⁹⁸, написанном почерком В.И. Даля и датированном 20 мая, вице-канцлеру сообщается о бесчинствах киргиз Адаевского рода (угон скота у соседних племен, нападения на казаков и рыбаков, сожжение судов, затертых льдом и т.д.) и об успешном карательном походе против них.

Чрезвычайно любопытны архивные материалы, касающиеся английских агентов, действовавших в то время в Средней Азии. Одним из них был Джеймс Аббот, капитан артиллерии Ост-Индийской компании, который прибыл в столицу Хивинского ханства из Герата в январе 1840 г. Как видно из его записок, опубликованных позднее [526], он старался убедить хана в том, что Англия, «первая по обширности своих владений, численности населения и мощи», является, не в пример северному соседу Хивы, «естественным союзником мусульманских государств» [там же, с.93]. Собирая разведывательные данные о Хиве и действиях России в Средней Азии, Аббот переправлял их к своему начальству в Герат. Покинув Хиву, он по неясным причинам оказался 1 мая 1840 г. у Ново-Александровского укрепления на побережье Каспийского моря. Здесь, представившись ханским поверенным в делах, он передал Перовскому письмо от хана и пожелал быть отправленным в Петербург. Естественно, что встретили его весьма настороженно. По правительственному указанию ему было разрешено приехать в столицу, но не в качестве хивинского посланника, а как частному лицу, а оттуда проследовать на родину.

О пребывании Джеймса Аббота в Оренбурге рассказывает письмо, которое В.А.Перовский написал В.И. Далю 22 мая 1840 г.¹⁹⁹

Того же вопроса касается объемистое дело, документы которого рассказывают «о дозволении прибывшему из Хивы в Оренбург английскому капитану Абботу приезда в Санкт-Петербург и разъяснения причин отправления этого офицера английским правительством в Хиву»²⁰⁰. В секретном письме, датированном 8 июня 1840 г., К.В. Нессельроде сообщает В.А. Перовскому²⁰¹ известные правительству сведения об Абботе. Вице-канцлер пишет, что он был послан в Хиву «с целью употребить все возможные меры к предупреждению нашей экспедиции», т.е. Хивинского похода. Русского же посланника в Лондоне английское министерство иностранных дел уверяло, что капитану «поручено единственно стараться склонить хана Хивинского, чтобы он поспешил исполнить все требования нашего правительства, возвратить томящихся в неволе российских подданных и не позволял бы хивинцам грабить караваны; но что офицер сей отнюдь не имеет поручения содействовать хивинцам в обороне противу нашего отряда». «Однако, — пишет далее Нессельроде, — мы не могли отнюдь согласиться на вмешательство английского агента в дела наши с Хивою», а потому русскому посланнику в Лондоне было предписано «настоятельно требовать отозвать помянутого офицера из Хивы».

«Приезд Аббота на нашу линию, — продолжает он, — дает делу новый оборот, так как цель его непонятна, а обстоятельства появления англичанина подозрительны.

Задержка его в Оренбурге представлялась нежелательной, потому что он получал возможность собрать данные о наших войсках, которые как раз возвращались из зимнего похода и должны были готовиться к новой военной экспедиции в Хиву. Поэтому Перовскому предлагалось сразу отправить Аббота в Петербург в сопровождении «благонадежного и скромного чиновника или офицера, которому предписать, чтобы он, соблюдая к Абботу надлежащую учтивость, надзирал за всеми его действиями».

В ответном письме В.А. Перовского, отправленном 13 июня из Москвы²⁰², где он остановился по пути в Петербург, сообщается о принятых мерах. «Предполагая, что по-настоящему положению сношений наших с Англиею, — пишет Перовский, — строгое обращение с Абботом было бы неуместно». Поэтому, «убедясь при свидании с ним, что строгость не принесла бы никакой пользы», он не подверг англичанина даже домашнему аресту, а приставил к нему «в виде переводчика надежного офицера генерального штаба» и взял слово «не входить ни в какие сношения с азиатцами, в Оренбурге находящимися».

Чтобы Аббот не увидел возвращения наших войск «из дальнего и трудного похода», Перовский «предложил ему воспользоваться приездом его в Оренбург для осмотра всего Уральского края, столь любопытного и малоизвестного европейцам. Это было принято капитаном с величайшей благодарностью, вследствие чего он и отправлен с прикомандированным к нему офицером в Златоуст, как не имеющий никакой политической важности и которым, в промышленном отношении, Орен-

бургский край может похвастаться перед англичанином. Путь для поездки избран с намерением не прямой вдоль линии, но чрез город Уфу и западные отроги хребта Уральского».

Перовский разделяет мнение «о необходимости устранить влияние Великобритании на Туран или часть Средней Азии, к северу от Хиндукуша расположенную», но полагает, что «настоящая попытка англичан к приобретению этого влияния не вполне удачна». Он пишет: «Хотя Аббот с самого начала придерживался системы непроницаемого молчания, но в дальнейших разговорах мне удалось, так сказать, расшевелить его и убедиться, что прием, оказанный ему в Хиве, не был далеко приемом союзника и покровителя, мало отличался от приема, сделанного в 1819 г. капитану нашему Муравьеву. Аббот не пользовался даже полнейшей свободой и сам, на вопрос мой, что мы, вероятно, свидимся с ним в Хиве, отвечал с неподдельным отвращением: «Чтобы я возвратился в Хиву, — никогда».

О пребывании Аббота в Хиве и о злоключениях на пути к Ново-Александровску, когда на его отряд напали киргиз-кайсаки, свидетельствуют показания сопровождавшего его афганца, которые приводятся в этом же архивном деле²⁰³. В документе говорится: «Англичане в Герате все одеваются по-европейски, но бороды не бреют. Аббот в Хиве к Аллакулу ходил в мундире, с белою чалмою на голове, но вместо шпаги был у него кабульский нож, который пропал при ограблении нас».

Невзгоды, которые перенес Аббот, попав в плен к киргизам, описал Е.П. Ковалевский в своей статье «Ан-

глийские офицеры в Средней Азии»: «Аббот был ограблен, избит, изранен; сопровождавшие его афганцы были разобраны киргизами по рукам; жизнь Аббота висела на волоске, но, подоспевшие вовремя туркмены, охранению которых он был поручен хивинским ханом, выручили его и проводили в наше Ново-Александровское укрепление, находящееся, как известно, на восточном берегу Каспийского моря; отсюда, больного, привезли его в Оренбург, где он оправился и через Петербург возвратился в Лондон» [312, с.96].

Среди тех, с кем общался Аббот, были вернувшиеся из Хивинского похода В.И. Даль и А. Леман. Это подтверждают документы, которые удалось обнаружить в архивном фонде Лемана в Петербурге²⁰⁴.

Прежде всего привлекает внимание портрет Аббота, выполненный Леманом, который был прекрасным художником. На сделанном пером рисунке мы видим характерный профиль молодого офицера в мундире, форменной фуражке, с бородой. Сбоку подписано карандашом: Abbott²⁰⁵.

В том же архивном фонде находятся три неизвестных письма В.И. Даля к Леману. В одном из них, адре-

Джеймс Аббот.
Рисунок А. Лемана

сованном в Златоуст, говорится (в переводе с немецкого): «Только что я услышал, дорогой Леман, что Вы в Златоусте. Завтра, в воскресенье, мы со Старбергом тоже будем там; подождите нас, Бога ради, и не принимайте в наше отсутствие ничего. Мы хотим вместе совершить все экскурсии на Таганай и т.д. Куда хотите, но только вместе! До свидания. Даль»²⁰⁶.

Известно, что летом 1840 г., едва придя в себя после путешествия с войсками, а затем к Ново-Александровскому укреплению, Леман отправился в исследовательскую поездку по Южному Уралу. Из приведенного письма следует, что и Даль тогда же оказался в тех местах. Сопоставляя это с письмом В.А. Перовского, можно задаться вопросом: не был ли Даль тем «благонадежным и скромным чиновником», который сопровождал английского гостя в путешествии по Южному Уралу, а в Златоусте, передав его другому сопровождавшему, оказался свободным и смог встретиться с Леманом.

Год восьмой (1840 – 1841)

Летом 1840 г. в Оренбурге готовились к повторному походу против Хивы. В.А. Перовский отправился в мае в Петербург и получил у Николая I одобрение плана новой военной операции. В ГАОО имеется копия письма Перовского хивинскому хану от 24 июня 1840 г., на котором царской рукой было начертано: «Быть по сему»²⁰⁷. В письме говорится: «С прибывшим в недавнее время в Россию капитаном Абботом, посещавшим также и Хиву, получено здесь новое письмо от Владельца Хивинского... Хотя во исполнение повелений Его Императорского

Величества правительство Хивинское неоднократно было извещаемо мною во всей подробности о справедливых требованиях России, требования сии доныне не приведены еще в исполнение...

Его Императорскому Величеству благоугодно было повелеть мне еще раз подтвердить Владельцу Хивинскому: во-первых, что присылка в Оренбург всех русских, насильственно удерживаемых в неволе, должна предшествовать всяким переговорам и возобновлению всяких сношений, во-вторых, вместе с возвращением всех находящихся в Хиве русских невольников, ханство Хивинское должно прекратить навсегда враждебные свои противу России действия, не притеснять и не возмущать кайсаков, более уже ста лет признающих над собою владычество России; не вмешиваться вовсе в их дела и не оказывать покровительства изменникам кайсацким; не задерживать насильно и не грабить караваны, идущие как из Бухары в Россию, так и обратно; строго наблюдать, чтобы хивинцы не покупали и не держали у себя русских в неволе и, наконец, предоставить русским торговцам в Хиве ту же свободу и ту же личную безопасность, какими в России пользуются подданные всех азиатских областей, находящихся с нами в мирных и торговых сношениях...

Когда все сие будет выполнено, тогда только будут прекращены приготовления к военным противу Хивы действиям, отпустятся задержанные в России купцы хивинские с их товарами и торговые сношения возобновятся на прежних основах.

Итак, Владыке Хивинскому открывается еще возможность к примирению; но для сего он должен действовать

искренне и не тратя времени в бесполезных для него ухищрениях. Если он вполне постигнет собственные выгоды, то он поспешит исполнить сии требования наши; если же он станет по-прежнему упорствовать в необдуманной вражде против России, то последствия сего упорства докажут ему, что всякое неблагонамеренное действие получает рано или поздно заслуженное наказание...»

В реальности этой угрозы хивинского хана Аллакула убеждал попавший в плен русский офицер, корнет Мухамет Шариф Аитов. Во время Хивинского похода он был послан к киргизам, кочующим у восточного побережья Каспийского моря, чтобы собрать верблюдов для помощи военному отряду. Набрав свыше 500 голов, Аитов двинулся к укреплению на Эмбе, но 12 января на него напали киргизы, склонные к союзу с хивинцами, и отвезли его в Хиву. Ему пришлось перенести немало лишений, но он настойчиво разъяснял хану безнадежность его попыток продолжать прежнюю политику в отношении России. Как пишет В.И. Даль, «из многих личных расспросов его хан убедился, что, кроме выдачи русских, правительство наше ничего не требует... Аитов говорил смело и прямо, не только по действительной приверженности к своему правительству и правому делу, но для собственного своего спасения: если бы Аллакул не решился заключить мир, то, конечно, не пощадил бы и попавшегося к нему в руки русского офицера» [143, с.164].

Хивинскому хану было о чем подумать, тем более, что вслед за Абботом в Хиву прибыл еще один английский офицер-поручик Ричмонд Шекспир, который должен был, действуя более решительно, добиться дружбы с хи-

винцами и получить от них посреднические полномочия в переговорах с Россией. Это должно было послужить созданию плацдарма Англии в Средней Азии. Такого оборота дела хан с полным основанием опасался. Он решил искать мира с могущественным северным соседом, вернуть, выполняя требования России, всех невольников и направить в Петербург для переговоров своего посла. Шекспиру оставалось только присоединиться к хивинскому посольству и ограничиться ролью представителя державы, дружественной России, который якобы спас ее подданных из плена (он распространил ложный слух, будто англичане уплатили за них выкуп). Но эта роль ему не удалась. Прибыв в Оренбург 23 сентября 1840 г.²⁰⁸, Шекспир сразу был отправлен в Петербург, а оттуда не обратно в Хиву, как он предполагал, а в Англию [491, с.285 - 288].

В июле 1840 г. хан обнародовал указ — *фирман*, которым «строго воспрещалось всем подвластным ему племенам под опасением казни производить на границах Империи хищничества и грабежи и держать в неволе подданных»²⁰⁹. Все русские пленники были отпущены, причем, они, по словам Даля, «получили на дорогу по золотому (4 рубля серебром), по мешку муки и по верблюду на каждых двух человек» [143, с.165].

Уже 17 августа 1840 г. комендант крепости Илецкая Защита сообщал: «Сейчас получил я из киргизской степи извещение, что бывший в плену корнет Аитов следует с пленными русскими прямо к линии...»²¹⁰ Аитов прибыл в Оренбург 18 августа, а на следующий день из Оренбургской Пограничной комиссии было отправлено письмо Перовскому в Петербург, в котором говорилось:

«Возвратившийся из Хивы корнет Аитов объявляет, что освобожденные тамошним владельцем русские пленные, числом до 400 человек, при посланце Ахуне Атаджане Ибрагимове и англичанине Шекспире отправлены к Ново-Александровскому укреплению»²¹¹.

17 сентября, ссылаясь на рапорт коменданта этого укрепления, начальник штаба Рокасовский доносил военному губернатору, что «возвращенные из Хивы 416 наших пленников, в том числе несколько женщин и детей, 5 сентября отправлены из Ново-Александровска морем на трех вольнонаемных судах и прибыли в Гурьев 12-го числа»²¹². В архивном деле имеется список всех пленных с указанием места и времени пленения каждого из них.

В октябре 1840 г. их встречали в Оренбурге. Очевидец, участник Хивинского похода Е.М. Косырев так описывал эту встречу: «Жалкий вид имели пленные. В оборванных хивинских халатах, с выбритыми головами или уже с отросшими лохматыми волосами, они положительно едва сохранили облик человеческий. На лицах их можно было прочесть те страдания, какие пришлось перенести им в плену у диких хивинских племен. Эти несчастные мученики рассказывали ужасные подробности о вынесенных ими страданиях. Их продавали в рабство, били кнутами и нагайками, держали в клоповниках без пищи, оставляя на произвол ужасным насекомым. Глубокие шрамы на плечах и спине свидетельствовали об истязаниях, которым подвергались эти несчастные люди. Несколько человек было с выколотыми глазами и, возвратясь на родину, уже не видели ее, а рыдали, обнимая своих земляков. Что было на душе у

этих несчастных, одному богу известно. Измученные, с безжалостно оскорбленною честью женщины были ужасны. Без слез нельзя было смотреть на них. Душа кипела мщением за эту горсть собратий, для которых жизнь уже поблекла, для которых не открывалось уже розового будущего, так как лучшие годы их и лучшие силы ушли в рабстве, насилии и поругании» [320, с.544 - 545].

Учитывая сложившуюся обстановку, еще 10 сентября 1840 вице-канцлер Нессельроде сообщил Перовскому, что действия хивинского хана, «решившего наконец исполнить одно из главных требований наших», позволяют «тем более удовольствоваться сим событием, что оно отстраняет необходимость возобновления ныне военной экспедиции против Хивы и, следовательно, избавляет воинство Российское от тех трудностей степного похода, которые оно со свойственным оному самоотвержением столь мужественно переносило в экспедиции прошлой зимы²¹³».

30 сентября В.А. Перовский подписал в Петербурге пространное «Объявление», печатный текст которого был отправлен в Оренбург. В нем названы причины и цели военной экспедиции против Хивы, а далее сказано, что Аллакул «внял наконец истинным пользам своего ханства» и поспешил «исполнить предварительно и без всяких условий главнейшие из требований наших». Поэтому император «Высочайше повелеть соизволили: допустить посланца хивинского в Санкт-Петербург, освободить удержанных в России хивинских купцов, возвратить им секвестированные их товары, оказать неимущим из них нужное для отправления в отечество

свое пособие и разрешить возобновление прерванных ныне с Хивой торговых отношений».

После освобождения русских пленных получили свободу и отправились на родину задержанные хивинские купцы, которым возвратили товары и деньги. О сложных финансовых расчетах, связанных с определением сумм, подлежащих выдаче после вычета расходов, которые купцы сделали за время пребывания в России, свидетельствует архивное дело «О выдаче хивинцам, задержанным в Оренбурге, секвестированных у них денег»²¹⁴.

Таким образом, цель Хивинского похода была достигнута. В.И. Даль писал: «Самая удача предприятия могла поставить нас впоследствии в некоторое затруднение, что делать с Хивой завоеванной? Как быть, если хан бежит заблаговременно, а впоследствии найдет довольно приверженцев, чтобы снова утвердиться на престоле? Напротив того, нынешнее окончание дела нельзя не признать, по крайней мере, до времени вполне удовлетворительным» [143, с.163].

С окончанием Хивинского похода наступил перелом и в личной жизни В.И. Даля. Он вышел, наконец, из состояния безысходной тоски, в которое привела его смерть Юлии Егоровны, и вернулся к нормальной жизни.

Летом 1840 г. Даль вступил во второй брак. Его женой стала выпускница петербургского Патриотического института Екатерина Львовна Соколова, дочь оренбургского помещика, героя Бородинского сражения, майора в отставке Л.В. Соколова, тогда уже покойного. В свое время Даль спас жизнь будущего тестя, сделав ему серьезную хирургическую операцию.

Судя по рассказу дочери, тридцатилетний вдовец, считавшийся завидным женихом, колебался в выборе между одной из местных красавиц, восторженной девицей, обладавшей бархатным голосом, прозванной им «высокой поэзией», и Е.Л. Соколовой, которую он называл «милой прозой». Его колебания пресекла решительная Юлия Христофоровна. Она отставила двух претенденток на руку сына, не обратив внимания на красавицу и поставив, по словам ее внучки, «высокую поэзию» на ее высоту и сблизилась с «милой прозой». Е.В. Даль пишет: «Мать моя вернулась раз очень задумчивой от Юлии Христофоровны и рано ушла спать. На другое утро приехала Юлия Христофоровна и, побеседовав с бабушкой наедине, позвала мать и тут же при всех было ей передано предложение отца. Бабушка была в ужасном удовольствии. Отец был ее всегдашним любимцем и, конечно, не могло быть сомнения, что и покойный дедушка благословил бы эту свадьбу» [260, с.147].

В оренбургском областном архиве хранится прошение, собственноручно написанное В.И. Далем 20 июня 1840 г.: «Коллежский советник Даль просит покорнейше о выдаче ему свидетельства в позволении сочетаться браком с девицею Катериной Львовной Соколовой, родившейся 2-го марта 1819-го года. Согласие матери на союз этот получено»²¹⁵. Свидетельство было выдано 22 июня генерал-майором П.И. Рокасовским²¹⁶, который замещал находившегося в столице Перовского. Последний также прислал требуемый документ, подписанный им 29 июня²¹⁷.

Венчание состоялось 12 июля 1840 г. в церкви села Никольского, находившегося недалеко от поместья Со-

коловых Гнездовки. В метрической книге этой церкви в тот день была сделана запись о бракосочетании и венчании: «Жених — состоящий при господине Оренбургском военном губернаторе для особых поручений коллежский советник Владимир Иванов Даль, лютеранского вероисповедания, вторым браком, 36 лет. Невеста — сельца Гнездовки умершего майора Соколова дочь Катерина Львова, православного исповедания, 20 лет». Поручителями были: «по жениху — доктор медицины надворный советник Карл Розенберг, по невесте — дворянский заседатель, губернский секретарь Соболев, штаб-лекарь Любин и подполковник Кистер». Федор Михайлович Соболев — это муж сестры невесты Любови Львовны, а Петр Осипович Кистер — муж сестры жениха Александры Ивановны.

По-видимому, Екатерина Львовна была девушкой незаурядной, иначе не обратил бы на нее внимания в 1837 г. во время своего пребывания в Оренбурге В.А. Жуковский, который встретил ее в гостях у Юлии Егоровны Даль и сделал заметку в дневнике: «У Далевой жены Соколова, — институтка Патриотического института» [444, с.9].

15 декабря Перовский сообщил Далю, что он причислен к министерству внутренних дел и оставлен при оренбургском военном губернаторе²²².

Хивинский поход и последующие события несколько отвлекли В.И. Даля от занятий литературой и от переписки со столичными писателями. Как раз тогда обострилась борьба между разными литературными течениями, представленными в журналах, в которых он печатался. О том, что Даль не остался в стороне от этой

борьбы, свидетельствует его переписка с М.П. Погодиным, начавшаяся в 1840 г.

Вместе с С.П. Шевыревым М.П. Погодин готовился в это время издавать журнал «Москвитянин». Издатели обнародовали его программу, в которой предполагали «доставлять публике скорые и верные известия о важнейших явлениях в жизни литературной, ученой, художественной и гражданской, во всех частях России и в главных государствах европейских, распространять полезные сведения и понятия и тем содействовать по мере сил своих великому делу отечественного просвещения». Погодин писал: «Первое место в *«Москвитянине»* посвящается России. Ее словесность, история, география, статистика, юриспруденция будут главными предметами и я употреблю все свои силы, при помощи многочисленных корреспондентов, чтоб знакомить более моих соотечественников с любезным нашим Отечеством, в коем до сих пор так много неизвестного» [216, кн.V, с.492].

Именно это импонировало В.И. Далю. Приветствуя новый журнал, он писал Погодину 19 ноября 1840 г.: «Да здравствует *«Москвитянин»* с руками, с ногами, с головою. Никто из добропорядочных людей не сомневается теперь, что у нас журнала нет, и что недостаток этот убивает словесность, нет общительного звена жизни ее, нет единства, согласия, общего труда, поощрения — нет направления, благообразного и благомыслящего совета, нет критики. Критика и брань, критика и личная ссора сделались нам тождественными словами; писатели с нею в таких отношениях, как два приятеля, которые разбранились за какие-то городские сплетни и

обходят друг друга на улице, не сымая шапки, когда бывало прежде тряхнут один другому руку. Оба смешны для посторонних, оба сами заедают себе века — и только»²²³. Положение в журналистике, по мнению Даля, такое, что речь должна идти о «спасении отечественной словесности, которая тонет и хватается не как порядочный утопленник, за соломинку, а за всякое плавающее говешко. От этого она и опоганила себе руки и поганит каждого порядочного человека, который вздумает с нею поздороваться по-братски»²²⁴.

Даль заявляет: «Я не участвую теперь ни в одном издании — надоело. Греч приглашал к участию в возобновляемом *«Вестнике»*, в котором трудиться будут *Полевой, Булгарин и другие честные и благородные литераторы*. Я отвечал ни да, ни нет, а обязательства на себя не взял»²²⁵. В то же время программу *«Москвитянина»* он поддерживает и пишет: «Я всей душой готов, многоуважаемый Михайло Петрович, помогать всеми силами вашему общему делу»²²⁶. В письме от 30 декабря Даль выражает убеждение, что новый журнал должен дать отпор «позорному, гибельному направлению, которое взяло верх потому только, что обстоятельства дали ему временно в руки вещественные на то средства»²²⁷. Заметив, что «вражда междоусобная, если она загорится, кровопролитнее войны врагов, ссора друзей не примиримее ссоры двух людей друг другу посторонних», Даль писал, что необходимо сразу определить «отношения к пишущей каналии». По его мнению, Погодин должен «обдумать, определить и высказать наперед, в *каком* отношении *«Москвитянин»* будет к таким-то и таким-то» и «с самого начала поставить себя на такую точку,

где стоять должно. Не смущаться ничем и стоять: правда возьмет верх, лишь бы стало средств насущных»²²⁸.

Из писем В.И. Даля к М.П. Погодину видно, чем он занимался в это время и что его волновало. В письме от 19 ноября, посвящая Погодина в свои творческие планы, он обещает прислать, «если Перовский позволит», для публикации «полное описание Хивинского похода» [308, с. 293]. Видимо, обнародовать данные, считавшиеся в то время секретными, не удалось, и это описание появилось в печати только в 1860 г. Здесь же Даль сообщает: «Заготовлено вчерне пять, шесть повестей; есть собрание русских народных сказок, песен, пословиц, притч и пр. и пр. Собрание, которое пополняется ежедневно и служит мне запасом ко всему» [там же, с.295].

30 декабря, сетуя на недостаток времени для литературного творчества, Даль пишет: «У меня такая работа на руках, казенная, что никак не кончу прежде трех месяцев, и работа нужная, срочная, отчеты по управлению Краем» [там же, с.305]. Отсюда видно, что во время долгого пребывания Перовского в Петербурге Даль занимался составлением годового отчета военного губернатора.

Эта ответственная работа и дела писательские, по-видимому, заставляли его вести очень замкнутую жизнь. «В последние три года, — пишет он в том же письме, — как это случается в служебных городах, переменилось в глазах наших почти все поколение здешнее; чтобы оставаться со старыми в коротких сношениях и вступать в таковые с новыми, необходимо навещать их всех с почетом, в воскресенье и по другим праздникам, чего

я не терплю, ненавижу, никогда не делаю и потому, ограничившись знакомством трех, четырех домов, отбился вовсе от большого света» [там же].

О своей крайней занятости Даль говорит и в письме, датированном серединой января 1841 г., описывая окружающую обстановку: «Сию минуту жене кровь кинул и уложил ее, ребятишки вокруг меня шумят, между тем, огромные кипы бумаг ждут на столе, и, в то же время, требуют меня в людскую, кучер заболел, а тут еще из канцелярии пришли за делом, да жена просит кинуть все и почитать ей что-нибудь» [там же, с.309]. Тем не менее, Даль отправляет Погодину «несколько небольших статей — что успел списать из готового», и обещает прислать новые работы: «Вчерне есть три-четыре повести, но их необходимо отделать, а теперь невозможно» [там же].

В следующем письме, тоже написанном в январе, он перечисляет посылаемые рукописи, среди которых значатся «Записки Пекарского о Пугачеве». Даль замечает: «Он, как правдивый современник, говорит просто и незамысловатую правду; кажется, стоит напечатать; они ходят здесь по рукам в рукописи, но довольно редки» [там же, с.310]. «Записки» были опубликованы в «Москвитяине» в том же году [68] с примечанием Погодина: «Приносим усердную благодарность В.И. Далю за доставление этого нового драгоценного документа к истории Пугачевской, неизвестного Пушкину и заключающего любопытные подробности — писанного современником и действующим лицом».

В числе статей, отправляемых в этот раз Погодину, Даль называет работу начальника Архангельского порта П.Ф. Кузьмищева «о сибирском и камчатском наречии,

с приложением небольшого словаря» и просит ее напечатать: «Вещь отменно хорошая, благонамеренная, любопытная» [308, с.310]. Автор этой статьи, тоже с увлечением собиравший новые слова и приславший свою рукопись В.И.Далю для ознакомления, впоследствии не раз упоминался им как единомышленник по работе над составлением толкового словаря.

Письмо от 4 марта 1841 г. содержит восторженный отклик Даля на первые книжки «Москвитянина», которые он «прочитал вместе с женой». Екатерину Львовну, видимо, тоже волновали литературные проблемы, и она полностью разделяла его взгляды. Об их совершенном взаимопонимании свидетельствует фраза из письма, завершающая рассуждение Даля о современной ему журналистике, которое, вероятно, казалось ему патетическим: «Я полезу на нож за правду, за Отечество, за русское слово, язык, за все истинное и изящное. Вслух я подобной вещи не скажу..., но в письме, которое читать будут только жена моя и люди, с которыми я теперь говорю: Погодин и, может быть, Шевырев, в письме том высказать все, что на сердце, посмею» [там же, с.313].

В этом же письме В.И. Даль сообщает об ученых «четвергах», продолжавшихся всю зиму, и обещает прислать через две недели повесть «Вакх Сидоров Чайкин» [86], которая, «если судить по неукротимому смеху жены», получилась забавной, «Слово о русском языке» [77] и «Осаду Герата» [74]. По-видимому, в отсутствие военного губернатора у него было больше досуга, но теперь Перовский возвращался в Оренбург и забот прибавлялось: «Скоро наш Перовский будет, — пишет Даль, —

тогда, вероятно, опять немножко придется поработать, и не знаю, много ли останется свободного времени» [308, с.314]. Действительно, 4 июня Даль жалуется: «Трудно мне обещать вам наверное, что еще пришло; никак не могу располагать временем вперед, не от себя завишу» [там же, с.316]. Однако здесь же он обещает на днях выслать «повесть, которая уже переписана, киргизскую *Майна*» [72], и добавляет: «Я читал ее на четвергах наших и, по общему мнению, она удалась лучше, чем другие повести мои» [308, с.316].

Даль сожалеет, что в Оренбурге многие темы считаются секретными и замечает: «О, если бы можно было писать свободно, с истинно русским чувством и привязанностью ко всему хорошему о нашем крае и здешних обстоятельствах — но этого нельзя; тут наваришь, что век не расхлебаешь» [там же, с.316]. В этой связи он подтверждает, что его художественные произведения написаны на основе личных наблюдений. «Все повести мои, — пишет он, — если угодно взглянуть на них, происходят в краях и странах, мне коротко известных, где я бывал, жил и сам все видел... Турция породила *Кассандру* и *Болгарку*; Польша — *Подольянку*; Оренбург — *Мауляну* и *Майну*; русские губернии — *Вакха*, *Бедовика*; Малороссия — *Василия Граба*; Южная или Новая Россия — *Мичмана Поцелуева*» [там же, с.317].

Первый номер «Москвитянина», который вышел 1 января 1841 г. и содержал статьи М. Погодина («Петр Великий»), С.П. Шевырева («Взгляд русского на образование Европы»), сразу ставшее знаменитым стихотворение Ф.Н. Глинки о Москве, имел большой успех у столичной публики и не вызвал нареканий цензуры. Но

уже в марте 1841 г. издателям было высказано недовольство властей из-за помещенного в одном из номеров анекдота о Булгарине. Друзья, в том числе В.Ф. Одоевский, предупреждали их о необходимости быть осторожнее. Откликнувшись на это событие, В.И. Даль писал М.П. Погодину 1 июня 1841 г.: «Радуюсь душевно вашему здоровью, радуюсь также весьма, что вы остаетесь в Москве, у нас были слухи, что вас перезвали к такому делу, от которого нельзя было бы отказаться. Скорблю душевно, что и вы испытали уже, в то противное время, все обычные неприятности журналиста — это тем больнее, что у нас идет все то не от житейских суев и трудностей издания — а от препятствий, убивающих дух. При таких обстоятельствах руки не поднимаются на работу, голова тупеет, сердце дремлет»²²⁹.

В другом письме В.И. Даль высказал М.П. Погодину свое мнение о первых номерах его журнала: «Москвитянин» — это первый журнал, в котором есть цвет, краска, видишь повременное издание, видишь, что издатель держался цели, маяка, знаешь, чего искать и ожидать, словом, это завлекает. Знакомить русских с заморьем в таком духе, как вы делаете, знакомить русских с Русью, это предмет, это цель, это задача — и задача достойная»²³⁰.

Рассматривая критические статьи С.П. Шевырева, Даль выражает свою точку зрения на литературную критику вообще. «К сожалению, — пишет он, — я Шевырева знаю мало; не знаю, как ему покажется, если я осмелюсь высказать что я думаю и чувствую, читая статью его; но я бы желал, чтобы все, что мне и другим добрым людям удастся написать, было разобрано *так*.

При такой критике всякое самолюбие, всякая личность становится поодаль, в сторону, глядишь на произведение, а не на человека, сердце порывается к истинно прекрасному, парит гораздо выше пресмыкающихся в прахе. Разрутай меня в пух на этот лад и строй, и у меня не станет на критика ни одной капли желчи, я с душевным уважением протяну к нему руку. Тут критик и сочинитель в стороне: тут на поприще одно только *произведение* и олицетворенное *искусство*, изящное художество. Мы отвыкли от этого ладу. *Расхвалить* и *разругать* сделались издавна техническими выражениями нищенской критики *нашей* в мишурных галунах; критика — царь, но какого царя нам доселе показывали? Нам выводили на позор царя шпалерного, с короной и державой под сусальным золотом, из-за которого выглядывал, для *увеселения* публики, балаганный шут, от которого в казарменных представлениях предостерегают зрителей первого ряда скамеек... Если вы прежде заглядывали в журналы, то убедитесь, что во мне не говорит обиженное самолюбие; меня не *разругали*, сколько знаю и видел по крайней мере, нигде...»²³¹

Очень выразительно высказывание В.И. Даля о его изменившемся отношении к Краевскому и его журналу: «Издатели *«Отечественных записок»* люди добрые, прекрасные, я с ними давно короток, я готов был принести малые силенки свои им на помощь так же охотно, как теперь вам, они платят мне двести рублей за лист, но я отстал потихоньку (между нами!), потому что желудок у меня не варит того духа, который управляет издателями. Сначала я писал к ним, высказал чистосердечно все, что чувствовал и думал, что не идет благомысля-

щим, благородным людям руководствоваться такими правилами, таким духом; это жалкое подражание барону Брамбеусу, жалкое тем, что оно невольное, бессознательное; не поверили, не могли или не хотели отстать; язык почти хуже, чем был в «Библиотеке»; критика — хоть святых выноси; крючки, придирки, личности... Безбожным языком переведенные романы в пять, шесть томов печатаются сподряд — разве это журнал?»²³²

В завершение Даль говорит о своих очень скромных авторских претензиях и желании иметь дело с «Москвитянином», хотя обещанный гонорар вдвое меньше, чем в «Отечественных записках».

Интересы В.И. Даля, как и прежде, не ограничивались литературным творчеством. Несмотря на то, что во время отсутствия военного губернатора ему приходилось выполнять большую канцелярскую работу по управлению краем, он по-прежнему много внимания уделял занятиям наукой. Продолжалась работа по организации «Музеума естественных произведений Оренбургского края», которой он занимался вместе с Леманом. Музейные дела волновали и Перовского. В письме к Дальному от 24 ноября он спрашивал: «Что делают наши походные коллекции и прибавились ли они путешествием Лемана? Об нем и от него я не имею совершенно никакого сведения»²³³. В следующем письме, датированном 22 декабря, Перовский заметил: «О музееме переговорим и устроим по моем возвращении в Оренбург»²³⁴.

Возобновились заседания научного кружка, проводившиеся, как и раньше, по четвергам. О них В.И. Даль писал М.П. Погодину 4 марта 1841 г.: «...Вечера наши продолжаются эту зиму; кажется, я вам об них говорил?

Нашлось здесь человек 12, которые предпочли карточным вечерам предложение мое: сходиться у меня раз в неделю и занимать каждому по очереди других. Это удалось гораздо лучше, чем можно было надеяться; вышло несколько статей таких дельных, умных, занимательных, что хоть бы их читать и не в Оренбурге. Например: о философии истории; о происхождении кайсаков; о раскольниках; о новейших делах в Персии; о взаимном отношении аллопатии и омеопатии и пр. Я читал статью о русском языке, которую послал Вам, потом физиологию и патологию глаза, потом повести и пр. Это оживляет, подстрекает, греет»²³⁵.

Участниками этих заседаний были Г.Ф. Генс, А.Н. Дьяконов, М.И. Иванов, Яков и Николай Ханьковы, К. Розенбергер. А зимой научный кружок пополнился новым членом. Им стал Иван Федорович Бларамберг, военный картограф, которому предстояло прожить в Оренбурге пятнадцать лет, возглавив работы по картографированию края.

Иван Федорович Бларамберг (1800–1878), происходивший из древнего голландского рода, родился и провел детство во Франкфурте-на-Майне. Образование получил в Германии, а в 1823 г. переехал в Россию. В 1825 г. поступил в Институт инженеров путей сообщения в Петербурге и окончил его в 1828 г. с чином поручика. В 1830 г. переведен в Генеральный штаб и направлен на Кавказ. Участвовал в экспедиции Г.С. Карелина к восточным берегам Каспийского моря в 1835–1837 гг. С 1837 г. по 1840 г. был чиновником особых поручений при русском посольстве в Персии, с 1840 г. по 1855 г. служил в

Оренбурге. С 1842 г. — обер-квартирмейстер Отдельного Оренбургского корпуса. В 1856 г. был переведен в Петербург в Генеральный штаб. Активный член Русского географического общества. Автор нескольких сочинений, в том числе «Статистическое обозрение Пер-

И.Ф. Бларамберг

сии» (1853), «Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) Орды, Оренбургского вedomства» (1848). Под его руководством составлено «Военно-статистическое описание Оренбургской губернии» (1848).

В своих «Воспоминаниях» И.Ф. Бларамберг пишет: «Так как все рода войск были представлены их начальниками, большей частью генералами, я нанес им свои служебные визиты; затем я посетил генерала фон Генца, начальника пограничной комиссии, т.е. Киргизского управления, затем доктора Карла фон Розенбергера и фон Даля, своих старых знакомых. С тремя последними я преимущественно и общался. Как упоминалось выше, жизнь в Оренбурге была тогда очень оживленной. В зимние месяцы обычно в течение недели собирались каждый вечер в одном определенном доме. Здесь обменивались новостями, музицировали, молодежь танцевала, пожилые господа и дамы играли в карты. Поскольку генерал

находился еще в Петербурге, я использовал свое свободное время для того, чтобы привести в порядок материалы о Персии и переписать их первую часть набело. Вечера я большей частью проводил у генерала Генца, у Розенбергера и Даля, где устраивались литературные вечера, а не карточные игры» [224, с.219 - 220].

К описанию этих вечеров И.Ф. Бларамберг возвращается еще раз, называя некоторых новых членов кружка, которых не упоминал В.И. Даль. «Свободные вечера, — пишет он, — я проводил в обществе образованных людей, которых тогда в Оренбурге было много. Это были в основном чиновники из Петербурга и Москвы, которых охотно приглашал на службу генерал-адъютант Перовский. Так, литературные вечера, которые мы устраивали у меня, генерала Генца, доктора Розенбергера, Владимира Даля, Ханыкова, полковника Цеге фон Лауренберга и других, проходили очень интересно и были поучительны, ибо каждый должен был рассказать что-нибудь о своей жизни или о своих путешествиях либо прочитать из художественной литературы. Эти вечера заканчивались всегда скромным, но веселым ужином» [там же, с.247].

Немаловажным для В.И. Даля научным событием явился выход из печати первой книги «Естественной истории Оренбургского края» в его переводе и с его примечаниями. В архивных документах²³⁶ значится, что «в типографии штаба Отдельного Оренбургского корпуса напечатана Естественная история Оренбургского края, сочинение г. Эверсмана; на царской бумаге — 20 экземпляров, на обыкновенной — 1300 экземпляров. Итого 1320 экземпляров». Из них 30, в том числе все

напечатанные на «царской бумаге» были отправлены в Петербург В.А. Перовскому, который, гордясь этим изданием, демонстрировал его перед столичной публикой.

Основная часть тиража была передана автору и переводчику: Э.А. Эверсман получил 900, а В.И. Даль — 176 экземпляров книги²³⁷. Поскольку в продажу она, очевидно, не поступала, становится понятным, почему сочинение, получившее высокую оценку у специалистов, скоро стало библиографической редкостью. Впервые оно переиздано в Оренбурге в 2001 г. [519].

Весной 1841 г. в Оренбурге шла подготовка к новой экспедиции в Бухару, от которой ожидалось значительное пополнение коллекций Музеума естественных произведений Оренбургского края. Русское правительство, откликнувшись на просьбу Бухарского хана помочь в разработке полезных ископаемых в его владениях, еще в 1839 г. отправило в Бухару горный отряд Е.П. Ковалевского, но из-за Хивинского похода он не достиг цели. Решено было отправить новую экспедицию, начальником которой стал горный инженер К.Ф. Бутенев. Она должна была выехать из Оренбурга весной 1841 г., а организация этого важного научного и дипломатического предприятия возлагалась на В.А. Перовского. По его инициативе в состав миссии были введены Н.В. Ханьков как знаток восточных языков и А. Леман как натуралист.

В.А. Перовский писал вице-канцлеру К.В. Нессельроде 7 февраля 1841 г.: «Назначение предполагаемой в нынешнем году миссии в Бухару дало повод надеяться на возможность исследовать сказанную страну во всех частях. Желая вполне воспользоваться столь благопри-

ятными обстоятельствами, я считал бы полезным прикомандировать к миссии еще молодого натуралиста кандидата Дерптского университета Лемана, способности которого мне известны как по совершенным им поездкам в Оренбургском крае, так и по участию в зимней экспедиции 1839—1840 гг.»²³⁸. Предложение Перовского получило правительственное одобрение.

Инструкция, данная Леману Перовским, начиналась словами: «Назначив Вас, милостивый государь, для отправления с миссиею в Бухару, я считаю нужным сообщить Вам, что главная цель посылки Вашей заключается в исследовании физического состояния ханства и его окрестностей»²³⁹. Далее перечисляются «вопросы, наиболее важные и любопытные» для изучения во время путешествия по Бухаре — стране, в то время совершенно неизвестной европейским ученым. «Для пособия Вам при исследованиях, — пишет Перовский, — командируются с Вами два чучельника, которых предписано мною снабдить всеми нужными принадлежностями для составления зоологических и ботанических коллекций. На подъем последних сверх трех верблюдов, Вашему благородию назначенных, определено еще три верблюда»²⁴⁰. Чучельники Андрей Скорняков и Павел Волженцов, как позднее докладывал Леман, во время путешествия отличились «совершенным знанием своего дела, постоянным отличным поведением и неусыпным рвением в исполнении своих обязанностей»²⁴¹. Поэтому музейные экспонаты, которые были доставлены в Оренбург, отличались высоким качеством.

Экспедиция Бутенева отправилась в Бухару 20 мая 1841 г. и возвратилась следующим летом.

Между тем жизненные обстоятельства вынуждали В.И. Даля серьезно задуматься над будущим. Его семья увеличилась: 21 апреля 1841 г. родилась Мария — первая из трех дочерей от второго брака. Приходилось заботиться об укреплении материального положения. А перспективы становились неясными, потому что В.А. Перовский решил оставить должность оренбургского военного губернатора: его здоровье, подорванное тяжелым ранением во время турецкой кампании 1828—1829 гг., резко ухудшилось и требовало основательного лечения. Беспокойство Даля в связи с неизбежными переменами отразилось в его письме к Леману в Бухару, которое датировано 13 июля 1841 г.²⁴² Он писал: «Сейчас нас всех, чиновников, занимает мысль, куда мы должны деться и где окажемся с женами и детьми, когда Перовский уедет, что произойдет наверняка скоро. Бог знает, куда судьба забросит каждого и где ему уготован кусок хлеба»²⁴³.

Из этого письма, оказавшегося прощальным, видна искренняя симпатия Даля к молодому ученому. Письмо начинается словами: «В отдалении от остального мира, где Вы, дорогой Леман, сейчас находитесь, несколько строк из этого другого мира, к которому Вы тоже принадлежите, возможно, не будут для Вас нежелательными», и добавляет: «Моя жена и моя мама передают Вам привет и желают Вам очень много счастья»²⁴⁴.

Он рассказывает Леману о последних новостях, сообщает, что «жара в Оренбурге значительная, часто выше +30° и +35°, что он живет на «кочевке» у Перовского и приезжает в город лишь на парудней каждые 3 - 4 недели, что на «кочевке» гостил Эверсман, а

теперь там встречаются высоких гостей — знаменитого английского геолога, президента Лондонского географического общества Р.И. Мурчисона, французского палеонтолога Ф.Э.П. Вернейля и сопровождавших их молодых русских ученых Н.И. Кокшарова и А.А. Кейзерлинга. Встретить научную экспедицию собирались со всей торжественностью, и Я.Ханыков, как пишет Даль, составил к приезду Мурчисона карту Южного Урала [356, с.86-93]. Даль не скрывает удовольствия, сообщая, что посетивший кочевку известный коллекционер Киндерман проявил большой интерес к его коллекции насекомых, среди которых обнаружил два совершенно новых вида ночных бабочек.

Казалось бы, все шло как обычно, но в это самое время решалась дальнейшая судьба В.И. Даля. Исподволь готовясь к отъезду и завершая начатые дела, В.А. Перовский волновался об устройстве своих сотрудников. Чтобы укрепить положение Даля, своего ближайшего помощника, он хлопотал для него о следующем чине — статского советника. Выяснилось, однако, что занимаемая Далем должность не давала на это права. Тогда Перовский добился перемещения его в министерство внутренних дел, но, как оказалось, ничего этим не достиг. В письме от 8 апреля 1841 г. он жаловался управляющему министерством внутренних дел А.Г. Строганову: «Положение его от этого сделалось еще стеснительнее, потому что он по отчислении из моих чиновников особых поручений лишается присвоенного этому званию штатного жалования, а это при недостаточности его состояния крайне для него тягостно»²⁴⁵. Перовский ходатайствовал о производстве Даля в чин статского советника, а в случае

невозможности — о причислении его к чиновникам особых поручений по этому министерству «с назначением ему жалования от 2 до 3 тысяч рублей на ассигнации, которые по вышеобъясненным уважениям совершенно для него необходимы»²⁴⁶. При этом предполагалось, что Даль по-прежнему останется при Перовском.

Однако на это прошение последовал мотивированный отказ и пришлось искать иного выхода, который нашелся благодаря приезду летом 1841 г. в Оренбург брата военного губернатора — Льва Алексеевича Перовского, занимавшего тогда пост товарища министра уделов. Он предложил В.И. Далю место чиновника особых поручений при своем министерстве и получил его согласие.

Л.А. Перовский

22 июля В.А. Перовский направил министру внутренних дел письмо, в котором сказано: «Г. товарищ министра уделов при свидании со мной лично изъявил желание на перемещение в ведение Департамента уделов служащего при мне коллежского советника Даля согласно с его о том просьбою. Так как коллежский советник Даль причислен ко вверенному Вам министерству, то я счел нужным довести об этом до сведения Вашего сиятельства и покорнейше просить Вашего, милостивый государь, уведомления, не изволите ли находить каких-либо препятствий к перемещению чиновника Даля в ведомство Департамента уделов»²⁴⁷. Никаких препятствий, как оказалось, не встретилось, и В.И. Даль с семьей спешно начал готовиться к отъезду в столицу.

16 сентября 1841 г. из столицы в Оренбург было отправлено следующее официальное письмо:

«Милостивый государь,

Василий Алексеевич!

Вследствие отношения Вашего превосходительства от 25 августа имею честь уведомить Вас, милостивый государь, что коллежский советник Даль, согласно его прошению, определен на службу в Удельное ведомство 1-го сентября.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою Лев Перовский».

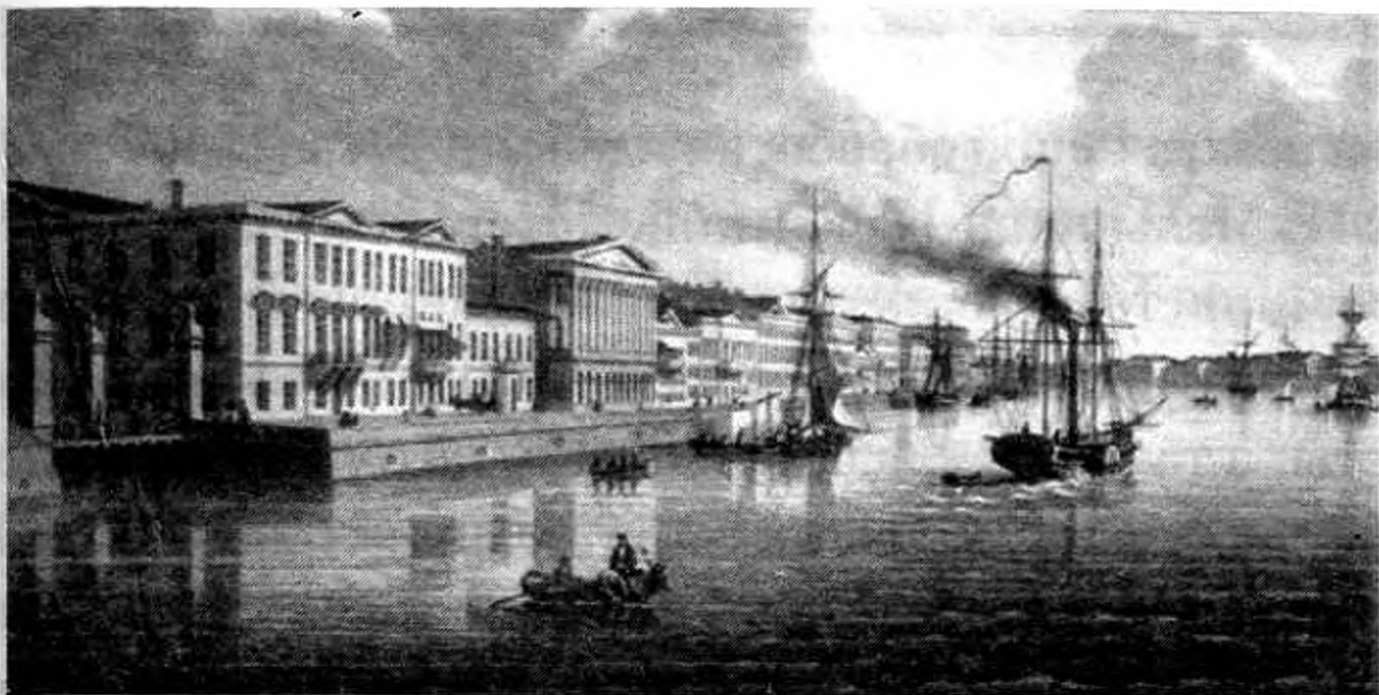
Поздней осенью 1841 г. Оренбург покинул и В.А. Перовский. В сопровождении Я.В. Ханыкова он уехал в столицу, возложив обязанности военного губернатора на начальника штаба Отдельного Оренбургского корпуса П.И. Рокасовского. До июня 1842 г. продолжал управлять Оренбургским краем, а затем был уволен в «отпуск для поправления здоровья за границей». Как В.И. Даля, так и В.А. Перовского волновала судьба Музеума естественных произведений Оренбургского края. Музейные дела Даль передал католическому священнику Отдельного Оренбургского корпуса М.Ф. Зеленке. Предполагалось, что организацию музея завершит по возвращении из Бухары А. Леман. В.А. Перовский в одном из последних распоряжений, присланных уже из Петербурга 4 мая, предписывал: «Поручить Леману по возвращении неотлагательно привести в порядок сделанные им для музея коллекции»²⁴⁹. Кроме того, Леман должен был упорядочить собранные им сведения как о Южном Урале, так и о Бухаре, а результаты сообщить

Академии наук. Завершить же порученное ему описание Оренбургского края Леман, по мнению Перовского, не мог в Оренбурге («по недостатку там необходимых пособий»), и должен был для этого приехать в столицу. Поэтому В.И. Даль ожидал встретиться со своим молодым другом и сотрудником осенью, но эта встреча не состоялась. Ей помешала внезапная смерть Лемана по дороге из Оренбурга в Петербург.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.И. ДАЛЯ ПОСЛЕ ОРЕНБУРГА

Петербург

Работа в министерстве

Во второй, петербургский период своей жизни В.И. Даль, выполняя ответственную работу в министерстве, смог полностью проявить свои блестящие административные способности. Его служба при Льве Алексеевиче Перовском (1792—1856) началась, когда тот был товарищем министра уделов. Но вскоре, сохранив эту должность, он стал также министром внутренних дел, и Даль 21 марта 1843 г. был определен чиновником особых поручений пятого класса при этом министерстве.

Как пишут биографы В.И. Даля, он сделался ближайшим сотрудником и правой рукой Л.А. Перовского, который отличался строгой точностью и быстротой в отправлении дел и требовал того же от своих подчиненных. На протяжении восьми лет работы с ним, Даль, посвященный во все тайны государственной деятельности, должен был всегда «держат наготове ум и перо свое

для немедленной обработки идей министра» [407, с.21]. П.И. Мельников-Печерский, который служил при том же министерстве, перечисляя обязанности Даля, отмечает, что под его редакцией составлялись ежегодные отчеты, а также доклады и записки, которые вносились в Государственный совет и Комитет министров [384, с.L]. Среди выполненных Далем работ он называет составление устава губернских правлений и карантинных правил. Он пишет, что Даль принимал деятельное участие в делах по устройству бедных дворян и улучшению быта помещичьих крестьян.

Как сообщает другой сотрудник министерства — В.М. Лазаревский, Даль был «безусловным правителем» особой канцелярии, которая состояла из доверенных лиц министра и была «наиболее занята по делам, не терпящим отлагательства, и в особенности секретной перепиской, требующей нерушимой скромности и ежечасной готовности к работе днем и ночью» [328, с.548]. По словам Лазаревского, «Даль был, бесспорно, первый человек в министерстве... и по безусловному доверию министра, и по безупречной нравственности, и по хорошей известности в мире обществу, науки и литературы. Деятельная среда, которую одухотворял Перовский, была как бы палладиум, в центре его, в том или другом смысле, был Даль» [там же, с.549]. Квартира Даля находилась в здании министерства, так как, по словам его дочери, Перовскому «хотелось устроиться так, чтобы отец был всегда у него под рукой, как звонок, как колокольчик».

При Л.А. Перовском, который привлек в свое министерство людей образованных, проявивших себя в

науке и литературе, вместе с В.И. Далем работали Н.И. Надеждин, Н.А. Милютин, А.К. Гирс, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, И.С. Тургенев, В.В. Григорьев, оренбурженец Я.В. Ханьков и многие другие известные писатели, ученые и государственные деятели.

Атмосфера высоких умственных интересов, способствовавшая занятиям наукой, окружала Даля и в свободное от службы время. По четвергам — в продолжение оренбургской традиции — у него дома собирались люди, близкие ему духовно. Мельников-Печерский пишет, что «тут бывали академики, профессора, литераторы, художники, музыканты, моряки, артиллеристы, военные инженеры, офицеры Генерального штаба, все люди мысли, слова и искусства» [384, с. LI]. В.М. Лазаревский вспоминает, что как-то получил от В.И. Даля приглашение: «По четвергам у меня собираются добрые знакомые; увидите и кой-кого из литераторов. Приходите непременно». Он встретил в тот вечер И.И. Панаева, А.А. Краевского, Д.В. Григоровича, профессора Д.А. Кавелина. «Народу было много...», — замечает Лазаревский и продолжает: «От него расходились рано, так как в 9 часов он ежедневно был уже в кабинете у министра Л.А. Перовского» [322, с. 545]. Именно на квартире у В.И. Даля 19 сентября 1845 г. произошло организационное собрание Русского Географического общества, сыгравшего важнейшую роль в развитии науки в России.

Семья В.И. Даля в это время увеличилась. Теперь у него было пять детей. Из них трое были уроженцами Оренбурга: дети от первого брака — сын Лев-Арслан и дочь Юлия — а также дочь Мария от второго. В Петер-

бурге, в 1843 г. родилась Ольга, а в 1845 — Екатерина. В квартире Даля, расположенной над министерством, жили еще его мать, теща и мать покойной жены.

Подробно о жизни этой большой семьи рассказала дочь Даля Ольга Владимировна Даль, в замужестве Демидова. Рукопись ее воспоминаний, оставшихся неопубликованными, хранится в РГАЛИ²⁵⁰. Приводим некоторые отрывки из нее, которые относятся к петербургскому периоду жизни В.И. Даля.

О.В. Демидова пишет: «В нашем доме жили три бабушки: мать отца, мать матери и мать первой жены отца. Все они были так различны, что только судьба могла свести их вместе. Мать отца моего, Юлия Христофоровна Даль, рожденная Фрейтаг, была внучкой французской эмигрантки de Malli. О ней у нас хранилось предание, как в детстве своем, будучи еще во Франции, она спасла при обыске домашнюю Библию, зарыв ее в свою грядку. Дочь ее, а бабушкина мать, Мария Ивановна Фрейтаг настолько уже обрусела, что свободно писала и печатала свои вещи по-русски. Ее дочь, а моя бабушка Юлия Христофоровна вышла замуж за датчанина Ивана Матвеевича Даля, принявшего русское подданство и поступившего на русскую службу. Дедушка Иван Матвеевич был одно время доктором при дворе Великого князя Павла Петровича и жил с семьей в Гатчине. Жизнь бабушки была трудная. Муж ее был крайне горячий человек, а служба у в. кн. Павла Петровича была для нее постоянным источником тревог и волнения... Потеряв своего мужа, бабушка Юлия Христофоровна осталась с огромной семьей на скудной пенсии. Всех детей у нее было 11, из которых она вырастила и постави-

ла на ноги шестерых. Две дочери вышли замуж еще при жизни своего отца. Старшая, Павла, крестиница Павла Петровича, — за немецкого фабриканта Шлейдена. Вторая — Александра, за датчанина Küster, которого дедушка звал «мой зять», а Шлейдена «твой зять», обращаясь к бабушке. При детях своих бабушка была и нянькою и гувернанткою и заботливою матерью. ...О матери своей отец не мог равнодушно говорить до самой своей смерти. — Всему хорошему, если в нас что было, мы обязаны ей, говаривал он. Это была женщина необычайного ума и нравственных качеств. Деятельности ее не было предела. Никогда она не оставалась праздною. Урывками она поучалась сама и при всей своей трудовой жизни она успела приобрести такие познания, которые делали ее глубоко образованной женщиной. Она владела свободно пятью языками и до старости читала на каждом из них, в виде отдыха, самые серьезные книги. Вырастив одно поколение, принялась за другое, и двое старших детей отца моего, Лев и Юля, от первой жены отца, сложились исключительно под ее руководством и влиянием, сохранив к ней те же чувства благодарности, любви и глубокого уважения, которыми были проникнуты и ее собственные дети. Я лично мало помню, потому что была мала, когда она умерла, но сестра Юлия, воспитанная ею, была самым близким мне человеком, любимым другом и нравственною руководительницею.

Мать моей матери Анна Александровна, рожденная княжна Путятина, вышла замуж за храброго воина 1812 г. Лев Васильевич Соколов сражался под Бородиным, был ранен, получил за храбрость золотую саблю, вышел в отставку и впоследствии был назначен полиц-

мейстером в Оренбург, где еще в то время была свежа память о Пугачеве. Так, у дедушки в доме заканчивала свой век круглая сирота, родители и родственники которой погибли при Пугачеве. Мать моя была уже взрослой девушкой, когда Мария Ивановна эта умерла... Воспитанная в привычках своего круга, Анна Александровна была совершенно чужда духу нашей семьи. Окруженная огромной крепостной дворней, изнеженная и избалованная, она не имела никакого понятия о делах. Муж ее умер в довольно трудное время, затратив деньги на приобретение в Уфимской губернии пустопорожных Бирских земель, куда переселил купленных в Воронежской и Тамбовской губернии крестьян. На руках у бабушки остались четыре дочери, требовавшие расхода. Старшей из них было 22, младшей — 14. Отец мой был в то время чиновником особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе Василии Алексеевиче Перовском. Схоронив жену и пробыв вдовцом года три, он женился на старшей барышне Соколовой Екатерине Львовне, а через год вместе с графом Перовским покинул тот край, переехав в Петербург. Василий Алексеевич Перовский передал отца моего с рук на руки брату своему, министру внутренних дел графу Льву Алексеевичу Перовскому, у которого отец получил место секретаря. Заняв хорошую казенную квартиру, отец переманил к себе и бабушку Анну Александровну с оставшейся при ней незамужней дочерью Натальей Львовной. Две младшие были уже в то время замужем. Первая из них, Любовь, вышла в один год с матерью, будучи 16 лет, за Федора Михайловича Соболева, а вторая, Надежда, — уже после отъезда моих родителей

за Валериана Чегодаева, кутилу, с которым она почти не жила, ведя и сама довольно легкомысленную жизнь. Говорят, это была красавица из всей семьи. Отец уговорил бабушку рушить гнездо свое, распустив всю крепостную дворню и облегчить себя и свой карман, переехать на жительство в Петербург. Она все это исполнила, но в дворне постоянно нуждалась. Она не только не умела сама одеться, но ее и чесали и обували, пока она лежала в постели... Под старость она много изменилась и сама говорила: «Этому я обязана Владимиру Ивановичу». Приехавшая с бабушкой незамужняя дочь Наталья Львовна, должно быть, тосковала у нас и, кажется, не могла свыкнуться с петербургской жизнью...

Третья бабушка, Мина Ивановна Andre, была чистейшею петербургскою немкой. Весь мир для нее заключался в Annen-Schule и приходе Peterkirche... Добродушная толстая старушка жила со своей подругой Лизаветою Ивановной, которую мы, дети, считали, кажется, тоже бабушкой...»

По воспоминаниям О.В. Демидовой можно составить представление о круге знакомых членов семьи Даля. Она пишет: «У матери лично своих гостей, должно быть, не бывало. Я только и помню доктора гомеопата Штендера иногда в ее комнате, да учительницу искусственных цветов. Этой работой мать иногда любила заниматься.

У бабушки Юлии Христофоровны народ бывал, но мы до него мало касались. Во-первых, это было все немецкое общество, а немецкий язык мы недолюбливали; во-вторых, бабушка жила очень отдельно, и мы, вероятно, без приглашения к ней и не ходили, иначе как

поздороваться и проститься. В Петербурге у нее была родная сестра, Анна Христофоровна, которую мы называли «тетя бабушка» и немножко ее боялись, потому что она была слепая. У нее воспитывалась ее внучка Алиса, с которой Юля была дружна. Эта бабушка была три раза замужем. Все три ее мужа — Небо, Вульф и Реймерс — давно умерли... Юлю бабушка возила по родным и знакомым; иногда на танцевальные вечера, куда Юля отправлялась очень нарядной, по-нашему мнению...

Для приема своих знакомых у отца были назначены четверги. Мать говаривала нам после, что она бывала счастлива присутствовать на этих четвергах. Усевшись скромно с работой, она не вмешивалась в разговор и только слушала... Вообще из близких лиц у отца бывали: Пирогов, Здекауер, Евгений Гребенка с женой, князь Одоевский, художник Сапожников, Редкин, Грот. Знаком отец был более или менее со всем кругом писателей того времени, но не всех их жаловал. Бывали Греч, Краевский, Григорович, часто какие-нибудь проезжие или приезжие посетители. Показывали нам, как диковинку, Гоголя и велели запомнить, что мы его видели... С Пироговым отец был на ты, сойдясь с ним еще в Дерпте... Чтобы кончить перечень более или менее известных лиц, скажу, что Тургенев и Гончаров принадлежали также к списку знакомых отца. Тургенев даже вздумал поступить на службу к гр. Перовскому и, как отец его ни отговаривал, он настоял на своем. Походил несколько дней и — запропал. Едва могли его уговорить подать прошение об отставке, чтобы получить обратно свои бумаги. Гончарова отец больше любил, хоть называл его посто-

янно Обломовым. Затем назову еще Головина, служившего в Министерстве Внутренних дел в одно время с отцом и часто бывавшего у нас».

О.В. Демидова не раз упоминает о том, что В.И. Даль преклонялся перед А.С. Пушкиным и свято чтит его память. Она приводит следующий малоизвестный эпизод. «Отец был близок и с Пушкиным и с Жуковским, но одного уже в это время не было на свете, а другой находился за границею. От Пушкина отец унаследовал его перстень, который жена его сняла с руки умершего мужа и передала отцу, бывшему все время при кончине Пушкина. И у отца хранился также сюртук его, простреленный на дуэли. С ним было однажды странное происшествие. Отец вообще выезжал довольно редко, и уговорить его ехать в театр было очень трудно. И вот настал такой вечер, когда он обещал своим это удовольствие. И бабушка и мать уже стояли в передней одетые в ожидании отца, которого задержал внизу Перовский. Мать уже постукивала ему в условный угол, но отец не шел. Наконец он вбежал на лестницу и, прося дам двигаться вперед, сбросил свой вицмундир, сменив его на более подходящий наряд, и, догнав своих, уехал с ними в театр. Сидя в ложе он стал осматриваться; его сюртук был в каких-то пятнах и на боку была круглая дыра. Тогда он понял, какой это был сюртук и чем он был залит. Нагнувшись к матери, он ей тихонько сказал, что ошибкою надел сюртук Пушкина, выразив при этом свое недоумение, как могло это случиться. Оказалось, что в тот день перетряхивали и укладывали вещи от моли, и Пушкина сюртук попал не на свое место. Разговор о сюртуке Пушкина слышали и в соседней ложе

и, конечно, осматривали отца. Весть эта стала передаваться из ложи в ложу и на отца уже смотрели довольно бесцеремонно. В антракте к нему входило много знакомых и у каждого был все тот же вопрос. Получаемый от отца ответ посетители разносили дальше, и, бедный отец не знал, как спрятаться за своих барынь, чтобы уйти от направленных на него лорнеток и биноклей. Наконец, потеряв всякое терпение, он встал и уехал из театра. Этот рассказ я слышала от самого отца. Слышала и от брата, который хохотал над положением отца, — самого скромного человека на свете, затмившего своим присутствием весь театр».

В.И. Даль и Русское Географическое общество

Ранняя история создания одного из старейших научных обществ России — Русского Географического общества — с исчерпывающей полнотой освещена в опубликованном в 1896 г. сочинении А.А. Семенова (Тянь-Шаньского) [457], где содержатся сведения о роли В.И. Даля в организации и деятельности этого общества. Семенов пишет, что В.И. Даль, «высоко-талантливый исследователь русских наречий и народного быта», принадлежал к центральным фигурам группы деятелей русской науки, которые «с серьезной научной подготовкой соединяли несомненную талантливость и горячий патриотизм и могли служить достойными представителями тех свободных сил русского общества, содействие коих должно было принести обширную пользу географическим наукам при всестороннем изучении России» [там же, с.2 - 3]. Кроме него, сюда входили: А.И. Левшин — известный ученый, в

1821—1822 гг. работавший в Оренбурге и составивший «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких орд и степей» (1832), П.А. Чихачев — путешественник, сотоварищ Даля по Хивинскому походу, В.Ф. Одоевский — друг Даля, «один из просвещеннейших в то время литераторов русской науки» [там же, с.3]. По словам Семенова, Даль «своим личным влиянием» привлек в члены-учредители общества В.А. Перовского, который после ухода с поста оренбургского военного губернатора был включен в 1842 г. в состав Азиатского комитета, занимавшегося внешнеполитическими вопросами.

Эта группа явилась ядром научного общества, которое поставило цель «собрать и направить лучшие молодые силы России на всестороннее изучение родной земли». Идея его создания была высказана впервые воспитателями царских сыновей вице-адмиралом Ф.П. Литке и известным ученым-статистиком К.И. Арсеньевым. Председателем общества должен был стать великий князь Константин Николаевич, с детства возведенный в звание генерал-адмирала.

Идею эту поддержали также знаменитые мореходы И.Ф. Крузенштерн, Ф.П. Врангель, П.И. Рикорд, академики К.М. Бэр, В.Я. Струве, Г.П. Гельмерсен, П.И. Кеппен, А.Ф. Миддендорф и офицеры Генерального штаба Ф.Ф. Берг, М.П. Вронченко, М.Н. Муравьев.

А.А. Семенов пишет: «Когда в 1845 г. из четырех вышеупомянутых кружков окончательно образовался полный состав 17 членов-учредителей, то учредители эти собрались уже в министерстве внутренних дел, в квартире принимавшего самое горячее участие в учреждении общества В.И. Даля, условившись между собой

испросить Высочайшее соизволение на учреждение Общества через тогдашнего министра внутренних дел Л.А. Перовского, к которому Даль стоял близко, занимая должность чиновника особых поручений и личного его секретаря» [там же, с.4].

Временный устав Общества был Высочайше одобрен 6 августа 1845, а 19 сентября «в квартире В.И. Даля состоялось собрание учредителей Общества, в котором участвовали все наличные в то время в Петербурге члены-учредители» [там же, с.5]. На собрании были избраны помощник председателя Ф.П. Литке и действительные члены (51 человек), почетным членом избрали Л.А. Перовского. 7 октября состоялось заседание, на котором были организованы четыре отделения Общества и выбран Совет, куда вошел и В.И. Даль.

Общество, согласно принятому впоследствии уставу, состояло из четырех отделений. Отделение математической географии должно было заниматься вопросами геофизики, картографии и определения географического положения пунктов посредством астрономических наблюдений, отделение физической географии — вопросами геологии, гидрологии, климатологии, ботанической и зоологической географии, отделение статистики — вопросами применения цифрового метода к явлениям экономическим и социологическим. Отделение этнографии занималось как антропологией в тесном смысле, так и изучением наречий, нравов, обычаев разных народностей и в особенности изучением бытовых сторон жизни русского народа. На последнем настаивали представители «русского направления», в которое входили В.И. Даль, Н.И. Надеждин, И.И. Срезневский, П.С. Са-

вельев, В.В. Григорьев и др., гораздо больше интересовавшиеся «изучением русского народного быта, чем антропологической географией и исследованием обитающих в пределах Империи племен инородческих» [там же, ч. I, с. 38].

В.И. Даль работал в Отделении этнографии. Он приводил в порядок свое собрание пословиц и поговорок, а затем полностью углубился в составление «Словаря живого великорусского языка». В 1846 г. он разослал этнографический циркуляр в разные управления по России, получив в ответ огромное количество слов, которые употребляются в народе ежедневно и представляют для этнографии бесспорный интерес.

В отчете Русского Географического общества за 1849 г. было отмечено, что В.И. Даль «продолжает заниматься приведением в порядок и приготовлением к изданию собранных им богатых материалов для русского народного словаря». Кроме того, он составлял карту географического распределения разных наречий.

В.М. Лазаревский, который начал работать в Особенной канцелярии министерства внутренних дел в 1848 г., тоже «втянулся в это дело», так как, по его словам, «самый воздух в канцелярии был пресыщен русской филологией». Он писал: «В канцелярию собирались в 9 часов, расходились в три часа. Эти служебные часы Даль посвящал обычно своим филологическим занятиям, дома он больше стриг и низал словарный материал. В мое время он получал большие посылки местных слов, образчиков местного говора и т.п. по циркулярам разных управлений, преимущественно от директоров гимназий. Все это списывалось в канцелярии

в азбучном порядке, на лентах, ленты нанизывались на нитки, укладывались в картонки по губерниям, по говорам. Бывали полосы, что все писцы занимались этим исключительно, да еще перепискою сказок, пословиц, поверий и т.п., которые доставлялись Далю во множестве отовсюду» [328, с.549].

О словаре велись разговоры и дома у Даля. Лазаревский вспоминал, например, что был приглашен — «чтобы потолковать о словаре» — на воскресный вечер, где присутствовали И.И. Срезневский, Н.И. Надеждин, И.П. Сахаров, Д.В. Григорович, и где «с трудом пришли к некоторым общим согласованиям касательно плана работ по общему словарю» [там же, с.550].

Работы по зоологии и ботанике

Работой над словарем, однако, не ограничивались научные занятия В.И. Даля. Он посещал иногда заседания медицинского кружка, которым руководил его старый приятель Н.И. Пирогов, где он общался с врачами и узнавал о нуждах больниц [223, с.127 - 129], и поддерживал связь с Академией наук.

Его по-прежнему интересовала зоология. В 1844 г. в «Литературной газете» вышла серия его статей о животных под названием «Зверинец». К первой из них, опубликованной 15 января, сделано примечание: «Под этим общим заглавием предположено печатать ряд статей, которые составят нечто целое, хотя и неопределенного размера. Заготовлено также несколько сюда не относящихся статей, как например, «Побудка, или инстинкт животных», «Черепословие, или френология», «О сло-

весной речи человеческой» и пр., т.е. статьи, относящиеся до физиологии и психологии животных».

Первая статья «Медведь» появилась в №№ 3 - 4 «Литературной газеты», а дополнение к ней — в № 18. Затем последовали «Волк» (№ 9), «Лиса» (№ 16), «Верблюд» (№ 23), «О домашних животных» (№ 50), а также «Черепословие и физиогномика» (№№ 27). Некоторые статьи этой серии, в том числе «Побудка или инстинкт животных», «Обычаи, нравы и быт животных» остались в рукописи. П.И. Мельников-Печерский назвал эти рассказы о жизни и нравах животных «в высшей степени замечательными», «поистине мастерскими», сожалел, что они оказались «совершенно забытыми, затерявшимися в старых газетах» [384, с. XLIII].

Статьи серии «Зверинец» прекрасно иллюстрированы и представляют собой научно-популярные очерки, написанные в основном на материале собственных наблюдений В.И. Даля. Особый интерес представляла статья о верблюде, животном, в то время науке неизвестном, но хорошо знакомом ему по собственному опыту, полученному в Оренбурге.

Биологией В.И. Даля пришлось заняться серьезно, когда он был, как сказано в его формулярном списке, «приказом главного начальника военно-учебных заведений 27 марта 1847 г. назначен редактором и составителем руководства естественной истории для военно-учебных заведений». Управление военно-учебными заведениями (губернскими, дворянскими, кадетскими корпусами, кроме Морского корпуса) — с 1833 г. было предоставлено великому князю Михаилу Павловичу. Обучение в них разделялось на три курса: пригото-

тельный, общий и специальный. В подготовительном имелось в виду «постепенное развитие умственных способностей, изучение отечественного языка, естественной истории, элементарного исчисления и практическое изучение иностранных языков». Второй курс «обнимал все предметы общего образования — закон Божий, арифметику, алгебру, геометрию, зоологию, ботанику, минералогию, физику, географию, всеобщую историю, практическое изучение языков и пр.». Наконец, высший курс включал науки, необходимые для военного звания и «предметы, которых требуют высшие общественные должности: тактика, артиллерия, фортификация, химия, статистика европейская и отечественная, новейшая история и пр.».

Зоология и ботаника занимали в этой программе значительное место. Учебники по этим предметам, написанные В.И. Далем, являются известным итогом его деятельности как натуралиста в оренбургский период жизни.

В 1847 г. была опубликована «Зоология» [120], которую В.И. Даль написал в соавторстве с известным педагогом и натуралистом А.Ф. Постельсом, участником кругосветного путешествия под руководством Ф.П. Литке, действительным членом Русского Географического общества. Иллюстрации к учебнику, составившие атлас в 52 листа, принадлежали художнику А.П. Сапожникову, другу В.И. Даля. При изображении животных учитывались указания академика К.М. Бэра. Вторым изданием учебник вышел в 1852 г. В 1849 г. вышла из печати «Ботаника» В.И. Даля [128], переизданная в 1851 г.

УЧЕБНЫЯ РУКОВОДСТВА
ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ

БОТАНИКА

В. Даля

Составлено на основаніи лекцій для образованія воспитанниковъ Военно-учебныхъ заведеній: Высочайше утвержденнаго 24 Декабря 1846 года.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1849.

УЧЕБНЫЯ РУКОВОДСТВА
ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ

ЗООЛОГІЯ

СЪ АТЛАСОМЪ ИЗЪ 30 ТАБЛИЦЪ

ИЗДАВАНІЕ

А. Пешковъ, В. Даля и А. Сивилевъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ СКАРГАНА ПРАВА.
1847.

Титульные листы «Ботаники» и «Зоологии» В.И. Даля

Для современников эти книги, по свидетельству П.И. Мельникова-Печерского, «были труды серьезные». Он писал: «По вызову главного начальства над военно-учебными заведениями он написал превосходные учебники *ботаники* и *зоологии*. Они высоко ценились и естествоиспытателями и педагогами; но когда в наших гимназиях ввели преподавание естественной истории, учебники Даля почему-то обошли, предпочитая жалкие руководства, которыми неумелые педагоги набивают мальчикам головы».

Учебник зоологии начинается с общего введения в естественную историю. При определении этой дисциплины отмечается, что она, в отличие от физики и химии, «рассматривает не общие силы природы, заключающиеся в телах, и не составные части их и начала,

а наружный вид их, строение или устройство и самое образование и происхождение». В соответствии с разделением природы на три царства — животное, растительное и минеральное, естественная история подразделяется на зоологию, ботанику и минералогию. Основному курсу зоологии предшествует разъяснение системы Кювье и принципов классификации животных согласно этой системе и раздел об анатомии и физиологии человека и далее — основной курс зоологии. Заключение («Географическое распространение животных») представляет собой извлечение из статьи академика Бэра, опубликованной в 1838 г. на немецком языке.

Свое мнение о «Зоологии» К.М. Бэр высказал в письме В.И. Даля [234, с.38 - 41]. Он пишет: «Весь вид Вашей книги в целом так прекрасен, что очень хотелось бы устранить маленькие погрешности, если бы знать заранее, где они появятся... Как раз при таком подлинно педагогическом и антипедантском изложении небольшие неисправности выступают как колючки. Если некоторые из них вытащить, это совсем не повредит». К числу таких «колючек» Бэр относит ошибочное утверждение, что крот, насекомоядное животное, питается и кореньями, и высказывается по этому поводу достаточно язвительно. Он исправляет также ошибку, допущенную в отношении орангутанга и птицы колибри.

Во втором издании учебника имя Даля на титульном листе отсутствует (хотя в посвящении оно сохранено и в тексте книги различий практически нет). Но это не ставит под сомнение его авторство, так как в формулярном списке Даля значится: «За участие в составлении

зоологии для руководства в военно-учебных заведениях объявлена Высочайшая благодарность 1850 г. мая 25» [178,451].

Краткая, но благожелательная рецензия на «Ботанику» появилась в 1849 г. в журнале «Современник» (т. 16. № 7 - 8. Отд. III). В ней, в частности, отмечено: «*Ботаника* ко всем достоинствам руководств, издаваемых для военно-учебных заведений, присоединяет еще одно - живой, чисто русский язык г. Даля».

Чтобы составить представление о «Ботанике» и ее методических достоинствах, приведем предисловие к книге. В.И. Даль пишет: «Если вообще весьма трудно составить учебник, по которому должны преподавать другие, то еще труднее угодить при этом на взгляд ученых, которые большей частью смотрят на предмет свой со всею строгостью науки. Но этой-то строгой науки в предлагаемой книжке не должно искать; не мудрено, конечно, было бы выяснить из любого ботанического сочинения все мелочные (для неученого) признаки подклассов, семейств, разрядов, родов и видов — но это бы вовсе не отвечало духу и цели, с коими преподаются естественные науки в военно-учебных заведениях, где, между прочим, ботаника входит в курс учения низших классов. Военно-учебные заведения не образуют ботаников и преподавание науки этой поставлено не *целью*, а только *средством* для более общего умственного и нравственного развития. Посему учебник этот должен только дать первоначальные понятия и положить, в известной степени, главные основания науки, поселить к ней любовь и уважение, дать верный и правильный взгляд не столько на частности, как на общность ее, с

тем, чтобы желающий и способный мог со временем идти далее, трудом самостоятельным по более подробным руководствам.

Приняв сказанное за правило, составитель руководства обязан был составить не ботанику, в ученом смысле этого слова, — а книгу условного объема, которая могла бы дать молодому ученику понятие о строении и жизни растений; о необходимости их распределения и средствах к тому; о единстве, которое природа сохранила по всему растительному царству, несмотря на бесконечное разнообразие видов; о подчинении этого разнообразия еще другим, частным законам, по коим вся растительность может быть собрана в родственные кружки, называемые семействами; и наконец ознакомить с некоторыми, более важными для человека растениями» [128, с. I-II].

Изложение ботаники начинается с описания трех царств природы, а затем дается общее определение науки о природе: «Наука об ископаемых называется *минералогией*, наука о растениях — *ботаникой*, а наука о животных — *зоологией*; все же три вместе известны под общим названием *естественной истории*. Еще более общее понятие заключается в названии *естественные науки* (естествознание); сюда принадлежат все науки о природе, т.е. физика, химия и естественная история в полном объеме своем» [там же, с. 1 - 2].

Заключительный раздел («Общий взгляд на распространение растений по земному шару») посвящен «ботанической географии».

Отъезд из Петербурга

В 1848 г. В.И. Даль добился назначения на место управляющего удельной конторой в Нижнем Новгороде и покинул столицу. О причинах, заставивших его в очередной раз круто изменить свою жизнь, биографы пишут по-разному, но сходятся на том, что таких причин было несколько, в том числе желание поправить здоровье, сильно пошатнувшееся в Петербурге.

Сыграли свою роль и неприятности, связанные с цензурой. В октябре 1848 г. председатель комитета для высшего надзора за печатаемыми в России произведениями Д.П. Бутурлин обвинил цензора Лешкова в недосмотре и пропуске в печать рассказа Даля «Ворожейка», в котором была усмотрена крамола — «намек на обычное будто бы бездействие начальства». Как показывают архивные документы, обнародованные Ю.П. Фесенко [485, с. 160 - 161], последовала официальная переписка Бутурлина с Л.А. Перовским, который заверил его, что «в последнее время Даль по служебным занятиям своим литературных статей не писал и впредь от печатания отказывается». Комитет сделал В.И. Далю замечание и Николай I счел это «справедливым»: как значится в его резолюции на записке Бутурлина, «ежели подобное не дозволяется никому, то лицу должностному и в таком месте службы еще менее простительно» [там же].

После этого Даль, как свидетельствует А.В. Никитенко, слышал от Перовского слова: «Писать — так не служить, служить — так не писать». Кроме того, министр, который в это время тоже переживал трудности, обратил внимание на слухи о «четвергах» Даля и записках, которые он вел много лет. По словам

П.И. Мельникова-Печерского, в результате эта «самая полная и притом совершенно правдивая летопись за целые пятнадцать лет (1833 - 1848)» была сожжена. Он ссылался на слова, сказанные ему Далем: «В то тяжелое время поступить иначе мне было нельзя, я должен был беречь не себя, а министра; у него было много врагов, стремившихся устранить его от государственной деятельности. Попадись тогда мои записки в недобрые руки, их непременно сделали бы пунктом обвинения Льва Алексеевича» [384, с.LIII]. Сожалея о сгоревших записках, можно заметить, что, пожалуй, Мельников-Печерский не совсем прав: если судить по списку работ Даля, перечисленные им рукописи 1833—1841 гг. ранее были им опубликованы.

Далевские «четверги», между тем, прекратились, а сам он стал настойчиво просить Перовского о переводе в провинцию по удельному ведомству. «Неотступные просьбы Даля, — пишет П.И. Мельников-Печерский, — и ходатайство В.А. Перовского склонили наконец министра на самую тяжелую, как выразился он, жертву: в 1849 г. Владимир Иванович получил место удельного управляющего в Нижнем Новгороде» [там же, с.LIII].

О.В. Демидова о причинах переезда В.И. Даля в Нижний Новгород пишет по-другому: «Мне было 5 лет, когда умерла бабушка Юлия Христофоровна. По-видимому, старушка-мать привязала нашего отца к Петербургу, потому что, едва похоронив ее, отец стал проситься у Перовского отпустить его из Петербурга. Лев Алексеевич делал отцу различные предложения и облегчения, не желая с ним расставаться, но отец говорил, что работы не боится, а Петербург нездоров ни ему, ни

его семье, и он просил его дать, если министр найдет его достойным, место управляющего удельной Конторой в одной из средних губерний. Расстаться с Перовским отцу было трудно; он любил его и хотел у него служить. «У этого человека — можно работать», — говаривал он. Еще поступая к нему, он просил лишь одного: чтобы не было ночной работы и обед был в известный час. «Не работа страшна, а бестолочь и сутолока», — говорил отец. Перовский согласился на такое условие и сдержал слово. Отца тревожили из-за обеда редко, лишь когда дело не терпело отлагательства».

Нижний Новгород

Десять лет, проведенные В.И. Далем в Нижнем Новгороде, были заполнены служебными делами, литературным трудом и работой над «Толковым словарем», значительная часть которого (буквы А - П) в это время была подготовлена к печати.

Служба в удельной конторе, оказавшаяся не столь спокойной, как Даль ожидал, стоила ему многих сил и принесла большие неприятности. Он считал своей основной обязанностью защиту интересов крестьян и ему пришлось вести постоянную войну против мздоимства местных чиновников и полицейского произвола. Все перипетии этой изнурительной войны проследил, изучив архивные документы, А.В. Седов в вышедшей в 1993 г. книге «Нижегородский подвиг В.И. Даля» [456]. При ревизии удельного имения губернии Даль выявил злоупотребления служащих конторы, наказал виновных и в дальнейшем для борьбы с произволом чиновников

стремился укрепить и расширить крестьянское самоуправление. Он старался навести порядок в управлении и содействовал справедливому решению возникавших конфликтов. Особенно трудной оказалась борьба с самоуправством полиции, которая чувствовала себя в удельной деревне совершенно безнаказанной.

В.И. Даль

Сопrotивление встречал Даль при попытке упорядочить и сократить налоги и разного рода повинности, пресечь взятки и т.д. Много сложностей, в которых он должен был разбираться, возникало из-за противоречий при пользовании лесами между удельными крестьянами, с одной стороны, и живущими по

соседству помещичьими и государственными крестьянами — с другой. Приходилось ему защищать крестьян и от чрезмерных требований Департамента уделов, от их принудительного переселения, от несправедливостей, связанных с общественной запашкой и т.д.

Даль содействовал развитию крестьянских промыслов, заботился о просвещении крестьян, уделял внимание ремесленным училищам и организовал обучение грамоте крестьянских девочек. Озабоченный состоянием здравоохранения в деревне, он добился открытия в Нижнем Новгороде бесплатной больницы для удельных крестьян.

Даль опять занялся врачебной практикой и, разъезжая по деревням, лечил крестьян. «Бывало, приедет в удельный приказ, — вспоминал П.И. Мельников-Печерский, — крестьяне уже в сборе, дожидаются управляющего, а среди них больные, старики, женщины, дети. Прежде чем толковать о делах, Владимир Иванович обойдет больных, кому сделает операцию (особенно много делал он глазных операций), кому даст врачебный совет, кому велит тут же при себе проглотить гомеопатические крупинки» [384, с.LV]. Он по-прежнему был приверженцем гомеопатии и лечил с ее помощью людей и скотину.

Постоянное общение с народом радовало В.И. Даля и приносило ему моральное удовлетворение. П.И. Мельников-Печерский писал: «Мне нередко доводилось бывать в разных селениях, при разговорах его с крестьянами об их быте, хозяйстве и т.п. Было чему и было у кого поучиться, как надо говорить с русским простолюдином! И как любил народ ласкового, всегда справедливого, а в случае надобности и строгого управляющего! Его слова были для крестьян законом не ради страха, но ради любви и доверия» [там же, с.LIV].

Беседуя с крестьянами, слушая живую речь во время поездок по деревням, при посещении ежегодных нижегородских ярмарок, В.И. Даль открывал новые источники для пополнения своего собрания слов, пословиц, поговорок, для изучения различных говоров. Материалы для «Толкового словаря» быстро росли и работа над ним продвигалась.

Кроме того, он составил в это время словарь «условного языка» офеней (коробейников), за что ему 2 сен-

тября 1855 г. была объявлена «искренняя признательность» министерства уделов. Он сотрудничал с Академией наук в составлении «Общего русского словаря» и академического «Словаря русского языка». Для этого издания Даль был готов, как он писал, «отдаться совсем и с запасами и с посильными трудами своими, в полное распоряжение Академии, не требуя и даже не желая ничего, кроме необходимого содержания», но ему было предложено лишь купить у него материалы, что для него было неприемлемо.

В 1853 г. В.И. Даль завершил работу над «Сборником пословиц русского народа», однако его публикация состоялась спустя почти десятилетие [148] из-за недоброжелательной рецензии от Академии наук. В 1852 г. была опубликована его статья «О наречиях русского языка» [130].

В это же время печатались литературные произведения — «Матросские досуги» [131] и много небольших очерков, которые все вместе получили название «Картины русского быта».

Жизнь семьи В.И. Даля складывалась в Нижнем Новгороде вполне благополучно. Сын Лев-Арслан в это время учился в Петербурге в Академии художеств. Во время Крымской войны он вступил в ополчение и находился в действующей армии, затем закончил Академию и в 1860 г. был отправлен для усовершенствования за границу. Впоследствии Л.В.Даль (1834—1878) стал известным зодчим — академиком архитектуры, художником, археологом, исследователем памятников мировой культуры. Он составил проекты многих гражданских зданий и храмов в Нижнем Новгороде, принимал учас-

тие в строительстве храма Христа Спасителя в Москве [411, 488].

Осложнения в жизни В.И. Даля были вызваны его конфликтом с назначенным в 1856 г. на пост нижегородского военного губернатора бывшим декабристом А.Н. Муравьевым и его братом М.Н. Муравьевым, который после смерти Л.А. Перовского стал председателем Департамента уделов, т.е. прямым начальником В.И. Даля. Этот конфликт, о котором рассказывают его письма к В.М. Лазаревскому [328], вынудил его подать в 1858 г. в отставку и покинуть Нижний Новгород. Перед отъездом в Москву В.И. Даль с семьей приезжал на лето в Оренбург. Об этой поездке рассказала в своих воспоминаниях его дочь О.В. Демидова (см. ниже).

Москва

В конце 1859 г. В.И. Даль с семьей приехал в Москву, где решил поселиться окончательно. Он обосновался в купленном им доме на Пресне и посвятил себя работе над «Толковым словарем живого великорусского языка».

Вскоре Общество любителей российской словесности при Московском университете, избравшее Даля своим членом, пригласило его выступить с отчетом о состоянии, в каком находится его труд. После его выступлений 25 февраля и 5 марта 1860 г. [142] было принято решение о необходимости найти средства для издания словаря, хотя он еще не был завершен. Энтузиастами этого дела выступали А.С. Хомяков, М.П. Погодин и А.И. Кошелев, который предоставил средства для начала издания.

«Толковый словарь» начал выходить выпусками, из которых первый появился уже в 1861 г. Тогда же Русское Географическое общество выдвинуло этот замечательный труд В.И. Даля на соискание Константиновской золотой медали.

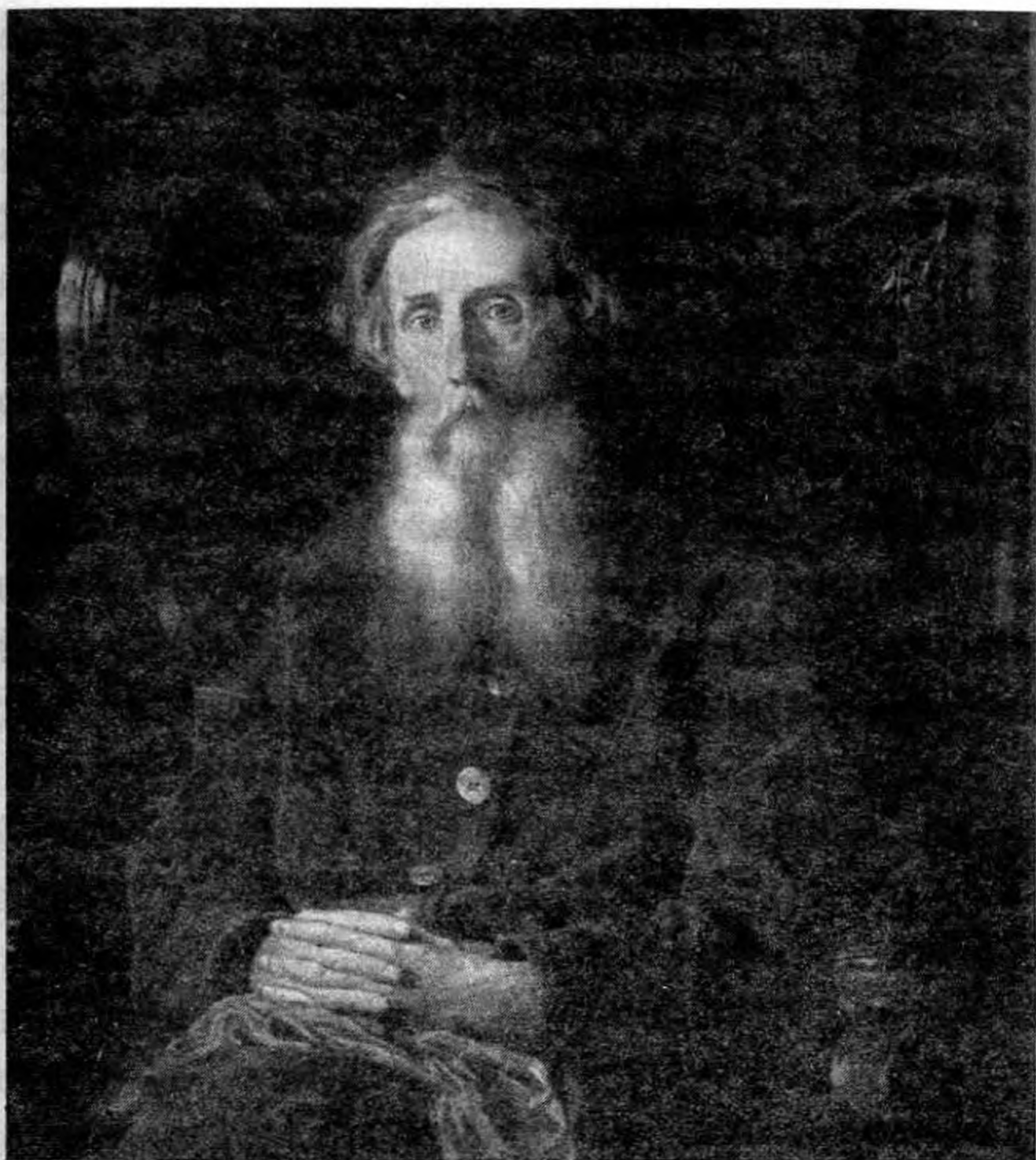
Рецензенты от Отделения этнографии И.И. Срезневский, П.И. Савваитов и А.Н. Пыпин представили отзывы, которые послужили основанием для присуждения ему награды, хотя в отзыве Пыпина были замечания, по поводу которых позднее В.И. Даль выступил с резкой отповедью [150].

Совет Русского Географического общества, решив увенчать его Константиновской медалью, отметил, что «труды В.И. Даля в кругу отечественной лингвистики и этнографии» так важны и многочисленны, что прямо подходят под соответствующий параграф Положения о Константиновской медали; «Толковый словарь его, ныне представленный Отделением этнографии на конкурс, хотя и не закончен изданием, но не может быть рассматриваем как единственное право В.И. Даля на медаль, а скорее лишь приводит к единству все прежние исследования автора» [399].

В 1864 г. Александр II принял все издержки по изданию словаря на свой счет и в 1867 г. он вышел из печати в четырех томах. В.И. Даль увидел, таким образом, труд всей своей жизни завершенным.

В 1863 г. Академия наук избрала В.И. Даля своим почетным членом и присудила ему Ломоносовскую медаль — «награду, учрежденную в память Ломоносова за труды, пролагающие новые пути в области науки» [256, с.43]. Создание «Толкового словаря» было оценено Ака-

В. И. Даль. Худ. В.Г. Перов

демией как «подвиг, достойный занять одно из почетнейших мест в летописях отечественной науки» [407, с.24].

В.И. Даль скончался в Москве 22 сентября 1873 г. В печати появилось множество статей, посвященных памяти выдающегося писателя и ученого. Академик А.В. Никитенко в речи на собрании Академии наук сказал: «Бывают люди, одаренные столь счастливыми умственными способностями, что они успевают сродниться со всяким родом деятельности, с которыми

судьба или обстоятельства ставят их в соприкосновение. Для них, по-видимому, не существует того, что на житейском языке называется *быть озадаченным* в случаях новых и неожиданных, требующих от всякого другого продолжительных приготовлений. Свободно, без всяких усилий они умеют всегда удачно разрешить сомнения дела, как бы оно ни было противоположно предыдущим или обычным их занятиям... К личностям, отличающимся этим характером умственных сил, принадлежал почетный член нашей Академии Владимир Иванович Даль, один из одареннейших и полезнейших деятелей русских в области знания» [там же, с.18].

ПРИЛОЖЕНИЯ

«К ФАТАМ НЕ ЛЕЖИТ У МЕНЯ СЕРДЦЕ...»

К 200-летию юбилею А.С.Пушкина Оренбургское книжное издательство выпустило книгу «Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский». Коллектив авторов задумал эту книгу как сборник документов, писем, воспоминаний. Мы хотели, чтобы с ее страниц зазвучали голоса замечательных людей пушкинской эпохи. Кроме публикаций, уже встречавшихся в дореволюционных изданиях, мы представили в книге немало официальных документов и личных писем, найденных в архивах и рукописных отделах библиотек.

К документам, опубликованным здесь впервые, относится, в частности, письмо В.А. Перовского к В.А. Жуковскому, замечательному русскому поэту и близкому другу военного губернатора. Это письмо было обнаружено профессором Оренбургского педагогического университета А.Г. Прокофьевой в рукописном отделе Российской Национальной библиотеки.

Письмо датировано 21 февраля 1838 г. Напомню, что летом 1837 г. Оренбург посетил девятнадцатилетний тогда наследник Российского престола, будущий император Александр II. Среди лиц, сопровождавших цесаревича в поездке по России, был и В.А. Жуковский, с 1824 г. являвшийся воспитателем наследника.

Поездка дала Василию Андреевичу возможность встретиться со многими друзьями, в частности, во время недолгого пребывания в Оренбурге поэт провел немало времени и с Перовским, и с В.И. Далем, с которым его также связывали близкие приятельские отно-

шения. Как свидетельствует дневник Жуковского, один из вечеров он провел «у Далевой жены» Юлии Егоровны и встретился там с Екатериной Львовной Соколовой, будущей второй женой Даля, тогда только что выпущенной из Патриотического института.

Вернувшись в Петербург, Жуковский писал Перовскому и Далю, и в своих письмах хлопотал о близком ему человеке, служившем в штате у Перовского. Это, по-видимому, был молодой офицер, не чуждый литературе, которому труд в канцелярии Оренбургского военного губернатора был явно в тягость. Он, несомненно, стремился попасть в столичное светское общество. Вероятно, увидевшись с Жуковским, он просил содействия в перемене места службы.

В письме Перовского насмешливые высказывания об отсутствии у молодого человека деловых качеств со свойственным Василию Алексеевичу изяществом сглажены последними двумя искренне теплыми фразами.

«В письме от 2-го февраля писал ты, что прилагаешь просьбу об А..., но между тем к письму ничего не приложено; полагая, что речь идет об отпуске, я не ожидал никакой просьбы, а прямо вследствие твоего желания уволил его. — Хропачеву я уже отвечал, что с моей стороны нет никаких препятствий к назначению А... к нему в адъютанты. — Между нами будь сказано, я не полагаю, чтоб из твоего питомца вышло что-нибудь путное по службе; перепрашивается он из Оренбурга и совсем не по причине нездоровья, а от скуки, а скучно ему потому, что он не хочет заниматься. Не знаю, каковы он пишет стихи, я читал только его прозу, которая

никуда не годится; он, кажется, более занят своею наружностью, нежели чем другим, а как здесь некому на него любоваться, то и довольно понятно, что ему хочется *briller sur un plus grand théâtre* [1].

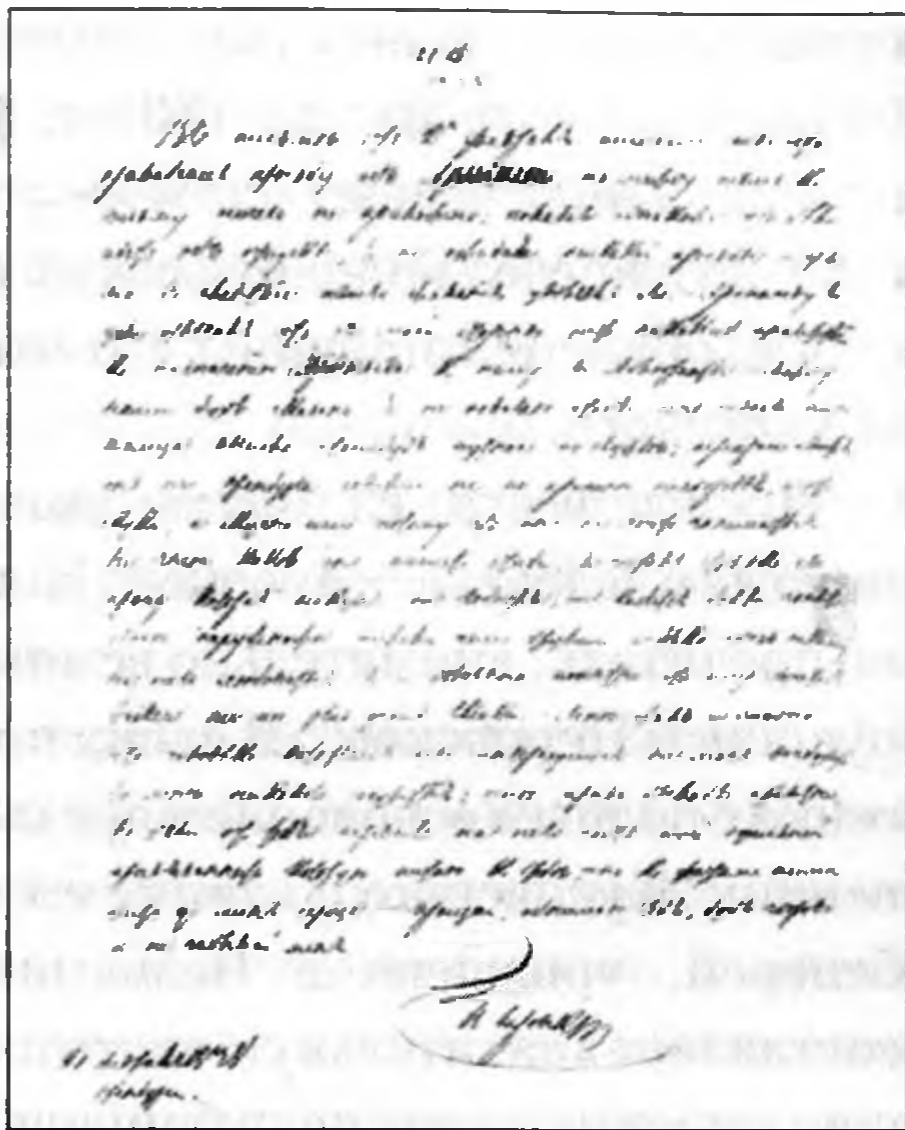
Мне жаль и досадно, что человек, которым ты интересуешься, не

мог возбудить во мне никакого сочувствия; мне, право, было бы приятно, вдали от тебя, перенести на него часть той душевной привязанности, которую питаю к тебе, но к фатам не лежит у меня сердце. — Прощай, обнимаю тебя, будь здоров и не забывай меня.

В. Перовский

21 февраля. Оренбург».

Фамилию, начинающуюся буквой «А», нам в рукописи разобрать сначала не удалось: она там тщательно вымарана. Однако оказывается, что разгадать эту загадку можно, если обратиться к материалам о В.И. Дале, недавно опубликованным в Луганске. Речь идет о трудах пятых Международных далевских чтений, в которых известный исследователь творчества Даля Ю.П. Фе-

Письмо В.А. Перовского к В. А. Жуковскому

сенко впервые полностью обнародовал письмо Даля к Жуковскому от 30 мая 1838 г. [480]. Оказывается в этом письме речь идет о том же эпизоде. Даль пытается смягчить впечатление от резких высказываний Перовского, объясняя причины его отношения к «питомцу» Жуковского.

Прежде всего, из письма выясняется, что фамилия молодого человека — Арбенев. И действительно, ее можно прочесть, внимательно всмотревшись в фотокопию рукописи Перовского. В своих примечаниях Ю.П. Фесенко с полным основанием предполагает, что это родственник Жуковского по линии его племянницы А.Н. Арбеновой, урожденной Вельяминовой. Тема Арбенева составляет значительную часть письма Даля, но именно она никогда ранее не публиковалась. Обычно цитировалось начало письма, где обсуждается важная для обоих писателей проблема. Жуковский при встрече в Оренбурге попросил, чтобы Даль дал ему какой-либо «местный» сюжет, который можно было бы положить в основу поэмы или баллады. Даль обещал. Он долго думал над этой просьбой и наконец сел за письмо, убедившись, что выполнить ее не может. Поэт, не знающий жизни народов края, по его убеждению, не сумел бы написать по-настоящему правдивого литературного произведения.

Приведем письмо В.И. Даля к В.А. Жуковскому полностью.

Оренбург, 30-го мая 1838.

Если бы Вы, Василий Андреевич, знали, с каким глубоким и священным чувством я пишу это первое к Вам письмо, то Вы, конечно, не осудили бы меня за пробел, которым начинаю письмо это,

вместо обычного, общепринятого: «Милостивого Государя». Позвольте мне открыть душу перед Вами: условное и холодное начало это пугало и студило меня; между тем, однако же, не ставало у меня смелости и духу писать так, как просила душа, мне казалось это не прилично — и вот, частью по крайней мере, почему я остался виноват перед Вами, не писал вовсе, день уходил за днем и ушло дней уже много.

Я обещал Вам основу для местных, здешних, дум или баллад; уток был бы Ваш, а с ним и вся отделка. Я не забывал этого обещания, может быть, ни одного дня со времени Вашего отбытия, а между тем — обманул. Но дело вот в чем, рассудите меня с собою сами: надобно дать рассказу цвет местности, надобно знать быт и жизнь народа, мелочные его отношения и обстоятельства, чтобы положить резкие тени и блески света; иначе труды Ваши наполовину пропадут; поэму можно назвать башкирскою, кайсацкою, уральскою — но она, конечно, не будет ни то, ни другое, ни третье. А каким образом могу я передать все это на письме? Я начинал несколько раз, у меня выходила предлинная повесть, а, между тем далеко не все было высказано, что могло быть нужным и пригодным: Вам нельзя пригонять картины своей по моей рамке, а мне без рамки нельзя писать и своей! На словах это может сделаться, Вы бы расспрашивали о том, что Вам показалось бы нужным, а без этого одна черта, одно слово могут испортить все творение. Этого греха я на душу не возьму! Может быть, я ошибаюсь, может

быть, меня одолевает мономания народности, но, ей-ей, я не в состоянии сделать дело наполовину, я бы упрекал себя во всем, что могло бы показаться недостаточным или неверным; Вашими стихами надобно обрабатывать только вещи по содержанию ценные и верные.

Зная, сколько Вы любите Арбенева, и помня хорошо все, что Вы мне наказывали, я, кажется, обязан сказать по делу его несколько слов: жаль было бы, если бы какое-нибудь недоразумение заткало его паутинною своею и чьи-нибудь отношения от этого изменились. Мне кажется, что здесь просто никто не виноват; должность старшего адъютанта — одна из скучнейших должностей на белом свете, если Бог кому не дал особенного к ней призвания. Надобно сидеть, день за день, и писать начерно однообразные донесения и предписания, на листе законного формата, форменным складом и слогом — надобно поверять и прикидывать на счетах, по целым дням, прескучные и пресухие счета, надобно прочитывать глазом корректора, и с ангельским терпением его, чистописание бессмысленных наборщиков, наших писарей, которые десять раз в один день готовы написать на себя приговор: «высечь плетьюми» и не будут даже подозревать, что дело это касается их довольно близко; номер, число, каждая строчка, каждое слово, ширина полей, расстановка строчек — все это дела капитальные и всякое противу них преступление — уголовное; тут нищи для ума и сердца ни на копейку, а балы и поэзию надобно выкинуть из ума и сердца и закабалить

себя на сухоедение. Не мудрено, что все это не могло воспламенить воображение Вашего поэта; оставалось или делать дело как-нибудь, предоставить писарям писать и отдать им книги в руки, или признаться, что это не наша рука и искать чего-нибудь свойского. Вот все дело; если к этому еще сказать, что на беду в дежурстве и других хороших работников не было, что бедный Василий Алексеевич, с тех пор, что он в Оренбурге, не один десяток ночей просидел до белого света и делал сам [2] то, чем в хорошо устроенном дежурстве едва ли займется дежурный штаб-офицер, о начальнике штаба и говорить нечего, то Вы, конечно, не попеняете на него; благороднейший из благородных, он готов на вечное самоотвержение в пользу ближнего и подчиненного, это я видел сто раз, но ничего так не боится, как пристрастия к роденьке и приятелям — и у нас, где обстоятельство это — настоящий рок Царской службы, ей-Богу нельзя довольно избегать его, и позволено пугаться его ребячески, как лешего в лесу. Не прогневайтесь, Василий Андреевич, я сказал что думаю.

Часто, часто вспоминаем мы благодатное посещение Наследника, часто вспоминаем Вас. И Вы и Пушкин были в Оренбурге: в этой конечной точке оседлого быта России, где свет заколочен границами и откуда нет дороги никуда, кроме в Хиву или Бухару, или назад в Россию. Бедная жена моя, которая просит пожелать Вам много добра и радости, лежит уже два с лишком месяца; страшно подумать, чем это может кончиться, а между

тем — нечего больше делать, как выжидать смиренно и богобоязненно конца. Все медики Оренбурга собираются у меня, бедующего, почти каждый день и каждый день вспоминаю я незабвенное двоестишие Шиллера:

Einzeln sind sie euch alle leidlich geschickt und vernünftig-Sind sie beisammen - gleich wird euch ein Dummkopf daraus![3].

Толкуют, толкуют, и более ничего.

С душевным уважением и глубочайшим почтением, остаюсь по смерти верным и преданным Вам.

В. Даль.

Даль заканчивает это письмо печальными сведениями о своей жене, которая была уже тяжело больна. Она умерла в июне, так что письмо было написано совсем незадолго до ее смерти.

Эти два письма, касающиеся одного и того же эпизода, характеризуют как совместную работу Перовского и Даля в Оренбурге, так и отношения их обоих с замечательным русским поэтом В.А. Жуковским.

СОТРУДНИК, ДОКТОР, ТОВАРИЩ

Владимир Иванович Даль с 1833 г. по 1841 г. состоял в должности чиновника особых поручений при оренбургском военном губернаторе В.А. Перовском. Какие же отношения связывали этих двух замечательных людей, которые провели восемь лет в самом тесном сотрудничестве и немало пережили вместе?

Кто-то из биографов Даля предположил, что Перовский, приглашая его в Оренбург, хотел, кроме всего прочего, иметь при себе квалифицированного врача. Трудно сказать, на чем основано это предположение. Да, Перовский во время Турецкой войны 1828 г. в сентябре, при взятии Варны, был тяжело ранен и, как видно из его писем Жуковскому, догадывался, что эта рана будет мучить его всю жизнь. Но, как мы знаем из его же более поздних писем и из воспоминаний современников, в 1833 г., когда Перовский получил назначение в Оренбург, он еще не обращал особого внимания на последствия ранения. Кроме того, если бы здоровье уже беспокоило его, он мог бы взять с собой врача, не заставляя того совмещать профессиональные обязанности с какими-либо другими, что и сделал, когда приехал в Оренбург второй раз, в 1851 г. в должности генерал-губернатора, уже действительно очень больным. А в 1833 г., когда Перовского познакомили с Далем, их, конечно, могло сразу расположить друг к другу то обстоятельство, что оба участвовали в Турецкой войне. Именно из-за начала этой войны дерптский студент Владимир Даль должен был досрочно сдать экзамен и отправиться на фронт в качестве военного хирурга.

О том, как уже в Оренбурге складывались его отношения с губернатором, Даль, несомненно, рассказывал впоследствии детям, и можно верить его дочери Екатерине, которая пишет в своих воспоминаниях: «Отец говаривал, что трудно ему было постоянно относиться к Василию Алексеевичу, как должен относиться подчиненный к своему начальнику; что В.А. был, по выражению отца, «капризным ребенком», то выражая желание

брататься с ним, то вдруг вытянется перед ним и примет начальнический вид» [264, с. 141].

Чтобы дружить с Перовским, нужно было терпеливо сносить периоды его дурного настроения. В «хорошие периоды» это был внимательный, добрый и благодарный друг, как мы знаем из его переписки.

А каким человеком был его чиновник для особых поручений? Об этом мы можем судить не только по дошедшим до нас свидетельствам современников, но и по литературным произведениям писателя В.И. Даля.

В мемуарах его дочери есть фраза о том, что отец «списал с себя» мичмана Поцелуева, а лет через десять — Павла Васильевича Игривого — героев одноименных повестей. Первая из них давно признана литературоведами автобиографической. Во второй, впервые напечатанной в «Отечественных записках» в 1847 г., описан человек, посвятивший жизнь любимой женщине. Любаша Гонобобель (Даль почему-то любил давать своим героям довольно забавные имена), несомненно, вышла бы замуж за Игривого, который нравился и ей, и родителям, но ее брат Карпуша, разгульный, никчемный человек, привез в поместье своего друга, такого же беспутного. Молодые офицеры мигом очаровали всю округу, и вскоре девушку «выдали за проезжего молодца», как говорит ее склонный к грубоватым шуткам отец. Скоро начинаются несчастья, поскольку два друга выходят в отставку и начинают разорять и пропивать имение. Игривый, ездивший в Москву, чтобы закончить образование, вернувшись, становится добрым гением Любаши, ее матери, ее двух детей, а также и их крестьян. Он постепенно покупает землю у пьяниц,

готовых продать ее кому попало, и тем самым спасает имение от полного разорения, а крестьян — от нищеты. Все доходы идут на помощь Любоньке, которую Игривый отправляет на лечение за границу, и на воспитание ее детей, которых Павел Алексеевич увозит к себе.

Но вот приходит избавление: муж Любви Ивановны погиб, упав пьяным с лошади. Но герой повести напрасно надеялся на счастье: выясняется, что за границей Любаша вышла замуж. Пережив этот удар, Игривый сумел понять ее и простить. Они было договорились, что через некоторое время Люба заберет к себе дочь, оставив сына в России, но и этого не случилось. Через год Павлу Алексеевичу сообщили, что Любаша умерла, и он так и остался «отцом чужого семейства». Через несколько лет он дал приемному сыну образование, дочь выдал замуж и стал жить в своей деревне этаким одиноким чудаком, не занимаясь ничем, кроме хозяйства и не развлекаясь ничем, кроме писем от детей.

Казалось бы, что общего с жизнью В.И. Даля, в которой никогда не случалось ничего подобного? Он даже помещиком не был, он до конца жизни трудился, он просто не мог стать барином, вся жизнь которого измеряется от обеда до ужина, как у героя, когда тот живет уже один. Почему же дочь считала, что отец изобразил себя?

Герой похож на своего создателя качествами, которые проявляются в его поступках и словах, Игривый не только добр и великодушен. Он принципиален, тверд в убеждениях, всегда поступает по совести, как бы это ни было трудно. Он сдержан, неизменно спокоен и насмешлив, в какую бы ярость его ни приводили, всегда гово-

рит в глаза правду, и звучит эта правда резко и как-то весело.

— А кормить станешь нас, бобылей, меня то есть с Карпушей, под старость нашу, а? — нагло спрашивает его муж Любы.

— Накормил бы я вас лучше смолоду, — спокойно отвечает Игривый, да так, чтобы вы не только до новых веников помнили, а не забывали и под старость. И это не просто слова: как ни пытаются два тунеядца сесть на шею этому непонятному для них человеку, им это не удастся.

Вероятно, вот эти качества и «списал с себя» Даль. Для такого человека глубоко чуждыми должны быть неровность характера, капризность, зависимость от собственного настроения. Поэтому, когда однажды Перовский полушутя-полусерьезно, цитатой из Шиллера предложил Владимиру Ивановичу быть его другом, Даль, как рассказывает его дочь, ответил вежливым и также полушутливым отказом.

Екатерина Владимировна подробно описывает случай на кочевке (даче) Перовского, когда его расшалившийся сын Алеша в отсутствие отца подошел к сидевшим на траве гостям и стал поочередно стегать их кнутом. Никто не протестовал, только Даль предупредил мальчишку: «Меня ты не тронь, а то и я тебя», и когда тот не послушался, выполнил свою угрозу, а потом пошел к Перовскому. Василий Алексеевич тотчас узнал, что сын его выпорот и будет за такие игры порот и впредь. Ему ничего не оставалось делать, только «дуться» некоторое время, признавая, впрочем, полную правоту Владимира Ивановича.

Дочь Даля рассказывает и о своей бабушке, таком же смелом, резком при высказывании правды человеком, каким был и ее сын. «При таком мерзком воспитании не ждите хорошего мальчика», — сказала она Перовскому в ответ на его упоминание о «мерзком мальчишке», такую любовную жалобу на сына. Вспыхнул, обиделся, но ведь ему повторили его же слова...

«Отец мой всегда с сочувствием вспоминал об этом мальчике, утверждая, что он не был лишен хороших качеств, но что гибель и тогда уже была очевидна», — пишет мемуаристка. Конечно, это было очевидно таким разумным педагогам, какими были мать Даля и он сам. Откроем опять повесть «Павел Алексеевич Игривый» Рассказывая о Карпуше Гонобобеле, о горе матери, наблюдавшей его беспутную жизнь после смерти отца, Даль пишет: «Вот запоздалая кара за гибельное воспитание сына — кара ужасная, хотя поздняя и бесполезная, потому что она у нас часто даже не служит примером для других, а считается просто случайным несчастьем...»

А теперь обратимся к повести Даля «Бедовик», впервые опубликованной в «Отечественных записках» в 1839 г. Некоторые авторы считают, что в ней есть изображение Перовского. Герой ее, молодой чиновник Евсей Стахеевич Лиров, называет себя бедовиком, потому что ему как-то всегда не везет, беды преследуют. Вот и с губернатором отношения не сложились, хотя тот и любил работающего и делового подчиненного. А что за человек был губернатор? Это показывает такой эпизод: однажды Лиров неплохо провел порученное ему следствие и «ждал спасибо». Но какие-то губернаторские

подхалимы «успели понаушничать» и «...Лиров, воротившись и пришедши с донесением, встретил угрюмое чело, в котором одна знакомая его продольная морщина, проходя косвенно к правой брови, показывала неудовольствие...

— Ваше превосходительство, — сказал Лиров, — позвольте мне объясниться; отношения мои к Вашему превосходительству всегда были доселе самые откровенные; я имел счастье пользоваться...

— Какие отношения, сударь, — спросил губернатор, приподняв густые брови на целый вершок, — какие, сударь, отношения? Я думаю, рапорты!...» [187, с.32]

Очень похоже на Перовского! И лежковерность по отношению к подхалимам, и густые брови, и этот каламбур — «отношения» человеческие и «отношения» — документы. И в характере Перовского было под дурное настроение вот эдак окатить подчиненного ушатом холодной воды. Очень, однако, сомнительно, что он мог позволить себе так хулиганить с ровесником, чиновником для особых поручений, человеком, спокойно отказывавшимся от дружбы с ним, способным выпороть его сына. Скорее всего, Даль видел подобную сцену с молодым чиновником, и не мог одобрить поведения начальника.

А теперь — еще один эпизод из повести «Павел Алексеевич Игривый». Приехавший из Москвы герой едет с визитом к соседям и застаёт там пьяную оргию. Улизнув от веселья, поговорив с Любашей и ее матерью, расстроенный, он хочет уехать, но пьяный Карпуша его не отпускает и грозит, что будет «стрелять, как по военному дезертиру». Гость все-таки уходит, но, услышав выстрел и отчаянные крики, возвращается, и что же видит?

«Карп Иванович вследствие угрозы своей действительно схватил заряженный пистолет и выстрелил, как полагал, по упрямому гостю, — но в то же время, в рассеянности, он заткнул дуло пистолета пальцем собственной своей левой руки, которого теперь и недосчитывался».

Интересно, был ли знаком Перовский с литературным творчеством Даля? Ведь он любил литературу, читал русские журналы... Не обиделся ли он, если прочел эту повесть?

Ведь он тоже потерял указательный палец левой руки.

Существует пять версий, связанных с этим событием. Сам он говорил, что покалечил себе руку на охоте, увлекшись разговором. Некоторые биографы считают, что он отморозил палец во время французского плена или потерял его в Бородинском сражении. Александре Осиповне Смирновой-Россет Василий Алексеевич предлагал «дамскую» версию: будто палец он себе отстрелил с досады, когда узнал, что С.А. Самойлова, которую он любил, выходит замуж. И, наконец, сенатор К.И. Фишер — автор версии, наиболее напоминающей случай с Карпушей. Он пишет, что у Перовского была привычка затыкать пальцем дуло пистолета. Однажды он носил таким образом на пальце заряженный пистолет и случайно задел курок. Как бы там ни было, но «отдать» этот эпизод пьянице... Трудно сказать, как отнесся к этому Перовский. Хочется думать, что он, человек не чуждый литературе, понимал, что она требует от писателя наблюдений, взятых из жизни, и не следует обижаться, заметив, что литератор «использовал» случай из твоей биографии. Это «использование» никак не следует счи-

тать свидетельством не очень хорошего отношения Даля к Перовскому.

В жизни «отец и командир», как Владимир Иванович с добрым юмором называет начальника в одном из писем к А.А. Краевскому, был, несмотря ни на что, не только уважаем, но и любим подчиненными. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать письма В.И. Даля из Хивинского похода. Сколько в них чисто человеческой симпатии к Перовскому! Вот начало похода, когда все еще полны энтузиазма. Даль, Чихачев, Николай Ханьков и другие сидят в кибитке Перовского, весело беседуют и не замечают вошедшего командующего, который «завлаживался долго, слушая громкие споры веселой братии».

Вот волнующая картина приезда Перовского с Эмбенского укрепления, когда весь лагерь встречает его песнями.

В письмах из похода Даль не раз подчеркивает, что он уже не врач, но в то же время известно, что он никому никогда не отказывал в медицинской помощи. Об этом свидетельствуют тревожные соображения о «загадочной болезни» Василия Алексеевича, которая «возобновилась» по приезде с Эмбы. Видимо, речь идет о начинавшейся астме. И дальше — опять слова врача, причем довольно сердитые, о характерной для Перовского привычке поздно ложиться спать. Даль убежден, что это нездоровый образ жизни, но и сам вынужден вести его, живя в палатке начальства. Впрочем, в другом письме он совсем не сердито пишет об интересных ночных разговорах с Василием Алексеевичем. После того, как было принято трудное решение вернуться в Оренбург с полпути, в письмах Даля, наряду с общими соображениями по это-

му поводу, звучит и неприкрытая тревога о командующем, о его здоровье, состоянии духа, будущем. «Все письма оренбургские доказывают, что и там даже не понимают, как должно, настоящего нашего положения. Что же после этого можно ожидать от Петербурга? Я был свидетелем и знаю, чего стоила неудача эта тому, в чью руку были вложены и власть, и ответственность; но тут нельзя было не покориться необходимости», — написал Даль в одном из писем, и эти слова показывают, насколько глубоко понимал он своего начальника, как уважал его, умея ценить его незаурядные качества и прощать сложности характера. Другом быть отказался, но был надежным сотрудником, внимательным доктором, верным товарищем.

О том же, как Перовский относился к нему, лучше всего рассказывают письма, которые хранятся в рукописном фонде Пушкинского Дома. Одна из коротких записок, датированная 16 июня, несомненно, относится к 1834 г. и связана с рождением пятью днями ранее старшего сына Даля, Льва. Как писала Екатерина Даль, отец назвал его в память своего любимого брата, погибшего в 1831 г. в Варшаве, мальчику было дано еще два имени — Арслан и Василий. «Арслан» — это просто перевод на татарский язык слова «лев», а Василий — потому, что крестным отцом был Перовский. Не совсем понятно, как это могло быть, ведь из более позднего послужного списка Даля следует, что его дети от первого брака были лютеранами, как и их мать, да и сам Даль перешел в православие лишь к концу жизни. Однако из писем Перовского видно, что он действительно считал себя крестным Льва. Похоже даже, что и следующие двое детей

Даля были крещены при его участии. Цитируемая записка подтверждает и упоминание Екатерины Даль о том, что на крестины Льва были приглашены пастор и мулла.

«Знайте вперед, что кормилиц и нянек приискивают не после, а прежде родов; спасибо вам за извещение о здоровье юной матери. Когда крестины? — Я буду в городе, кажется, около 20-го. Скажите, тогда же или после намерены вы вверить наследника вашего святому назиданию пастора Гольма? — Как жаль, что малютка под таким скучным предзнаменованием вступает в Христианскую религию. Знаете ли, впрочем, что пастор Гольм намерен дать драпа и объехать свое стадо, не лучше ли обратиться к мулле?»

Мне любопытно взглянуть на мост и пропеть с вами: «возле речки, возле мосту, уж по мосту, мосту». — Можно ли надеяться, что приедете к нам на кумыс? Я так пристрастился к кобыльему кислому молоку, что всех им потчеваю, не исключая и Льва-Василья Владимировича. А отчего он назван Львом?

16 июня».

Записка, вероятно, отправлена с кочёвки, где летом отдыхал Перовский. В ней интересно его замечание об увлечении кумысом, возможно, не без влияния Даля. Существенно и упоминание о мосте. Видимо, возведение моста в городе закончено именно в эти дни, когда Василия Алексеевича не было в Оренбурге.

Интересно письмо, которое мы относим к началу 1835 года. Седьмого октября этого же года в письме к сестре, Паулине Ивановне Шлейден, Даль рассказывал

о своем отношении к наградам, объяснял, почему не хотел бы, чтобы его слишком, по его мнению, отличали. При этом он упомянул, что прошлой зимой, когда Перовский был в Петербурге, написал ему письмо, после которого Василий Алексеевич просто уже не смог настаивать на награждении. Ниже мы приводим, по видимому, ответ на это послание, отправленный из столицы. В своём довольно пространным письме Перовский пытается убедить Даля в ошибочности его позиции, подшучивает над ней, но, несомненно, принципиальность Владимира Ивановича вызывает у него глубокое уважение.

*«Я получил ваше письмо без числа и года и без обиняков скажу вам, любезнейший Даль, что вы большой оригинал. Фантазия ваша престранная, а система или теория, которую вы для себя придумали, прекуриозная и пренеудобная. — Не менее того, не совершенно ещё обнимающая все пространство ваших причуд и рассчитывая, что вы и впрямь можете исполнить то, что обещаете в письме вашем, т.е. рассердиться, сконфузиться и сделаться *unglücklich* [4], если теперь получите какую-либо награду, я на сей раз (но только на сей раз) сделаю по-вашему, будьте спокойны, но по случаю настоящего приключения дозвольте мне следующее заключение: если бы нам было суждено жить вечно вместе и притом мне жить долее вашего, то в таком случае я мог бы согласиться для вас ничего не делать, потому что в случае нужды успел бы всегда для вас что-нибудь сделать, но что сказал бы мой преемник или тот, при ком вы будете служить впоследствии, видя, что из*

всех подчинённых моих один бы вы остались без награждения? Ему, узнавши вас, нетрудно бы было увидеть, что вы заслуживаете награды, и потому осталось бы ему думать, что я не умею отличать достойных. — Будьте уверены, что я вас ценю, люблю и понимаю, а до других вам дела нет; если я что-нибудь когда-нибудь вам выхлопочу, то отнюдь не для того, чтобы вас ставить на одну доску с теми, кои ожидают наград, как лошадь овса. Я и о вас, и о себе имею довольно точное мнение и уверен, что вы согласитесь служить со мною только для того, чтобы со мною служить; но поверьте старому воробью: служить без наград не должно; одною честью жить нельзя на службе, точно так же, как нельзя, женившись по любви, питать одним воздухом жену и детей. Всё это прекрасно в романах, на деле несбыточно. *Kennst du das Land* [5], где о чести судят по почестям и места тоже дают по почестям? Будь ты хоть ангел, да не имей известного чина, не получишь и места, без которого, быть может, и жить не можешь.

Вот почему, любезный Даль, я уверен, что ваша система надолго не годится, и потому сообразоваться с нею согласен я только на этот раз. Одно место в письме вашем особенно порадовало меня: это то, что вы говорите, что судьбой довольны и боитесь одного, перемены; за это вам искреннее спасибо; и со своей стороны не вижу причины, которая бы могла изменить мои к вам отношения, уверен будучи в вашей прямоте, благородстве и привязанности ко мне, в чём перемена и для меня была бы весьма прискорб-

на; продолжайте всегда, как было до сих пор, знайте одного меня, о других не заботьтесь и будьте твёрдо уверены, что никто не в силах поколебать того чувства, которое единожды к вам имею.

За сим обнимаю вас и всю семью и перехожу к другому предмету: нечто об отчёте; прошлогодний отчёт так понравился, что уже меня спрашивали, скоро ли представлю отчёт за сей год; займитесь этим делом без отлагательства; если есть остановка по какой-либо части в сведениях, то займитесь другою частию, обрабатывайте военную, пограничную, Ново-Александр. и пр. пр. отдельно; после можно будет свести. — Мне бы хотелось, чтобы по моём возвращении нашёл уже я все подготовленным. — Нынешний отчёт обещает быть интереснее прошедшего. Прощайте; право, некогда писать более; Зейдлица, Гельмерсена видел я только по минуте обоих. — Знаете ли, что никто из служащих да не посмеет ничего печатать без цензуры ближайшего своего начальства. Подробнее можете узнать от Рокасовского.

7 Генваря 1838 г.»

Две маленькие записки без даты, несомненно, следует отнести к 1836 году, так как в них говорится о рождении второго сына Даля, Святослава, появившегося на свет 4 марта этого года (см. письмо Владимира Ивановича к П.И. Шлейден от 7 марта 1836 года). По-видимому, Перовский в это время находился в городе.

«Душевно рад и поздравляю; надеюсь, что вы и второму внушите те строгие правила, которыми отличается первый. — Между тем придумайте, как бы нам это радостное событие скрыть от нас-

тора и окрестить новорождённого домашними средствами».

Вторая записка — деловая. Перовский торопит Даля, который работает над нужным ему документом, но как торопит? Начальственное требование выражено в форме характернейшей для Василия Алексеевича шутки:

«Если бы мне не было известно, что вы час спустя после рождения возлюбленного сына вашего (имени еще не знаю) ходили стрелять зайцев, то я бы не беспокоил вас о имевшейся у вас бумаге относительно калмыцких челнов, потому что рождение сына и даже дочери есть законная причина на прерывание на несколько дней занятий по службе, но по вышеупомянутой причине, кажется, могу sans indiscretion [6] спросить у вас, готова ли та бумага».

А вот еще более забавная записка без даты:

*«Получил я вашу грамоту, ту,
Что принес мне человек, век
буду помнить ваши стихи, хи,
хи, хи, хи, хи, хи».*

Здесь мы видим яркий пример присущего Перовскому остроумия и можем заключить, что и он получал от Даля какие-то чисто приятельские записки, даже со стихами.

В следующей записке (тоже без даты) говорится об отчёте, который готовит Даль и хочет прочесть Перовский. Следовательно отнести её можно к зиме 1835 или 1836 года. Из неё видно, что Перовский, вслед за Далем, увлекся работой на токарном станке и занимался ею весьма ревностно, как и всем, что его увлекало.

«Встреча отсрочена до завтра по случаю бурана; нельзя ли нам отчет прочесть сегодня? Вечера я строгал до двух часов ночи и источил весь кленовый болванчик; пришлите мне другой, хоть березовый. — От работы болит поясница, зато вы удивитесь успехам».

Маленькая записочка, отправленная Перовским из Казани, несомненно, написана в 1836 году. Василий Алексеевич спешит сообщить радостные новости, касающиеся сосланных в Оренбург А.А. Алябьева и И.В. Виткевича, а также передать Далю две тысячи рублей, пожалованные ему за работу над «Памятной Книжкой для нижних чинов Императорских казачьих войск».

«Mein lieber Dahl [7], с истинным удовольствием препровождаю вам две тысячи рублей, которые Государь Император изволил пожаловать вам за труды ваши при составлении Памятной книжки для Казачьих войск.

Казань,

22 августа

Р.С. Виткевич назначен ко мне в адъютанты.

Алябьеву возвращен первый классный чин. И пр., пр.»

В 1836 году скорее всего написана и следующая записка личного характера:

«Секретно.

Помните ли, когда Жуковский и другие предлагали вам участвовать в золотых компаниях и вы от того отказались, я сказал вам, что приму вас к себе в долю, если когда-нибудь буду сам иметь часть в золотых промыслах? — Теперь я, к несчастью, по смерти брата приобрёл часть в скупленных им зем-

лях, и вы хоть бы и поневоле, но должны получать пятый процент, мною вам назначенный из составленного мне от золота дохода».

Речь здесь, несомненно, идёт о старшем брате Перовского Алексее Алексеевиче (писателе Антонии Погорельском), который дружил с Далем и, возможно, содействовал знакомству последнего с братом. Умер Алексей Алексеевич, как известно, 9 августа 1836 года, и письмо Василия Алексеевича, несомненно, относится ко времени, когда он вступал в права наследства. Неизвестно, удалось ли ему в этом случае убедить Даля согласиться на предложение. Зная, как не любил Владимир Иванович поддерживать слишком близкие отношения с начальством, можно предполагать, что не удалось.

И снова письмо из Казани. По содержанию трудно понять, чем там занят Перовский и в каком году письмо написано. Говорится в нем о довольно незначительных делах, и интересно оно прежде всего своим особенно дружеским тоном. Это единственный документ, в котором Перовский обращается к Далю на «ты» и применяет нечто вроде приятельского прозвища.

«Потрудитесь, mein lieber Wladimir Iwanovich [8] или лучше сказать Иван Слава Богу:

1) Извинить меня перед генеральшей Энгельгардт, если я сам не отвечаю ей; причиною тому двойное затруднение: недостаток времени и Schwierigkeit [9] писать немецкое письмо. Уверьте её, что я и теперь и всегда готов ей быть полезным, сколько это от меня зависит. Теперь просит она 4 тысячи из пограничной комиссии под залог своего дома; я на сие согласен и прошу вас сказать о

том Григорью Федоровичу [10], а официальное на этот счёт разрешение получит он после; об изготовлении оного нужно будет предупредить Акима Ивановича [Среду].

2) Генеральше Энгельгардт желательно, чтобы Готшалк проводил её до Киева; и в этом не вижу я никакого затруднения; если нужно ему иметь для сего письменное дозволение или вид, то начальник Штаба снабдит его оным. — Надеюсь, что генеральша не будет на меня в претензии, что не пишу ей сам; надобно также, если Государь сюда приедет, исходатайствовать для неё ту сумму, которую она теперь занимает, так что ей нетрудно будет расплатиться с пограничной комиссией.

Прощай, любезный Wladim. Iv.

Кланяйся хозяйке и поцелуй крестника.

Казань,

24 сентября».

Лето 1838 года Даль проводил в городе из-за болезни жены, Юлии Егоровны. Несмотря на её тяжёлое состояние, он продолжал работать. Письмо Перовского, написанное, вероятно, на «кочёвке», явно продолжает дело-вой разговор о сослуживцах:

«Надобно признать, что новоприезжие немцы, начиная с Герна, не удаются в Оренбурге. — Что мне с ним делать? Я и сам вижу, что земледельческое училище идёт *a la diable* [11] и ухватился бы обеими руками, если бы кто порядочный представился на место Герна, да где взять? Это один из тех предметов, о которых я стараюсь не думать, потому что пособить нельзя, а думать неприятно... — Вид-

но, и булочник не надёжнее колбасника; последнего Циолковский желает немного удержать здесь в надежде, что от него научатся его люди; он в своём роде артист отличный, и нельзя не пожалеть, что вместе с тем он и художник.

Жаль, что не вздумали вы о крестинах, когда я был в городе, я мог бы для этого остаться и лишний день; если, откладывать вдалёк нельзя, то сами назначьте на моё место кого хотите. Грустно видеть, как туго поправляется Юлия Егор., но можно решиться на терпение, лишь бы правда, что она поправляется. — Я сказал Ак. Ив. [12], чтобы он сообщал вам работу по мере того как будет возникать, теперь нет ничего. — Прощайте.

В.П.

18 июня /1838/.

Жаль старика Родофиникина; бог знает, не хуже ли теперь пойдут... дела здешнего края».

Здесь упоминается о недавней кончине К.К. Родофиникина (1760 - 30.V.1838), управляющего Азиатским департаментом Министерства Иностранных Дел (с 1819 г. по 1837 г.). Говорится также о крестинах дочери Даля, которые, видимо, откладывались из-за болезни Юлии Егоровны. Она не поправилась, и уже через два дня Перовскому пришлось писать следующую записку с выражением соболезнования и предложением помощи:

«Не стану говорить вам, сколько тронуло меня горестное, хотя и не совсем неожиданное известие; я покойницу любил как сестру, а вас люблю как друга, и потому вдвойне чувствую вашу потерю. —

Я думал бы, что вы сделали бы хорошо, если бы переехали теперь на житьё сюда с Арсланом. Вам, ему и женщине при нём готова особая квартира; здесь были бы вы совершенно свободны, и мне кажется, что во всех отношениях было бы вам лучше? — Душевно жалею, что в последнюю поездку мою не удалось мне ещё раз её видеть.

21 июня /1838/».

Как видно из переписки Даля с сестрой, он воспользовался приглашением и провел остаток лета на «кочёвке» у Перовского.

Прошёл год. Боль потери ещё не утихла. Письмо Василия Алексеевича от 10 июня 1839 года явно связано с какой-то конфликтной ситуацией.

Чтобы представить себе, в чём она могла состоять, следует, по-видимому, вновь обратиться к воспоминаниям Е.В. Даль. Она рассказывает, что отец её, овдовев, сделался завидным женихом, и это, конечно, породило немало интриг и сплетен в оренбургском высшем свете. Пишет Екатерина Владимировна и о том, что отец никогда не смог простить знакомым какой-то сплетни, оскорбительной, по его мнению, для памяти Юлии Егоровны. В письме Перовского речь также идёт о сплетне.

Можно предположить, что Даль обиделся из-за того, что Василий Алексеевич не обратил внимания на какие-то пересуды и не потребовал прекратить их. Однако стоит ли вообще обращать внимание на сплетни? Перовский считает, что Даль стал излишне чувствителен в связи со своим горем, и мягко, но настойчиво уговаривает его не обижаться.

«10 июня 1839 г.

С людьми, которыми я дорожу, не могут быть мне в тягость ни письменные, ни словесные объяснения, но я далеко предпочитаю последние; если бы, когда я спрашивал вас о причине вашей чрезмерной ко мне холодности, вы решились переговорить со мною откровенно, то вероятно избегли бы мы оба сего положения, для вас тягостного, для меня ещё до сих пор загадочного, хотя теперь я уже начинаю видеть, что отвращение ваше к кочёвке имеет непосредственную связь с отвращением собственно от меня. — С того времени, как начал я замечать холодное, принуждённое и до крайности учтивое ваше со мной обращение, я часто сам себя допрашивал: чем, как и когда мог я произвести такую в вас перемену? Совесть всегда отвечала, что дружеское моё к вам расположение с моей стороны никогда не было нарушено; чувства мои к вам оставались те же. Я по-прежнему отдавал полную справедливость и уму и сердцу и вашей душе, и так называемую в вас огорчительную для меня перемену оставалось приписать влиянию постигшего вас несчастья. Я жалел о вас, жалел, что, с душою твёрдою и высокою, вы без борьбы дали себя раздавить злой судьбе. Но, между тем, как я о вас жалел, а обвинение не приходило мне на мысль, вы меня обвиняли. В чём? — Этого я и теперь ещё ясно не вижу. В письме своём вы говорите: «вы, может быть, и сами не захотите отдать меня снова на общую потеху?» — «Все люди с жадностию кинулись воспользоваться беспомощным моим положением и

проч. и всё это могло случиться без всякой помехи, это больно».

Из этого и из многих других слов вашего письма я должен заключить, что вы обвиняете меня в каком-то общем против вас заговоре — я отдал вас на общую потеху, — я не помешал людям безжалостно терзать вас! — Любезный Даль! Я никогда ни письменно, ни словесно никого не обманывал, а потому надеюсь, что вы поверите мне, когда я поклянусь вам честью, что мысль смеяться над вами или отдавать вас другим на посмеяние никогда меня не касалась; если же, по вашему мнению, я виновен в том, что не воспретил того другим, то на это отвечу вам, что в то время я никак не мог себе вообразить, чтобы сплетня глупой девчонки могла до такой степени сбить с толку умного человека. Вы и тогда и после обращением своим имели всю возможность доказать нелепость её вымысла. Если вы этого не сделали из презрения, то зачем же было всё это принимать так к сердцу? Зачем до сих пор показывать столько огорчения? Я тогда же сказал вам, с какой точки смотрю на эту глупость. — Но отчего включили вы меня в общую опалу? Если и в этом помогли сплетни, то я бы, кажется, имел полное право не просить, а ожидать от вас, и не через год, а тотчас же, подробного объяснения. Оно бы убедило вас, что, если я питаю к кому дружескую привязанность и искреннее уважение, то уж, конечно, этот человек не может быть смешным ни свету, ни мне.

Ещё одно слово на последние слова вашего письма: если мне удалось сколько-нибудь сделать вам

добра, то уверяю вас, что я не считаю вас в долгу, вы и мне и службе отплатили вполне и с избытком. Это достаточно ответит на вашу «посредственность», «бесполезность» и проч. Вы довольно знаете, что вы мне нужны и что заменить мне вас некем. От души спасибо вам за личную привязанность — больно было бы думать, что вы при мне только по долгу; но что делать мне, когда вы тут же прибавляете, что вы и впредь не видите здесь себе никакой отрады, и что вам остаётся удалиться из Оренбурга куда бы то ни было? Следовать ли мне моему или вашему внушению? Я говорю с вами откровенно и от вас ожидаю того же.

После положительного вашего отзыва о кочёвке я не должен вас приглашать сюда. — Приглашение было бы похоже на принуждение и потому не повторю его, хотя бы вы были для меня здесь совершенно необходимы; но почему бы не приехать хоть на несколько дней детям и матушке? Вы можете обещать ей, что приедете после, и сдержать обещание, если мысли ваши сколько-нибудь изменятся. — Я для вас нарочито построил дом, объявил, что вас ожидаю, а потому прошу вас, если уж решительно ни вы, ни семейство ваше сюда быть не хотите, то скажите об этом одному мне, а других держите в неизвестности, без чего назначенное вам жильё могут пожелать занять люди, которых я не желаю.

В. Перовский».

Уговоры достигли цели: уже через два дня Даль писал сестре, что собирается с матерью и детьми на кочёвку.

Владимир Иванович просто не имел возможности долго предаваться горю, обидам, мрачному настроению. Шла подготовка к Хивинскому походу, во время которого отношения между ним и Перовским наладились, как показывают многие документы.

Далее мы приведём письмо, относящееся уже к 1840 году и касавшееся английского офицера Джеймса Аббота. Капитан артиллерии Ост-Индской компании Аббот был отправлен в Хиву из Герата с целью наладить дипломатические отношения с ханом. Англия в это время всеми силами стремилась стать посредником в осложнившихся отношениях Хивинского ханства с Россией.

Первого мая 1840 года капитан Аббот по неясным причинам оказался у русского Ново-Александровского укрепления на побережье Каспийского моря. Здесь он объявил о своём желании быть отправленным в Петербург в качестве ханского поверенного.

Естественно, что Перовский встретил его весьма настороженно. В письме к Далу он делится своими соображениями по поводу деятельности Аббота и высказывает намерение держать англичанина под арестом как шпиона до выяснения мнений о нём в Петербурге.

«22-го мая /1840/.

Подумав ещё о капитане Абботе, я решился его задержать здесь под арестом до получения о нём разрешения из Петербурга. — Не говоря уже о наших настоящих отношениях с Хивою, — о том, что Аббот приехал из Хивы, где был бог знает с каким намерением, и о том, что он разъезжал со скопищем Трухмен и Хивинцев, — вот на чём основываюсь,

чтобы задержать его: какой бы ни было иностранец, чтобы въехать в Россию и проехать через Россию, должен быть снабжён паспортом, явленным в одной из наших Линий; положим, что этого требовать нельзя от чужестранца, прибывшего на здешнюю границу из Индии, но тогда из его бумаг должно бы видеть, что он из Индии отправился в Россию. Напротив того, в настоящем случае из бумаг Аббота видно, что он ехал не в Россию, потому что в паспорте его, или, лучше сказать, в открытом путевом листе ничего о том не сказано. Это доказывается и припискою другой руки, и тем, что в персидском переводе России не упоминается. Всего же более наводит на него сомнения его записка, писанная поддельным почерком, и в которой он себя называет *chargé d'affaires du gouvernement Britannique près la Cour de Russie* [13]. Кажется, этих причин слишком достаточно, чтобы Аббота задержать здесь до получения разрешения из Петербурга: если бы иностранец представился в какой-либо пограничный город нашей западной границы с такими же неудовлетворительными о себе документами и требовал бы, чтобы его пропустили в столицу, то нет никакого сомнения, что его, во-первых, посадили бы под арест, во-вторых, завели бы о нём переписку. То же самое намерен сделать и я с его благородием: бумаги его с комментариями отправить в Петербург на рассмотрение, ему же доставить здесь весь возможный комфорт, снабдить его почётною стражей впредь до объяснения, кто он такой? В этом смысле написать гр. Нессельроде, упомянув о по-

следствиях, могущих произойти от вмешательства англичан в наши дела в здешней стране; пример Кавказа.

Я намерен Аббота поместить в новом доме Еникуцева. Кушанья будет он получать от моего стола, но содержаться будет под строгим арестом.

Приезд Аббота в Нов.-Алекс. совершенно походит на действия шпиона: первоначально едет он на Мангышлак, потом напрашивается в Нов.-Алекс, выдавая себя за аккредитованное от Английского правительства к нашему лицу, и объявляя, что бумаг у него никаких нет; наконец показывал пачпорт, особым образом поддельный.

В. Перовский».

Несмотря на опасения, которые вызывали документы и поведение английского офицера, русское правительство отнеслось к нему уважительно. Ему было разрешено приехать в столицу, правда, не в качестве хивинского посланника. Во время его пребывания в Оренбурге и по пути в Петербург к нему были приставлены надёжные провожатые. Вскоре он отбыл на родину.

В начале лета 1840 года Перовский выехал в Петербург. В это время он не только не думал ещё оставлять Оренбург навсегда, но и собирался организовать новую военную экспедицию в Хиву. Уже в столице он понял, что этот поход откладывается на неопределённое время.

21 июня В.И. Даль подал прошение о позволении вступить во второй брак — с Екатериной Львовной Соколовой. Необходимый документ был подготовлен

29 июня, и Перовский выслал его в Оренбург со следующим письмом:

«С. -Петербург, 1 июля 1840.

*Поспешаю препроводить вам требуемый вами вид; форму соблюдем после: нужно от вас прошение и согласие матери и самой невесты. — Я вполне одобряю и принятое вами намерение и выбор. Намерение, потому что в ваши лета и с вашими правилами вам невозможно было оставаться в *Stato quo*; выбор, потому что он хорош, или, лучше сказать, это единственный выбор, который вы могли сделать не только в Оренбурге, но даже во всем околотке (Районе), т. е. в окружности 2 /т [14]/ вёрст. — Всё будущее говорит в вашу пользу, потому и не остаётся мне ничего более, как радоваться за вас. Я люблю вас и, вероятно, люблю более чем вы предполагаете; вы не могли оставаться Гагештольцом и поступили согласно с законами природы, чести и общества, решившись взять себе жену и дать матушке вашей дочь, а вашим детям мать.*

Теперь про другое: между нами будь сказано, я нашёл здесь чрезвычайное охлаждение ко второй экспедиции; более всего происходит оно от смет, — деньги нужны на другие неотлагательные потребности. Итак, можно теперь уже решительно предположить, что прежде 42-го года ничего предпринято не будет.

Прощайте; до свидания. В. П.»

В тот раз Перовский пробыл в Петербурге долго. Только в начале следующего, 1841 года он возвратился в Оренбург. Одной из важнейших его забот в столице

были хлопоты по награждению участников Хивинского похода. В Государственном архиве Оренбургской области имеется дело «О награждении Генералов, Штаб и Обер-Офицеров и нижних чинов за участие в Хивинской экспедиции в 1839-1840 гг.» Оно начато 13 июля 1840 г., закончено 15 января 1841 г. и содержит триста листов. Из этих бумаг видно, что решение вопроса о награждении гражданских чиновников, отмеченных наряду с военными, в октябре несколько задерживалось, поскольку представления на них были переданы «по принадлежности», в частности на Даля — управляющему Министерства Внутренних Дел. Перовский, вероятно, беспокоился, предполагал, что эта задержка может обидеть Владимира Ивановича.

Об этом и говорится в следующем письме:

«СПб

24 ноября 1840.

Хотя мне весьма хорошо известна и степень вашего честолюбия, и какими равнодушными глазами вы смотрите на награды вообще, не менее того я полагаю, что без объяснения с моей стороны вам могло бы показаться странным не видеть себя в числе получивших награды за наш прошлогодний поход. Забыть о вас было бы мне непростительно, да и невозможно; мне напоминают о вас обе памяти: память головы и память сердца — благодарность; но мне не хотелось бы, чтобы вы могли приписать мне даже и замедление, от меня совершенно независимое; а потому скажу вам, что несмотря на все мои старания, мне до сих пор ещё не удалось преодолеть встречаемые затруднения.

Правда ли, что в нынешнем году привезены из Бухары семена знаменитой *galego tochitera* и что они имеются у Лемана?

Если это справедливо, то потрудитесь прислать из них несколько Фишеру от моего имени. Что делают наши походные коллекции и прибавились ли они от путешествия Лемана; об нём и от него я не имею совершенно никакого сведения.

Отсюда привезу я довольно количество ружей, некоторые из них, надеюсь, получают совершенное ваше одобрение.

Не знаю, просить ли мне вас писать мне сюда; хотя о времени моего отъезда ещё мне положительно и неизвестно, думаю однакож выехать в половине декабря.

В. Перовский».

В ответном письме Даль, по-видимому, объяснил Перовскому, что его взгляд на награды нисколько не переменился и он по-прежнему к ним равнодушен. Слухи о том, что Леман достал семена редкостного растения, оказались неверны. Вероятно, Даль писал и о будущем «Музее естественных произведений Оренбургского края», о котором Перовский продолжал думать и в Петербурге.

Следующее письмо — последнее из имеющихся у нас писем В.А. Перовского к В.И. Далю.

«СПб

22 дек. 1840.

Я получил ваше письмо от 10-го дек., любезный Даль, мне и без него хорошо были известны ваши мысли насчёт наград, но при бывшем на Оренбурге

дожде я хотел и вас подставить под la goutteire [15] желал, чтобы и на вас упала благодатная капля; вышло иначе; делать нечего. К очередной награде я не представлял, потому что много не дадут, а малую толику могу вам доставить по возвращении моём в Оренбург, никого не прося о том.

Видно, все, что относится до galego, так же справедливо, как и первые сведения, доставленные Карелиным, не знаю, кто известил Фишера о получении Леманом семян этого баснословного растения; постарайтесь однако ж настроить ваших знакомых бухарцев привезти если не семена, то по крайней мере целый корень с листьями.

О музее переговорим и устроим по моем возвращении в Оренбург, которое, как кажется, могу с достоверностью предсказать к концу генваря».

Здесь речь идет о том, что Далю не был присвоен следующий чин. Этого не удалось сделать при его переводе в Министерство Внутренних дел, которое последовало одновременно с награждением. Официальное сообщение Перовского об этом содержится в упомянутом выше архивном деле и датировано 15 декабря 1840 г.

«Государь Император по всеподданнейшему представлению моему об отлично усердной службе Вашей в продолжение зимней экспедиции в Киргизскую степь 1839-1840 гг. Высочайше повелел причислить Вас к Министерству Внутренних дел с оставлением для занятий при мне и пожаловал Вам орден Святого Станислава 2-й степени, Императорской короной украшенный...»

Ознакомившись с представленными читателю письмами, мы приходим к убеждению, что личные отноше-

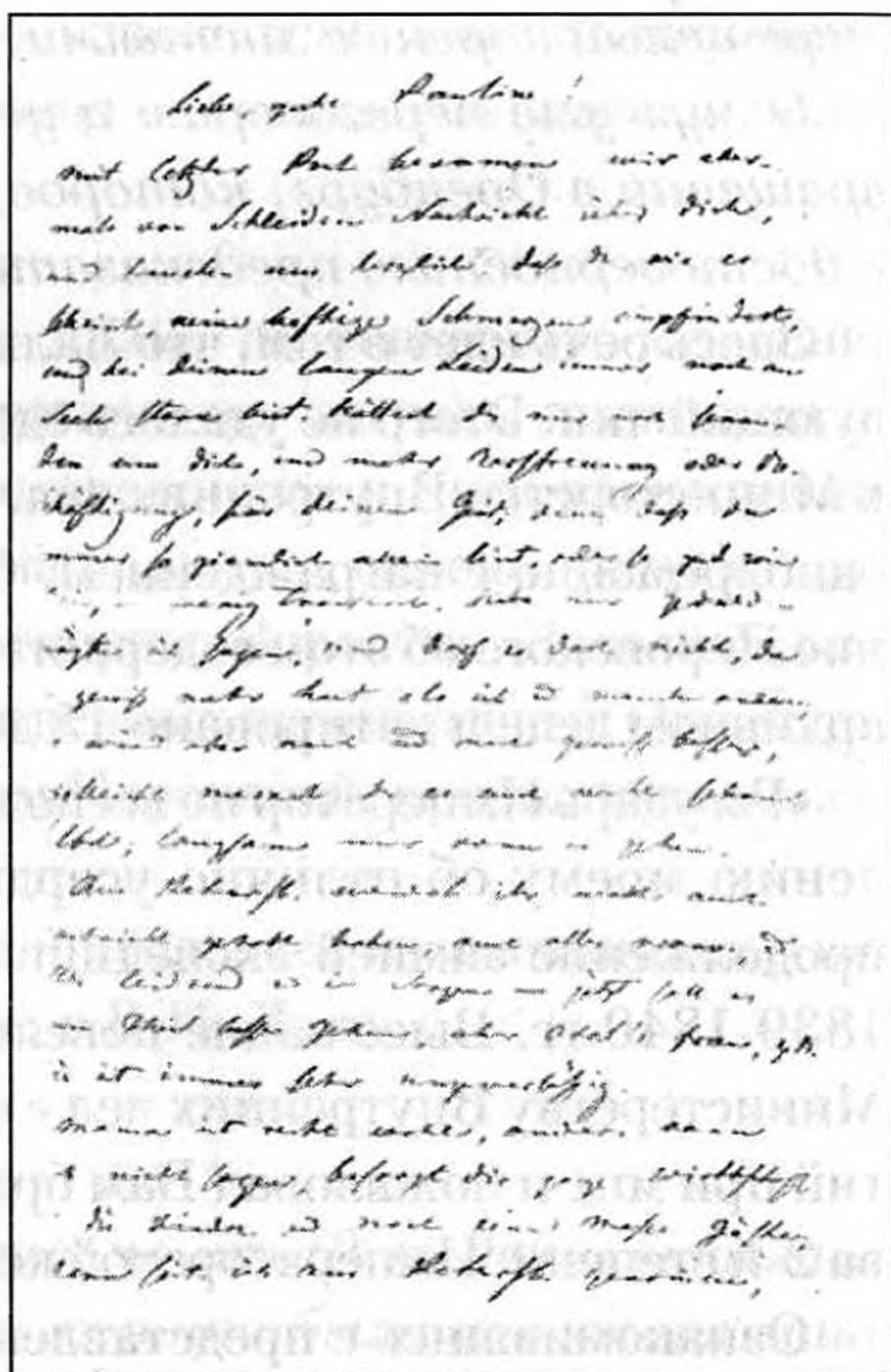

ния В.А. Перовского с В.И. Далем никак не походили на такие, о которых можно скаламбурить так, как это сделал несколько похожий на Перовского губернатор из «Бедовика»...

Из переписки В.И. Даля с сестрой П.И. Шлейден

В одной из своих автобиографических записок В.И. Даль сообщал:

«Я родился после двух старших сестер, в 1801 году, 10 ноября. За мною следовали, кроме умерших в малолетстве сестер, братья: Карл, Лев и Павел. Карл был моряк и умер в Николаеве. Лев — артиллерист, убит при взятии Варшавы в 1831 году, и товарищи поставили ему памятник. Павел, не кончив курса в Дерптском университете, умер чахоткою в Риме (где ему племянник Лев Даль поставил памятник уже гораздо позже). Меня с Карлом отдали в Морской корпус; это было летом в 1814 году 13 1/2 годов» [161].

Письмо В.И. Даля к сестре П.И. Шлейден

Верный своему правилу мало говорить о себе, Даль только перечисляет факты, не рассказывая о том, какими людьми были его родные и какие отношения связывали его с ними. Поэтому и в литературе о нем иногда встречаются домыслы и ошибки, связанные с его семьей. Например, кто-то из авторов, писавших о Дале, утверждал, что все его сестры умерли в детстве. Но ведь следует только более внимательно прочесть цитированную выше автобиографическую записку, чтобы понять: маленькими умерли те сестры, которые родились после Владимира. О том же, что две старшие дожили до зрелых лет, свидетельствует хотя бы то, что им, «милым сестрам Павле и Александре», Даль в 1832 году посвятил одну из своих сказок «Пятка первого».

Воспоминания дочери В.И. Даля Екатерины Владимировны [264], ценны тем, что дают представление о семье ее отца и близких ему людях. Она много пишет о старшей из сестер отца, которая родилась, когда дед Иван Матвеевич служил врачом в Гатчине (ноябрь 1792 — февраль 1796 гг.). Как утверждает мемуаристка, Павел I, в то время еще великий князь, несмотря на довольно натянутые отношения с доктором Далем, весьма благоволил к нему и даже крестил его старшую дочь, Паулину-Марию. Таким образом, надо полагать, что эта сестра была старше Владимира Ивановича не менее, чем на шесть лет.

Когда в 1814 г. мать и вторая сестра, Александра, провожали Владимира и Карла на учебу в Петербург из Николаева, где в это время служил отец и жила семья, Паулина была уже замужем за П.П. Шлейденом, который, по выражению Е. Даль, «имел занятия верстах в

двенадцати от города». Слово «занятия», как становится ясно по ходу чтения, означает, что он был мелким промышленником. Позднее у него была собственная суконная фабрика в Москве. При первой попытке сватовства Паулина ему отказала. С горя Шлейден заболел, и, узнав об этом от отца, лечившего неудачливого поклонника, девушка пожалела последнего и согласилась выйти за него замуж.

С четырнадцатилетним Владимиром, учившимся в корпусе, она постоянно переписывалась, причем по-французски, и это, как он говорил впоследствии, очень помогло ему в изучении языка. Переписка В.И. Даля с сестрой продолжалась и когда он стал взрослым. Она, к счастью, частично сохранилась и находится в рукописном фонде Пушкинского Дома. Письма разных лет свидетельствуют о том, что сестра всю свою жизнь была одним из самых близких друзей Владимира Ивановича.

3 марта 1819 г. В.И. Даль закончил учебу в Морском корпусе, получил чин мичмана и был по его прошению направлен на службу в Николаев. Брат его Карл закончил учебу годом позже и приехал туда же. Как установил Ю.П. Фесенко [485], Карл Даль служил в Николаеве до своей смерти 5 апреля 1828 г. Умер он, как свидетельствует В.И. Даль в одной из автобиографий, от чахотки.

Жизнь и служба его были недолги, но имя морского офицера Даля-второго вошло в историю астрономической обсерватории г. Николаева. С ее первым директором, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук К.Х. Кнорре (1801–1883) дружил и В.И. Даль, посвятивший ему вторую сказку «Пятка первого». Карл

Иванович Даль был близок с Кнорре и по службе, принимая самое активное участие в наблюдениях, проводившихся в обсерватории, которая начала функционировать 26 сентября 1827 г.

До этого в Николаеве действовала частная обсерватория адмирала Грейга, и в 1821-1827 гг. наиболее образованные морские офицеры, в том числе Карл Даль, проводили там весьма результативные наблюдения [251].

Взрослые сыновья жили с родителями, и, как можно заключить, читая воспоминания Екатерины Даль, это иногда было нелегко. Иван Матвеевич был чрезвычайно замкнутым человеком, и это особенно угнетало его старшего сына, общительного, веселого, деятельного. Паулина, которая с детства была особенно дружна с отцом, всегда помогала ему и брату понять друг друга. Однако, вскоре она уехала с мужем в Москву. Как видно из писем, процитированных Екатериной Даль в ее воспоминаниях, Владимир Иванович, тогда еще совсем юный морской офицер, делился со старшей сестрой всеми своими заботами и радостями. Примечательно, что уже в это время его интересовали наблюдения над природой, которые он делал во время плаваний.

В письмах рассказывается, например о двух смерчах — «тифонах», наблюдавшихся на воде во время бури, о перелетных птицах, отдыхавших на палубе корабля. Даль радуется, что заметил среди них перепелок: теперь он уверен, что эти птицы относятся к перелетным, а ведь многие естествоиспытатели в этом сомневались...

Отец Даля умер в 1821 г., а незадолго до этого его вторая дочь Александра вышла замуж за артиллерийского офицера П.О. Кистера, датчанина, что особенно

нравилось отцу. Он называл этого зятя своим, в отличие от Шлейдена, зятя матери. «Отцовский» зять очень помог семье, взяв юнкером в свой полк брата Даля Льва, которому, когда умер отец, было всего 14 лет. К моменту, когда Даль в 1826 г. приехал в Дерпт, где уже жила мать с младшим сыном Павлом, полк Льва стоял сравнительно недалеко от этого города. В воспоминаниях Е.В. Даль трогательно повествуется, как Владимир Иванович, будучи студентом Дерптского университета, навещал брата, которого особенно любил. О гибели Льва в 1831 году В.И. Даль упоминал в рассказе «Подольянка», писал в автобиографиях, рассказывал П.И. Мельникову-Печерскому, своим детям. Ведь он сам также участвовал в польской кампании и в момент штурма Варшавы как раз строил свой знаменитый понтонный мост через Вислу. Даже в статье, посвященной описанию этого моста и опубликованной в 1833 г., Даль упоминает о гибели брата. В память о нем Владимир Иванович назвал Львом своего первого сына, родившегося 11 июня 1834 г. в Оренбурге.

Паулина Ивановна Шлейден жила в Москве до самой своей смерти, наступившей, по-видимому, в 1840. Таким образом, с самого отъезда из Николаева при поступлении в корпус Далию не приходилось подолгу жить в одном городе со старшей сестрой. Ее брак, по-видимому, оказался не особенно счастливым. Екатерина Даль рассказывает, что любимая воспитанница Паулины оказалась слабоумной, а о муже тетки как об очень умном, но «страшно сухом» человеке, который «к людям относился как к вещам, а к вещам мог привязываться, как привязываются обыкновенно только к людям».

Даль имел с зятем кое-какие общие интересы, например, охоту, был с ним всегда вежлив в письмах, но отмечал, что сестра в своей семье довольно одинока.

Зато сам он и на расстоянии сохранял прочную душевную близость с ней.

Письма Даля к П.И. Шлейден уже упоминались в исследовательской литературе и цитировались, например, Ю.П. Фесенко, М.И. Фетисовым, В.И. Порудоминским. Однако полностью они никогда не публиковались. Ниже мы приводим (с очень незначительными сокращениями) тексты писем, написанных из Оренбурга в 1835-1839 гг.

Письмо, датированное 20-м или 25-м августа 1835 г. (дата неразборчива) сообщает кое-какие факты семейной жизни Даля.

Во-первых, в нем говорится, что дом, в котором жила семья до сих пор, продается, и на днях придется переезжать. Вероятно, имеется в виду переезд из дома, в котором Даль и его молодая жена Юлия Егоровна поселились по приезду в Оренбург в 1833 г. Как пишет Е.В. Даль, это был дом откупщика В. Звенигородского [264]. Дом этот не сохранился до наших дней, но оренбургский краевед В.В. Дорофеев установил по архивным документам его местоположение [276].

Во-вторых, из этого письма видно, что мать Даля, Юлия Христофоровна, перебирается из Дерпта в Астрахань, к дочери Александре.

В третьих, в письме Даль упоминает о братьях — Карле, к этому времени уже покойном, и Павле.

Е.В. Даль в своих воспоминаниях рассказывает [264, 265], правда, довольно бессвязно, о своем младшем дя-

дюшке, который был за что-то исключен из Дерптского университета. «Павел написал отцу пререзкое письмо на могера, — пишет Екатерина Владимировна — но отец отвечал, что в его глазах могер всегда и во всем будет безусловно прав». Непонятное слово «могер» четко написано в рукописи, хранящейся в рукописном фонде Пушкинского Дома. Оно понималось нами первоначально как название какой-то должности в университете. Но тогда почему этот человек безусловно прав в глазах Владимира Ивановича, который на собственном опыте в Морском корпусе узнал, что педагоги бывают разными и правы не всегда? При обсуждении этого вопроса у нас родилось предположение: а не ошибся ли переписчик, который, скорее всего, помогал Екатерине Владимировне? (Рукопись выполнена каллиграфическим, «писарским» почерком).

Может быть, писарь написал «могер» вместо «Мойер», и речь идет о хирурге Иване Филипповиче Мойере (1786—1858), родственнике и друге Жуковского, любимом учителе Даля и его соучеников, отцов русской хирургии Н.И. Пирогова и Ф.И. Иноземцева? Если Павел также учился на медицинском факультете и поссорился с Мойером, то понятно, почему старший брат был с ним так резок. Как известно из тех же мемуаров Е. Даль, Павел чувствовал себя виноватым перед матерью. Вскоре он заболел чахоткой и по совету брата отправился в Рим. В письме к сестре Даль пишет о младшем брате мало, и можно догадываться, что эта тема ему неприятна не только потому, что его сердит поведение брата, но и потому, что мало надежд на его выздоровление.

Сыну Даля, Льву-Арслану, в августе 1835 г. уже пошел второй год. Наверное, тетушка расспрашивала о нем в письмах, и отец коротко, но ярко и любовно описывает своего первенца.

Однако кроме семейных и хозяйственных забот Даль и его сестра обсуждают в письмах литературные дела Владимира Ивановича. Он немного жалуется на издателей, у которых залеживаются его рукописи и на столичных приятелей, обещавших помочь в издательских делах и позабывших об этом. Кроме того, Даль собирается прислать сестре свои работы для перевода на немецкий язык, видимо, по ее предложению. Паулина Ивановна пересылала свои переводы статей брата в газету «Петербургские ведомости», издававшуюся на немецком языке.

Письмо начинается с шутки, которая не совсем понятна без предыдущего письма Паулины, но из которой следует, что брат и сестра переписывались на четырех языках.

«20-го-25-го августа 1835 г.

*Я остался у тебя в долгу, сестрица, на всех языках: не только на немецком и русском, но, как вижу из найденного старого письма, и на английском; только на французском, помнится, оплатил долг свой исправно, подписавшись *votre très perfectionné frère etc*» («Ваш весьма совершенный брат и т.д.»).* Лето провел я в степи, сделал верхом я 1500 верст, а воротившись, захлопотался тем да этим, а больше ничем — а время прошло. Мы переходим на днях на новую избу [16]. Дом, в котором мы жили, продают. Новое жилье наше нисколько не хуже старо-

го: немного меньше, но чисто, опрятно, весело, со всеми угодьями и ухажаями, и стоит только 400 руб. серебром в год. Здесь это большая редкость, и судьба нас балует наперекор другим.

Будучи удален от Питера, не могу сладить с печатью и изданием своих рукописей: время понемногу уходит, а Смирдин завален работою (...), ему подавай: Жуковского, Пушкина, (...) да Крылова: их он издает ныне во всех видах и размерах. Вот почему и твоя рукопись лежит и ждет погоды. Если б я был там сам, все бы пошло.

Не знаю, где теперь бедная наша маменька. Если у вас, то скажи ей, что я получил от Кнорре счет и 230 руб., из коего числа 200 следуют Александре за откупленных на волю родителей Анны и Василия, а остальное маменьке, за проданные вещицы, оставшиеся после Карла. Деньги эти (издали) увезены Кнорре в Москву, не застали там маменьку и воротились в Николаев. Поэтому он их послал мне. Я пошлю их или передам, как только узнаю, где маменька. Дай Бог ей добратся, куда собралась — кажется, по последним известиям, в Астрахань. Сделай одолжение, упроси ее, чтобы она взяла у вас займы, на дорогу, рублей триста; я бы послал их, да не знаю, будет ли она наверное у вас или нет. (...) Хоть бы она доехала уж к нам, так бы успокоились.

Климат, право, везде один; он может дать отсрочку на две недели больному, но не спасает никого. И в южной Франции люди живут не долее нашего, и все, которых туда посылают лечиться от таких болезней, не возвращаются. Это пустое

[17]. Шерсть я (...) получил; когда увижусь с Куторгою, то напишу подробные расчеты. Чай и воротник прибыли в добром здравии; я думал, что писал и благодарил. Воротник очень хорош. Алешка, как видно, занят крепко своими делами и службою; Илья Муромец и все прочее пропадают без вести [18]. Беда, коли нельзя быть самому! Я уже поручил теперь дело другому приятелю, у которого есть время и охота. Может быть, дела пойдут лучше. Увидим. О Ротгане я также писал и просил осведомиться.

У сына моего глаза голубые, волосы не знаю, какие будут, теперь русые. Он бежит сам и ломает все, что в руки попадет. Большой разбойник. Полон рот зубов. У меня нет связи с иностранными издателями и писателями. Я не могу посылать туда свою работу. Кроме того, не намерен я более писать по-немецки; неловко как-то, и труды не вознаграждаются. Если бы словарь наш [19]. издавался потолковее, то было бы довольно работы; но опять беда (такая): у людей голова кругом ходит от миллиона, который выручили, и им некогда заниматься пустяками. Как-нибудь, авось и небось. Впрочем, первый том гораздо лучше, чем я надеялся. Я за него боялся. Рукопись для перевода на немецкий и для посылания куда угодно — пришлю тебе; дело будет неспешное и работа исподволь. Прощай, время печатать письмо, а жене некогда: перебирается и хлопочет с банками, склянками, горшками и другим скарбом.

В. Даль».

Следующее письмо написано 7 октября 1835 г., всего через месяц с небольшим после предыдущего. Речь в нем опять идет о заботах по изданию посланных в Петербург сказок, работе над статьями для энциклопедического словаря Плюшара и о семейных делах. Даль вновь сетует на трудности, вызванные невозможностью часто бывать в Петербурге, на занятость друзей, обещавших помочь в издательских хлопотах, на строгости цензуры. Письмо особенно интересно тем, что в нем говорится о наградах Даля и его отношении к ним. Здесь высказана точка зрения человека не просто скромного, а особенно щепетильного в общении с начальством и коллегами. Интересны также мимолетные замечания о жизни в Оренбурге, о привычках жителей города. Даль коротко упоминает о проведенных в городе скачках («скачке») и об описании этих скачек, подготовленном им для газеты «Северная Пчела», а также о начатой работе над показаниями русских, вызволенных из хивинского плена.

Упоминающийся в письме «П.П.», Петр Петрович, как видно из последующих писем, это муж Паулины, П.П. Шлейден. Он, видимо, как и сам Даль, заядлый охотник, и ему интересно знать все об охоте в Оренбурге.

Жена Даля ожидает второго ребенка. Мать, Юлия Христофоровна, должна скоро прибыть в Оренбург. В первых, к сожалению, не расшифрованных нами полностью строках письма говорится о Петре Осиповиче — это Кистер, муж сестры Александры, и о Луизе — это их дочь. Даль считает, что в Оренбурге ей будет лучше, чем в Астрахани, где сейчас служит Кистер: «У нас много милых барышень, с которыми ей было бы весело и хорошо, а там она одна», — пишет Владимир Иванович.

Вероятно, переезд семейства сестры в Оренбург планируется уже давно, но возникают осложнения с переводом зятя на службу к Перовскому.

Приводим это письмо с небольшими сокращениями.

«...Оказались затруднения со стороны начальства его (Кистера): требовали, чтобы Перовский командировал на его место другого; а здесь некого, да и никому не будет охоты ехать туда. Здесь при нынешнем начальстве всякому лучше. Мы теперь на новой квартире: немножко потеснее, но хорошо и уютно. Здесь так трудно найти жилье, особенно семейное, что такой дом, как у нас теперь, клад. Мы не должны с ним расстаться, покуда пробудем здесь, разве что хозяин сам выгонит...

На весну мы уедем, думаю, опять в степь, месяца на два, а к этому времени жена будет нуждаться в помощи и присмотре. Я спокоен в надежде, что маменька будет к тому времени здесь. Если она пропустит зиму, то в распутицу уже не попадет к нам, и жена осиротеет. Зимняя дорога, если осенью не удастся ехать - стоит недорого. Нельзя ли маменьке ехать с каким-нибудь (артельщиком) или иным хорошим человеком? Издержки я принимаю на себя, а человек найдет здесь службу, если захочет, у Перовского, который людям своим дает хорошее жалованье и в порядочных людях нуждается.

Самому мне никак нельзя ехать теперь за маменькой, потому что приходит пора работы моей, зимнюю, которую здесь поручить некому, а потому, что и не сразу приснится. Да и дорого обойдется ехать нарочно. Скажи все это, пожалуйста,

маменьке и др. Сестре Александре пишу я также сегодня и посылаю 200 р. из Николаева. Недавно у нас была скачка, которой описание найдешь в «Пчеле». На этой неделе поеду с Перовским на 5 дней в горы, на охоту, которая здесь так богата — расскажи это П.П. — знаю, не поверят люди, если б об этом рассказывать: сотня зайцев на десять ружьев в одно поле, дело обыкновенное; привозили мы и по 150.

Ты упоминаешь о наградах моих, по службе — об этом я, кажется, не писал тебе ничего — скажу теперь вот что: два чина, которые здесь получил, следовали мне за выслужением срока. Это не награда; а получил я Станислава 3-й степени да теперь еще 200 руб. денег. Но замечу, что я, при нынешнем положении моем, упираюсь руками и ногами противу наград. Еще прошлою зимою, когда Перовский был в Петербурге, написал к нему особое письмо, которое заключил таким оборотом, что принудил его сделать, чего мне хотелось, т.е. не представлять меня к наградам. На это у меня были свои причины, а именно: он и так уже сделал для меня много, и я хочу отслужить несколько и не оставаться у него в долгу свыше сил моих; во-вторых, у меня завистников довольно, знают же меня еще мало, а я не позволю никому попрекать себя, чтобы я получал более, чем заслуживаю, более, чем люди, которые работают долее меня. Это чувство для меня в такой степени нестерпимо, что мне без всякого сравнения гораздо легче переносить обратное положение дел, которое я испытал довольно резко у Ридигера, во время после Польской кампании. Но

полно об этом, можно бы наговорить с три короба, да я не совсем охотно пускаюсь на этот предмет. NB: скажи также П.П., что вальдшнепов бьем мы также десятками...

Напиши мне, не понадобится ли тебе что-нибудь из сибирских или китайских товаров? Я еду в феврале на Ирбитскую ярмарку...

Поверишь ли, что (...) цензура делает? Вымарала мне половину книжки, ни дай, ни вынеси! Запретила употреблять в сказке слово **чудо** — будто оно пригодно только для священных предметов; вымарала поговорку: **видно ты в солдатах не бывал**, **руки не знаешь** — не позволили князю Владимиру **низко кланяться перед Полканом**, словом, нельзя ни в каком уставе выразить тех придирок, которые цензура себе позволяет, а между тем, просить на них некому, да и пенять на них нельзя: обожжешься на молоке, будешь дуть и на воду. У меня еще книжки на две приготовлено запасу, да Бог знает, когда слажу напечатать. Если бы тебе случилось побывать у Ширяева — да нет; в Москве еще хуже печатать (нет даже порядочной типографии). От Ротгана нет еще ответа, хоть я просил два раза Алешку сходить к нему и поговорить... Словом, весь Петербург занят, а я в Оренбурге. И бург, да не тот. Теперь я занимаюсь приведением в порядок сведений о Средней Азии, показаний Русских пленников, и пр. и едва ли кончу все это прежде полугода.

Есть ли у вас в Москве тонкое верблюжье сукно? Мы здесь ходим, изволите видеть, в черкесках, а они

(шьются) всего лучше и дешевле из самоцветного верблюжьего сукна... Я теперь два года, считайте, в Оренбурге и два или три раза надевал порядочное платье: за это Оренбург наш — город золотой: ходи в чем хочешь: кто в шелку, кто в меху — никому нет нужды. Кажется, что до войсковых это не относится: те навытяжку, как всюду. Но и сам Перовский ходит в казачьем мундире.

Для энциклопедического словаря я теперь ничего не работаю — до времени; я писал им два раза, чтобы они объявили решительно, почем платят, и сказали, какие статьи обрабатывать, иначе я опять столкнусь в этом с другими и работа пропадет; они же молчат и ходят — как пишут другие, — ходят с Гречем по бульвару под ручку. Это хорошо, но дружба дружбой, а служба службой; я даром не намерен. В первом томе, если увидишь его, найдешь статей пять, маленьких, моей работы, во втором — не знаю, что будет; а посылал я всего, на четыре первые буквы, статей до 50. Впрочем, первый том вышел лучше, чем можно было, по поспешности дела (ожидать). Во всяком случае, предприятие важное и достохвальное.

Прощай и присылай нам скорее маменьку.

В. Даль».

1836-м годом датируются три письма В.И. Даля к Паулине Ивановне Шлейден. 7 марта Владимир Иванович сообщает сестре о том, что тремя днями ранее в его семье появился второй сын. Этот мальчик, названный Святославом, к сожалению, проживет недолго. «Развитие в нем было слишком раннее, — напишет впо-

следствии Екатерина Даль, — это был курчавый, белокурый ребенок с умными синими глазенками, всегда поднятыми к небу». Вероятно, так вспоминал о Святославе отец. К этому времени уже решился вопрос о переводе в Оренбург зятя, П.О. Кистера, мужа сестры Александры, о чем Даль и сообщает Паулине.

Письмо содержит весьма резкую характеристику редактора журнала «Библиотека для чтения» Сенковского, издавшего со своими исправлениями «Сказку о Георгии Храбром и волке», сюжет которой «подарил» Далю А.С. Пушкин. Кроме того, здесь упоминается о только что написанной Далем «Памятной книжке для нижних чинов Императорских казачьих войск» — сборнике правил, регламентирующих службу и жизнь казака, написанных в простой, доступной форме.

«Оренбург, 7-го марта.

Имею честь поздравить: прибыл казак, 4-го марта в 8 часов утра. Такой же молодец, как и Ленька, который зовет его: «мой баць»; т.е. мой братец. Жена совсем здорова.

Сперва о деле: если Кистер еще у вас, то скажи ему вот что: Перовский, вопреки просьбе моей и сам от себя, представляет, чтобы Кистера перевели сюда в Оренбург на то же самое место, которое он занимает пока в Астрахани; об этом я ничего не знал, а услышал от него, когда уже дело было сделано. Перовский писал, с сегодняшнею почтою, и просил, чтобы его перевели по артиллерии или по армии, и дали ему по особым поручениям. Это и должно вскоре последовать. Когда Кистер будет сам здесь, то может занять первую вакансию, их

и теперь уже немало, так что, кажется, место найдется. Это все, что я знаю, и, уполномочен будучи самим Кистером, дал на это свое согласие.

(Ширяев) на письмо мое не отвечал ничего; или ему некогда, или он одумался. Шиловского очень помню и люблю; не понимаю только, чего он от меня хочет в отношении ботаническом — я очень плохой ботаник и этим теперь не занимаюсь вовсе. Если придет к вам — кланяйся; он добрый малый, и спроси, где теперь Троцкий, товарищ его.

Неужели мы только 10 рублей должны вам?...

«Георгий Храбрый», сказка моя напечатана в «Библиотеке», но опять с такими исправлениями, что они меня вывели из терпения; я написал к Смирдину и требую, чтобы он отдал все рукописи мои и не печатал бы ничего моего в Библиотеке. Сенковский этот подлый, самолюбивый и нахальный человек, который оседлал теперь Смирдина и делает, что хочет.

Я написал, по поручению начальства, «Памятную книжку для казачьих войск». Я очень любопытен, как это получится и как ее примут. Это народная книжка, написанная простым языком, в которой излагаются все правила и обязанности казака.

Жена, подле которой я сижу и пишу, кланяется; она весела и здорова; (ей) уже гораздо лучше, чем в первый раз, хотя и тогда было недурно.

Между тем, надо кой-куда сходить (за делом) и за бездельем — а все-таки надо — и время уйдет; пора (кончать). Прощай; погоди немного. Напишу более.

В. Даль».

Следующее письмо было написано летом, во время отдыха на кочевке В.А. Перовского. Мы приводим его с небольшими сокращениями. В письме высказывается тревога за мать, которая уже некоторое время живет в Оренбурге, не очень сдружилась с невесткой и порывается вернуться в Астрахань к дочери Александре. Но в этом нет смысла, поскольку вопрос о переводе в Оренбург мужа Александры уже решился. Настроение матери тревожит и огорчает Даля.

Однако в письме есть и приятные новости. Во-первых, работа над упоминавшейся уже в письмах «Памятной книжкой для нижних чинов Императорских казачьих войск» успешно закончилась, книжка одобрена императором.

Во-вторых, Даль получил поручение написать аналогичную книжку для солдат, только это уже должно быть не просто изложение правил службы, а занимательное чтение, которое будет развивать, просвещать, обучать не только военному делу, но и расширять кругозор, воспитывать патриотические чувства. Речь идет, вероятно, о будущей книге «Солдатские досуги».

Упоминается также о том, что, несмотря на разногласия с Сенковским, редактором журнала «Библиотека для чтения», он не вернул Дально рукопись повести «Бикей и Мауляна», и повесть эта скоро увидит свет именно в этом журнале.

«4 июня 1836.

Речка Белегуш, Башкирия.

Не до писем было; а я виноват перед тобою, и перед Шиловским, и перед многими; сегодня отправлено вдруг до девяти писем. Мы теперь на летней

кочевке, в горах, живем весело в балаганах и кибитках; жена моя, маменька и дети в 30 верстах отсюда, у помещика адъютанта губернаторского Балкашина; вчера жена с детьми приехала ко мне, погостить; она раза четыре заболела лихорадкой (...), но теперь здорова и в деревне очень поправилась. Дети тоже. Не знаю, нравится ли маменьке у нас, довольна ли она — кажется, не совсем; Бог знает, как это так сделалось — и я и жена все готовы для нее сделать, но, может быть, не умеем, делаем неладно, не вовремя. Мне, признаюсь, кажется, будто она с самого начала не совсем полюбила жену мою, которая, право, любит ее всею душою, но, может быть, не умеет это показать. Как это странно и нехорошо на свете, что иногда добрые, хорошие, благомыслящие люди не могут сойтись без всякой вины и причины.

Впрочем, это одна догадка с моей стороны и речей об этом не было никаких. Между тем, она все порывается в Астрахань и я не знаю, как быть; Перовский говорит, что это было бы весьма неосновательно, если бы я ее отправил или увез туда, чтобы ей взад и вперед проездить; (слишком дорогая дорога) потому что перевод Кистера сюда ожидается с недели на неделю. Клейнмихель уехал, до сентября, в отпуск, и это может задержать дело; но (все говорят) неблагоприятно ехать теперь в эдакий дальний путь с тем, чтобы воротиться опять через несколько месяцев; дорога трудная, дальняя и хлопот и расходов было бы много. Другое дело, если бы Кистер оставался там, тогда бы я (ее) не держал ни дня.

Памятная книжка моя, о которой ты спрашиваешь, удостоилась полного Высочайшего одобрения и распространена во все казачьи войска; кроме того, поручено мне написать еще нечто подобное, более простое в виде... народного чтения для солдат. Это мне очень приятно; и это занятие, за которое я взялся бы охотно и с большим чувством самоуверенности; в этом роде я могу быть полезен.

«Мауляна» моя, хотя я три раза писал, чтобы ее отдали назад, но напечатана в «Библиотеке» и скоро выйдет...

Далее в письме — о трудностях публикации. Благодарность за хлопоты. Сообщение о том, что «еще раз убедился в удивительной, истинно чудесной действительности гомеопатии».

Прощай, будь весела и здорова, как мы.

В. Даль».

Третье письмо за 1836 год датировано четвертым ноября. Здесь содержатся невеселые сведения о здоровье бабушки и брата Павла, но общее настроение письма жизнерадостное.

Даль собирается вместе с Перовским в командировку в Петербург, и, хотя ему несколько тревожно за жену, которая надолго останется одна с маленькими детьми, он рад предстоящей поездке, скорым встречам с сестрой, петербургскими родными, друзьями.

В этом письме между прочим упомянуто о покупке дома. Как писала в своих мемуарах Екатерина Даль, покупка эта совершилась случайно. «Он никогда не думал покупать себе дома, но какой-то отъезжающий до

тех пор пристававал к отцу, купи да купи у меня дом, что в самом деле купил».

1 ноября (1836).

«Ты пиши, папа, — говорит сын мой, сидя у меня на плечах, — а я отвезу письмо тете Пальвине» — т.е. Паулине.

Нет, чуть ли я сам его не отвезу, или по крайней мере поскачу вскоре за ним в погоню — так, я еду скоро в Питер и еду один, жена не решается покинуть ребятишек. Я еду с Перовским, по делам, иначе бы гораздо охотнее остался здесь, как быть? А несмотря на все уверения Юлии, думаю, что ей очень грустно будет здесь, а матери ее и вдвое того жаль [20]. Как быть? Надобно стараться как можно скорее воротиться, и я думаю, что в феврале, коли не раньше, непременно поспею назад. Рад я увидеться с вами, и с петербургскими друзьями, приятелями и родичами — а все жаль покидать месяца на три жену — не для себя, я не встоскуюсь. Да ей будет тошно; и дом, и хозяйство, и люди, и дети, а хозяина нет; хлопот и неприятностей куча!

Мне позволят приостановиться у вас на несколько дней, пусти меня в комнату Эдмунда, мы с ним уживемся. Потолкуем кой о чем — да опять разъедемся. Подумаешь — я теперь в такой достатке относительно житейского быта — что мне, право, по совести остается только изливать молитву свою чистою благодарностию, просьбы у меня нет, кроме: продли нынешнее наше положение. А между тем — сколько мелочных, суетных, пустых, но докучных хлопот, ни дня без досады! Как быть?

Зато прогулявшись да воротившись — заживешь вдвое уютнее и веселее, как душа потянется на свой очаг. В гостях хорошо, дома лучше! Жена сделала при этом одно только условие: чтобы весной не держать ее ни под какими предложениями, а отпустить куда-нибудь в деревню. Ей летом так душно и скучно в городе, что мочи нет; в деревне каждый раз она молодеет душой и телом.

Маменька теперь живет у нас немного привольнее, по крайней мере своя комнатка, отдельная, в сторонке. Не знаю, скоро ли будет сестра, ждем, но ее мужу еще не приехал на смену Бабарыкин, а там пойдет сдача.

Ты же знаешь, что мы живем в своем доме: дом хорош, и мы очень довольны покупкой.

Теперь у меня до вас просьба: у меня нет теплого плаща; здесь носил я тулуп, лошадиный чепрак и проч., там этого нельзя будет; надо обзавестись. Ген. Циолковский, который все знает, посоветовал мне купить в Москве песцовый лапчатый мех; самый лучший стоит 120 руб. Мех дешев, прочен и хорош. Ц. посылает меня в большой ветошный ряд, в лавку Ефима Ломова, уверяет, что лавка эта одна из найдешевейших и что меха хороши. Посылаю 200 руб.; Нельзя ли просить Эдмунда, чтобы он построил это? Шубу подберут там же, в лавке, а воротник я привезу с собою. Покрыть ее сукном рублей в 10 - 12, какого цвету неважно, не маркового. Проси об этом Эдмунда, я ему спасибо скажу. Если может быть дешевле тридцати, то пусть возьмет сукна вал, небольшую штуку, и справит мне также легкий

плащ; и этого у меня нет, оно и кстати. И остаток пригодится мне. Впрочем, виноват, камлотовый плащ лучше; я его могу сделать в Питере. Летнего не шейте. Посылаю 200 рублей.

Письмо от брата Павла привезу лучше сам. Не совсем хорошо, не совсем и худо; так будем надеяться и Господь с ним!

У меня теперь все хорошо; Да и маменька вполне здорова. О бедной бабушке чай слышала? Слегла, сердечная, в эти лета чтобы промучиться, и проживет долго, но не встанет! Костолом (...) развился в высшей степени, и она одна не может и повернуться!

Все горе да горе кругом — как не благословлять судьбы, пока у меня все так хорошо?

Прощай, до свидания. Я привезу П. Петровичу впрок шитый сюртучок; мягкая, теплая вещь; может быть, станет он носить ее, выходя на фабрику и пр. У нас здесь весь город в них ходит. Не продует! Прощай!

В. Даль».

Начало 1837 года было весьма напряженным как для оренбургского военного губернатора В.А. Перовского, так и для его чиновника особых поручений В.И. Даля. Во время поездки в Петербург, о которой шла речь в предыдущем письме, решалось множество самых разных вопросов, связанных с делами края. По трагической случайности дуэль А.С. Пушкина произошла как раз во время пребывания Перовского и Даля в Петербурге, и оба приняли самое горячее участие в последовавших событиях.

Кроме того, Даль в этот свой приезд в столицу встречался со многими писателями, издателями, журналистами, намечал новые планы своей литературной работы.

Возвратившись в Оренбург раньше Перовского, он к приезду губернатора приводил в порядок отчет по делам края за прошлый год. Затем город готовился к встрече цесаревича Александра Николаевича, совершавшего путешествие по России. В свите наследника находился и его воспитатель В.А. Жуковский, которого и Перовский, и Даль встречали еще и как близкого друга.

18 июня Владимир Иванович провожал будущего государя до Уральска. Именно в этот день в семье Даля случилось, по-видимому, неожиданное несчастье: умер младший сын, которому в марте исполнился год. Спустя месяц Даль пишет сестре:

Июля 20-го 1837.

«Четыре года сряду тешила судьба нас житейным и семейным счастьем и только изредка разве (...) и суетные случаи напоминали нам истину древнего (изречения): нет счастья на земле! Вот и мое семейство познало горькую утрату, по которой молодой и крайне чувствительной матери перенести тяжело; невелик человек, а дом теперь пуст! 18-го июня, в день маменькиного рождения, часу в 3-м ночи Святослав скончался. Я, по приказанию В.А., ездил за наследником в Уральск, воротился уже в тот же день, 18-го в полдень. Юля теперь спокойна и вынесла всю беду лучше, нежели я полагал.

От самого приезда в Оренбург и по нынешний день, право, как-то все делалось так спешно, густо и суматошно, что я еще не опомнился; зима прошла,

весна прошла и лето проходит — а у меня не было еще свободного дня, где бы можно сесть и подумать и опаматоваться. Вот и теперь: пишу к тебе, а сам думаю о другом, передо мною лежит грудa бумаг. То большое, то малое, но все (...), а в голове так пусто и бестолково, что не «схаменешься», как говорят на Украине.

Маменька здорова изрядно, у Кистера живет она хорошо и удобно, в особой отдельной комнате и поэтому спокойна — насколько может оставаться; ей не годится жить среди семейства, среди хлопот и суеты житейской, где она видит и слышит все вздоры и (...), и все это рождает разные неприятности. У нас вовсе не было такой отдельной комнатки и это было крайне неловко.

Скоро уберемся мы, думаю, на кочевку, тогда уж будет наверное время просмотреть твои тетрадки, и пр., пр. и я это сделаю. Не нужно тебе посылать ко мне список с твоего перевода «Козьего пуха», если не списала еще, — я увижу статью в С.Пб Газете. Сейчас послал за (...) и если достану, то прямо по (...) сделаю поправки, без которых нельзя передать статью эту в ход; сделай также выноску или замечание, что статья эта была напечатана на русском с погрешностями и опечатками в именах и годах, которые здесь, по указанию сочинителя, исправлены».

В этот день письмо, видимо, осталось незаконченным. Даль продолжает его 25 июня, по всей вероятности, узнав, что ему придется изменить свои планы. Вместо отдыха на кочевке предстоит новая командировка.

Он пишет: «...принимаюсь за работу теперь — иначе опять пойдет на веки веков, потому что я скоро еду с Перовским по губернии», и затем следуют поправки, сделанные к статье «О козьем пухе», которая была опубликована в журнале «Библиотека для чтения» в 1835 г. и которую теперь Паулина переводила на немецкий язык. Поправок немного. Среди них есть уточнения собственного текста, но есть и сердитые замечания по поводу редакторских изменений, внесенных Сенковским, с которыми Даль не может согласиться. После подписи, сделанной по-немецки — Wolmar — следует интересный постскриптум: *«Если затем — или просто если, будете писать в Николаев или Одессу, то проси Петра Петровича, чтобы он не забыл, что обещал достать через Леонтия Петровича из Херсонских степей дикую лошадь, т.е. шкуру ее и отослать академику Брандту в Петербург; да еще проси Эдмунда, чтобы он купил мне с пяток (...) и медных порошниц, и пришлите при случае; мои расхватили здесь все, а мне нужно».*

Через несколько дней, в Уральске, во время командировки, у Даля появляется время для более обстоятельного письма, и он несколько подробнее пишет сестре о своем семейном горе, осмысливает его, понимая необходимость по возможности стойко перенести утрату. Даль мало говорит о делах, которые привели его в Уральск. Поездка, в которой он сопровождал Перовского, была связана с волнениями в казачьем войске и ее нельзя было описывать в личной переписке. Зато он довольно обстоятельно рассказывает сестре о своей литературной работе. Опять упоминает «Памят-

ную книжку для нижних чинов Императорских казачьих войск», сообщает, что закончил «Солдатские досуги», повесть «Бедовик», рассказы «Болгарка» и «Подольянка». Кроме того, он сообщает Паулине о замыслах, связанных с двумя будущими своими произведениями — рассказом «Уральский казак» и повестью «Майна», которая также, как «Бикей и Мауляна», посвящена жизни и быту казахов, но будет «не так плачевной». Таким образом, в этом письме упомянуты восемь весьма значительных произведений Даля-писателя, из которых шесть впоследствии многократно переиздавались.

4 августа, 1837 г. Уральск.

«Давно, давно и очень давно, сестрица, не писал я тебе ни слова. Сперва почти некогда было, работал, сколько сил было над отчетом за прошлый год, который следовало кончить к приезду В.А., потом то, другое, третье, — дело затянулось, я заленился и, когда, проводивши наследника в Уральск, воротился я домой в обед на маменькино рождение, то нашел Святлашу своего на столе. Долго не верилось нам с женой в беду и горе. Вот, так были мы избалованы в четыре года нашего брака счастьем; особенно для нее это было что-то новое, к чему она не привыкла. Меня уже не так легко удивить и сбить с толку — грусть и горе не гложет меня и не убивает через меру, а так, заставляет иногда только призадуматься на счет будущего и прошедшего и — предать дело воле Божией. Не миновать же того, чтобы умереть, ни нам, ни детям нашим; а коли оглянешься назад, поглядишь вперед, то видишь и тут и там одну только Вечность — то как-то сове-

стно придавать муравьиному бытию своему такой вес и важность. Ничтожно и суетно привязываться к житейским заботам до такой степени, тогда как час, сутки, год и десять лет в сравнении с этою вечностью так же ничтожны, как один миг в жизни нашей. Коли Богу угодно сохранить и вырастить мне живаго сына, то не стану плакать по мертвым.

Жена крепко порывалась куда-нибудь в деревню, ей летом в городе неимоверно скучно. Мне нельзя было ехать, и мы уже думали оставаться на все лето дома, как В.А. П. вдруг собрался и поехал, за делами, в Уральск и мне велел ехать с собою. Поэтому я в тот же день отправил жену с Арсланом к Циолковскому в деревню, где они живут довольны и веселы уже около месяца, а мы сидим в Уральске, откуда, однако, скоро отправимся домой.

Тогда надобно опять засесть на полгода, до весны, и поработать.

Посылаю тебе, при открывшемся случае, книжечку мою, которая наконец вышла. Кой-что выкинуто, но, спасибо, ничего не переменили. Она разослана во все казачьи войска [21]. Теперь я приготовил: «Солдатские досуги», книжка, которой выйдет, если Правительству будет угодно, несколько частей и которая назначена для солдатского чтения и включает дельное и шуточное, забавное и поучительное, в коротких, перемежающихся между собою статьях. Не знаю, как она понравится.

Между тем написал я еще повесть «Бедовик» — мне она нравится больше всех моих повестей — и

«Болгарка» и «Подольянка», два рассказа, которые, по-моему, менее важны. «Болгарка» будет, кажется, в «Наблюдателе», но «Бедовик», возможно, поступит прямо в (читку). Сущая беда эти господа книгопродавцы, издатели да передаватели! Как только сам не на месте, то не добьешься никакого толку. Так по самой (сути) и новый мой издатель, заключив со мною условия и выдав половину денег наперед, замолчал и молчит. Я много заготовил запасов про (...), которые доныне деются и творятся в Уральском Войске, нрав и быт совсем отдельные, особые; обычаи и отношения мало известные, но замечательные и достойные любопытства. Заготовлено у меня также все для новой «Киргизской повести», не так плачевной, как «Мауляна», а более забавной — и смешная, шуточная, забавная сторона азиатского, степного быта, кажется, будет новой [22].

Все это, и старания, и работа, и труды наши — все это так пусто; все пропадет как есть и кажется, не стоило бы и начинать — но на что же дан человеку ум-разум и душа, если не на временное творение? Кто угодит на лучших современников своих, тот жил для всех веков и для потомства. А свыше сил своих никто не живет.

Прощай и будь, сколько можешь, здорова».

Еще одно письмо 1837 года расшифровано нами не полностью и приводится частично.

Оренбург, 4-го окт.

«Много бы, кажись, в сутках времени, да при дележке не поровну на всех достается: кому делать нечего, у того досугу много, кому есть что

делать, у того не хватает часу», — таким похожим на пословицу высказыванием начинается это письмо.

Не стоит и говорить о том, что Далю «не хватало часу» постоянно. Сестра продолжает переводить его работы на немецкий язык и по ходу дела у нее возникают вопросы, на которые брат отвечает и в этом письме. Он пишет о поговорках, которые нередко перекликаются в разных языках, обращается при этом к зятю:

— *«Петр Петрович знает много немецких поговорок, которые могут заменить русские»*. Затем упоминает об очередной своей сказке, о статье, посвященной возведению моста через Вислу, которую, как и сказку, Паулина собирается переводить, о другой работе, посвященной русским невольникам в Хиве. Эта проблема в тот момент была одной из основных для канцелярии Оренбургского военного губернатора.

— *«Сказка «Чингиз-Хан» [23] напечатана в «Сыне отечества» 1835, №4; и она там с большими ошибками. Я пришлю ее списанную, вместе с описанием моста. Если поместишь в Немецкой Газете отрывок о невольниках наших в Хиве, то можешь сделать оговорку: «Молва говорит, что ныне правительство наше приняло меры для их освобождения, и если верить слухам, по-видимому, достойным вероятия, то пленники наши будут вскоре возвращены в Россию...»*

Даль рассказывает сестре о гибели писателя-декабриста Александра Марлинского (А.А. Бестужева) (1797–1837), убитого в стычке с горцами на мысе Адлер 7 июня 1837 года.

«... Марлинский не умер, а убит горцами. Он недавно был произведен в офицеры, находясь непрерывно в стычках и сражениях, и был уже раза два или три ранен; при нападении ночью на горцев переправился он с командою через какую-то речку и едва успел выскочить из лодки, погорячившись, кинулся в толпу и был изрублен шашками на месте. Дар его был силен, но он попал не на ту тропу; проза его так вычурна, изыскана и кудревата, что природа остается у него в одном только этом слове, которое он часто повторяет. Жаль также, что нравственная половина его не отвечает умственной; сердце отстало от головы, если не силою чувств своих, то по крайней мере благородством.

Между ним и Пушкиным, о котором ты поминаешь в то же время, в этом отношении была большая разница: этот грешил в свое время порывами молодости, легкомыслия и как бы назло судьбе и людям, которые его огорчали и не понимали; тот готов был посягнуть на все. От этого они не сошлись, и Пушкин его не жаловал...»

Заканчивается письмо так же, как и начинается — жалобой на недостаток досуга для спокойной работы:

«Время у меня изорвано на клочки и я не могу приняться ни за что порядочное; чтобы написать что-нибудь (...) и потолковее, надобно месяц-другой не отрываться и не развлекаться. Поэтому пишу повести, сказки, как письмо это, урывками и думая о другом. Запасов у меня наготовлено много; дай Бог пожить еще на свете, нарадоваться благоденственным положением моим, которого лучше и счастли-

вее желать было бы грешно, и со временем да помаленьку будем подвигаться вперед. У нас все здоровы. Прощай.

В. Даль».

Наступивший 1838 год стал самым трагическим для В.И. Даля за весь оренбургский период его жизни: летом он потерял жену. Однако, как видно из письма от 27 февраля, в начале года ничто еще не предвещало беды. Письмо написано через пять дней после рождения дочери, которой еще не дали имени. Даль хочет назвать ее Ольгой, однако это имя он даст значительно позже уже третьей своей дочери, родившейся от второго брака в Петербурге. Старшую дочь назовут Юлией в память матери. Считается, что появление этого ребенка стоило жизни Юлии Егоровне, однако из письма видно, что это не совсем так. Это письмо пока еще очень счастливого человека, и лишь одна фраза похожа на слабое предчувствие беды: Даль пишет, что боится какой бы то ни было перемены в своей жизни...

Он по-прежнему посылает сестре свои статьи для перевода и публикации в немецкой газете, опять упоминает о «Памятной книжке для нижних чинов Императорских казачьих войск», опубликованной в 1837 г., описывает новое жилище, куда совсем недавно переехала семья, это уже собственный дом.

В письме рассказывается также о «четвергах» — традиции, родившейся в Оренбурге и поддерживавшейся Далем позже, в Петербурге. Вместе с несколькими своими товарищами он организовал нечто вроде регулярно

собирающегося научного кружка. Эти встречи по четвергам продолжались до самого отъезда Даля из Оренбурга, а в Петербурге именно на этих «четвергах» было основано Русское Географическое общество.

Интересно и упоминание Даля об успехе в лечении сестры Александры. Вероятно, она, как и многие другие члены семьи, страдала легочным заболеванием. Даль вылечил ее гомеопатическими средствами.

«Орен. 27 февр. 1838 Ответ: 15-го марта.

Хоть на скорую руку, любезная сестра, черкну несколько строчек - давно, давно я тебе не писал. Очень, очень опечалило меня известие о смерти бедной Аннеты; как это должно быть больно бедной матери, которая жила только для детей и только ими! Что будешь делать; потужи, порыдай, да и только. По-немногу все туда пойдем; это так, да привыкнуть к этому некогда, потому что раньше часу не умираешь.

Чингис-Хана переписал, да не знаю, посылать ли, годится ли для перевода. Я еще подумаю. Историю моста позабыл послать, у меня она еще не вся полна. Есть ли у тебя Памятная книжка?

Статью о козьем пухе видел; она очень хороша и в одном только месте, не упомяну теперь где, вышло, впрочем, самое незначительное недоумение.

Я всю зиму был завален работой и ничего для себя не сделал, а теперь, хоть и есть досуг, да как-то утомился, нет охоты.

В новый покой свой — большой, просторный — поставил я верстак и станок токарный, потому что сидячая жизнь меня убивает, а здоровье нужно не на один год или два, а если угодно еще пожить, то

лет на десяток-другой. Поэтому я каждый день часа два работаю на станках своих до усталости и бываю здоровее и веселее.

Не забыть бы сказать, что у меня 22-го февраля родилась дочь, кажется, будут звать ее Ольга и Софья. Первое имя от меня, второе — от крестного отца. Жена здорова и весела; я продержал ее неделю в постели, а сегодня она встала. Ребенок тоже здоров. Арслан теперь, в эту минуту, не дает мне покою, заложил два стула, и приглашает меня садиться и ехать в Москву, к тете Павлине. Он весь дом ваш, не исключая никого, знает по именам и часто рассказывает, что вы делаете. Когда показали ему поутру сестру, то он очень обрадовался и уверял, что Бог опять прислал к нам Святослашу. Он теперь все с нею нянчится, кормит и поит ее и носит ей свои игрушки.

Не помню, писал ли я тебе о наших «четвергах». Нас собралось теперь десять человек, мы собираемся по четвергам поочередно у двух, у меня и генерала Генса, и каждый по очереди занимает остальным вечер своим предметом. Тут один говорит об истории, другой о кайсаках и башкирах, третий о сравнительной анатомии, четвертый о Бородинском сражении, пятый о расколах, и пр., и пр. Затея очень хороша, идет досель довольно удачно; несколько статей были довольно любопытны и занимательны, так что это можно и должно напечатать. Может быть, мы составим из них сборник.

Маменька теперь в здоровье своем не плоха; по временам случается, что и чего-нибудь непоздоро-

Вот и письмо к сестре от девятого июня — одно из самых больших и интересных. Конечно, значительная его часть посвящена жене. Даль откровенно рассказывает о том, что как врач здесь бессилен, да и коллеги помогают мало, однако он еще всей душой надеется на благополучный исход болезни, тем более, что наблюдает, как ему кажется, некоторое улучшение. Тут же он рассказывает о несомненном успехе в лечении сестры Александры. Он уже писал об этом в предыдущем письме, и Паулина, видимо, хотела знать подробности. Вероятно, ее обеспокоили упомянутые братом сложности в отношениях между родными, она просила побольше рассказать и об этом. Он рассказывает обо всем предельно искренне и откровенно, не без грустного юмора. Маменька, жена, зять, его домочадцы — очень разные люди, с трудом находящие общий язык.

Как и в предыдущем письме, упоминается о «четвергах» и желании издать сделанные на них доклады. Говорится о газете, которую, по-видимому, присылала Паулина и которую читали по очереди все знакомые. Наконец, из этого письма видно, что Паулина, как и другие члены семьи, пыталась писать. Даль дает сестре продуманные и четкие советы и высказывает здесь свою не раз звучавшую и в других письмах и беседах мысль о том, что писать следует на том языке, на каком думаешь. Следовательно, сам Даль думал по-русски задолго до того, как дом его стал полностью русским.

«9-го июня 1838.

Давно уже не писал я тебе, любезная сестра, и это письмо, вероятно, дойдет еще не торопясь — потому что повезло с попутчиком. Что писать?

Все ждал чего либо хорошего и все еще не дождался. Со времени родов жена все больна, лежит уж более 2-х месяцев и была очень опасна. Сейчас, кажется, лучше; но оправится она не скоро. Тяжелое было и для меня время, одурел совсем. Болезнь ее загадочная, тяжкая, обнаруживалась постоянным кашлем — при здоровом состоянии груди — и лихорадкой (...) которая, однако, же только по виду походила на обыкновенную лихорадку, а таилось что-то совсем иное. Обнаружилось страдание печени. Какое? Неизвестно. Всякий день собираются у меня все четыре медика здешние и советуются. Я не мог сам собою ни на что решиться. Вероятно, омеопатия пособила бы ей, как и помогла удивительным образом сестре, но у меня голова и сердце были не на месте, я ничего не мог делать, а притом еще и посторонние люди сбивали меня со всех сторон пересудами своими и я передал больную во власть и волю другим. Но что эти совещания? Редко, редко выходит толк. Обычно то, о чем, кажется. Шиллер сказал:

Einzelnen ist jeder der Herren lediglich gescheit und vernünftig; sind sie beisammen — gleich wird einer ein Dummkopf daraus! [24].

Теперь, кажется, лучше, и я поспокойнее. Маменька опять у нас и ходит также за больною. Сестра удивительным образом поправилась после нашего омеопатического лечения и видимо поправляется после каждого приема, она была очень близка к смерти: изнурительная лихорадка (...) длилась уже недели две, три. Теперь она здоровее, чем запомнится в течение многих лет и еще, по моему

настоянию, отправилась пить кумыс, месяца на два, в татарскую деревню, верстах в 40. Это непременно поставит ее на ноги на многие годы.

Луизе кумыс также очень пригоден, если она только не заупрямится и станет пить его: а она уж здесь и оговаривала: да на что еще — да зачем мне — я между тем ползаю как кажется и ползаю день за день.

Спрашиваешь о Кистере: Место его хорошее, на беду ловчейший из подчиненных его примерный мошенник и негодяй; поэтому беспрестанная война и неприятности. Впрочем, Кистер тоже большой руки чудака; примерно упрям, примерно беззаботен относительно жены и хозяйства — хотя и ездит сам за говядиной и держит пять лошадей, на которых, однако ж, сестре нельзя выезжать, потому что ни одна не ходит в паре и пр., и пр. Маменька на беду не может говорить ни о чем без горьких замечаний и колкостей, одевает всякое неудовольствие свое и других в эпиграмматический кафтан, с Луизой или не говорит вовсе, или беспрестанно шпигует ее, при своих и при чужих — та от нее бежит — вот на чем основаны недоразумения, о которых ты спрашиваешь. Иногда, если маменька соберется с духом, проходит несколько времени довольно спокойно, но отношения все-таки принужденные и напряженные. Теперь, во время болезни жены, маменька уж недели две у нас, заботится и хлопочет день и ночь, предупреждает каждое желание больной со свойственным ей самозабвением. Между тем, если жена выздоровеет, то маменька скоро опять у нас не

покажется. Я знаю, что и здесь опять обе виноваты, жена — настоящий ребенок, не умеет вовсе подумать о ком-нибудь, угодить, приладиться и позаботиться — но это уже точно природа ее и переиначить этого невозможно. Она же очень раздражительна и чувствительна и не терпит острот и колкостей, без которых с другой стороны не обойдется — и вот опять беда и разладица! Впрочем, все это я описал тебе в самых черных красках, потому что и я как-то смягчать и скрадывать не мастер — сцен и приключений ни тут ни там никаких не было и все, по-видимому, шито и крыто. Я говорю о том, что сквозит, о чем можно догадываться и не следовало бы, может быть, писать на бумаге; но не хочу остаться у тебя в долгу, перед тобой не потаюсь. Я, слава Богу, лажу со всеми, да больно на это глядеть.

Четверги наши кончились, все разъехались, а зимой, может быть, возобновятся. Маловато дельного народу. Впрочем, все-таки статей и заметок набралось довольно замечательных; вероятно, будут они напечатаны. Караван твой уехал из Оренбурга по крепостям, на Линию — газету держат человек с десяток вместе — когда воротится, прочту. Часто спрашивал, но еще нет.

Я начал было, по просьбе твоей, пересматривать рукописи твои — не думай, чтобы они у меня завалялись — но сделал не много, и продолжаю, тем же простым пером, письмо[25]. Устал. Это можно бы сделать на словах, а читая, надо писать недоумения на каждое слово, и все-таки не растолкуешь,

чего хочешь. Комедийки твои хороши по вымыслу и обстановке, но язык, слог не годится. У тебя все затоплено германизмами, ты думаешь не по-русски, — а эдак писать нельзя. Необходимо думать на том языке, на каком пишешь, иначе выйдет перевод. Попробуй, пиши что-нибудь, но приневожь себя думать по-русски. Но переводами испортишь слог, переводить не советую; невольно следишь за подлинником; это бывает со мною и (по часту). А Русский Язык упрям; его насиловать нельзя, не дается.

В(асилий) А(лексеевич) и половина города выехали; Мы на кочевку, видно, не попадем. Бог милостив, надеюсь, что жена понемногу оправится.

В.Даль».

К сожалению, улучшение в состоянии больной оказалось временным.

Впоследствии Даль рассказывал, что кончина Юлии Егоровны была, несмотря на долгую болезнь, все-таки довольно неожиданной: собираясь лечь спать, вдруг вскрикнула, на лбу выступил холодный пот, едва успела сказать мужу несколько прощальных слов... Как видно из предыдущего письма Даля сестре, и сам он, и другие медики, и, видимо, вообще медицина того времени были бессильны не только в лечении, но и в диагностике ее болезни. Осмелимся предположить, что это было какое-то заболевание сердца, осложнившееся после третьих родов.

Письмо, написанное Далем сестре спустя два месяца, хотя и глубоко проникнуто горем, все-таки поражает мужественным, трезвым отношением к этому горю.

Он пишет словно не о себе, характеризуя свое состояние как болезнь, против которой нет никаких лекарств, кроме времени и терпения. Даль принял приглашение Перовского и живет на его кочевке, где так любила бывать жена. Письмо без числа, на нем пометка Паулины Ивановны, говорящая о том, что ответ она отправила 14 сентября 1838 г.

«Тяжело, сестрица, и не знаю, как быть, как привыкать. Люди, у которых горе вырывается наружу, которые могут рассчитывать в подобных случаях наружными знаками отчаяния, у которых всякая беда бьет в кость и в ноги — скоро отдыхают и забывают; тело изнемогает, временно, под бременем удара, душа рвется и бьется, и засыпает вместе с телом. Сон этот дарует новую крепость и силу, новые обстоятельства и отношения развлекают мысли и душу — и горе забыто.

Не так бывает у людей, которые не умеют заставить плоть, тело поработать вместо и на счет духа, у которых внешняя, наружная жизнь как-то всегда и при всех обстоятельствах довольно ровна и однообразна — здесь дух должен рассчитывать за духовное, и ему подставы нет.

Знаю, что миллионам суждено испытать то же, что и мне; что миллионам определено нечто более тяжкое — верую в Творца и в посмертную жизнь, понимаю суетность, бренность, ничтожество каждодневной жизни, этого векового муравейника, переносу смиренно все и готов перенести еще более, не сломит меня никакое земное горе, не лишит меня — так я твердо уверен и

надеюсь — рассудка: но если природа, Создатель, вложила в меня потребность, нераздельную с сущностью моею, и если лишает меня в то же время навсегда средства утолить потребность эту, любить, донельзя любить жену — тогда не могу не сознаться, что это выходит сказка о Тантале в лицах. Терпеть могу; сносить, молчать — но не могу дать себе ни покою ни улады — не могу даже понудить себя к бесчувствию, равнодушию, к этой преждевременной смерти духа; первой потребности, без которой нет спокойствия ни одной минуты в течение целых суток — нет; болей, молись и жди — что будет, то будет.

Живу опять на кочевке, где так хорошо, так хорошо, что не расстался бы век — горы, леса — новый вид на каждом ста шагах — и все это упорно и насильственно напоминает мне только, как бы она радовалась всему этому и утешалась; а без нее и тут скучно, грустно насмерть. Впрочем, я думаю, никто этого не видит; я по наружности почти тот же человек, что и был; немножко более прячусь от людей, и то только иногда.

Зачем я все это тебе пишу? Мне, может быть, от этого будет на время полегче, но тебе будет тяжелее и лучше бы мне молчать.

В.А. вероятно поедет зимою в С.-Пб; если прикажет, то конечно и я с ним; но по своей воле не хочется, очень не хочется. Что я там буду делать? Сотни новых лиц, огромное знакомство, которое всегда было мне в тягость, а теперь и подавно.

Развеемся, кажется, не могу. Надобно дать с год место покою и одиночеству, чтобы я переработал все это сам, от себя и в себе, иначе не будет легче. Прощай, любезная сестра, кланяйся своим.

В.Даль».

Как видно из следующего письма, Даль все-таки поехал с Перовским в Петербург. По-видимому, он как всегда побывал проездом у Паулины в Москве. Это свидание было для него печальным: Даль видел, что сестра тяжело больна. «Еще в свой последний проезд через Москву — напишет впоследствии его дочь — он собрал своих товарищей докторов, и на консилиуме они все положили, что у нее внутренний рак». Если верить воспоминаниям Екатерины Владимировны, то этот роковой диагноз Паулине ставили еще многими годами ранее, когда Даль учился в Дерпте. Однако, видимо, теперь ее состояние значительно ухудшилось. Зная это, с особым волнением читаешь первые строки письма от 12 июня 1839 года. Владимир Иванович старается поддержать сестру, внушить ей веру в выздоровление.

Письмо это содержит интересную информацию о новостях Оренбурга: здесь появились новые, близкие Далю, люди. Среди них — будущие участники Хивинского похода естествоиспытатель Александр Леман, художник В.И. Штернберг и капитан-лейтенант Л.Н. Бодиско, который приехал для топографической съемки берегов Каспийского моря в целях перенесения Ново-Александровского укрепления на новое место. Появился в городе и еще один врач, давний, еще со студенческих лет в Дерпте друг Даля Карл Розенбергер.

После смерти Юлии Егоровны прошел уже год, Даль постепенно возвращается к полноценной жизни, общается с друзьями, радуется подрастающим детям.

Это письмо, в отличие от предыдущих писем сестре из Оренбурга, написано по-немецки. Приводим его в переводе Г.П. Матвиевской.

«Милая, добрая Паулина!

С последней почтой мы снова получили от Шлейдена известия о тебе, и сердечно рады, что ты, как кажется, не чувствуешь сильных болей и при твоей долгой болезни по-прежнему сильна духом. Если бы только кто-нибудь был с тобой, и для твоей души было бы больше развлечения или занятия, ведь то, что ты всегда довольно одинока или почти одна, малоутешительно. Только имей терпение — хотел бы я сказать, но не должен, потому что у тебя его больше, чем у меня и у многих других. Постепенно тебе, конечно, будет лучше, возможно, ты уже сама замечаешь улучшение; только оно может идти медленно.

Из Петербурга вы, вероятно, тоже получите известия; там тоже у всех немало забот и страданий — сейчас дела обстоят лучше, но жена Акселя, как всегда, ненадежна.

У мамы все очень хорошо, по-другому я не могу сказать, она ухаживает за всем хозяйством и за детьми, да еще за массой гостей, так как с тех пор, как я вернулся из Петербурга, дом не бывает пуст, что мне, впрочем, очень приятно, ведь все это люди, с которыми я с удовольствием общаюсь. Бодиско

прибыл сюда двумя днями ранее меня; Штернберга я привез с собой, оба остановились у меня. Как только Бодиско уехал, прибыл Леман, которого ты, наверное, по имени помнишь по Дерпту, он был в то время маленьким мальчиком, а теперь это имеющий мировую славу натуралист, который уже побывал на Новой Земле с академиком Бэром. Приятный, обходительный юноша.

Когда эти двое уехали по своим обязанностям, приехал Розенбергер со своей молодой женой; он, конечно, дорогой друг для меня здесь и я очень рад его приезду. Несколько дней назад он также стал сам себе хозяином, и теперь я ожидаю Штернберга из его экскурсии обратно, затем сам со своими перееду на Кочевку, а осенью возвратятся Леман и Бодиско.

Мои малыши здоровы; Арслан стоит как раз рядом и разговаривает со мной. Юлия, конечно, почти не разговаривает, но понимает все, что входит в область ее понятий, очень живая и подвижная. Таким образом, все внешне идет своим чередом, но мне ...совсем не кажется, что я дома и прижился здесь в Оренбурге, как раньше, а будто я ...должен был бы снова найти, что нам не хватает. Но с этим, конечно, кончено; здесь нельзя сказать: ищите и найдете, стучите и откроется вам!

Мы здесь много играем в шахматы, и особенно вчетвером. Розенбергер отличный игрок; он играет вслепую, без доски и ...гораздо лучше, чем мы все. Вчетвером ...игра интересна.

Приветствуй Шлейдена и всех остальных, дорогая Паулина. Скажи ему, что ружья лежат наготове и при первой возможности будут ему отосланы. Будь счастлива — твой верный брат

В.Даль.

12 июня / 1839 г. /».

Впереди у Владимира Ивановича были новые важные события: осенью он отправится в Хивинский поход, откуда вернется весной следующего, 1840 года. Вскоре, 12 июля, состоится его вторая свадьба. Еще через год он покинет Оренбург. По пути в Петербург остановится с семьей в Москве, но сестра до этого момента уже не доживет. Вторая жена Даля, Екатерина Львовна, не успела лично познакомиться с Паулиной Ивановной, которую, зная ее заочно, считала необыкновенной женщиной...

«Я УДОВЛЕТВОРЮ СОВЕРШЕННО МОЮ СТРАСТЬ К ПРИКЛЮЧЕНИЯМ...»

Письма И.В.Виткевича к В.И.Далю

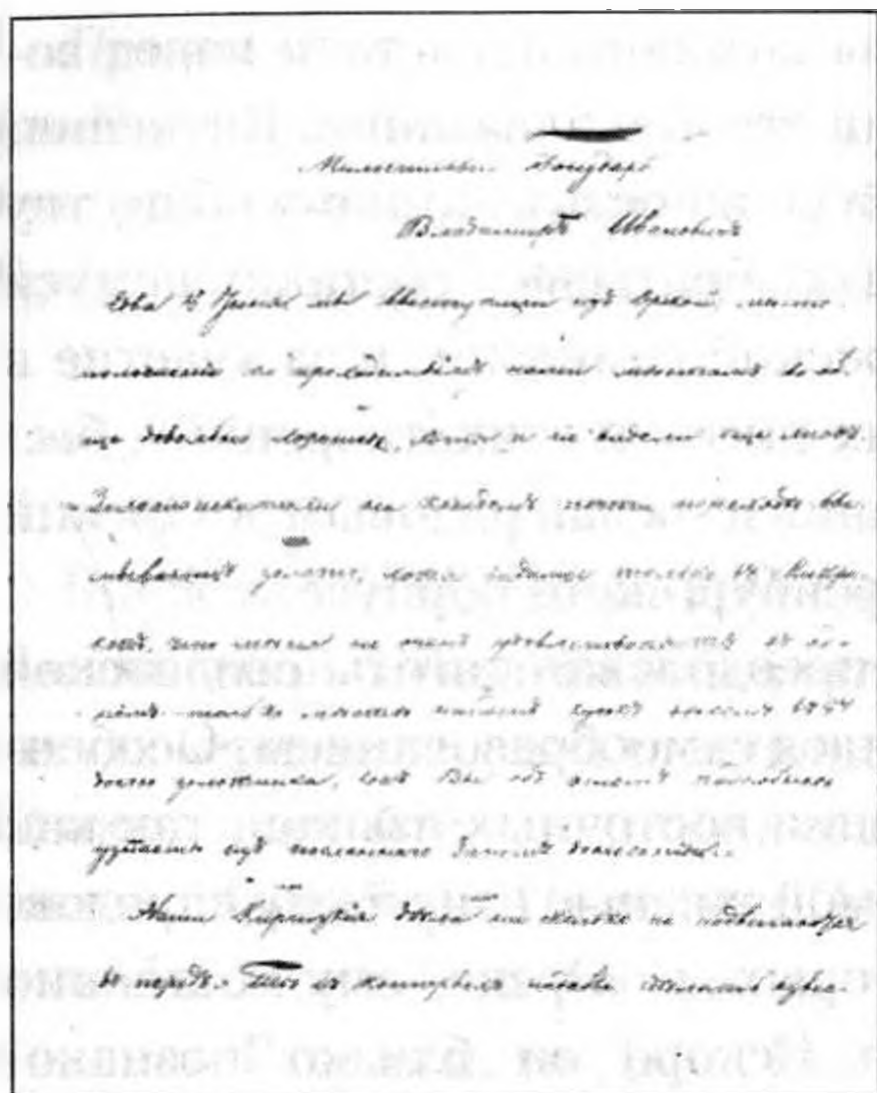
Среди замечательных людей, служивших в Оренбурге в 20-30-е годы XIX в. особое место занимает Иван Викторович Виткевич (1809—1839), оставивший заметный след в истории русской дипломатии на Востоке, человек яркой и трагической судьбы. Он происходил из польских дворян Шавельского уезда Виленской губернии и оказался в Оренбургском крае в возрасте четырнадцати лет как политический ссыльный. В 1823 г. в гимназии городка Крож, где он учился, было раскрыто

тайное общество, члены которого предстали перед военным судом и получили строгое наказание. Виткевич, по его словам, «за принадлежность к тайному обществу под названием «Чёрных братьев», составившемуся между учениками Крожской гимназии, и за участие в раздаче возмутительных писем и стихотворений», был лишён всех прав состояния и сослан рядовым в Орский батальон отдельного Оренбургского корпуса.

В новых условиях, преодолевая тяготы солдатской службы, Виткевич занялся самообразованием. Особенно преуспел он в изучении восточных языков, так как интересовался незнакомой жизнью азиатских народов, с представителями которых в Орске ему постоянно приходилось общаться. Вскоре он близко познакомился с нравами киргиз (как тогда называли казахов) и освоился с их кочевым бытом.

В формулярном списке Виткевича, находящемся среди документов Государственного Архива Оренбургской области, отмечено, что он знает российскую, немецкую, французскую и польскую грамматику («читать и писать умеет»), обладает познаниями в алгебре и геометрии и владеет киргизским и персидским языками [26]. Своей образованностью и любознательностью он произвёл большое впечатление на проезжавшего через Орск в 1829 году выдающегося немецкого географа Александра Гумбольдта, который совершал научное путешествие по России [379, 380]. Ходатайство учёного перед столичным начальством облегчило участь Виткевича: в 1830 г. он был произведён в унтер-офицеры и прикомандирован к Оренбургской пограничной комиссии для выполнения заданий по управлению киргиз-

Письмо И.В. Виткевича к В.И. Далю телен, как свидетельствуют архивные документы [27], имели немало случаев высоко оценить способности Виткевича, его смелость и находчивость. В 1832 году он был произведён в портупей-прапорщики, позднее в поручики. Получение офицерского чина означало, что ссыльный восстанавливается в дворянских правах.

В 1833 г., после неожиданной смерти П.П. Сухтелена, на пост военного губернатора был назначен В.А. Перовский. Он сразу понял, что Виткевич может быть весьма полезен для развития отношений с Бухарским ханством, что в то время являлось важной внешнеполитической задачей России из-за действий англичан, стремившихся выжить её с восточных рынков. Перовский предложил кандидатуру Виткевича на роль посланника, которого решили отправить в Бухару от имени оренбургского военного губернатора осенью 1833 г. Однако в Петер-

скими делами. С этих пор он постоянно находился в разъездах по степи, выясняя причины возникновения различных межродовых конфликтов, помогая их разрешению, и нередко подвергался серьёзной опасности.

Председатель Пограничной комиссии Г.Ф. Генс и военный губернатор П.П. Сух-

бурге предложение Перовского отклонили, и эту миссию выполнил преподаватель Неплюевского военного училища П.И. Демезон.

Виткевич побывал в Бухаре через два года. В октябре 1835 года он был командирован на всю предстоящую зиму в киргизскую степь, в аулы, кочующие близ Сыр-Дарьи. В данной ему инструкции предписывалось, чтобы, осмотрев обстановку «глазом просвещённым и беспристрастным», он постарался «личными внушениями и советами понудить ордынцев к спокойствию и миролюбивым поступкам против однородцев и соседей»; он должен был также содействовать освобождению захваченного киргизами казака Степанова с женой. Вместе с тем ему было поручено собрать сведения о положении в Бухарском и Хивинском ханствах и об активности англичан в этом регионе. В инструкции сказано: «Самое бдительное внимание надлежит Вам обратить на слухи и сведения о Средней Азии. Бухарцы и хивинцы, несмотря на то, что они пользуются чрезвычайными выгодами от торговли с Россией, без которой они не могут обойтись, умышляют всегда против нас зло, покупают и держат в неволе наших людей, возмущают киргизов и всегда готовы внимать советам, для нас невыгодным. Советы такие легко могут быть предложены европейцами, начавшими посещать соседние нам области Средней Азии, и потому мы должны наблюдать тщательно сношения их».

Перовский, поручивший это ответственное задание Виткевичу, не сомневался, что «способности, знание местностей и языка, особенно же готовность быть полезным и другие качества, отличающие сего офицера,

ручаются за успех». В действительности успех этой поездки превзошёл самые смелые ожидания.

Девятого ноября 1835 г. Виткевич выехал из Орска с бухарским караваном, намереваясь по дороге отделиться, остаться в степи и, выполнив поручение, вернуться обратно. Однако, как он писал впоследствии, обстоятельства принудили его «проникнуть далее и побывать даже в самой Бухаре». Присоединившись к тому же каравану, он прибыл в столицу ханства 2 января 1836 г. и провёл в этом недоступном для европейцев городе почти полтора месяца. Несмотря на опасность положения, ему удалось хорошо познакомиться с Бухарой и жизнью её населения, встречаться и беседовать с кушбеги, ханским министром, собрать много сведений о политике англичан в Средней Азии. Он покинул Бухару 13 февраля с торговым караваном и вернулся в Орск 18 апреля 1836 г.

Результаты поездки Виткевича, которая, по существу, была настоящим подвигом, получили самую высокую оценку. Но затем последовали события, сыгравшие, в конце концов, роковую роль в его судьбе.

Вместе с Виткевичем из Бухары прибыл афганец Гуссейн-Али, посланный кабульским владетелем Дост-Мухаммедом с грамотой к русскому царю, в которой он предлагал «утвердить между двумя державами стезю дружбы и единодушия» и просил защиты от своих недругов, поддерживаемых англичанами [28]. Перовский, убеждённый, что, исходя из интересов России, просьбу Дост-Мухаммеда следует удовлетворить, отправил посланца в Петербург в сопровождении Виткевича, надеясь, что последнему это принесёт

пользу. В письме Перовского к канцлеру К.В. Несельроде читаем: «Виткевич приехал сюда будучи ещё почти ребёнком, за проступок, из Виленской гимназии; ныне по тринадцатилетнем пребывании своём в здешнем крае вполне загладил вину свою отличным поведением и примерным усердием, с каким исполняет все налагаемые на него поручения. Он прикомандирован уже несколько лет к Пограничной комиссии, знает хорошо татарский и персидский языки, может служить в столице переводчиком при расспросах кабульского посланца и сверх того может дать Азиатскому департаменту подробнейший отчёт касательно всех местных отношений здешних со степью и с соседними областями Средней Азии. Поэтому смею я просить, ваше сиятельство, покорнейше и ходатайствовать на отправление Виткевича Высочайшего Его Величества Государя Императора соизволения» [29].

Соизволение было получено, и Виткевич со своим подопечным 15 июня отбыли в столицу. Перовский, отправляя одновременно в Азиатский департамент «Записку, составленную по рассказам прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно», писал директору департамента К.К. Родофиникину: «Вы его увидите и оцените сами, прочтёте записку и решите, достоин ли он Вашего начальничьего покровительства; от природы скромного характера, он сделался ещё более застенчив от несчастных обстоятельств, которые, думаю, Вам отчасти известны; ещё в детстве сделал он шалость, которую назвали политическим преступлением, и был пятнадцати лет наказан он как преступник; сосланный в дальний гарнизон на Орен-

бургской линии, Виткевич более десяти лет прослужил солдатом и, имея начальниками пьяных и развратных офицеров, он сумел не только сохранить чистоту и благородство души, но сам развил и образовал свои умственные способности; изучился восточным языкам и так ознакомился со степью, что можно решительно сказать, что с тех пор, как существует Оренбургский край, здесь не было ещё человека, которому бы так хорошо была известна вся подноготная ордынцев; он уважаем вообще всеми киргизами как по правилам своим, так и по твёрдости, которую имел случай неоднократно доказать при поездках в степь» [492, с.12].

Перовский не сомневался, что Виткевича ждёт большой жизненный успех, и от души этому радовался. Те же чувства испытывали и его сослуживцы в Оренбурге, среди которых он пользовался уважением и любовью.

Искренним другом И.В.Виткевича был В.И.Даль, занимавшийся, как видно из архивных документов, вопросами внешней политики, которые приходилось решать оренбургскому военному губернатору. Именно Даль записал под диктовку Виткевича сведения, собранные им во время поездки в Бухару. Это отмечено на рукописи «Записки», хранящейся сейчас в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук [30]. Сама же «Записка», рассматривавшаяся в своё время как секретный документ государственной важности, была опубликована только в 1983 г. [492].

О тёплых, искренних отношениях между двумя замечательными людьми, связанными с Оренбургом и

оставившими важный след в его истории, свидетельствуют письма Виткевича к Даю, которые хранятся в Пушкинском доме в Санкт-Петербурге [31].

Первое письмо (от 24 июня 1834 г.), написано во время командировки в степь, сочетавшей, как и большинство поездок такого рода, научно-исследовательские цели с пограничными делами. Из текста письма ясно, что в поездке участвует смотритель музея при Неплюевском военном училище Т. Зан, который успешно руководит работой золотоискателей. Основной же целью отряда Виткевича являются поиски разбойничающих в степи киргиз-кайсаков, от набегов которых страдали и их «мирные собратья», и пограничные казаки. Кроме этого, по-видимому, по просьбе Даля, Виткевич записывал песни и сказки татар, башкир и киргиз.

«Милостивый Государь Владимир Иванович.

Едва 8 июня мы выступили из Орской; местоположение по проходимым нами местам вообще довольно хорошее, хотя и не видели ещё лесов. Золотоискатели на каждом почти переходе вымывают золото; хотя видимое только в микроскопе, что меня не очень удовлетворяет. В одном только месте найден кусок весом в 8-ю долю золотника, как вы об этом подробнее узнаете из посланного Заном донесения.

Наши киргизские дела нисколько не подвигаются вперёд. Те, с которых надо бы сделать взыскание и нужные для захвата все откочевали за Тобол. Так что с отрядом, делающим 7 или 10 вёрст в день и думать нельзя о настижении их. С сим посланни-

ком я донёс подробно Григорию Фёдоровичу [32] о всём, что нам досель известно. Во всяком случае, высылка охотников башкирцев необходима, тем более, что виновные джегалбайлинцы отделились совершенно от мирных собратий своих, и потому не грешно бы было наказать первых.

Песни и сказки пишутся; только сказки говорят татары и башкиры. Киргиза еще не встретил, который бы умел что-либо.

Ежели дела наши пойдут дальше так, как теперь, то, быть может, я возвращусь раньше, нежели предполагал.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, всепокорнейшим слугою.

Иван Виткевич
Вершины речки Урус-Кискан,
24 июня 1834 года».

Следующие два письма написаны во время поездки Виткевича в Петербург вместе с афганским посланником. Первый раз он писал Даю через месяц после приезда, 2 августа, досадуя, что за всё это время ещё не получил никаких предписаний относительно своей дальнейшей деятельности. Он не мог знать, что проживёт в Петербурге без малого год. Правительство долго не могло определиться в своей политике относительно Афганистана.

Виткевича пока ещё более всего занимают прерванные служебные дела в Оренбурге. Его интересуют домашние дела Даля, который в это время покупал себе

дом и перевозил семью на новое место. В письме содержатся первые впечатления о столице. Знакомство с ней затруднено отсутствием друзей, которые могли бы показать город, плохой погодой и случившимся недомоганием. Однако Виткевич сумел уже побывать в театрах, посетить Эрмитаж и Кунсткамеру, увидеть картину К.П. Брюллова «Последний день Помпеи» в Академии Художеств.

«Милостивый Государь Владимир Иванович.

Уже целый месяц, как я в Петербурге, а ещё о возвращении ничего не слышно; через несколько дней я постоянно посещаю Азиятский Департамент, но доселе ни одного слова о деле не слышал. Так что каждый день приходится спросить себя, для чего я здесь? И ответа придумать невозможно. — На днях Его Высокопревосходительство Господин Директор [33] читал мне уведомление Василия Алексеевича о благополучном возвращении наших экспедиций. Слава Богу, что они довольно успешны. При сём я имел честь объяснить Господину Директору, что чин хорунжего, к которому представлен Султан Асфендияр, не более прапорщика. Я был несколько раз у Васильева, но никогда застать не мог, и встретился случайно в театре. Он скоро едет в Астрахань и надеется быть в Оренбурге. — Приятелям киргизам не сидится, они снова наехали на море; вероятно, Вы уже об этом слышали. Васильев едет, чтобы с ними поспотаться. — Кроме первой аудиенции Гуссейна в Департаменте, о коей я донёс рапортом Его Превосходительству Василию Алексеевичу, его более никуда не требовали. — Хаджа Назарбай [34] и депутат

Шер-газыя [35] ещё здесь, я с ними не виделся, хотя первый навещал Гуссейна.

В продолжение месяца едва три или четыре ясных дня имели мы здесь, дожди и холода не хуже наших. — Здоровье моё совершенно отказывается служить далее — какой-то *Typhus* жёлчный, так взвеличал его доктор, который меня лечит, и совершенное расстройство желудка продержали меня в постели около недели, а уже 10 дней как из комнаты ни на шаг не выпускают. — Я не видел даже великолепного фейерверка, который давала вчера Гвардия в Красном Селе, и от которого Гуссейн помешался. — Как я не завёл здесь никаких знакомств, то большого труда стоило пробраться в Эрмитаж, кунсткамеру. Академию Художеств, где картина Брюллова. — Петербург великолепен, но надо пожить долго, чтобы видеть всё любопытное и всему подивиться.

Письмо и <...> отданы г. Реймерсу [36], только он переменял квартиру и большого труда стоило отыскать новую его обитель. — Я здесь слышал о смерти брата Василия Алексеевича [37], могу себе представить, сколько это известие его огорчило, дай Бог, чтобы на здоровье не имело вредного действия. — Кочуете ли ещё, Владимир Иванович? Или уже устраиваете новое ваше хозяйство в Оренбурге? Во всяком случае несколько строк от Вас сделали бы мне большое удовольствие. Я, вероятно, пробуду здесь долго. — Я буду писать к Василию Алексеевичу, как только будет здесь что-нибудь, о чём можно будет его уведомить. Теперь, как видите, нет и малейшего предлога.

Прошу принять уверение истинного почтения и совершенной преданности, с какою имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, Всепокорнейшим слугою.

Иван Виткевич
С-Петербург, 2 августа 1836 г.
Квартира в Малой Морской
на углу Кирпичного переулка.
Трахтир Париж, № 9».

Судя по всему, Даль обстоятельно ответил на это письмо, и Виткевич пишет ему снова ещё через месяц, благодарит за известия из Оренбурга, несколько огорчается из-за каких-то гуляющих там после его отбытия сплетен, объясняет, что Государь в отъезде, и потому всё ещё приходится ждать.

Именно в это время произошло назначение Виткевича в адъютанты к Перовскому. Напомним одно из писем последнего к В.И. Далю из Казани от 22 августа 1836 г. Вероятно, находясь по делам в Казани, Василий Алексеевич именно там получил из Петербурга известия о том, что Далю пожалованы императором две тысячи рублей за «Памятную книжку для казачьих войск», ссыльному композитору Алябьеву возвращён первый классный чин, а Виткевич получил назначение в адъютанты. Сам Иван Викторович, следовательно, узнал об этом в столице.

В письме идёт речь о хивинских купцах, задержанных в Оренбурге. Виткевич высказывает своё мнение об этой вынужденной мере военного губернатора. Купцы были задержаны, чтобы вытребовать у хана

проданных в Хиву в рабство русских людей. Виткевич пишет, что, как ему кажется, в Петербурге поняли необходимость этой меры.

Он одобрительно отзывается об управляющем Азиатским департаментом министерства иностранных дел К.К. Родофиникине, с которым много разговаривал.

«Милостивый Государь Владимир Иванович.

Путник в пустыне Аравийской, утомлённый жаждою и зноем!!! и пр.: я хотел Вам сказать, что письмо Ваше сделало мне истиннейшее удовольствие, я жаждал известий из Оренбурга об наших делах в степи, хивинцах и житье-бытье тех, которые меня интересуют. Всё это я нашёл в письме Вашем. Я рад от души, что всё у Вас по добру по здорову, что Вы довольны Вашим новым хозяйством. Одно меня заставляет несколько кручиниться. Это женитьба моя без ведома и согласия моего, но как подумаю поплотнее, то и видно, что как женили, так и разведут — по крайней мере я совершенно покоен и уверен, что не подал малейшего повода к мельчайшему из предлогов. Об остальном яснее увидите на просторе по возвращении моём в Оренбург, которое Бог весть, когда последует. Кратчайший срок — возвращение Государя Императора в столицу. В один приём во всём прояснится, как поразгляделся здесь, то и не совсем дурно — конечно, лучше в степи! — но что-то торопиться с отъездом мне не совсем хочется!

Конечно, Вы уже знаете о новой милости, которою я обязан Василию Алексеевичу. Я назначен к нему

в адъютанты, — Не имею надобности рассказывать, сколько это мне сделало удовольствия. Вы можете судить об этом вернее и истиннее, нежели кто-нибудь...

Вы спрашиваете, что я думаю о захвате хивинцев? Кажется, что нет сомнения в успешном окончании этого славного дела, ежели только астраханцы справятся так же молодецки, как мы. Г-н Директор Азиатского Департамента удивляется, что так много набралось хивинцев и что капитал так значителен; поистине нельзя не удивляться. Ежели не ошибаюсь, то кажется, что здесь совершенно убедились в пользе этой меры и хотят всеми средствами поддержать и довести до конца начатое. — Благослови Бог хорошие их намерения. Я познакомился поближе с Управляющим Отделением Департамента, по которому проходят все наши дела, он имеет очень хорошие сведения об наших странах и большое влияние на дела, и его жаль, хорошо бы было, ежели бы можно, чаще встречать таких людей; я толковал с ним долго и много обо всём, желание есть делать всё лучше для нашего края, да способов немного, и они здесь так заняты делами, которые издалека кажутся важнее наших, что едва при важнейших случаях обращают на нас внимание.

Послезавтра я отсылаю обратно в Оренбург попутчика башкирца Ибея. Вместе с ним г. Директор приказал отправить также и депутата Шергазья, я постараюсь завтра узнать, не будет ли к Вам каких посылок и пришлю с ним в ожидании личного

предстательства. Здесь все говорят, что Василий Алексеевич будет сюда нынешнюю зиму, как бы я был счастлив дождаться его здесь, ежели в Оренбурге нет особенного дела, здесь, право, не совсем дурно, и сколько я не киргиз, то начинаю оценивать удобства и удовольствия законченной образованности. — Но ежели какая-нибудь деятельность предстанет у Вас как есть вероподобие, то я готов, ежели к чему пригожусь, и употреблю все средства поскорей возвратиться.

С началом сентября здесь погода совершенно весенняя, небо так ясно, как у нас в Азии. Я поэтому не теряю времени и езжу, хожу, бегаю, и ежели ещё месяц побуду в Петербурге, то уж ни за каким сведением не поеду в справочное место. Прошу засвидетельствовать моё истинное почтение Юлии Егоровне и маленького казачка поцеловать за меня. — Желаю здоровья и хорошей охоты, которая, верно, уже началась по случаю сентября. Имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

Виткевич.

С.-Петербург, 6 сентября 1836 года.

Ради Бога, Владимир Иванович, не забудьте об вывезенном мною из Бухары башкирце Низаметдине, приписанном в 9 кантон. Мне пишут из Оренбурга, что Тимофеевич наложил на него железную лапу — защитите!»

«Маленький казачок» — это, видимо, младший сын Даля, Святослав, которому в это время было полгода.

Трогательный постскрипtum касается человека, сопровождавшего Виткевича в Бухару. Защитить его нуж-

но, скорее всего, от генерала Станислава Тимофеевича Циолковского, известного своей жестокостью по отношению к нижним чинам.

Желание Ивана Викторовича дожидаться в столице Перовского исполнилось. С ним вместе в начале зимы в Петербург приехал и Даль. При них решалось дело афганского посланника, которое вызывало большие затруднения у русского правительства, опасавшегося спровоцировать открытое недовольство Англии. Только 13 мая 1837 г. военный министр А.И. Чернышёв сообщил Перовскому, что решено отослать Гуссейна-Али обратно в Кабул через Персию, причём император повелел; «Отправить вместе с ним находящегося ныне при сём посланнике и прибывшего из Оренбурга адъютанта Вашего превосходительства поручика Виткевича с тем, чтобы офицер этот, как знающий восточные языки, сопровождал его до самого Кабула и вручил подарки, следующие к Афганским владельцам, если только министр наш в Персии граф Симонич найдёт эту посылку Виткевича в Афганистан возможною» [38].

Таким образом, Виткевич отправился в Персию и поступил в распоряжение русского посланника в Тегеране И.О. Симонича.

Он выехал из Петербурга вместе с афганским посланцем, но Гуссейн-Али, измученный петербургской зимой, в пути заболел и остался в Москве. Следующее письмо к Далю написано уже в мае, из Ставрополя, по пути на Кавказ.

«Ставрополь, 31 Мая 1837 года.

Благословенный Петербург остался далече, а в нём и лень, которая заставляла меня так долго

не писать к Вам, почтеннейший Владимир Иванович. — С приездом в Ставрополь я увидел новый мир, совершенно отличный от всего, виденного доселе. — На всех лицах видна печать удалства, молодечества, беззаботливости, чего увы! в нашем Оренбурге не заметно. Быть может, что черкесский костюм и обязанность казаков быть всегда вооружёнными представляют их удалее, нежели они в самом деле. Прибавьте, что они, как и наши киргизы, неохотно ходят пешком — это уподобляет Ставрополь киргизскому аулу во время игровое — не менее того город не завиден, мал и имеет какой-то вид неопрятнейший и неприятный — единственное, по-моему, украшение — это пирамидальные тополи необыкновенной вышины и красоты.

Я приехал сюда вчера вечером и успел уже свести знакомство с одним князем черкесским — они совершенно похожи на наших голодных султанов и чуть ли не бесчестнее их.

Я начинаю высоко ценить мое знание киргизского языка, — наречие, которым говорят здесь, так похоже на наше, что мне кажется, будто я у Ивашкевича [39] в гостях и беседую с Джагалбайлинцами [40].

Вильяминов и все войска отправились в экспедицию, барон Розен также в горах в 7000 вёрст где-то к Чёрному морю около Абхазии. Приехавши в Тифлис, я отправлюсь туда, потому что он не скоро возвратится, а я должен непременно засвидетельствовать от Азиатского департамента лично. — Ежели успею попасть на пир, на драку, по-

стараюсь не ударить в грязь честью Оренбургской Казацкой.

Я совершенно скандализован (простите выражению) тем, что видел на Дону — по совести мещеряки наши во всех отношениях лучше Донцев — тому, кто привык видеть Оренбург, трудно поверить, что существует где-либо такой беспорядок, какой вы тут встречаете. Несколько полков обогнал я дорогою, они шли на службу в Грузию для сохранения персидской и турецкой границы. Все, что об них можно сказать, это то, что ежели бы наша линия была охраняемая такими молодцами, давно бы Кутебаровы [41] дети продали нас всех в Хиву. — Одним словом, это польская Ruchawka без водки.

Я завтра со светом оставляю Ставрополь, сожалея, что мы не заехали сюда с Н.В. Балкашиным [42], купили бы шашек да кинжалов, которых здесь такое множество и за безделицу, меньше 200 рубл. и не ценят.

Гуссейна я оставил в Москве, и кажется, что он оттуда не выедет, впрочем, судьбы Аллаха неисповедимы, может быть, он и оживёт.

В Тифлисе я буду дней через 5, а оттуда, съездив послушать свисту пуль черкесских — поскачу в Тегеран подышать воздухом чумы и прислушаться щёкоту скорпионов — не правда ли, что это поэтически? А наше дело казацкое, добываем как умеем скорее остатки жизни — а всё конца нет как нет!

Прощайте, почтеннейший Владимир Иванович. Потрудитесь засвидетельствовать мое истинное почтение Юлии Егоровне да Батыря Арслана поце-

ловать за меня, и вспоминайте иногда истинно Вам преданного Виткевича».

Мрачноватый юмор этого письма позволяет понять, почему Виткевича считали меланхоликом, искавшим на свою голову опасностей и даже гибели.

Следующее письмо написано через два месяца из Тавриза. Здесь Виткевич упоминает о приятных попутчиках, один из которых — «адъютант графа Симонича Бларамберг». И.Ф. Бларамберг, впоследствии много лет служивший в Оренбурге [224], направлялся в Персию в качестве чиновника особых поручений при Симониче, в это время занимавшем пост русского посланника в Тегеране. И.О. Симонич считал необходимым установление связей России с Афганистаном и горячо поддерживал командировку Виткевича в Кабул.

«Тавриз, 29 июля 1837 года.

Надеюсь, что письмо, которое я писал к Вам из Ставрополя, благополучно достигло своего назначения. Теперь спешу возвестить, что горделивые хребты Кавказа и Арарата далеко остались за мною и я уж целую неделю наслаждаюсь отдохновением под гостеприимным кровом консула нашего в Тавризе — в вожделенном здравии и благополучии — что здесь, особенно в это время года, весьма высоко ценится странником.

Заехав на несколько часов в Пятигорск и налюбовавшись Кавказом во время медленного проезда, я приехал в Тифлис 7 июня. Здесь, заплатив дань климату двухнедельною болезнью и употребив столько же времени на приготовления в дорогу, 6 июля я

оставил скучнейший и неопрятнейший город с величайшим, как можете представить, удовольствием — тем более, что до Тегерана еду в очень хорошей компании — адъютант гр. Симонича Бларамберг и ещё один чиновник из министерства странствуют со мною.

От Тифлиса до Тавриза считается приблизительно 600 вёрст, из которых около 400, т. е. от Нахичевани и Джюльфинской переправы на Аравию, хотя и составляют наши владения, но не имеют ещё порядочно устроенных почт, так что из самого Тифлиса необходимо ехать верхом, а вещи вьючить на лошадей; при утомительных жарах и многочисленных насекомых, крылатых и пресмыкающихся, этот способ путешествовать довольно неприятен.

Окрестности Эривани отличаются бесплодностью почвы, сильнейшими жарамиднём и удушливыми ветрами ночью. Вредность здешнего климата признана всеми, и не только все русские чиновники, но большая часть туземцев оставляют в летние месяцы Эривань и кочуют в Гамбахских горах. Проезжая бесплодную равнину между Эриванью и Нахичеваном, всего около 100 вёрст, Арарат с снеговой вершиной своей, кажется, насмехается над томимым зноем и жаждою странником. Вы так близко от себя видите снег, а между тем принуждены пить отвратительно тёплую воду, потому что 40 вёрст пространства, Аракс и за ним хищные курды отделяют вас от Арарата.

Нахичевань — грудa развалин, замечателен только дворец хана, в котором мы останавливались и

пробыли два дни. Гассейн-хан, который управлял этой провинцией во время персиян, сохранил свою власть и при нашем правительстве. Он также где-то на кочевье. Нас угощали невидимые его жёны. Тут я первый раз видел искусство, с каким Азиятцы украшают внутренность своих жилищ. Резьба и арабски сделали бы честь нашим артистам.

В 30 верстах от Нахичевани Джюльфинская переправа через Аракс — трудно себе представить что-либо печально-пустынное берегов этой реки.

Здесь есть Карантин, в котором приезжающие из Персии должны умирать от голода и пить мутную и вредную воду Аракса. Переехав его, Вы дышите совершенно свежим воздухом, и перемена температуры так чувствительна, что мы принуждены были надеть бурки.

В первой персидской деревне, где мы остановились, я не мог надивиться приветливости и услужливости жителей. В Маранде — первом городе, управляемом ханом, которому также принадлежит и пограничная область — мы с большим трудом заставили хозяина, у которого квартировали, принять деньги за провизию и фураж.

В Тавриз приехали мы 23 июля и остановились в доме Консульства. Извозчики были у нас наняты от Тифлиса до Тавриза, отсюда до Тегерана надо нанять новых, и в это время года никто охотно не едет, поэтому едва ли 31 июля и нам пуститься в путь. Страшно подумать, что ещё 17 дней придётся жариться на ужасном солнце и проезжать деревни, славящиеся то вредностью климата, то

ядовитыми клопами или скорпионами высшей доброты.

Тавризский наш консул Дмитрий Фёдорович Кодынец принял нас очень радушно, он в Черномории был знаком Василью Алексеевичу и очень интересуется знать что-либо об Оренбурге. Я удовлетворяю по возможности его любопытство. Ежели Вам вздумается написать когда-нибудь ко мне, адресуйте на его имя в Тавриз.

Надеюсь, что не откажетесь, почтеннейший Владимир Иванович, засвидетельствовать моё истинное почтение Василию Алексеевичу. Зная, как он обременён делами, я не смею обременять моими письмами, а из Тегерана доложу, какое употребление сделает из меня г. посланник. Прошу Вас также сообщить Его Превосходительству следующие политические новости. 24 июля шах отправился с войском против Трухменцев, по направлению к Мешеду, ни наш, ни английский посланники не сопровождают его, и послали только младших чиновников. Войска вообще недовольны, есть полки, которые за два года не получили жалования, некоторые из них, не доходя ещё до Тегерана, узнав, что идут против Трухменцев, разбежались. Другие сделали то же на первой станции за Тегераном, и на обратном пути в домах производят опустошения и разбой. Все предсказывают очень дурные последствия сему предприятию. К тому ж за несколько дней перед сим (уже в бытность мою в Тавризе) бежали из Арзевильской крепости к нашей границе в Ленкоране два принца, из которых один уже царство-

вал и свергнут нынешним шахом. Он называется Зели-Султан.

Тавриз очень напоминает св. Бухару с той разницею, что здесь нет ни одного здания, которое бы сколько-нибудь обращало на себя внимание по наружному виду. Говорят, что внутренности домов знатных людей отделаны великолепно, но сие видеть трудно, и только с высокой террасы иногда жадный взор мой ныряет в заповедные дворы правоверных.

Прощайте, почтеннейший Владимир Иванович, засвидетельствуйте моё почтение Юлии Егоровне и примите уверения в совершеннейшей преданности.

И. Виткевич

Его высокоблагородию
Владимиру Ивановичу Далю
в Оренбург».

Вряд ли Даль мог быстро ответить на это письмо: весна и лето 1837 года были для него очень напряжёнными. Среди многих важных служебных дел главным была подготовка к визиту в Оренбург наследника, будущего императора Александра II. Восемнадцатого июля, в момент проводов высокого гостя, неожиданно умер «маленький казачок» Святослав, которому едва исполнился год. Прочитав в журнале «Русский Инвалид» рассказ о празднике, устроенном в Оренбурге в честь приезда цесаревича, не зная, конечно, как этот праздник омрачён для Даля, Виткевич пишет ему уже из-под Тегерана о том, как сожалеет, что не был в эти дни рядом с сослуживцами.

«Касри Кодеяр, летний дворец шаха в 7 верстах от Тегерана 31 августа 1837 года.

Вчера Тавризский курьер привёз нам Инвалиды от 17 и 19 июля. Трудно Вам объяснить, с каким я удовольствием прочитал в первом из этих №.№, что Василий Алексеевич получил Александра Невского, а во втором — описание празднеств в нашем Оренбурге во время бытности Государя наследника. Тут Вы порадовались, попировали, Владимир Иванович, а меня досада берёт, что не мог видеть, как показались Его Высочеству земляки-киргизы, особенно вестовые, из которых по описанию в Инвалиде я узнал одного — с медалью — это Нарынбай — так и вижу перед собой его премудрую наружность.

В описании бытности в Уральске вспоминают об супруге Наказного Атамана — неужели Василий Осипович [43] женился? Придётся не узнать Оренбург — особенно если ещё постраниствится года два.

От души жалею, что изобретатели всяких хитросплетений англичане не завезли в Персию самолёта, на котором сами прошлую зиму летали через Кале, а то бы, право, не удержался, забравшись на вершину Демавента (высочайшего пика Ельбруса, который виден из моей палатки), я полетел бы по направлению к Тимир Казыку, у которого Вы обитаете, попировал бы с Вами сутки, двое, трое, с условием, что кумыс будет литься обильно — и потом обратно в Персию, а здесь, по совести сказать, ей-ей не дурно — особенно кому здоровье, как мне, не изменяет. Хотя прошлогодний вывих руки опять возобновился, и уже 6-й день как за гривку хвататься

не могу — но Ин-Шалла [44] поправится — а впрочем всё благополучно!

По причине боли и опухоли руки я до этих пор не отправился в лагерь шаха, который, как мы сегодня узнали, уже несколько дней тронулся из Шаруд-Бустама (как я Вам об этом писал в прошлом письме, кажется, от 23 августа) по направлению к Герату. Эта весть не очень меня радует, потому что пространство, которое придётся проехать, чтобы узреть Средоточие Вселенной, увеличивается, а Хорасанские дороги ни безопасны, ни приятны, по пустынности песчаных безводных степей. Труднее всего путешествовать по следам персидской рати, которая, как саранча, съедает и истребляет всё материальное, даже глиняные стены домов, чтобы в них отыскать осколки дерева для варения пищи.

Причина, что рука моя разболелась, происходит, собственно, от моей неосторожности. Я ездил с несколькими товарищами (членами миссии) в горы, отстоящие от места, где находимся, верстах в 14-ти, чтобы полюбоваться великолепным водопадом — половину дороги только можно делать на лошадях, остальные 7 вёрст едва мулы и пешеходы имеют возможность пробраться по узенькой и перпендикулярной тропинке, но прелесть каскада невыразима, и мы вознаграждены за тяжкие труды. Полотно воды шириною в 3 или 4 сажени падает с скалистого утёса вышиною сажень 80, лучи солнца дают этой воде всевозможные оттенки радужных цветов — описать Вам действие брызгов в

месте, где вся масса воды падает впервые на твёрдую скалу, было бы напрасно, я не могу сравнить этого ни с чем, виденным доселе. На второй террасе, где уже вода падает с незначительной высоты, и следовательно, не с такою силою, устроен бассейн, над ним на обломке скалы с левой стороны устроена площадка, где Фет-Али Шах любил ставить палатку и любоваться на купающихся в бассейне красавиц гарема. Вся Персия единогласно признаёт умершему шаху первенство в искусстве изобретать чувственные наслаждения. Следы этой страсти знаменитого мужа видны во всех Chateaux de plaisance [45], которых он настроил невероятное множество в 30-летнее царствие своё, и это есть единственное право на бессмертие. Нынешний шах — истый гугенот, квакер, и что хотите, он имеет только трех жён и не любит всякого великоления. Страсть завоеваний обуяла его богатырским сердцем, и вот уже два года, как победоносные войска его опустошают внутренние части королевства, не подходя к границам, из респекта и уважения к неприятелям. Но сплетни шахские, конечно, вам надоели, а вы бы охотнее послушали рассказы об удальстве чиклинцев или джагалбайлинцев, но об этом поговорим в Оренбурге, глаз на глаз, как говорится. А пока возвратимся к руке: лазивши по скалам у фонтана, я оборвался и повредил её снова, боль не так сильна, но совершенно похожа на то, что было в Оренбурге. Приготовления к дороге делаю в надежде скорого выздоровления. Но Аллах бляр мен не блярем? что случится — а между тем про-

щайте — время приближается, что я буду лишён удовольствия писать к Вам, заехав, где и Макарыч не гоняет.

Юлии Егоровне
моё истинное почтение. — *Dixi*».

И, наконец, перед нами последнее письмо. Виткевич встретился с персидским шахом и отправляется дальше, в Афганистан. Описание шаха и его войска кратко, информативно и несколько юмористично. Шах напоминает ему одного из киргиз-кайсацких старшин, Кусяб Султана, о котором Даль неоднократно упоминал в повести «Бикей и Мауляна» и корреспонденциях из Оренбурга. Войско кажется Виткевичу похожим на оренбургские башкиро-мещеряцкие подразделения. Однако «страна историческая и весьма интересная» осталась позади, впереди — Кандагар и Кабул, «геркулесовские труды» дипломата. Что-то похожее на горькое предчувствие сквозит в последних словах письма.

«Лагерь Шаха при Нишабуре,

29 сентября 1837 года

Выехав из Тегерана 11 сентября, я наконец вчерашний день доплёлся до Нишабура, у стен которого лагерь шаха расположился. Нишабур, как Вам известно, славен копиями бирюзы, но они теперь запущены. Он отстоит от Тегерана в 900 верстах, а от Мешеда в 120. Окрестности прелестны, сады сльвут величиною гранатов и качеством фиг. Поел я плодов за всех оренбургских жителей, дай Бог им здоровья!

Вчера ещё, сей час по приезде, я представился шаху. Он словоохотлив, любит блеснуть своими

географическими познаниями, а наружностью похож на Кусяб Султана. Он был в восторге от моего казацкого мундира и говорил, что велит одеть по этому образцу одну сотню своей кавалерии.

30 сентября.

Войско шаха состоит из 20 Башлюков полурегулярной пехоты, 80-ти орудий и около 60-ти сотен кавалерии, очень похожей на наших мещеряков.

Я сегодня надеюсь пуститься в путь — через Турмез и Каип в Кандагар. — Тут начинаются мои Геркулесовския труды. Ежели успею их перебороть, то, возвратившись, похвастаю, — а нет, так поми-найте, как звали! Предприятие моё, как можете себе представить, тяжело, но я вполне вознаграждён за труды тем, что удовлетворю совершенно мою страсть к приключениям и новым впечатлениям.

Проехал я страну историческую и весьма интересную по правилам и обычаям ея обитателей, видел развалины древней столицы Тартов *Hecatorpolis*, ныне Дамган, маленький городок с 200 жителей, но развалины простираются на 14 вёрст в длину. Одна только башня сохранилась со времён Тартов, она имеет 240 ступеней, с вершины я осматривал восхитительные окраины.

Пора перстать, зовут к шаху, это прощальная аудиенция, часа через два я уеду — и Бог весть, увидимся ли когда...

Прощайте, Владимир Иванович, кланяйтесь всем хорошим знакомым и не забывайте истинно Вам преданного Виткевича».

Виткевич не ошибался, предчувствуя трудности, ожидавшие его в Кабуле. Здесь ему довелось встретиться со знаменитым английским агентом Александром Бёрнсом, который старался оказать влияние на Дост-Мухаммеда, склонив его на сторону Англии. «Дуэль в Кабуле», в которой победителем оказался Виткевич, описана в романах М. Гуса [260] и Ю. Семёнова [461], сумевших передать драматическую напряжённость происходивших событий.

Однако переживать ощущение победы Виткевичу пришлось недолго. Английское правительство, готовившееся к вторжению в Афганистан, было взволновано его приездом в Кабул и официально заявило, что видит в этом посягательство России на интересы англичан в Индии. Не желая обострять отношения, русское правительство отказалось от вмешательства в «афганские распри», а ответственность за действия Виткевича возложило на Симонича, якобы превысившего свои полномочия при принятии политических решений, и отозвало его из Персии.

Усилия Виткевича оказались, таким образом, напрасными, а его имя появилось в европейских газетах, окружённое скандалом. Вернувшись в Петербург через два года после отъезда, он оказался в новой обстановке. Место отправлявшего его в Афганистан К.К. Родфиникина, который умер 30 мая 1838 года, занимал Л.Г. Сенявин, имевший другие взгляды на русскую политику в отношении Востока. Возможно, это усугубило постигшее Виткевича разочарование.

Однако, когда утром 9 мая 1839 г. Виткевич был найден мёртвым в своей комнате петербургской гостиницы

«Париж», встречавшиеся с ним накануне люди были поражены, так как по их свидетельству ничто не предвещало его самоубийства. Все привезённые из Персии записки оказались сожжёнными. И хотя было обнаружено предсмертное письмо, обстоятельства смерти Виткевича так и остались загадочными. Биографы не исключают его убийства [490].

Друзья Виткевича, в том числе Перовский, Даль, Бламберг, всегда помнили его, горько сожалея о безвременной кончине этого превосходного человека, наделённого ярким талантом и высокими душевными качествами.

«ДОМ ХОРОШ, И МЫ ОЧЕНЬ ДОВОЛЬНЫ ПОКУПКОЙ...»

Оренбургский краевед Е.Г. Вертоусова, просматривая в архиве генеральные планы построек в центре Оренбурга 1852 г., обнаружила так называемый «План первой части третьего квартала» (Фонд 41, опись 1, №851, лист 16). На этом плане обозначены четыре участка с частными домами, расположенные на улице Орской (современной Пушкинской) и примыкающие к Артиллерийской площади (территория, на которой в наши дни расположены зенитное училище и костел). Перечислены фамилии домовладельцев. Хозяйкой самого обширного участка, расположенного на углу улиц Орской и Преображенской (современная ул. 8-го Марта), названа вдова, статская советница Ульяна Христофоровна Даль, мать Владимира Ивановича Даля.

Узнав об этой замечательной архивной находке, я еще раз просмотрела документы, в которых упоминается о

пребывании в Оренбурге родных Даля и о жилье, которое занимала его семья в нашем городе.

Среди таких документов в первую очередь следует назвать мемуары Екатерины Даль, точнее, ту их часть, которая не была опубликована при жизни автора и находится в рукописном фонде Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома). В 1995 г. профессор Оренбургского педагогического университета А.Г. Прокофьева опубликовала в первом и втором номерах альманаха «Гостиный Двор» те главы из записок младшей дочери В.И. Даля, которые касаются жизни ее отца в Оренбурге. В других главах описываются уже последующие части жизненного пути Даля. Собственно говоря, мемуарами, воспоминаниями можно называть только эти главы, поскольку в них повествуется о событиях, происходивших уже на памяти Екатерины Владимировны, родившейся в 1845 г. в Петербурге.

Неопубликованные главы, пожалуй, не столь интересны с точки зрения оренбургского краеведения, но в них содержатся довольно ценные сведения о личной, семейной жизни Даля и его близких.

Другим ценным источником сведений о Дале является его семейная переписка, также хранящаяся в Пушкинском Доме. В частности, в письмах к старшей сестре, Паулине Ивановне Шлейден, Владимир Иванович подробно описал многие эпизоды своей жизни в Оренбурге.

Отрывок из мемуаров Е.В. Даль, озаглавленный «Оренбург», начинается упоминанием о доме откупщика Звенигородского, в котором Даль поселился, когда приехал в город. «Кажется, в этом доме родился

11 июня 1834 г. старший сын его Лев-Василий-Арслан», — добавляет автор.

Публикация этого отрывка дала известному оренбургскому краеведу В.В. Дорофееву возможность установить по планам города дом, где жил Даль в 1833-34 гг. Дом Звенигородского находился между улицами Орской (современная Пушкинская) и Неплюевской (нынешняя Ленинская).

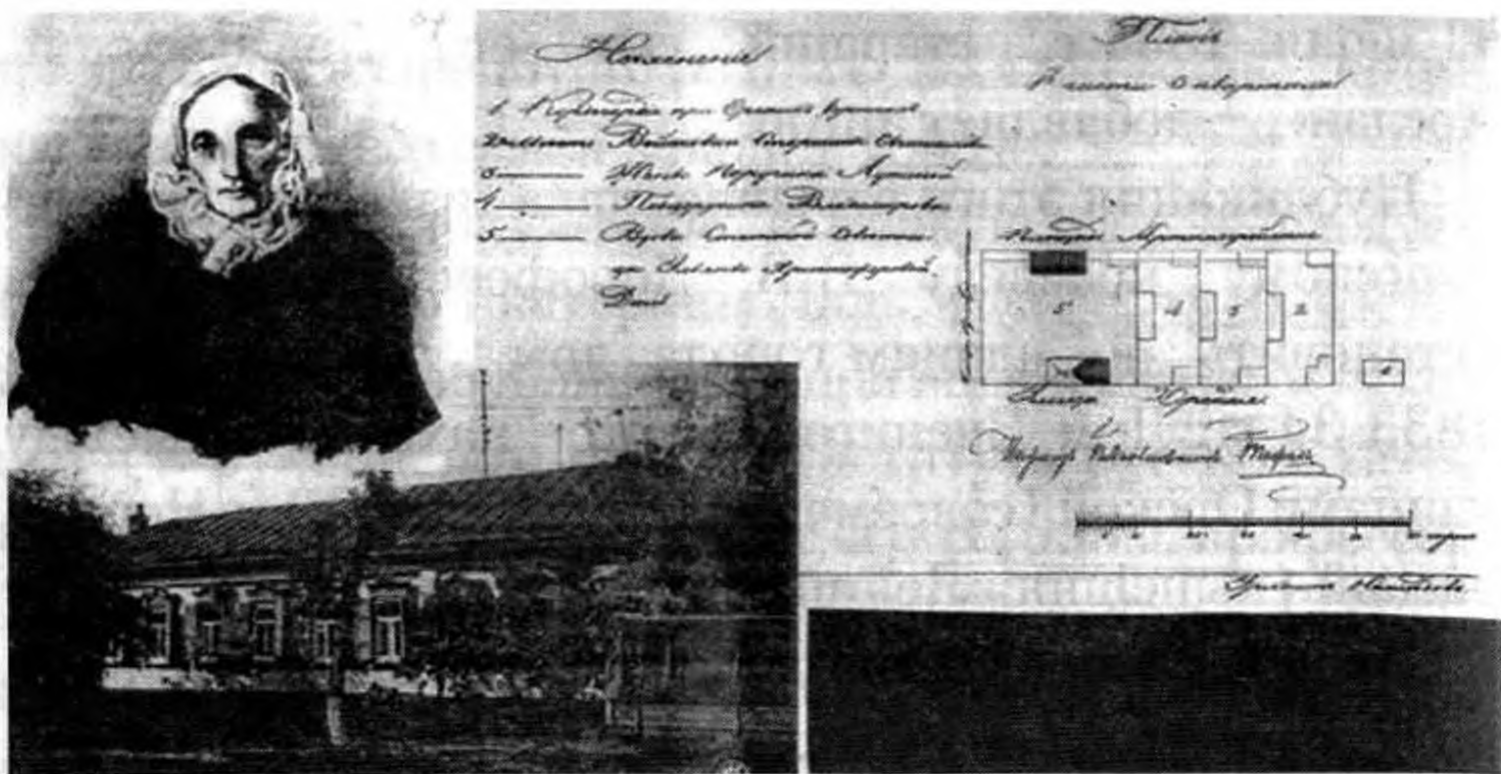
Письма Даля к сестре свидетельствуют, что примерно через два года он съехал с этой квартиры. 20 августа 1835 г. он пишет: «Мы переходим на днях в новую избу: дом, в котором мы жили, продают. Новое жилье наше несколько не хуже старого: немного меньше, но чисто, опрятно, весело, со всеми угодьями и ухажаями, и стоит только 400 р. серебром в год. Здесь это большая редкость, и судьба нас балует наперекор другим».

Через месяц с небольшим, 7 октября 1835 г., Даль пишет: «Мы теперь на новой квартире; немножко потеснее, но хорошо и уютно. Здесь так трудно найти жилье, особенно семейное, что такой дом, как у нас теперь, клад. Мы не должны с ним расставаться, покуда пробуем здесь, разве что хозяин сам выгонит...»

Ясно, что речь идет опять о наемной квартире, но, к сожалению, Даль не рассказывает, у кого он ее снял и где находился этот дом.

Даль не предполагал больше менять жилье, однако обстоятельства заставили его это сделать. Вероятно, в конце 1835 г. в Оренбург приехала его мать, Ульяна (или, как называет ее внучка, Юлия) Христофоровна. Екатерина Владимировна рассказывает, что бабушка жила в Дерпте со своим младшим сыном Павлом,

студентом, но его исключили из университета, а вскоре он заболел и уехал лечиться в Италию. Матери «не на что и ни при чем... было жить отдельно», и она переехала к старшему сыну в Оренбург. Здесь, как свидетельствуют письма В.И. Даля к сестре, ей не особенно понравилось. Она не смогла сблизиться с невесткой, да и в доме, вероятно, было тесновато, тем более что в семье 7 марта 1836 г. родился второй сын Святослав-Василий-Павел. По-видимому, ближе к концу этого года Даль приобрел собственный дом. Произошло это, как пишет его дочь, случайно. «Он никогда не думал покупать себе дома, но какой-то отъезжающий до тех пор пристаивал к отцу: купи да купи у меня дом, что в самом деле купил».

В письме к П.И. Шлейден от 1 ноября 1836 г. Даль с облегчением сообщает: «Маменька теперь живет у нас немного привольнее, по крайней мере, своя комнатка, отдельная, в сторонке», и добавляет: «Ты же знаешь, что мы живем в своем доме; дом хорош, и мы очень довольны покупкой».

Уже в этом доме случилось первое семейное горе: 18 июня 1837 г. умер младший годовалый сын Святослав.

В этом же году в Оренбург приехала вторая сестра Даля, Александра. Муж ее, артиллерист П.О. Кистер, в течение предыдущих двух лет хлопотал о своем переводе на службу к военному губернатору В.А. Перовскому, и, наконец, эти хлопоты увенчались успехом. Мать Даля тут же перебралась к дочери, но и это не принесло ей покоя и радости. Владимир Иванович в письмах к старшей сестре с грустным юмором рассказывает, что и зятем, и даже внучкой-барышней Юлия Христофоровна так же недовольна, как и невесткой.

27 февраля 1838 г. написано последнее безмятежно счастливое письмо В.И. Даля к П.И. Шлейден. Пятью днями ранее родилась его дочь, которую позднее назовут Юлией. Пока ей еще собираются дать другое имя, а мать ее, Юлия Егоровна, еще «здорова и весела...» В этом письме Даль немного рассказывает о доме, о просторном и теплом кабинете с круговым камином, о верстаке и токарном станке, которые удалось разместить в «новом покое».

Вскоре после рождения дочери Юлия Егоровна Даль заболела и, проболев около трех месяцев, умерла в июне 1838 года. За несколько дней до ее смерти Даль писал сестре о том, что мать, забыв все разногласия, снова переехала к нему и ухаживает за невесткой, «предупреждая каждое желание больной со свойственным ей самозабытием».

Она уже больше не расставалась с сыном, полностью взяв на себя воспитание его осиротевших детей. Е. Даль считала, что младших внучек, трех дочерей сына от вто-

рого брака, бабушка никогда не любила так, как Льва и Юлию.

Вторая супруга, Екатерина Львовна Соколова, вошла в дом В.И. Даля 12 июля 1840 г. 14 апреля 1841 г. в этом доме родилась ее первая дочь Мария, а через месяц семья Даля покинула Оренбург. Следующие восемь лет Владимир Иванович, как известно, служил в Петербурге. Как сообщает его дочь, бабушка Юлия Христофоровна скончалась, когда отец уже получил назначение на должность управляющего нижегородской удельной конторой, т.е. в 1849 году.

Вернемся теперь к находке Е.Г. Вертоусовой — плану одного из кварталов Оренбурга 1852 года. Вряд ли можно думать, что В.И. Даль и его родные могли купить несколько домов в городе. Не только купить, но даже снять семейное жилье было, как мы знаем из писем Даля, нелегко. Да и средства семьи были не столь велики. Естественно предположить, что на плане мы видим тот самый «случайно» купленный Далем дом. Вероятно, он был куплен на имя матери, хотя она и не жила в нем постоянно.

Почему в 1852 году дом еще считается ее собственностью? Возможно, что семья сестры Даля, А.И. Кистер, вселилась в него в 1841 году. Ведь Екатерина Даль в своих воспоминаниях рассказывает, что ее дядя и тетка остались в Оренбурге и жили там много лет после отъезда оттуда Перовского и семей многих его сослуживцев, в том числе и В.И. Даля. Если Ульяна Христофоровна умерла в 1849 году, то вполне возможно, что спустя три года в канцелярии просто еще не успели внести в документы соответствующие изменения.

Подтверждение нашего предположения, что Кистеры действительно жили в этом доме, мы нашли в работе В.В. Дорофеева «Оренбург шевченковский» [272], написанной в 1993 г. после тщательного изучения нескольких планов города конца 40-х-начала 50-х гг. XIX в. Здесь, в частности, рассказывается о сохранившемся до наших дней доме Кутиных на углу современных ул. 8-го Марта и пер. Шевченко, где бывал великий украинский поэт, сосланный в Оренбург в 1847 г. «Напротив дома Кутина — пишет В.В. Дорофеев — по другую сторону Преображенской улицы (ныне ул. 8-го Марта. — *Авт.*) почти во всю ширину квартала, исключая несколько метров у северного угла, был сад, устроенный на части дворового места полковника Кистера».

По-видимому, в наши дни на этом «дворовом месте» размещается жилой дом №42 по улице Пушкинской, второй от ее пересечения с ул. 8-го Марта. И наверно мы, таким образом, знаем теперь еще один оренбургский адрес Владимира Ивановича Даля.

«ВНОВЬ УВИДЕТЬ ОРЕНБУРГСКИЕ СТЕПИ...»

Приезд В.И. Даля в Оренбург летом 1859 г.

После отъезда из Оренбурга в 1841 г. В.И. Даль служил чиновником особых поручений при Л.А. Перовском, возглавлявшем министерства уделов и внутренних дел, а в 1849 г. был назначен в Нижний Новгород на должность управляющего местной удельной конторой. Напряжённая служебная деятельность не оставляла Дalia времени для путешествий и не давала повода вновь

В.И. Даль

посетить Оренбург, где жила с семьёй его сестра Александра Ивановна. Её муж, Пётр Осипович Кистер (или Кюстер), военный, дослужившийся впоследствии до чина генерал-майора, был в 1837 г. по протекции В.И. Даля переведён из Астрахани в Оренбург, где служил до самой от-

ставки. К семье сестры перешёл после отъезда Даля дом, купленный им в 1836 г. на имя матери: на генеральном плане построек за 1852 г. он значится как владение «вдовы статского советника Ульяны Христофоровны Даль», а на более поздних планах называется домом полковника Кистера. В 1845 г. Кистеры приобрели имение в Ташлинской волости Оренбургского уезда [46], которое граничило с имением Любови Львовны Соболевой, родной сестры Екатерины Львовны Даль.

Таким образом, связи с Оренбургом у Даля никогда не прерывались, а в 1859 г. он с семьёй посетил Оренбург и провёл в имении сестры целое лето. Эта поездка подробно описана в неопубликованных воспоминаниях его дочери Ольги Владимировны Демидовой, машинописная копия которых хранится в Центральном Государственном архиве литературы и искусства [47]. Ниже приводятся соответствующие отрывки из этих воспоминаний.

О.В. Демидова рассказывает, что когда весной 1859 г. В.И. Даль подал прошение об отставке, он получил трёх-

месячный отпуск, и его близкие настояли на поездке в Оренбург. Кроме родителей, в путешествие собирались отправиться жившие с ними бабушка Анна Александровна — мать Екатерины Львовны, и сестра последней Наталья Львовна («тётя Наташа»), а также дети, все уже почти взрослые. Лев-Арслан как

Лев Даль. Автопортрет

раз окончил Академию художеств в Петербурге и собирался в длительную заграничную поездку, которой премировались лучшие выпускники этого учебного заведения. Юлии был двадцать один год, Марии — восемнадцать, Ольге — шестнадцать, Екатерине — четырнадцать.

Даль поначалу несколько испугался перспективы столь дальней дороги в слишком многолюдной компании. Вот как пишет об этом его дочь:

«Сорок лет прослужил и только раз брал отпуск, — сказал он, — а тут накануне отставки навязывают его мне насильно». Что же оставалось делать? Сидеть в той же удельной конторе... А что если бы вос-

Юлия Даль. Рисунок Л. Даля

пользоваться летом и съездить всей семьёй в Оренбург на кумыс? — пришла в голову кому-то благая мысль... Наташе кумысное лечение очень помогло, может быть, оно будет хорошо и для Маши с Катей. Каждый думал

и об отце, но ему этого никто не выражал. В Оренбурге жила его сестра Александра Ивановна Кюстер с мужем. У них было имение и 120 верстах от города, и там, межа с межою, было имение и сестры матери, тётки Любы, к которой и ездила иногда на кумыс Наташа. И это лето Наташа уже уехала туда. В первую минуту отец, кажется, испугался такой мысли: перед ним стоял призраком переезд в Москву, а тут ещё затевают прогулку в Оренбург. Но мы дружным напором взяли отца приступом, и он дал согласие: «если Арслан проводит нас», — сказал он».

Все очень любили Александру Ивановну, «танточку», как звали её племянницы, единственную из сестёр и братьев Даля, оставшуюся к этому времени в живых, и радовались встрече с ней и Петром Осиповичем. «В продолжение десяти лет старики Кюстер чуть не каждую весну собирались к нам. Наверное, и этот год они думают о том же, и вдруг... мы сами к ним приедем. Всею семьёй, чуть ли не целым табором», — пишет Ольга Владимировна.

В воспоминаниях младшей дочери Даля Екатерины [264-265] также упоминаются Кюстеры. Особенно волнует её рассказ о том, как в доме Даля в Нижнем Новгороде умер от «бича семьи», чахотки, сын Кюстеров Петя, одиннадцатый их ребёнок. Тогда по просьбе Владимира Ивановича все его дочери, младшая из которых была ещё совсем маленькой, по очереди ходили в комнату тётки, пытались её утешать и просили считать их не племянницами, а почти дочерьми...

В 1859 г. у Кюстеров оставался только один сын Фёдор, «Федраша», который служил в Польше. Сами они,

люди уже пожилые, жили вдвоём в своём поместье Петровке. Решено было устроить им сюрприз.

В то время, как молодёжь радостно предвкушала новые впечатления, родители с волнением ожидали встречи с прошлым. Ольга пишет: «Мать готовилась вновь увидеть свои Оренбургские степи, о которых она мечтала всё время с тех пор, что рассталась с ними. Она радовалась увидеть ковыль и вдохнуть тот воздух, вспомнить молодость и забыть эти хворые годы, отделявшие ее от того счастливого молодого времени».

Наконец семейство тронулось в путь, добралось до Симбирска, где заночевало. И надо ж было такому случиться! Тётушка с дядюшкой в это самое время тоже решили сделать сюрприз родным!

«Сказать ли теперь, — рассказывает Ольга, — что в эту самую ночь катил по городу старинный тарантас и в нём сидела старенькая усталая парочка. Она въехала с противоположной стороны города и, не разыскивая себе спокойного приюта на ночь, остановилась прямо на почте, где и расположилась на отдых, сделав больше полпути своего долгого путешествия из Оренбурга до Нижнего. Старики пробирались в ту самую удельную контору, из которой выехала вся наша семья на побывку к ним...»

Позже, когда Кюстеры уже уехали, Лев на почтовой станции заглянул случайно в подорожную книгу, увидел там фамилию дяди и понял, что они разминулись. Но ничего другого не оставалось делать, как продолжать путь и ждать в Петровке возвращения хозяев.

Наконец путники достигли Оренбурга, который, может быть, в виде самых туманных воспоминаний сохра-

Е.Л. Даль

нился в памяти старшего брата: его увозили отсюда семилетним. Юлия и, тем более, Мария не могли помнить города, в котором родились, остальные две сестры видели его впервые. И всем им, таким юным и весёлым, трудно было понять чувства родителей...

Ольга пишет: «Когда наконец мы были близко от Оренбурга, то мать стала как-то особенно беспокойна и нетерпелива. Ей хотелось видеть его издали и хотелось смотреть вместе с отцом, вспоминая былое. Они увезли оттуда Машу шестинедельную: ей теперь было 18 лет. О чём мать думала, что перебирала в своей голове — мы не знали и не могли её понять. Когда город был уже вплоть, мы вышли из тарантасов. Вышла и мать. Они шли под руку с отцом, а он нам рассказывал про Пугачёва. Батя [48] указал нам место его стоянки и описывал всю осаду Оренбурга и положение жителей, о чём он слышал в дни молодости живые рассказы от тогдашних старожилов. Мы шли по шагам Пугачёва и вместе с ним вошли в городские ворота.

В городе мы пробыли целый день и всё время были на ногах. Отец возил нас по ту сторону Урала на Меновой двор. «Вот мы и в Азии», — сказал батя, едва мы переехали реку, направляясь к хорошенькой небольшой рощице, любимой прогулке городских жителей.

Роцца была вплоть за красивым, но не широким Уралом. Невдалеке была не то ярмарка, не то базар с торговлей в лавках и под открытым небом, где сидели на разостланных коврах киргизы и башкиры, угощаясь восточными лакомствами, и где мы наконец увидели живого верблюда не в зверинце, а на воле, как полезное животное.

Мы ходили, осматривали и готовы были скупить все диковинки Менowego двора (которых теперь я уже не помню). Но отец уговаривал нас сделать это на обратном пути и мы удовольствовались лишь покупкою азиатских сластей: разного рода фисташек в сахаре, называемых там манною... Мы наелись её столько, что напившись ещё впервые кумыса, — расстроили себе животы.

Отец входил в разговоры с продавцами на непонятном для нас языке, уверяя, что совсем отвык говорить, а понимает легко. Беседы эти способствовали мимолётной дружбе, которая, между прочим, выразилась тем, что одну из нас посадили на верблюда и покатали.

С закатом солнца вернулись мы в город, а на рассвете выехали из Оренбурга. Мать наслаждалась своими степями. Она вздыхала; глядела задумчиво своими тёмными глазами, отмахивалась от нашей надоедливой болтовни и однажды вдруг громко потянула в себя воздух и, широко открыв глаза, бодро, молодо, весело закричала: «Ах, пахнет! пахнет!» — и потянулась вон из экипажа. Нам всё это казалось и смешным и нежным. «Мать! Нюхай, запахло!» — кричали мы ей иногда со смехом. Для нас это был просто степной душистый воздух, а для матери — именно тот, который возвращал ей давно прошедшее».

Особенное впечатление произвела на автора воспоминаний встреча с давним другом отца, к которому они завернули по дороге. Мулла Абдулла Давлетшин, учивший в своё время В.И. Даля татарскому языку, жил теперь в «местечке», по-видимому, Татарской Каргале. Встречу с ним в 1859 г. мимоходом упоминает и Екатерина Даль.

«На полпути мы остановились в местечке, где жил бывший мулла Абдула Давлечин, — продолжает Ольга, — нынче полковник в отставке. Давлечин старый отцовский приятель. Он по-восточному ходил в халате, но уже умел по-европейски стесняться дамами, которых невольно принимал в таком виде. Нас провели на женскую половину, где мы видели двух его жён. Одна молодая, другая старая, которая была сумасшедшей, но совсем тихая. Она только плакала и молчала. Сам Давлечин рассказывал, что она помешалась с горя от его второй женитьбы, что он обещал ей когда-то не брать второй жены в дом, а когда она стала стариться, и вести дом ей становилось трудно, то он увидел, что без молодой жены плохо; тогда он просил её не сердиться, если он возьмёт молодую в дом, говоря, что он по-старому будет любить её и молодая её будет почитать. Ничего она не сказала, а только всё плакала. Вот скоро десять лет, что он женат. Она всё молчит и только плачет».

Наконец цель поездки была достигнута: «К вечеру мы приехали в имение Кюстеров. Через дорогу была Тёпловка, имение Соболевых. Оттуда нагрянули все родственники и ввиду отсутствия хозяев в Петровке увели нас всех к себе».

Далее следует описание родных матери: тёти Любы, или «Любиньки», красивой и доброй, её дочери, тёзки и ровесницы автора (которую девочки Даль дружно презирали за избалованность и «стремление казаться хорошенькой») и дяди Фёдора Михайловича, который был «по привычкам своим чисто русский мужичок, простой, добрый, но ловкий и плутоватый». Затем автор воспоминаний переходит к описанию своего времяпрепровождения.

«Около трёх недель мы жили в Петровке без хозяев; жили, т. е. ночевали и пили чай по утрам, весь же день проводили в Тёпловке. Лев немножко отделился от нас и мало бывал в Тёпловке. У него были свои знакомые и он разъезжал довольно много. Между прочим, он посетил Илецкую Защиту, откуда навёз нам пропасть вещей, выделанных из каменной соли, и много рассказывал о красоте пещер, высеченных в соляных залежах; все украшения, колонны, всё было из соли.

Сама Петровка... замечательно скучное место... Правда, что красота местности вокруг заставляла забывать это голое, сухое, неудобное помещение...

Когда вернулись из Нижнего усталые путники, то застали нас в своём доме чуть ли не полными хозяевами. Расположились мы, впрочем, довольно скромно, заняв заднюю комнату, в которой все четверо спали на полу на сене, а мать тут же на кровати. С приездом танточки мы три остались с матерью, а Юлю танта взяла к себе. Приезду их Юля была несказанно рада и с этого времени больше Петровки не покидала, пользуясь всеми одинокими минутами, чтобы проводить их с тантою, в немецких излияниях.

Особенность убранства Петровского дома заключалась в том, что мебель была, кажется, вся домашней работы, чуть ли не плотничной. Стулья и кресла громадных размеров, тяжести непомерной, а сиденья были обиты ситцем по дереву. Затем в каждой комнате были часы и не одни, а случалось двое и трое, так как дядя был большой до них охотник. Присутствие часов и жёсткой мебели мы особенно ощущали с приездом хозяев, так как часы все были заведены и пущены в ход, а на стульях и креслах пришлось сидеть, а не только глядеть на них. Однажды я решилась одну из этих уродин придвинуть к столу, потянув за ручку. Дядя посмотрел на меня, потом, встав с места, подошёл и, отодвинув назад кресло, сказал мне довольно ласково: «Когда ты захочешь переставлять стулья, то бери вот так» — и он приподнял кресло с полным почтением за обе ручки. «А то можно сломать», — добавил он в пояснение. Над этими последними словами брат мой много смеялся и уверял, что меня можно было показывать за деньги, если бы я сломала такое чудище.

Сам дядя был такой же прямой, сухой и тяжеловесный, как его домашняя обстановка. Тётка была толстенькая, суетливая, смышлёная особа, разговорчивая и весёлая, хотя, я думаю, подчас она себя заставляла быть такою. Она измельчала в будничной жизни.

Забота об украденной курице или выдерганной репе поглощали её всецело и положительно их жизнь в деревне сводилась к тому, что старики караулили свой дом. Дядя был уже довольно стар и иногда хворал, а ближайший доктор, в зимнее время, был за 120 вёрст.

«Что вас заставляет жить тут зиму в одиночестве и глуши?» — спрашивал иногда батя.

«Как же отъедешь. Ведь дом весь растащат», — был ответ одиноких старичков.

«Так что же, дом для вас или вы для него?» — подсмеивался отец.

В их коротких ответах мелькал иногда смысл, что надо для сына беречь...

Правду сказать, о Петровке у меня осталось воспоминание чего-то стеснительного... Весь этот порядок и в доме, и во времени, это однообразие, которого нельзя было изменить и нарушить, меня мучило и томило, и я не знала, как бы отделаться и убежать поскорее в Тёпловку к бабушке, Наташе, тёте Любе и к тому дяде, которому я всегда доставляла большое удовольствие своим присутствием...»

Однако скоро живая и любознательная девочка и в скучной Петровке нашла себе развлечение, которое сдружило её со строгим дядей Кюстером.

«Пропадая с тоски в Петровке, я как-то надумала попросить у дяди давать мне уроки датского языка. Сам он был датчанин и хотя и давно покинул Данию, но любил её и сохранил связь со своим отечеством. Так, между прочим, у него было сочинение Андерсена, им самим подаренное дяде. Я находила, что недурно и мне знать мой родной язык. Ведь мой дедушка был тоже датчанин. Дядя охотно согласился на мою выдумку, но учебников у него не было и он потревожил со своих старых полок книжечку Андерсена... Датское чтение не шутя тешило дядю, и я вскоре стала у него в большой милости...»

Потом приехал в отпуск двоюродный брат Федраша, подарил Юле седло для верховой езды, и начались прогулки верхом. Развлекали девочек и знакомства со ста-

ринными приятелями отца, среди которых Ольга упоминает соседей по имению Звенигородских.

«Старик Звенигородский был очень крутого нрава и жену подобрал себе тоже свирепую. Несмотря на это, их дом был всегда полон гостей, которых они очень ласково принимали. Отцу нередко приходилось бывать свидетелем резких вспышек и, пожалуй, даже принимать участие в улаживании и примирении. Обозвать дочь «чертовкою» им ничего не стоило даже при посторонних. При нас однажды мать бранила свою замужнюю дочь за то, что она съела перед обедом персик. Мы поспешили пройти в столовую и за нами раздалась громкая пощечина...

Страннее всего было то, что старики, живя в постоянных ссорах и брани, очень любили друг друга и скучали в разлуке. Однажды зашёл разговор о разводе вообще и все стороны стояли за русский брак, не допускающий развода. Вероятно, покажется странным, если я к этому добавлю, что Звенигородский был женат уже во второй раз и причём на сестре своей первой жены, которая была чуть ли не хуже этой. Про ту отец рассказывал, как она с мужем и ребёнком, переезжая однажды реку, до того разбесилась на мужа, что, схватив своего птенца, занесла его через край парома над водою. «Замолчишь ли ты или сейчас брошу в воду», — крикнула она, сверкнув глазами. «И видя её, можно было поверить, что эта бешеная исполнит угрозу», — прибавил отец.

У них была ещё одна сестра, говорят, красавица писаная; та вовсе отбилась от рук, не позволяя никому перечить себе. При первой же ссоре она брала любую лошадь

из отцовского табуна и на неосёдланной, с нагайкою в руках, мчалась в степи, где скиталась по кочёвкам несколько дней, и затем с грозным лицом возвращалась в дом».

Далее следует описание приезда ещё одной младшей сестры Екатерины Львовны, «красавицы тёти Нади»:

«В это время она была далеко не хороша и своим цыганским растрёпанным видом не понравилась никому из нас. Лев и Юля держались особенно далеко от неё и вовсе перестали ходить к Соболевым... Я стала расспрашивать танточку и своего двоюродного брата и выведала, что она немало кутила на своём веку; часто бывала в бегах от мужа и, овдовев, поселилась тогда в Уфе, где её все знают. А как она теперь живёт... об этом никто не знает. И танта добавила: «Слава идёт не одним днём».

В главе XV своих воспоминаний, озаглавленной «Конец Оренбурга», рассказчица подводит итог впечатлениям о поездке, запомнившейся ей на всю жизнь:

«Кроме новых людей, какую новую и чудную природу мы увидели! Живя постоянно в городе, хотя и в приволжском, мы понятия не имели о степном приволье. Впервые увидели мы и горы, да ещё перерезанные облаками. Вдохнули мы запах лугов, с их сочною густою травою, которая путается в колёсах, когда по ним едешь. Нас поразили чистые, прозрачные, неглубокие и быстрые каменистые речки, наполненные форелью. Хотелось рукою схватить её — так близко она казалась. Сунешь руку по плечо в холодную воду, и то не достанешь до этих красивых галечек, которые, кажется, двумя пальцами бы вытащил. Быстрые и извилистые речки эти перерезают луга и леса, виляя взад и вперёд, не перегора-

живая никому дороги. Их переезжают без мостов и переходят вброд...

Воздух был так же обманчив и прозрачен, как вода. А запах! Этот чудный запах сочных трав, который так тоскливо вспоминался впоследствии. Тогда и я поняла мать и, пожалуй, была готова не только выскочить из тарантаса, но идти пешком много вёрст, чтобы вдохнуть опять тем же, чтобы вернуть утерянное».

«МНОГО ВОДЫ УТЕКЛО...»

Письмо Н.В. Ханыкова к В.И. Далю (1868)

В рукописном отделе Пушкинского Дома хранится полученное В.И. Далем в 1868 г. письмо от знаменитого востоковеда Николая Владимировича Ханыкова, жившего в то время в Париже. Оно показывает, что дружба между ними, начавшаяся в Оренбурге, с годами не угасла, и что их связывали не только воспоминания о прошлом, но и общие научные и литературные интересы. Мы узнаем об их встрече у Даля в Москве, откуда следует, что Ханыков бывал в России и после 1860 г. Он пишет, что посылает свое сочинение «Мемуар об этнографии Персии», вышедший из печати в Париже в 1866 г., и напоминает о затрагивавшихся ими в беседах этнографических проблемах.

Ханыков тепло вспоминает об их оренбургском прошлом. Его радует, что Даль опубликовал свои «Письма к друзьям из Хивинского похода», сохранив тем самым память об этом значительном историческом событии, которое оставило глубокий след в жизни каж-

дого из них. Он спрашивает, не напечатал ли Даль «Записки о Бухаре», составленной им со слов И.В.Виткевича, и выражает искреннее сожаление о трагическом уходе из жизни этого смелого и привлекательного человека. Очень интересны приведенные Ханыковым сведения об афганской поездке Виткевича и

Н.В. Ханыков

описание последней встречи с ним в Петербурге.

Приводим текст этого письма.

11 апреля 1868 г.

Париж, ул. Конде.

Пользуясь отъездом в Москву Александра Федоровича Моллера, желающего иметь честь быть Вам представленным, я препровождаю к Вам, Владимир Иванович, разные свои ученые грехи, каковых прошу принять благосклонно, в знак памяти от бывшего вашего сокочевника.

Много утекло воды с того времени, когда мы с Вами жили в одном юламе, но Вы ухитрились не состариться и Ваши «Картины русского быта» носят на себе отпечаток живой впечатлительности и искусной руки мастера, и если в чем-нибудь можно признать влияние прожитых годов, то это разве в несколько большей теплоте хвалы за дело и в некоторой мягкости порицания человеческих слабостей.

Последний раз, когда мы с Вами виделись, у Вас в Москве, Вы были так обязательны, что обещались достать из Оренбурга несколько киргизских и таджикских черепов. Я все еще считаю на это обещание и для подновления его в Вашей памяти прилагаю свой *Mémoire sur l'ethnographie de la Perse* [49]. Переслать это костяное добро можно, кажется, через одного из многочисленных московских паломников, ежегодно отправляющихся на поклонение парижской святыне.

Вас сюда, конечно, не дожدهшься, а само собою разумеется, что я был бы очень счастлив быть здесь Вашим *cicergone* [50]; но до того позвольте Вас, хоть письменно, спросить, не напечатали ли Вы где-нибудь Вашей записки о Бухаре со слов Виткевича и его к Вам писем из-под Херата и из Кандагара? В 1868 году я совершил почти то же путешествие и от Афганской границы до вступления в большую Кирманскую пустыню даже совершенно шел по следам, которые там еще живо сохранялись; жаль будет, если из всего виденного им остается только сухой маршрут, как сказанный И.Ф. Бларамбергом на страницах 335-346 его «Статистического обзора Персии», изданного в 1858 году.

Что Виткевич поддался под Хератом вредному влиянию Гута, нашего первого драгомана при персидском посольстве, что он задумал поспорить с англичанами, думая этим достигнуть освобождения Польши, в этом нет сомнения. Доказательством тому служат нам откровенные признания английского агента в Кабуле, Массона, как и сведения,

сообщенные мне в Бухаре Стоддартом и в Афганистане разными Сикдирями, родственниками Дост Мухаммед Хана и, наконец, доверенными лицами, которых он ко мне высылал в Херат.

Мономания мономанией, но я убежден, что и в самой смерти его неудача его в миссии, прямо истекавшая от того, что Министерство иностранных дел отреклось от него, играло большую роль. Правда, что уже на пути из Тифлиса в Петербург, куда вез его светлейший князь Салтыков, он ему хладнокровно говорил о том, что жизнь ему надоела и что он не переживет 30-ти лет, но это не противуречит сказанному, так как по возвращении его из Кабула в Тегеран там уже знали о смене Симонича и о решении отречься от Виткевича. Что в решимости этой наложить на себя руки была бравада, в том нет сомнения. Накануне отъезда моего в Оренбург, за два дня до самоубийства Виткевича, я встретил его на Невском проспекте и он меня спросил: «*Quand partez Vous? [51]*». Я ответил ему: «*Demain [52]*», на что он мне заметил: «*Je Vous voulait de Vous rayer donc les plaisirs d'Orenburg, quant a'moi j'ai pris le gen. Perofsky de me permettre été rester isi une couple de mois, je suis si fatigué de miene voyages [53]*» и затем мы пожали друг другу руки в последний раз. Я уехал в субботу, а в четверг я встретил в Москве только что приехавшего из Петербурга А.П. Заболоцкого, который передал мне печальную весть о конце Виткевича. Довольно замечательно, что в списке вещей застрелившегося, составленном частным приставом Адмиралтейской части и

хранящемся в Азиатском департаменте, пистолетов не оказалось!! А я как теперь их вижу, это пара длинных азиатских пистолетов в серебряной оправе.

Если Вы еще не напечатали Вашей записки, то, пожалуйста, напечатайте и, если можно, доставьте отдельный оттиск Вашему покорному слуге.

Кончая это письмо, мне только приходит на мысль, что давно ли, казалось, был 1839 год, а кроме Вас, Чихачева, Житкова и Гротгауса да меня никого уже не осталось в живых из походного штаба Хивинской экспедиции. Вы отлично сделали, что напечатали Ваши письма, а то и эти впечатления навсегда канули бы в воду, не оставив других концов, кроме счетов по интендантскому ведомству, списков, да кой-каких обрывков к делам по наградной комиссии. Я еще писем Ваших в печати не читал, и, если у Вас есть отдельный оттиск, то Вы обяжете меня, прислав его ко мне для пополнения моей среднеазиатской библиотеки.

Прощайте, Владимир Иванович, не взыщите за болтовню и верьте искренности чувства.

Преданный Вам Н. Ханьков.

«...Я ПИШУ НЕ СКАЗКУ, А БЫЛЬ»

В.И. Даль приехал в Оренбург в 1833 г., а через три года в журнале «Библиотека для чтения» появилось одно из его лучших художественных произведений — повесть «Бикей и Мауляна», первое в русской литературе про-

изведение о жизни казахов, называвшихся тогда киргизами или киргиз-кайсаками.

Повесть эта в наши дни остается, пожалуй, самым известным и популярным произведением Даля-писателя, и главная причина этого — в ее достоверности. Сам Даль так писал об этом: «Скажу... о рассказе моем... вот что: не только все главные черты его взяты с подлинного, бывалого дела, но мне не было даже никакой нужды придумывать ни одного побочного обстоятельства, вплести какую-либо выдумку; все происшествие рассказано так, как было, и было в точности так, как рассказано» [209, с.239]. «Я пишу не сказку, а быль», — не раз напоминает Даль читателю по ходу повествования.

В повести описана трагедия, разыгравшаяся в семействе аксакала Исянгильды Янмурзина — одного из старшин богатого казахского рода, известного миролюбием и спокойствием в сосуществовании с уральскими казаками. У старшины было три жены и много детей. Одну из дочерей от первого брака просватали и получили за нее калым, но она умерла, не успев выйти замуж. Нужно было вернуть калым или отдать жениху другую невесту, а у первой жены Исянгильды взрослых дочерей больше не было. Тогда она уговорила мужа отдать дочь от его умершей к тому времени второй жены. Таким образом, как пишет Даль, «отдали птенца из второго гнезда, а калым за него остался в первом» [там же, с.224]. Родных братьев и сестер девушки при этом не только ограбили. Для них было позором то, что сестру фактически выдали замуж без калыма, «как рабыню или неверную». И когда повзрослел ее брат Бикей, он восстал против несправедливости отца, стал требовать, что-

бы имущество, полученное когда-то в виде калыма, было отдано ему и другим детям его матери.

«Старик Исянгильды, слывший мудрым и справедливым, когда судил и рядил чужую расправу, в собственном своем деле погрешил и покривил, а потом уже сознаться и исправить беды не хотел» [там же], — пишет Даль. Между отцом и сыном возникла вражда, причем на стороне отца, разумеется, были его сыновья от первого брака. Однажды, во время очередной ссоры, отец потребовал непокорного сына к себе. За Бикеем поскакали старшие братья и убили его, поскольку он не хотел ехать с ними. Когда же известие о происшествии дошло до Оренбургской пограничной комиссии, убийцы объясняли, что Бикей, пытаясь ускакать от них, упал со споткнувшейся лошади и случайно нанес себе смертельную рану собственной саблей.

Даль рассказывает о том, как расследовалось это дело, и о том, в каком затруднительном положении было руководство края. Недопустимо было как полное бездействие, так и слишком суровое отношение к подозреваемым. Решено было принять следующие меры: старшине Исянгильды и его родственникам объявить, что они состоят под подозрением в убийстве и предложить им доказать свою невиновность. До этого отрешить старшину от должности дистанционного начальника над линейными киргизами четвертой дистанции. Предписать султану-правителю надзор за поведением подозреваемых и покровительство семейству Бикей.

Это было единственно возможное решение, которое, конечно, не могло остановить начавшейся семейной вражды.

Жена Бикея, красавица Мауляна, вышедшая за него замуж по любви и собственной воле, ненадолго пережила его. «Она... умерла от оспы летом 1832 года, менее года после убийства мужа, на 22-м году от рождения своего» [там же, с.289], — такими словами Даль закончил свою повесть.

В Государственном Архиве Оренбургской области хранится дело «Об убийстве старшиною Исянгильды Янмурзиным сына своего Бикея» [54]. Познакомившись с ним, нетрудно убедиться, что Даль и в самом деле описал реальный случай, что документы, лежащие в этой папке, действительно дали ему такой сюжет, для которого уже не было необходимости ничего придумывать. В 1937 или 1939 г. кто-то из работавших в нашем архиве ученых написал на обложке: «Настоящее дело послужило темой для написания Далем повести «Бикей и Мауляна».

Большинство документов из этого дела представляют собой переписку председателя Оренбургской Пограничной комиссии Г.Ф. Генса и военного губернатора П.П. Сухтелена.

В своем первом рапорте по делу Бикея, от 22 сентября 1831 г., Генс сообщает, что трагедия произошла, вероятно, 5 сентября. Сообщил о ней в Оренбургскую Пограничную комиссию 11 числа полковник Покотилов, управляющий Уральским казачьим войском, сам еще не веря, что подобное могло случиться. Однако слухи об убийстве уже дошли до Генса через киргиз, приезжавших в Оренбург.

Три следующих рапорта — от 1 октября, 2 и 6 ноября — содержат подробности, которые удалось узнать в

ходе расследования. Здесь можно прочесть о том, как поступил Исянгильды, узнав о смерти Бикея. Отец пришел в ужас и решил, что, потеряв одного сына, он должен спасти остальных. Он «разрезал у умирающего сына грудь и окровавленную руку поднес к губам, объявляя предстоявшим, что ненависть их к умершему удовлетворена, но чтобы они не беспокоились о последствиях, ибо он сам сделался убийцею сына и должен ответственность за все» [55]. Этот эпизод в документе, пожалуй, выглядит страшнее, чем в повести. Описывая его, Даль немного смягчил краски. В документах подробно пересказываются показания Исянгильды Янмурзина. Отец говорит об убитом сыне как о своем враге и обидчике, утверждает, что Бикей похищал у родственников лошадей и баранов, грозил отцу, ругал его, а однажды вообще чуть не убил. Старик также настаивал на том, что сын нечаянно убился сам. Жена же Бикея утверждала, что все это клевета и что муж ее убит братьями. Проверить показания было невозможно. Даже освидетельствовать убитого не удалось: тело его было захоронено к моменту, когда на место происшествия приехали посланные для расследования.

Все случившееся вызвало большую тревогу в Оренбургской Пограничной комиссии. «Старшина Исянгильды Янмурзин, — пишет Г.Ф. Генс, — есть богатейший из Оренбургских киргизов, и Асановское отделение Танинского рода, им управляемое, отличается благосостоянием и спокойствием... Преследование на основании законов подозреваемых по сему делу людей встревожит не только 88-летнего старца Исянгильды, но и всех детей и богатых родственников его, которые принужде-

ны будут откочевать от линии в степь... присоединиться к шайке мятежников Каип-Галия, которою они по богатству их будут приняты с усердием. Естественно, что таковое усиление сей шайки... причинит беспорядки на линии» [56].

С другой стороны, председатель Оренбургской Пограничной комиссии обращает внимание военного губернатора на то, что в этом деле «беззащитная женщина, вдова убитого, не имеющего ни свидетелей, ни в распоряжении своем имения» [57], противостоит богатой семье с крепкими связями. «Таковая безуспешность следствия, — подчеркивает Гене, — была бы крайне невыгодна, ибо народ наверное полагал бы, что виновные оправдались посредством подкупа свидетелей» [58].

О том, что и военный губернатор весьма серьезно отнесся к происшедшему, говорят его пометки на документах и то, что 11 ноября 1831 г. он подробно изложил все обстоятельства дела в рапорте главе Азиатского департамента министерства иностранных дел К.К. Родофиникину.

В последних двух небольших документах дела упоминается Мауляна, которая после гибели мужа находилась под опекой султана-правителя Баймухамеда Айчувакова. Он и добивался от Исянгильды Янмурзина, чтобы тот выделил ей определенную часть имущества. Г.Ф. Генс и П.П. Сухтелен, как следует из документов, следили за тем, чтобы это было исполнено.

В самом последнем документе упоминается также «вторая жена» Бикея, которой считалась «малолетняя девица, сестра умершей по уплате калыма невесты Бикея, которая по обычаям киргизов долженствовала

заменить умершую». В повести Даля о ней ничего не сказано, но говорится о том, что Бикей женился против родительской воли и что была у него до Мауляны невеста Дамиля. Семейство получило за нее калым и не хотело его возвращать, поэтому отец требовал, чтобы Бикей взял вторую жену, но сын не соглашался, потому что никто, кроме любимой Мауляны, ему был не нужен. «И там, за Яиком... прорывается иногда это влечение, это чувство, которое уносит человека далеко, далеко выше всех известных нам созданий, — говорит Даль по этому поводу. — Иногда ... в кои веки раз, так же точно, как и у нас...» [209, с.262]

Читая повесть, мы видим, что Даль пользовался этим архивным делом. Местами он пересказывает и даже цитирует некоторые его документы. Однако основой для повести послужило не только дело. События, описанные в этом и других «оренбургских» произведениях Даля, были известны ему и со слов очевидцев.

Он приехал в Оренбург, когда история Бикей и Мауляны была еще свежа в памяти, и ему могли рассказать о ней сослуживцы, в первую очередь Г.Ф. Генс и атаман Уральского казачьего войска В.О. Покотилов. Множество подробностей Даль узнал и от людей, близких его героям, поскольку его связывали с ними добрые отношения.

Об одном из них Даль пишет в первой главе своей повести: «Султан Кусяб Гали, старшина одной из дистанций понизовых кайсаков, принадлежащих к западной части орды правителя Баймухамеда Айчувакова, сидит сейчас у меня... — Хочу пересказать вам то, что султан Кусяб мне говорил о причинах глубокой вражды

отца и сына; а султан Кусяб женат на родной сестре Бикея, следовательно, дело ему известно» [там же, с.223-224].

Из таких бесед узнал Даль то, о чем не могли рассказать документы, например, каким на самом деле был Бикей — веселым, несколько легкомысленным, бесшабашным и смелым юношей, человеком широкой души. Он «был любим русским начальством за прямоту, и какой-то вид образованности» [там же, с.237], дружил с уральскими казаками и нередко оказывал им разные услуги. Это подтверждают и документы. Даль ссылается на другое дело из архива канцелярии Оренбургского военного губернатора, связанное с русскими пленниками в Хиве, где сообщается, что Бикей доставил в Оренбург письмо от этих пленников, переданное через кочующих за Сыр-Дарьей киргиз, и был за это награжден по распоряжению начальства.

Даль начал писать повесть еще в 1833 г., то есть сразу после своего приезда в Оренбург. Можно только удивляться, как удалось ему за столь короткий срок так глубоко понять живущих здесь людей, настолько проникнуть в психологию народа, отнестись к нему без снисходительности, с уважением и пониманием как самых высоких чувств и устремлений человека, так и самого низменного в нем.

Повесть заканчивается рассказом о приятеле автора, от которого он узнал, как умирала от оспы, повторяя имя Бикея, легендарная красавица Мауляна. Свидетелем ее смерти был бесстрашный человек, который не боялся подходить к больным, брошенным соплеменниками в степи из страха перед заразой, разговаривать с

ними, облегчать страдания умиравших. Ему посвящена почти целая страница. Даль пишет: «У меня есть в Оренбурге товарищ, знакомый, близкий человек, которого я крайне люблю и уважаю... Человек, который, не взирая ни на чин, ни на место, ни на звание кричит вслух, ...что такой-то вор, а такой-то плут, а такой-то мошенник;... он всю степь, вдоль и поперек, прошел один. Он выучился азиатским языкам, знает и братается со всеми нехристями, так что мы его зовем татаринoм, хотя и мусульмане еще его бранят кяфыром. Я слышал сам, как русские называли его поляком, и слышал, как поляки честили его москалем...» [там же, с.427-428].

Кто этот замечательный человек? Все, что Даль говорит об отваге, честности, принципиальности друга, о его любознательности, образованности, любви к путешествиям, знакомстве со степью и степняками, указывает на яркую личность Ивана Викторовича Виткевича.

Это был один из первых людей, встреченных Далем в Оренбурге, которые помогли ему в его этнографических исследованиях. В результате этих исследований родились повести «Бикей и Мауляна», «Майна», «Осколок льду», «Башкирская русалка» и другие.

«...В РОССИЮ БЕЖАТЬ ДАЛЕЧЕ...»

В 2001—2002 гг. Оренбургское книжное издательство выпустило двухтомный сборник трудов В.И. Даля. В него вошли художественные произведения, очерки и научные статьи писателя, связанные с Оренбургским краем. Среди проблем, волновавших Даля и как литератора, и как ученого, и как государственного служа-

щего во время его деятельности в Оренбурге, большое место занимали судьбы сотен русских людей, находившихся в неволе в Хиве и в Бухаре, попавших туда не в связи с военными действиями, а украденных и угнанных в рабство. Разбой такого рода в XVIII-XIX вв. процветал на восточных границах России. В 20-30-х годах XIX столетия свыше четырехсот русских томились в неволе в государствах Средней Азии.

В своей вступительной статье к первому тому двухтомника В.И. Даля А.Г. Прокофьева пишет: «Эта тема особенно близка была Далю, участнику Хивинского похода, предпринятого для освобождения русских людей из хивинского плена. Неспокойная жизнь жителей пограничного Оренбургского края, набеги киргиз-кайсаков на села и станицы и похищение людей, быт и нравы, социальный уклад кочевников-киргизов (так называли в XIX веке казахов), башкир были для Даля предметом научного и художественного исследования, а иногда и служебного расследования: по долгу службы Далю приходилось встречаться с освободившимися из плена оренбуржцами» [209, с.14].

В самом деле, все освободившиеся невольники, прежде чем отправиться по домам, оказывались сначала в Оренбурге и давали обстоятельные показания Оренбургской пограничной комиссии. Сначала бывший невольник рассказывал о себе, называя имя, возраст, место жительства, сословие, к которому принадлежал. Подробно описывал обстоятельства, при которых попал в плен, свою жизнь в неволе, объяснял, как ему удалось освободиться. Затем ему задавали самые разнообразные вопросы о жизни и быте людей, среди которых он жил,

об их скотоводстве, земледелии, способности воевать, отношении к России и русским.

Ответы на эти вопросы сохранились до наших дней в делах оренбургского архива. Такие показания были тогда для русского правительства единственным и чрезвычайно ценным источником сведений о Средней Азии, которая в то время была, по выражению В.И. Даля, страной «неприступной, темной» [210, с.135]. Этими показаниями пользовался Даль при написании нескольких захватывающих рассказов. Так, в основе рассказа «Осколок льду», помещенного в первом томе оренбургского двухтомника, лежит реальная история русской девушки, которую украли, когда она пасла в поле телят [209, с.183-191].

Во втором томе этого издания помещены два рассказа, в которых Даль, по его собственному выражению, говорит языком рассказчиков. Это «Рассказ вышедших из Хивы русских пленников об осаде в 1837 и 1838 годах персиянами крепости Герата» и «Рассказ пленника Федора Федорова Грушина» (опубликованный ранее в 7-м томе собрания сочинений Даля в 1897—1898 гг.) [210, с.152-166].

Сызранский мещанин Федор Грушин и два его товарища были украдены туркменами во время рыбной ловли на Каспийском море и проданы хивинцам. Грушин провел десять лет в рабстве у хивинского хана, несколько раз бежал, его возвращали, но не казнили: при дворе хана он пользовался уважением за свою богатырскую силу. В конце концов очередная попытка побега ему удалась. Один из казахских султанов-правителей помог Федору и его товарищу добраться до Оренбурга.

Рассказ Грушина Владимиру Ивановичу передал председатель Оренбургской Пограничной комиссии Г.Ф.Генс. Но за те восемь лет, которые В.И.Даль прослужил в Оренбурге, немало людей, подобных Грушину, бежало из хивинской неволи. Всех их в Оренбурге подробно расспрашивали и, конечно, немало таких рассказов чиновник особых поручений Даль слышал сам.

Предлагаем вниманию читателей изложение еще двух историй бывших невольников.

«Рассказ русского пленника их Хивы, Якова Зиновьева» Даль за подписью «Владимир Луганский» опубликовал в 1839 г. в №№ 22-24 газеты «Санкт-Петербургские ведомости» [58]. С тех пор этот рассказ никогда не перепечатывался. Яков Зиновьев, экономический крестьянин Московской губернии, служил тюленщиком у купца Голикова в Астрахани. Его, как и Грушина, взяли в плен на Каспийском море. Случилось это летом 1831 г., через два года после освобождения Грушина. Вот как Зиновьев рассказывает об этом:

— «Ночью человек шестьдесят наехали потихоньку на нас в лодках, вышли на судно, накрыли люки и заревели все в голос — тут только мы проснулись. Открывши маленько один люк, разбойники устави́ли туда самопалы свои и стали нас вызывать поодиночке, да чекушить по голове и по плечам, чтобы не ушли, а там уже перевязали. Чекушить заведено у всех азиатцев здешних пленников своих при поимке, если боятся, что могут уйти: ударит прикладом, либо обухом топора, либо рукоятью сабли изо всей мочи по голове, вот и одуреешь, и побег на ум не пойдет. А по плечам, пониже плеча, бьют, чтобы руки на время отнялись, да не

стало б сил подраться либо развязать скрученные руки да ноги.

Я выскочил из люка, перекрестившись, да стал впотьмах ловить туркмен за банки, хотел ухватить двоих да утопить с собою в море. Так хватать, хватать — головы бритые, потянуть не за что. Сбили меня с ног, ударили по голове, связали, да еще и пятку подрезали — а чем и как — не помню, видно, лежал я без памяти...

Человека три из разбойников говорили хорошо по-русски, потому что жили в Астрахани по нескольку лет, и я их знал, и видел перед отбытием своим из Астрахани в лавке, где покупал на дорогу хивинский халат.

Перевязавши всех нас, четырнадцать человек, по рукам и по ногам, нанизали еще на одну толстую веревку, да так плетенкой и скинули в трюм, словно булыжник высыпали... Заутре снялись они с якоря и пошли с нами к берегу, в залив Кочак... Тут выкинули нас в лодку, вывезли на берег да положили на песок... К вечеру нас поделили и разбили порознь — из товарищей своих видал я после, в Хиве, только двоих. Тут продержали меня, сдав бабам на руки, недель шесть...»

Мужественный человек, Зиновьев предпринял первую попытку бежать, когда пошел за водой и увидел на берегу лодку. «И будь у меня хоть ледащий парусишко, — говорит он, — так бы ушел, куда бы Господь ни вынес». Но паруса не было, поэтому Якова быстро поймали, избили, «хотели было вовсе подрезать на ногах жилы, чтобы не мог уйти, да раздумали: не дадут-де хорошей цены за калеку, и погнали в Хиву на продажу». Встретившиеся по пути барышники выменяли Зиновьева и еще одного русского человека «за восемь

верблюдов со вьюками... с пшеницей, да за пятьдесят простых халатов, рубля по три штука».

В Хиве Яков попал в распоряжение ханского «приказчика» и был определен на работу в одно из загородных владений хана, как в свое время и Федор Грушин. В этом имении было около сорока человек невольников, русских и персов. «Каждому отпускалось в месяц по пуду пшеницы пополам с землей, а больше ничего. Сам мели, а фунтов пять отдавай за помол, сам и пеки лепешки, а не дают ни щепки дров, ни досугу; дрова воруеть у соседей, да печешь лепешки по ночам... — рассказывает Зиновьев. — Так жил я два года; одежи нет, есть нечего, коли не украдешь. — Вышла как-то старая ханша в сад, я и говорю ей: «Вам-де, сударыня, кажись, на нас бы глядеть стыдно, ходим мы, почитай, нагишом. Что хан не оденет нас?» А она мне на это: Чего стыдно? Что на тебя глядеть, что на собаку, все одно; и та без одежи ходит. Делать нечего, подумал я, надо уйти»

И Яков стал готовиться к побегу. По ночам ходил в поле, дергал колоски, каждый десятый, чтобы не было заметно, постепенно набивал мешочек, продавал потихоньку, скопил таким образом денег, купил кожаный мешок, сухарей, удобную обувь. При этом, как он специально упоминает, русские, «свои ребята», помогали ему, говоря: «Ступай с Богом, коли вынесет тебя, счастливый путь». В один прекрасный день Зиновьев дал приказчику денег, попросил отпустить его с работы помолиться по случаю православного праздника, и ушел. Он решил идти в Бухару, поскольку «в Россию бежать далече, не дойдешь.» Собирался дойти до Аму-Дарьи, а затем вверх по реке до Чарджоу, пограничной крепости

Бухарского ханства. Шел по ночам, и все-таки дважды его чуть не поймали. На вторые сутки добрался до реки, надул кожаный мешок и поплыл с ним. Здесь его едва не выловили баграми с проплывавшего мимо плота, потом он, выбившись из сил, чуть не утонул.

«Отдохнувши маленько, пошел я вверх по реке, — рассказывает далее Зиновьев, — а как стало рассветать, залег в камыш. Ночью опять пошел, да так шел я двое суток: вижу, что харчей у меня не станет, коли днем лежать стану, а пойду только по ночам. Я, подумавши, и рассудил идти день и ночь, да идти уж не по реке, не на Чарчжуй (Чарджоу. — *Авт.*), потому что это дальше, а на перевал степи, в Каракуль. Место здесь голодное, глухое, жилья, ни кочевья даже, нет, авось-де никто не увидит. Вместо того на грех и соткнулся с хивинцами, которые шли на пяти верблюдах из Каракуля. Деваться мне от них некуда, утомился я, не пил ничего во весь день — так они меня зараз и поймали, скрутили руки назад, накиннули на шею аркан, привязали к верблюду и погнали назад, в Хиву».

И здесь обессиленный, избитый, связанный так, что руки онемели, Зиновьев не сдался. «... Настала ночь, — рассказывает он, — я помолился святителю угоднику Николаю — словно мне полегче стало и отколь ум взялся и крепость...»

Он постепенно высвободил руки и снял с шеи аркан. «Верховой увидал, что я аркан в зубах держу, да не увидал, что он у меня уже вовсе снят с шеи. — «на что в зубах аркан держишь?» — спросил он. Я говорю, что душит-де за шею, верблюд идет неровно, дергает, мочи нет. Он и промолчал. Как только поравнялись мы с

рекою, так я вдруг кинулся в нее с разбегу, да и нырнул. Проводники мои остановились, глядят за мною, да ругают — вишь, говорят, кяфыр, ровно утка на воде! А я благополучно выбрался на тот берег — да только уже ни с чем, один только халат со мной... Ну, нужды нет; умирать, так умру здесь, на воле, а не у них в руках».

Однако не судьба была Якову в этот раз добраться до Бухары. Трое суток еще брел он, не имея возможности поесть, и, наконец, встретив рыбачивших туркмен, вынужден был сам подойти к ним и попросить еды. От слабости он едва говорил. А туркмены, накормив беглеца и дав ему немного отоспаться, заковали его, посадили в мешок, завязали, прикрутили к скамье лодки и повезли назад, в Хиву. Здесь хан приказал было ему отрезать за побег нос и уши, но, как и у Грушина, у Зиновьева нашлись заступники, и хан простил его, как хорошего работника. Его вернули на прежнюю работу. Так прошел еще год. Однажды Яков заговорил с ханом, который, поглядев, как он работает, похвалил его. Зиновьев рассказывает: «Я и подошел к нему, да и сказал: «Таксыр (вежливое обращение к хану или к вельможе. — *Авт.*), работать вы заставляете, а морите нас смерть. Разве голодному да нагому можно работать? У нас и скотину держат, так кормят. Либо прикажите нас одеть, либо дайте на одежду денег, мы все оборвались до нитки.» Хан поглядел, да и сказал: — «А коли дам я тебе денег, так не уйдешь ты?» — «Ну, Таксыр, — отвечал я, — уйду ли, нет ли с деньгами, а без денег уйду, хоть сейчас, наперед велите лучше казнить. На это житье не стало у меня сил, все равно пропадать, что тут, что там».

Хан решил выдать всем невольникам понемногу денег, и Зиновьев стал снова готовиться к побегу. Этот новый побег начинался плохо. Бежали втроем, за ночь не успели дойти до реки, а днем попались на глаза женщинам, собиравшим навоз, и те побежали в город сообщать о беглецах. Яков предложил разбежаться и прятаться порознь, а собраться на следующую ночь. Так и сделали, и благодаря этому их не поймали. Однако ночью Яков не нашел в условленном месте ни своих спутников, ни запасов. Позже он узнал, что товарищи его, молодые парни, сначала все делали как было условлено: забрали мешки с припасами, пришли туда, где договаривались встретиться, да вдруг испугались и вернулись в Хиву с повинной. Хан помиловал их, а Зиновьева велел поймать и сразу казнить. Далее Яков рассказывал:

«Без хлеба уйти мне нельзя было, я и решился — что будет, то будет, идти прямо в Ургенч, на базар, среди белого дня. Пришел я туда, и увидел меня знакомый человек, Ша-Махмет, отозвал в сторону, да и говорит: — «Чего ты тут ходишь? Аль две головы у тебя на плечах? Тут уже по базару кричат, что кул (невольник) ханский ушел, и погоня за тобой пошла на все четыре стороны.» Тут на счастье попался нам, за словом, киргиз с мешком. Я купил его, не оглядываясь, купил и пшеницу, пошел на ручную мельницу — тут еще стали было допытываться, кто я таков, да откуда. Однако ж я успел отовратиться и от них, взял смолотую муку и мешок свой, залег на день на кладбище, а ночью дошел до реки...»

И опять беглец долго плыл, борясь с течением, прячась в камышах, чудом избегая встреч с людьми. Спасаясь от погони, восемь раз переплывал Аму-Дарью,

потерял сапоги, шел босиком по раскаленному песку... Через двое или трое суток Зиновьев добрался до кочевья арабов. Арабские племена жили в Средней Азии с давних времен и были подвластны бухарскому эмиру. Они занимались скотоводством и производством черного каракуля. Беглецу пришлось просить у них воды. Арабы продержали его у себя двенадцать дней, и хотели продать хивинцам, идущим с караваном из Бухары, однако слухи об этом дошли до одного из приближенных бухарского эмира, Ишан-Раиса, который потребовал доставить русского к нему. Об этом Ишан-Раисе Зиновьев рассказывает много и подробно, как о человеке суровом, но справедливом. Встреча с этим вельможей, наконец, избавила Якова от страшной участи раба.

В противоположность Хиве, Бухара стремилась поддерживать с «белым царем», т. е. русским императором, торговые и дипломатические отношения. Эмир запретил своим подданным иметь русских рабов и сурово наказал тех, кто до этого указа плохо обращался со своими невольниками. С того момента все русские в Бухаре находились только при дворе эмира и обращались с ними неплохо.

Яков Зиновьев, судя по его рассказу, отличался не только мужеством и чувством собственного достоинства, но и умом, наблюдательностью, остроумием. В своих показаниях он дает подробные характеристики эмиру и его приближенным, описывает их внешность, характеры, привычки, метко, иногда юмористически оценивает многие «внутриполитические» события в Бухаре. Довольно подробно характеризуется в его рассказе и внешняя политика эмира, те благоприятные изменения,

которые произошли в этой политике после пребывания в Бухаре в 1820-21 гг. миссии А.Ф. Негри — первого русского дипломатического посольства в Бухару.

Вот, например, как рассказывает Зиновьев о слоне, подаренном эмиром Николаю I:

«Слон, которого посланец привел ныне Государю Императору, прислан в Бухару от Афганского владетеля Дост-Мохаммед-Хана, который, как слышно было, взял слона этого и еще сколько-то пушек у сеиков, с которыми воевал. Англичане стояли за сеиков, и Дост-Мохаммеду сначала посчастливилось. Но потом, видно, не хватило ни силы, ни казны, он англичанам покорился. С афганским или кабульским владетелем эмир бухарский в дружбе, с Кокандским также, а Хивинского, Алла-Кула, ставит ни во что. Когда этот присылал к нему за помощью, чтобы не отдавать русских, так Насрулла (эмир бухарский. — *Авт.*) отвечал: «Сами наварили, сами и расхлебайте; а я из-за вас ссориться с белым царем не стану». Слону, однако же, эмир наперед отпилил клыки на ножевые черенья (т. е. на рукоятки ножей. — *Авт.*), да ободрал с него все богатые ковры, покрывала и сбрую, которая была серебряная».

Этот слон, как свидетельствует переписка В.И. Даля и официальные документы, хранящиеся в нашем архиве, доставлен в Оренбург осенью 1838 г., а весной 1839-го отправился в Петербург [59]. Якова Зиновьева и еще двух русских пленников привел из Бухары с тем же караваном Балтакули-бек Рахметбеков, посол эмира Насруллы. — «Нам трем человекам сказали, — поясняет Зиновьев — что правительство требовало нас поименно, за что и молим Бога. Нас зараз и прислали;

а эмир сам говорил нам, и не раз, что как скоро только потребуют у него остальных русских, то в тот час и пришлет». Следует, однако, заметить, что при выполнении такого рода обещаний эмир не был очень уж пунктуален и расторопен: русские невольники ценились и при его дворе.

После «Рассказа русского пленника из Хивы, Якова Зиновьева» В.И. Даль в качестве дополнения к этому рассказу помещает в номере 27 газеты «Санкт-Петербургские ведомости» за 1839 г. рассказ урядника Егора Попова, который описывает два трагических случая с русским пленником Егором Щукиным и группой английских купцов. Эти случаи ярко характеризуют политику хивинского хана Алла-Кула в отношении русских и англичан. «Незадолго до отправления нашего из Хивы — рассказывает урядник — здешние хивинцы дали знать туда, будто бы пленник Егор Щ. переписывается с Оренбургом. Щ. — богатый астраханский мещанин, и братья и другие родичи его живы о сию пору в Астрахани. Сверх этого оговору, перехватили в Хиве у приезжих кайсаков письмо из России на имя мое, Егора Попова. В Хиве прозваний пленников не знают; а как только дочитались, что письмо это на имя Егора, то, полагая, что оно писано к Щ., вывезли бедного земляка по приказанию хана ночью втихомолку за город, заставили самого для себя могилу вырыть и закопали — кто говорит, что убитого, а кто говорит, что живого. Там расправа коротка. Письмо переводил наш беглый татарин, такой грамотей, что слова «шли мы до Оренбурга 54 дня, а за три дня ходу встретили нас хлебом и солью» — перевел: «Россия считает за хивинцами 54 греха,

а за три только дела полагает с них взыскание». Между тем хан хотел добиться настоящего толку, что написано в письме этом. Видно, заметили, что татарин сбивается, и позвали меня. Я, как глянул на письмо — вижу, что оно ко мне. Думаю себе, коли промолчать да отпереться, так после беда; нечего делать, скажу сам. Я и говорю: «Откуда, Таксыр, вы это письмо взяли? Это письмо ко мне». — «Как к тебе? Это к Егору.» — «Да к Егору же, и я Егор. Я Егор Попов». Тогда Ходжишь-Махрем, сидя тут же, сложил руки и сказал, намекая, на бедного Щ.: «Праведная душа улетела на небо». — «Нечего делать, говорят, — коли к тебе, читай да переводи». Я стал читать и уличил татарина, который стоял тут же, что он соврал. Он так струсил да перепугался, что мне уже можно было обморочить и его и их. Дальше сказано было в письме: «Пиши к нам, что у вас делается, что нового». Надо было замять это. Я и напустился на татарина: «Врешь, говорю, гляди, не пиши, а пищи», ты знаешь ли, что такое пища, еда? Ну, они и пишут про пищу свою, про еду, что за три дня ходу вывезли им навстречу харчи». Этим я и сбил его, и отделался, да уж бедного Щ. не воротил.

Весною этого года прибыли в Хиву пять или семь человек англичан, через Персию, видно, а вожаками были у них туркмены. Англичане эти хотели ехать в Хиву и рассказывают, что были они люди торговые, а доподлинно не знаю. Только вожаки их, обославшись сперва с Хивой, привели их не в Бухару, а в Хиву. Хан посадил их в один из загородных домов, там держали их долго, наконец, в самую Пасху, выпустили и они ходили на свободе целый день. Да только день этот был для них

последний. Наутро схватили их снова, вывезли за город, пытали там при лице самого хана и допрашивали. Они показали все одно, что идут торговать в Бухару, но хан велел их тут же при себе передушить, что исполнили своеручно первые сановники его. Когда осталось их живых только двое, один из чиновников сказал хану: «Видно, Таксыр, они ни в чем не виноваты, а то бы признались; что греха на душу брать понапрасну, прикажи этих отпустить». Но хан отвечал: «коли тех передушили, так этих выпускать не для чего, видно так уж и быть, задушить и этих». Последний из них громко проклинал хана и напроорочил ему всякую беду и гибель; сказал: «Что теперь над нами ты сделал, скоро сбудется и над тобой». Хану это очень не показалось; сказывают, что после он призадумался. У англичан нашли, говорят, пять тысяч червонных».

Начиная с XVIII века, русское правительство постоянно искало способы прекратить кражи людей с угоном их в Среднюю Азию. Но только зимой 1839-40 гг. Хивинский поход положил конец этому разбойному промыслу. Хотя войска под руководством В.А. Перовского и не дошли до Хивы, хан Алла-Кул, выполняя требования правительства России, отпустил на волю всех русских невольников, а затем своим указом запретил хивинцам производить набеги на российские владения и даже покупать русских рабов.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.И. ДАЛЯ В ОРЕНБУРГЕ

Восьмилетний оренбургский период жизни В.И. Даля в его биографиях освещается очень скудно. Что касается его научных исследований в это время, то обычно упоминается лишь, что в Оренбурге он начал работу над «Толковым словарем живого великорусского языка» и собрал богатый этнографический материал, отразившийся в его литературных произведениях.

Между тем сохранились многочисленные документы, которые свидетельствуют, что диапазон научных интересов В.И. Даля был весьма широк и что именно в оренбургский период он сумел реализовать свои многообразные таланты. Мы располагаем сейчас достаточными данными, чтобы говорить о Дале-ученом: зоологе, ботанике, натуралисте широкого профиля, медике, востоковеде-тюркологе, знатоке географии, истории, литературы Средней Азии, а также о Дале-инженере, не раз применявшем на практике немалые познания в области точных наук, полученные во время обучения в Морском кадетском корпусе.

Новые материалы обнаружены, прежде всего, в Государственном архиве Оренбургской области, где имеется много автографов В.И. Даля и различных документов, касающихся его службы в должности чиновника особых поручений при оренбургском военном губернаторе В.А. Перовском в 1833–1841 гг.

Важные документы о научной деятельности В.И. Даля хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Это, во-первых, протокол Конференции

Императорской Петербургской Академии наук и, во-вторых, письма В.И. Даля к ученым-академикам Ф.Ф. Брандту (1802—1879), директору Зоологического музея, и Х.Д. Френу (1782—1851), а также к известному дерптскому натуралисту А.И. Леману (1814—1842). Даль в годы учебы в Дерптском университете знал его еще мальчиком, а затем знакомство возобновилось в Оренбурге, куда в 1838 г. двадцатипятилетний ученый был приглашен В.А. Перовским «для геогностического описания Южного Урала и устройства оренбургского музея». Здесь он провел три последние года жизни, участвовал в Хивинском походе, совершил путешествие в неведомую тогда Бухару с геологической миссией К.Ф. Бутенева и сделал много интересных открытий относительно природы Оренбургского края. Документы академического и оренбургского архивов показывают, что А. Лемана и В.И. Даля связывала не только сердечная дружба, но и общие научные интересы и дела.

Ценнейшие сведения содержатся в рукописном фонде Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН) — в письмах В.И. Даля к сестре П.И. Шлейден, в письмах к нему В.А. Перовского, Я.В. и Н.В. Ханыковых и др.

Имеются также интересные документы и в отделе рукописей Российской Национальной (бывшей Публичной) библиотеки в Санкт-Петербурге и Российской Государственной библиотеки в Москве.

Эти материалы позволяют основательно осветить научную работу В.И. Даля в Оренбурге, в том числе в области естественных наук.

Деятельность Даля-натуралиста получила в XIX в. наивысшее признание Петербургской Академии наук:

21 декабря 1838 г. он был избран ее членом-корреспондентом по естественному отделению. Это ученое звание Даля обычно ускользает от внимания его биографов, очевидно, потому, что званием почетного члена Петербургской Академии он был удостоен на склоне лет как прославленный лингвист и этнограф. Между тем в протоколах академических заседаний, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, значится, что его кандидатура была выдвинута по отделению естественных наук академиками Брандтом, Бэром и Шмидтом и при баллотировке Даль набрал наибольшее число голосов (20 из 21), опередив двух своих конкурентов — иностранных биологов.

Документы показывают, что во время службы в Оренбурге В.И. Даль много внимания уделил изучению природы Южного Урала и зауральских степей. Как натуралист он проявил себя, например, при подготовке научной академической экспедиции к Аральскому морю, которая планировалась в 1838 г., но затем дважды переносилась и так и не была осуществлена из-за военного Хивинского похода (зима 1839—1840 гг.). В историко-научной литературе утверждалось мнение, что разговоры об этой экспедиции велись лишь для прикрытия военной операции, а в действительности для ее подготовки ничего сделано не было. Архивные документы показывают, что это неверно. Проект экспедиции был предложен В. А. Перовским, который убедил правительство в необходимости изучения неизвестной тогда природы Приаралья и добился финансирования проекта. Исследования должна была проводить Академия наук, а подготовка к экспедиции велась как в Петербурге, так

и в Оренбурге, где предполагалось расположить базу экспедиции. Здесь всеми подготовительными работами руководил В.И. Даль. В частности, он, как сообщается в его письме к академику Брандту, построил две лодки длиной в 35 футов каждая, с 12 веслами и парусом. Их следовало доставить на Арал в разобранном виде.

Другое научное предприятие, в котором В.И. Даль играл ведущую роль, — это организация оренбургского естественно-научного музея, носившего название «Музеум естественных произведений Оренбургского края» и вошедшего составной частью в современный краеведческий музей Оренбурга. Этот музей был создан совместными усилиями В.А. Перовского и В.И. Даля. Предполагалось собрать в нем минералогические, ботанические и зоологические коллекции, представляющие природу Оренбургского края.

Трудности были связаны с изготовлением чучел животных, требовавшим немалых познаний в чучельном искусстве. Во время командировки в Петербург зимой 1836—1837 гг. Перовский обратился к академику Ф. Ф. Брандту, директору Зоологического музея Академии наук, с просьбой подготовить для Оренбурга несколько чучельников. Просьба была удовлетворена с условием, что взамен в Зоологический музей будут присылаться редкие экземпляры представителей фауны Урала и зауральских степей. Это условие отражено в протоколах академической Конференции. Тогда же в столицу было отправлено четверо «казачьих малолетков» — подростков из Оренбургского казачьего войска (трое из станицы Чернореченской, один — из Оренбурга), которые стали квалифицированными чучельни-

ками. Вся работа по выполнению заключенного с Ф.Ф. Брандтом условия (добыча и отсылка шкур животных), опека над чучельниками после их возвращения в Оренбург и само устройство музея — все это было возложено на В.И. Даля. Об энтузиазме, с которым он выполнял эти обязанности, свидетельствуют его письма к Ф.Ф. Брандту и многочисленные документы из фондов ГАОО.

Третий факт, относящийся к деятельности Даля-натуралиста, относится к работе над рукописью книги профессора Казанского университета Э. А. Эверсмана «Естественная история Оренбургского края», которая была написана по предложению В.А. Перовского и опубликована в 1840 г. в Оренбурге, в походной типографии Штаба отдельного Оренбургского корпуса.

В 1838 г. первая часть книги, написанной на немецком языке, была переведена В.И. Далем на русский язык. Примечания, которыми он снабдил текст, позволяют исследователям считать его соавтором этого замечательного труда,

О своей работе Даль сообщал в письме к Ф.Ф. Брандту 8 октября. А 28 ноября датировано письмо В.А. Перовского к Э.А. Эверсману, в котором он пишет: «Я поставляю себе в особую заслугу, что подал повод к сочинению Вами этой полезной и единственной у нас в своем роде книги и что могу способствовать к скорейшему распространению ее в отечестве нашем». Интересно отметить, что черновик этого письма написан почерком В.И. Даля.

Книга Эверсмана была высоко оценена специалистами, но сразу же стала библиографической редкостью.

Причину этого помогает понять архивный документ, датированный 10 января 1841 г. Из него следует, что из тиража в 1300 экземпляров Перовский увез в Петербург 30 (20 — на царской бумаге, 10 — на обыкновенной), Далю было отправлено 176, а Эверсману — 900. В «широкую продажу» книга, таким образом, не поступала.

«МУЗЕУМ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ».

(В.И. Даль и Оренбургский краеведческий музей)

В.И. Даль сыграл важную роль в истории Оренбургского краеведческого музея, которому в 2001 г. исполнилось 170 лет: ему фактически принадлежит заслуга создания зоологического отдела этого учреждения. Об этом, а также о любопытных обстоятельствах становления музейного дела в Оренбурге свидетельствуют документы из Государственного Архива Оренбургской области.

1. Первый музей Оренбурга.

Ко времени приезда В.И. Даля в Оренбург здесь уже более двух лет действовал музей при Неплюевском военном училище, организованный военным губернатором П.П. Сухтеленом. Прибыв на новое место службы весной 1830 г., он уже в ноябре приступил к созданию «Музеума для сосредоточения всяких предметов, служить могущих к вящему развитию понятий юношества и к общей пользе распространения наук, особенно в Оренбургской губернии» [60]. Основу музея, по замыслу Сухтелена, должны были составить добровольные по-

жертвования и поэтому он обратился с просьбой о содействии ко «многим покровителям наук, любителям познаний и ученым испытателям природы». В списке лиц, которым 12 ноября 1830 года был разослан «пригласительный циркуляр», фигурируют генерал-губернаторы Восточной Сибири, Иркутский и Енисейский, главные начальники горных заводов Уральского хребта, Колывано-Вознесенских, Нерчинских и других горных заводов, известные ученые из Петербурга, Дерпта, Харькова, Кременца, уральские заводчики, чиновники разного ранга. Такие же письма были отосланы хану Внутренней киргизской Орды Джангеру Букееву, калмыкскому князю Тюменеву и др.

Сухтелен, выражая «полную и приятную уверенность», что эти лица не откажутся «принять участие в столь общепольном предположении», направил каждому «проспект предметам, долженствующим войти в состав коллекций Музеума». Как видно из этого документа, предполагалось, что музей будет состоять из двух отделов. Первый должен был включать «предметы по части естественной истории», т. е. зоологии, ботаники и минералогии. Здесь следовало представить всевозможных животных и различные растения, а также минералы «во всех видах» — металлы, камни, соли, горючие вещества, окаменелости. Во второй, этнографический отдел должны были войти «предметы по части искусств и промышленности», «одежды разных народов», украшения, оружие, домашняя утварь и т. д. Особо отмечались «модели машин и орудий», причем имелись в виду машины, употребляемые в горном деле, при орошении полей и садов, устройстве мельниц, в

строительстве, а также орудия земледелия, звероловства, рыболовства.

Таким образом, П.П. Сухтелен задумал создать музей весьма широкого профиля, в котором, наряду с экспонатами, представляющими Оренбургский край, предполагалось собирать вообще разного рода редкости, которые имеют научно-познавательное значение.

24 ноября 1830 г. П.П. Сухтелен обратился в Комитет Неплюевского военного училища с письмом, в котором сообщил о своем желании «при сем училище устроить Музеум» и решении «принять на себя особое попечительство об оном, впредь до большого образования сего Музеума» [61].

Доказывая необходимость музея для Оренбургского края, он писал, что «край сей обширный и богатый многочисленными произведениями природы, заключающий несколько народов, разнящихся верою, нравами, обычаями, промышленностью, одеждою», мало известен даже его жителям. Познать свой край им поможет музей, который, по мысли Сухтелена, «представит сокращенную, но верную картину целого края и покажет посетителям «все сокровища страны, ими обитаемой». Кроме того, он должен помочь перенять у других полезный опыт в усовершенствовании орудий труда, улучшении быта и т. д.

В архивном деле имеются ответы на разосланный «пригласительный циркуляр». По ним можно судить, как на первых порах комплектовалось музейное собрание. Письма адресовались самому Сухтелену и на его имя присылались коллекции минералов, гербарии и другие пожертвования, которые он направлял в музей с осо-

бым распоряжением. На каждое письмо и посылку неизменно следовал личный ответ Сухтелена с выражением глубокой благодарности.

Почти все, к кому обратился оренбургский военный губернатор, горячо поддержали его начинание. Например, геолог Е.П. Ковалевский, в то время начальник Колывано-Вознесенских горных заводов, писал из Томска, что «желая по возможности содействовать сему патриотическому намерению, а с тем вместе и распространению естественных наук в отдаленном нашем крае», распорядился собрать и выслать в Оренбург коллекцию горнокаменных пород, «дополнив оную редкостями из других царств природы» [62].

Ботаник, академик Н.С.Турчанинов ответил из Иркутска, что готов «способствовать успехам просвещения в любезном моем отечестве», и уже 28 февраля 1831 г. сообщал: «Спешу отправить к Вам собрание растений здешнего края, заключающее в себе около 700 видов. С будущею почтой надеюсь отослать Вашему сиятельству несколько обрубков деревьев и кустарников, в Иркутской области растущих» [63].

Начальник Нерчинских горных заводов С.П. Татаринов, подтверждая готовность «по возможности служить учрежденному при Неплюевском училище Музею некоторыми произведениями Нерчинского горного округа, относящимися до минералогии и растений, растущих в Даурском крае», спрашивал, как доставить их в далекий Оренбург [64]. По предложению Сухтелена, эти коллекции были сначала привезены в Звериноголовскую крепость, а затем отосланы по почте к месту назначения.

Интересные экспонаты поступили в этнографический отдел музея. Хан Джангер Букеев писал П.П. Сухтелену 29 января 1831 г., что, «вменяя себе в особенную честь содействовать хотя безделкою к образованию рождающегося Музеума», посылает некоторые предметы казахской мужской и женской одежды и обещает «в самоскорейшем времени дополнить все вещи, равно как и предметы хозяйственного быта и промышленности наших ордынцев» [65]. Из Астрахани от князя Сербеджаба Тюменева в дар музею были присланы «шишак с литерами арабскими золотой насечки, калмыцкое седло, мужское и женское калмыцкое платье» [66], из Уральска — одежда уральской казачки, а от генерал-губернатора Восточной Сибири — «полный наряд тунгусского шамана и металлическое изваяние, служившее, как полагать надлежит, к обрядам веры первобытных тамошних обитателей» [67].

29 января 1831 г. П.П. Сухтелен направил в Уфу к оренбургскому гражданскому губернатору И.Л. Дебу письмо с просьбой принять участие в организации Музеума и пригласить «любителей просвещения Оренбургской губернии к пожертвованию приличных для означенного Музеума предметов» [68]. На это приглашение откликнулись многие штатские и военные чиновники, помещики, священники. В дар музею присылались старинные книги и рукописи, древние монеты, разного рода археологические находки, окаменелости, просто любопытные «мелочи». Среди подарков оказались, например, часть черепа огромного «неизвестного животного», «зуб и кости мамонтовые», найденные на берегах рек Урал и Белая, и т. п.

Ценную «коллекцию предметов по части археологии, нумизматики и минералогии» передал музею челябинский земский исправник Ф.Ф. фон Квален. Своим собранием минералов поделился оренбургский натуралист Г.С. Карелин. Немалый вклад в музейное собрание сделал и сам П.П. Сухтелен. Особое внимание он уделил восточным рукописям, считая, что они могут служить полезным пособием для воспитанников Неплюевского училища, изучавших персидский и тюркские языки.

По проекту Сухтелена важное место в музее должен был занять зоологический раздел с чучелами животных и птиц, обитающих в Оренбургском крае. Для обучения нелегкому чучельному искусству было решено направить ученика в зоологический кабинет Казанского университета к профессору Э.А. Эверсману, переехавшему в Казань из Оренбурга в 1828 г. Выбор пал на Григория Масленникова, закончившего уездное училище в Уфе. Документы архивного дела показывают, как внимательно следил Сухтелен за ходом обучения, а затем — по возвращении молодого чучельника в Оренбург — за его работой в музее. Впоследствии Масленников стал ближайшим сотрудником Г.С. Карелина и сопровождал его в экспедициях по Каспийскому морю, Сибири, Алтайским и Саянским горам.

Обязанности «смотрителя и устроителя» музея вначале взял на себя — «временно, добровольно и бесплатно» — Н.Д. Шангион-Гартинг, чиновник министерства иностранных дел, состоявший в штате военного губернатора. Этот молодой человек, как показывают архивные документы, племянник Сухтелена, изучал восточные языки, намереваясь заниматься вопросами,

касающимися отношений России со Средней Азией. Вскоре П.П. Сухтелен отправил его в Константинополь с целью покупки восточных рукописей для Неплюевского военного училища и Музеума и должен был искать на должность «смотрителя и устроителя» человека, обладавшего достаточным образованием и научной квалификацией. Эту должность он предложил находившемуся в политической ссылке магистру философии Виленского университета Фоме Карловичу Зану. Судя по формулярному списку Зана [69], он был определен устроителем Музеума при Неплюевском военном училище 23 января 1831 г., но к активной работе, как показывают документы, приступил еще в ноябре.

Выбор Сухтелена оказался в высшей степени удачным, так как Зан был искренним любителем естественных наук. Закончив физико-математический факультет Виленского университета и получив в 1816 г. ученую степень кандидата, а в 1823 — магистра философии, он занимался педагогической деятельностью, но одновременно и запрещенной политической: он стал организатором тайных студенческих обществ «филоматов» и «филаретов». После их раскрытия Зан был арестован, осужден и, как сказано в его формулярном списке, в ноябре 1824 г. «отослан в Оренбург, где, выдержав целый год ареста, оставлен на жительство».

В Оренбурге Ф.К. Зан серьезно занялся наукой, проявив особый интерес к геологии и ботанике, и получил всеобщее признание как знаток этих дисциплин. Он занимался преподаванием, а в 1830 г. был зачислен на службу в Оренбургскую Пограничную комиссию. Отсюда по рекомендации Г.Ф. Генса [70] Сухтелен пере-

вел его в Неплюевское училище «с тем, что он может быть полезным для заведения Музеума, а если будет надобность, употребить его для устройства артезийских колодцев, произведя ему жалование по 600 рублей в год из сумм на сие училище отпущенных» [71].

Из архивного дела видно, что 31 ноября 1831 г. Зану было поручено привести в порядок присланные заводчиком А.Г. Зотовым из Пермской губернии минералы, металлы, соли, раковины [72]. 19 февраля 1832 г. Сухтелен препровождает, как он пишет, «состоящему при мне для особых поручений Зану» ценный музейный экспонат — «в особом тючке под литерой А пожертвованный министром императорского двора для Музеума Неплюевского училища один штуф изумруда, открытого в 85 верстах от Екатеринбурга» [73].

Ф.К. Зан относился к своим обязанностям добросовестно и бескорыстно, с подлинным интересом к музейному делу. В рапорте от 19 декабря 1832 г. он сообщает Сухтелену, что по его разрешению, данному 27 мая, изготовил «вещи, необходимые для устройства и сохранения Музеума» (рамки, коробки, подставки под экспонаты, «болванчики» для костюмов и др.), он писал: «Все издержки удовлетворял я... из собственного жалования, за мои услуги назначенного; представляя о чем Вашему превосходительству, имею честь просить всепокорнейше об отпуске мне 260 рублей, мною издержанных, дабы я имел возможность и впредь поддерживать благоустройство общепольного заведения» [74].

Передавая Зану очередное пожертвование для Музеума, Сухтелен мог быть уверенным, что оно будет надлежащим образом описано и определено на подо-

бающее ему место. Полагался он на устроителя и в вопросах, касавшихся содержания и ремонта помещения. Переписку по этому поводу представляют документы этого архивного дела, которые Сухтелен рассмотрел перед своей внезапной кончиной 20 марта 1833 г. [75].

Усердие устроителя Музеума П.П. Сухтелен оценил и вознаградил по достоинству: по его представлению Зан был произведен в чиновники 14 класса, что для ссыльного, находившегося под надзором полиции, практически означало прощение его проступков.

Неплохое представление о Музее Неплюевского училища в 1833 г., когда в Оренбург приехали В.А. Перовский и В.И. Даль, мы можем получить по описанию Е.З. Ворониной. В письме от 30 сентября она рассказывала: «Нынешним утром мы были в Музее. Зан ожидал нас там и показывал все достойное примечания; но надо быть несколько раз, чтобы рассмотреть все подробно, а в один раз можно заметить только те вещи, которые больше бросаются в глаза, да и то осмотришь их поверхностно. При входе внимание обращается на огромную кость, часть головы какого-то допотопного зверя; лежит на столе прямо против двери. По сторонам стоят куклы в рост человеческий в разных, очень богатых Азиатских костюмах, по четыре с каждой стороны. В одном ряду Мордовка, Калмычка, Киргизка и Уралка, в платьях замужних женщин; в другом две девушки, Уралка и Киргизка; Калмык в казацком мундире и Сибирский Шаман. Около развешаны кольчуги, седла, чепраки и разные одежды, в том числе рубашка, свитая из рыбьих пузырей, претонкая и прозрачная; надевается

совсем с головой. Такие рубашки носят женщины Самоедки; она защищает тело от укушения разного рода насекомых. В стеклянных шкапах и ящиках разложены камни, раковины и проч. На полках помещены чучелы небольших зверьков и птиц...» [214, с.651].

Можно пожалеть, что Воронина не оставила более основательных воспоминаний о Музее, обратив много внимания на портрет проезжего англичанина-альбиноса и теленка-уродца. Но даже приведенные ею сведения достаточны, чтобы понять, что Музей был организован вполне профессионально и производил на посетителя большое впечатление.

В краеведческой литературе утвердилось мнение, что после смерти П.П. Сухтелена Музей при Неплюевском училище сразу пришел в упадок по вине нового оренбургского военного губернатора В.А. Перовского, который, якобы неожиданно, предписал «прекратить по нему расходы». Читая внимательно архивное дело, из которого эта фраза была взята без связи с контекстом, мы увидим совсем иную картину.

Называясь «Музеем при Неплюевском военном училище», это заведение в действительности не имело никакого официального статуса и финансировалось из губернаторских средств, отпускавшихся казной «на Богоугодное и полезное». Теперь перед Комитетом училища, который никогда в музейные дела не посвящался, встал неприятный вопрос, не придется ли ему нести перед новым начальством материальную ответственность за ценности, хранившиеся в училищном помещении. Поэтому 29 июля 1833 г. от имени Комитета директор училища К.Д. Артюхов представил В.А. Перовскому

пространную записку [76], в которой был задан этот вопрос. Покойный П.П. Сухтелен, по его словам, «не подчинил Музеум Комитету училища, желая, как сам лично объяснил директору при первоначальном его учреждении, иметь оный под непосредственным своим распоряжением с той целью, чтобы как начальнику губернии и, кроме того, как особе, имеющей с разными местами сношения, благонадежнее и успешнее действовать к собиранию предметов, в состав Музеума входящих» [77]. Артюхов подчеркивал, что и теперь «от разных мест и частных лиц поступают бумаги на имя директора и Комитета с препровождением в Музеум разных предметов, что и передается все г. Зану». Между тем «Комитету ничего не известно о состоянии Музеума, даже он не имеет сведения о том, есть ли в оном опись и шнуровые книги для записывания в приход поступающих предметов» [78].

В.А. Перовский, всесторонне изучив обстоятельства, принял решение ничего не менять, но передать Музеум под опеку директора училища, который 7 декабря 1833 г. получил от него следующее разъяснение: «Хотя Музеум и не составляет принадлежность Неплюевского училища, а есть собственность здешнего края, но должен, однако, находиться в заведывании Вашем, как ближайшего лица, к которому сие поручить можно» [79].

Выяснив, что Зану «никем никакие книги шнуровые не были переданы» и поступающие предметы вписываются в «книгу, им самим составленную и не имеющую никакого официального утверждения» [80], Перовский распорядился: «Препровождая к Вам шнуровую книгу с подписом моим и печатью, предлагаю Вашему благо-

родию записывать в оную все поступившие и впредь поступить имеющие в Оренбургский Музеум предметы с обозначением, кем каждый из них пожертвован. При сем поручаю Вам составить каталог всем состоящим ныне в Музеуме предметам, так же с значением приносителей и представить оный ко мне» [81].

Другими словами, все осталось по-прежнему, был лишь наведен должный порядок в управлении Музеумом и учете имущества. Пополнение же музейных фондов продолжалось и Перовский, сам увлекавшийся коллекционированием редкостей, уделял этому немало внимания. Подобно Сухтелену, он заботился о доставке подаренных экспонатов и искренне благодарил жертвователей.

В 1835 г. Перовский начал постройку отдельного здания для Музеума. В архивном деле имеется документ, который свидетельствует, что 14 сентября была выделена денежная сумма, необходимая «для продолжения работ при возведении здания, назначенного для помещения Музеума» [82]. Деньги на строительство отпускались и позднее.

Что касается злополучной фразы о прекращении расходов по Музеуму, то она связана с просьбой Зана вернуть ему 104 руб. 5 коп., которые, сверх отпущенных ему, он «издержал из собственных своих денег» [83]. Распорядившись о возврате этой суммы, Перовский писал ему 25 марта 1835 г. «Вместе с тем предписываю Вашему благородию производство расходов по Музеуму прекратить, но если бы встретилась в том необходимая надобность, то предоставить Вам предварительно испросить по сему предмету моего разреше-

ния, дабы не затрудняться с видимым удовлетворением издержек по означенному заведению, на которое никакой суммы не отпускается» [84].

Как видим, фраза, если не вырывать ее из контекста, имеет совсем иной смысл: Перовский напоминает Зану, что деньги, как и во времена Сухтелена, изыскиваются только из средств губернаторской канцелярии, и потому просит его согласовывать с ним необходимые расходы заранее, а не тратить произвольно свои деньги, которые потом канцелярия должна ему возмещать.

Несправедливым оказывается и следующее утверждение Н.А. Модестова: «Нельзя не пожалеть, что Перовский не сумел по достоинству оценить научной трудоспособности Зана и использовать ее так, как сделал это граф Сухтелен, который брал Зана с собою во время служебных поездок по Оренбургской губернии и которому тот представлял свои геогностические и ботанические записки». К Зану В.А. Перовский относился в высшей степени доброжелательно, с большим уважением к его научным познаниям. Именно Перовский командировал его летом 1834 г. в степь с экспедицией для поисков месторождений золота и, получив от него «геогностическую карту и описание степного участка между Орской крепостью и Береговским отрядом», выхлопотал ему за это в министерстве финансов «денежное вознаграждение 1500 рублей» [85].

Тогда же, в 1835 г. Перовский представил Зана к повышению в чине. Ходатайство было удовлетворено: он стал чиновником 10 класса, о чем сообщалось в письме директора канцелярии министерства внутренних дел от 30 января 1836 г.

Между прочим, это ходатайство послужило поводом к изменению статуса Музеума и существенно повлияло на его судьбу. В том же правительственном письме был сделан запрос: «Как в делах о Музеумах в министерстве внутренних дел нет никаких сведений на счет Оренбургского Музеума, то канцелярия министерства покорнейше просит... доставить буде можно в непродолжительном времени сведения, когда именно и на каком основании учрежден в Оренбурге Музеум и вообще что может относиться до настоящего предмета» [86].

В ответ 18 февраля за подписью правителя канцелярии оренбургского военного губернатора А.И. Середы последовал подробный отчет о Музеуме, об истории его возникновения и нынешнем состоянии, включая строительство нового здания за счет «экономических сумм», состоящих в ведении Перовского [87]. Заключался отчет словами: «Об этом Музеуме нет сведений в министерствах внутренних дел и народного просвещения потому, что он основан приватным образом при Неплюевском училище, состоящем в ведомстве Главного начальства военно-учебных заведений».

Из последующих документов видно, что в Петербурге нашли нужным этот беспорядок устранить и официально перевести Музеум в упомянутое ведомство. В результате, как сообщал новый директор Неплюевского училища подполковник Марков в рапорте Перовскому 28 июня 1837 г. [88], было решено, что «один из учителей, находящихся при училище, несет обязанность смотрителя училищного Музеума». Марков задает вопрос: «Полагать ли хранящийся в училищном доме Музеум принадлежностью училища?» — и если да, то просит предписать

Зану сдать Музеум лично ему. Перовскому ничего не оставалось, как ответить на вопрос положительно и дать соответствующее распоряжение. 13 июля 1837 г. Марков принял от Зана музейное имущество по реестру [89], причем обнаружил значительный беспорядок, особенно в геологическом и зоологическом отделах.

Оставшемуся не у дел Ф.К. Зану не пришлось искать нового занятия в Оренбурге. По ходатайству Перовского он получил разрешение жить в столице и должность библиотекаря в Горном институте. Через четыре года он вернулся из Петербурга на родину.

Таким образом, музей при Неплюевском военном училище, до тех пор считавшийся «собственностью края», перешел в ведомство военно-учебных заведений, и В.А. Перовский решил создать новый «краевой» музей. Архивные документы свидетельствуют, что директор Неплюевского училища и военный губернатор пришли к соглашению о разделе экспонатов. При училище оставалось минералогическое собрание — как «пособие основательного изучения минералогии Оренбургского края» — и нумизматический кабинет, который «может быть полезен при преподавании истории и статистики». Остальные экспонаты («все прочие в Музеуме хранящиеся вещи») предполагалось переместить в здание «Музеума края», или «главного Музеума», строительство которого было начато в 1835 г. на территории училища лесоводства и земледелия [90].

Из имеющегося в архивном деле «реестра» [91] видно, что в «главный Музеум» передавались рукописи, гравюры, портреты, «атлас турецких карт», автографы. Туда же переходили книги, «относящиеся к

краю», а «относящиеся к наукам» оставались в военном училище.

Для «главного Музеума» были предназначены также дубликаты минералогических и нумизматических экспонатов, а также «зоологические предметы», среди которых перечислены коллекции насекомых, пресмыкающихся, рыб, 100 птичьих яиц, чучела 44 птиц и 6 зверей. При этом было отмечено, что «часть насекомых и яиц должна быть исключена по причине порчи» и что «чучела птиц тоже сделаны дурно и частью попортились».

Таким образом, к 1837 г. вместо задуманного Сухтеленем музея широкого профиля, который должен был служить «к вящему развитию понятий юношества и к общей пользе распространения наук», в Оренбурге оказалось два музея. Один из них, оставшийся при Неплюевском военном училище, был обязан хранить «только предметы, которые могут быть полезны в отношении к преподаваемым в училище наукам». Второй, который должен был стать краеведческим, существовал лишь номинально, так как здание для него еще строилось, а экспонаты по-прежнему хранились в Неплюевском училище. Кроме того, его зоологический отдел находился в плачевном состоянии.

Поэтому естественно, что именно в это время возникла мысль о новом краеведческом музее, в котором должна была найти отражение природа Южного Урала и киргизских степей. Архивные документы, которые удалось обнаружить в ГАОО и ПФА РАН, показывают, что В.А. Перовскому и В.И. Далю принадлежит не только заслуга организации этого музея, но и большой личный вклад в формирование его фондов.

2. «Музеум естественных произведений Оренбургского края».

Новый музей, который в документах именовался «Музеум естественных произведений Оренбургского края», составлял предмет гордости В.А. Перовского. В отчете о деятельности военного губернатора в Оренбургском крае в 1833 — 1842 гг. [92] среди важных результатов отмечено «собрание предметов по части естественной истории» и устройство «особого помещения для хранения коллекций».

Следует напомнить, что составление ботанических, энтомологических, минералогических коллекций было в то время предметом всеобщего увлечения. Отдавал ему дань и В.А. Перовский, унаследовавший этот интерес от отца графа А.К. Разумовского, славившегося своими естественно-научными коллекциями. Кроме того, Перовский обладал немалыми познаниями в ботанике и зоологии. Например, А.О.Смирнова-Россет писала в своих воспоминаниях, что имела случай убедиться в этом в 1842 г. во время совместных поездок в Италии.

Перовский хорошо понимал важность изучения растительного и животного мира тех обширных областей, которые находились в его ведении. Именно он предложил Э.А. Эверсману, взяться за написание «Естественной истории Оренбургского края». В 1840 г. первая часть этого замечательного сочинения была издана в Оренбурге в типографии отдельного Оренбургского корпуса на средства канцелярии военного губернатора.

Что касается В.И. Даля, то он получил в Дерптском университете не только медицинское, но и основательное общебиологическое образование. Как натуралист он

проявил себя при составлении примечаний к сочинению Эверсмана, которое по заданию Перовского он перевел на русский язык с немецкого, а впоследствии — в своих учебниках по зоологии и ботанике, написанных для военно-учебных заведений. Даль также увлекался коллекционированием природных редкостей. О том, что интерес к ним проявился у него еще в юности, свидетельствует, например, запись в «Дневном журнале», сделанная в 1817 г. шестнадцатилетним кадетом во время плавания по Балтийскому морю и посещения столицы Швеции. В ней отражены его впечатления от стокгольмской кунст-камеры. «Противу петербургской, — пишет Даль, — она, конечно, мала, но есть в ней весьма много примечания достойное, как то: слон, зародыш кита, двухголовый ягненок, весьма много как уродов человек, так и различных зверей; более 50 сортов много различных иностранных змиев, около 20 сортов самых редких и иностранных рыб, весьма много минералов, две мумии из Египта, лежавших уже там более 3000 лет, черная белка, ворон с большими крыльями, крокодил, черепаха величиною в канapéйный круглый стол, голова носорога, молодой гиппопотам, голова буйвола, втрое больше обыкновенной бычачьей головы, великое множество африканских, азиатских и американских птиц, и растения, имена, коих я не знаю» [485, с.32].

В Оренбурге В.И. Даль встретил многих единомышленников-коллекционеров, которые уже имели возможность проявить свои интересы в связи с организацией музея при Неплюевском военном училище. К моменту его приезда здесь были составлены естественно-научные коллекции Г.С. Карелина и Э.А. Эверсмана, впослед-

ствии ставшие знаменитыми. Занимаясь коллекционированием, В.И. Даль сотрудничал с Э.А. Эверсманом, о чем свидетельствует, например, его письмо к А. Леману, написанное летом 1841 г. Рассказывая о жизни на «кочевке» Перовского в Башкирии, он сообщает, что Эверсман, который провел там три недели, просмотрел его коллекции насекомых и обнаружил два экземпляра ночных бабочек, принадлежащих к новым видам.

Решительный шаг к созданию «Музеума естественных произведений Оренбургского края» был сделан во время пребывания В.А. Перовского и В.И. Даля в Петербурге зимой 1836–1837 гг. К числу важных для Оренбургского края проблем, которые решались в эти месяцы, относился вопрос о «Музеуме» и о подготовке для него квалифицированных чучельников. За помощью обратились к академику Ф.Ф. Брандту (1802–1879), директору Зоологического музея Петербургской Академии наук, превратившему свой музей в образцовое научное учреждение. Для пополнения музейных коллекций Брандт устанавливал связи с натуралистами-любителями, работавшими в разных регионах России. Оренбургский край с его почти неизвестными науке животным миром представлял для него огромный интерес. Поэтому он сразу согласился выполнить просьбу Перовского об обучении чучельников, рассчитывая получить взамен интересные экспонаты для Зоологического музея. Это было зафиксировано в протоколах конференции Академии наук 3 февраля 1837 г., причем конференция одобрила это соглашение [93].

Получив устное согласие Брандта принять для учебы четырех «казачьих малолетков» с тем, чтобы они хоро-

шо овладели искусством изготовления чучел животных и птиц, Перовский полностью передал дело В.И. Даля. В дальнейшем он вел от имени военного губернатора всю официальную переписку об оплате их обучения и решении всех возникавших вопросов. Кроме того, на Даля была возложена обязанность организовать добычу и отправку в Зоологический музей шкур редких животных из Оренбургского края и зауральских степей. Познакомившись в Петербурге с Ф.Ф. Брандтом, он вступил с ним в переписку, длившуюся долгие годы и носившую не только деловой и научный, но и дружеский характер.

Когда молодые чучельники, окончив учебу, вернулись в Оренбург, они поступили в полное распоряжение В.И. Даля. Их работой и устройством Музеума он непосредственно руководил до своего отъезда в Петербург в 1841 г. Затем эти обязанности были возложены на католического священника Отдельного оренбургского корпуса М.Ф. Зеленку, кандидата Виленского университета», сосланного в Оренбург в 1833 г. из-за политической неблагонадежности [389].

История «Музеума естественных произведений Оренбургского края» связана также с именем Александра Лемана (1814–1842), кандидата Дерптского университета, приехавшего в Оренбург в 1839 г. по приглашению Перовского для участия в организации музея и составления естественно-научного описания Южного Урала. Он тесно сотрудничал с В.И. Далем, с которым его связали не только общие научные интересы, но и сердечная дружба.

Летом 1841 г. Леман отправился в Бухару с геологической миссией К.Ф. Бутенева, а вернувшись через год,

не застал в Оренбурге ни В.И. Даля, ни В.А. Перовского, которые уже уехали в столицу. Леману было предложено следовать за ними, так как для завершения его работы требовались книги и другие «пособия», которых в Оренбурге не было. Однако сначала он должен был завершить дела, связанные с музеем. Коллекции «Музеума» разместились в трех комнатах здания Благородного собрания, строительство которого было закончено в 1841 г. Новый военный губернатор В.А. Обручев уделял этим коллекциям должное внимание и в дальнейшем покровительствовал заведующему музеем М.Ф. Зеленке.

В одном из последних распоряжений В.А. Перовский предписал: «Поручить Леману по возвращении неотлагательно привести в порядок сделанные им для музея коллекции». Как показывают документы ГАОО, В.А. Обручев пунктуально выполнил распоряжение своего предшественника и даже приказал задержать отъезд Лемана «до тех пор, пока он совершенно не устроит в Музее все им собранное, ибо многие птицы и звери еще не поставлены» [94].

Леман быстро справился с работой и в рапорте от 12 июля 1842 г. докладывал: «Окончив порученное мне устройство Музеума естественных произведений Оренбургского края и имея надобность лично уведомить Санкт-Петербургскую Академию о результатах моего путешествия в Бухарию, покорнейше прошу Ваше превосходительство выдать мне назначенные... прогонные деньги на проезд до Санкт-Петербурга и подорожную по казенной надобности» [95]. К рапорту приложен описок экспонатов, доставленный им в музей после путешествия в Бухару. В этом списке перечислены названия позвоночных животных

(35 видов), птиц (110 видов), амфибий, рыб, а также минералов и растений.

К сожалению, плодотворное сотрудничество Александра Лемана с «Музеумом естественных произведений Оренбургского края» на этом прервалось: выехав из Оренбурга, он заболел и умер в Симбирске 30 августа 1842 г.

Что касается дальнейшей судьбы «Музеума» и музея Неплюевского военного училища (позднее кадетского корпуса), то она, судя по документам, была не столь плачевной, как это обычно считается: они продолжали действовать и в следующие десятилетия. При Неплюевском училище находились минералогический, нумизматический и ботанический отделы, экспонаты которых были «полезны в отношении к преподаваемым в училище наукам». Строительство помещения при училище лесоводства и земледелия, куда предполагалось перевести другие экспонаты «Музеума», хотя и затянулось, но было завершено при новом военном губернаторе В.А. Обручеве. Правда, сведений о переезде в него музея в документах найти не удалось. Как видно из архивных документов, В.А. Перовский во время своего второго правления краем (1851—1857 гг.) заботливо опекал оба музея Оренбурга.

Реорганизация обоих музеев произошла в 80-е годы XIX века, когда их экспонаты были распределены между учебными заведениями города и, таким образом, начался новый период истории музейного дела в Оренбургском крае.

3. Чучельники: «Владимир Иванович Даль, начальник наш и отец».

О судьбе «казачьих малолетков», получивших в Петербурге профессию чучельника, рассказывает объемистое архивное дело, датированное 1837—1845 гг. и озаглавленное: «Об обучении в Петербурге четырех казачьих мальчиков Оренбургского войска учебному искусству, об отпуске им в Оренбурге жалования и о содержании музея» [96]. Многие страницы в этом деле написаны почерком Даля.

Его изучали в начале XX в. два известных краеведа — П.Н. Столпянский [470] и Н.Н. Модестов [388], которые пришли к противоположным выводам относительно роли В.И. Даля в деле создания «Музеума естественных произведений Оренбургского края». Первый, приписывая ему все заслуги, утверждал: «Он бесспорно пробудил в графе В.А. Перовском интерес к местной природе и указал, какую пользу можно извлечь. Край неизвестен — нужно изучить его, а для изучения необходимо основать местный Оренбургский музей. В.А. Перовский согласился с В.И. Далем и по мысли последнего обратился в Петербург в Академию наук к академику Ф.Ф. Брандту, не возьмется ли последний обучить четырех казачьих мальчиков искусству набивания чучел» [470, с. 72].

По мнению же Н.Н. Модестова, «Даль играл гораздо более скромную роль, чем та, которую отмечает в своей статье г. Столпянский» [388, с. 41]. Он считал, что имеющиеся документы «не дают нам никакого права предполагать, что инициатива устройства зоологического музея в Оренбурге принадлежала всецело Далю [там

же, с.51], так как его участие «было тесно связано с его служебными обязанностями, как чиновника особых поручений», и он был «только верным и точным исполнителем приказаний оренбургского военного губернатора» [там же, с.72].

Очевидно, документов из упомянутого архивного дела, действительно, недостаточно, чтобы составить полное представление об обстоятельствах создания «Музеума естественных произведений Оренбургского края». Недавно нам удалось обнаружить в ГАОО и ПФА РАН дополнительные материалы, в том числе собственноручно написанные письма В.И. Даля, которые позволяют выяснить эти обстоятельства и освещают в общих чертах дальнейшую жизнь молодых чучельников.

О том, что зимой 1836—1837 гг., находясь вместе с В.И. Далем в столице, В.А. Перовский познакомился с Ф.Ф. Брандтом и заключил с ним соглашение о подготовке чучельников, мы узнаем из его письма к академику, написанного 2 февраля 1837 г. в Петербурге писарским почерком. В нем говорится: «Милостивый государь, пользуясь расположением Вашим и словесным изъясненным согласием принять на себя труд обучить нескольких малолетков казачьих искусству сымать, сохранять и набивать кожи птиц и зверей, отнесся я уже в Оренбург о высылке сюда четырех человек на Ваше, милостивый государь, имя. На содержание учеников заблаговременно отпускаемо будет заблаговременно до 500 рублей в год на каждого; но я прошу Вас покорнейше отпратить обратно в Оренбург двух из учеников этих, чем скорее, тем лучше, обучив их только сымать надлежащим образом и оберегать шкуры; остальных двух,

более способных, оставить у себя, если это возможно, на более продолжительное время для обучения их искусству набивать птиц и зверей» [97].

Письмо кончается словами: «Надеюсь, что Вы, милостивый государь, возьмете на себя труд этот собственно в пользу и для распространения науки Вашей, надеюсь со временем благодарить Вас на деле доставлением в Музей Ваш зверей и птиц, свойственных Оренбургскому краю» [98]. Эти слова отмечены в протоколе заседания Конференции Академии наук от 3 февраля, на котором обсуждалось предложение Перовского [99].

В архивном деле приведенному выше письму предшествует черновик, написанный рукой В.И. Даля. Из него видно, что вначале речь шла о трех учениках, которых следовало вскоре возвратить в Оренбург, и только об одном, остающемся у Брандта для более основательного обучения.

Почерком Даля написаны также отправленные в Оренбург распоряжения Перовского командующему Оренбургским казачьим войском генерал-майору Щуцкому и начальнику штаба отдельного Оренбургского корпуса генерал-майору Рокасовскому [100]. В письме Щуцкому говорится: «Имея в виду основать в Оренбурге собрание всех местных произведений природы для учебных пособий по естественным наукам, прошу Ваше превосходительство выбрать четырех здоровых, расторопных и грамотных малолетков казачьих от 14-ти до 16-ти лет и отправить их немедленно при надежном уряднике сюда в Петербург». Рокасовского военный губернатор просит «озаботиться для скорейшей отправки малолетков этих, дабы они могли быть употреблены сего

же лета в дело», научившись «собирать и сохранять предметы естественной истории, в особенности из царства животных».

23 февраля, как сообщал в своем рапорте Щуцкой [101], в Петербург под присмотром урядника Федурова были отправлены «четыре здоровых, расторопных и грамотных мальчика» — Иван Мелихов, Павел Волженцов, Степан Лысов и Андрей Скорняков. Первым трем, уроженцам станицы Чернореченской, было по 16 лет, а оренбуржцу Скорнякову — 14. В столицу они прибыли еще до отъезда оттуда военного губернатора, так как следующий документ из архивного дела свидетельствует, что урядник Федуров возвратился в Оренбург вместе с ним.

Таким образом, мы видим, что в Петербурге Перовский и Даль вместе решали вопросы, связанные с проектом организации «Музеума естественных произведений Оренбургского края» и спешили подготовить квалифицированных помощников, которые, как предполагалось, уже летом 1837 г. могли бы начать изготовление музейных экспонатов.

Планы, однако, изменились: два чучельника, Мелихов и Волженцов, были отправлены домой с оказией только весной 1838 г. и прибыли в Оренбург в июне. В письме к Перовскому, переданном с ними, Брандт писал, что все ученики, «находившиеся под руководством и надзором консерватора Зоологического музея Шрадера, теперь весьма хорошо знают препарацию в приготовлении и сохранении естественных предметов». Оставшиеся в Петербурге еще на год, по словам академика, «оказывают отличные способности» [102].

По возвращении Мелихов и Волженцов были отправлены на три месяца в Гурьев «для собирания в течение наступившей осени различных пород птиц, собирающихся к Нижней линии во время отлета в большом количестве» [103]. А в ноябре В.И. Даль, опекавший их, подал военному губернатору записку с просьбой решить дальнейшую судьбу молодых людей. «Если, по воле Вашего превосходительства, — писал он, — употреблять Волженцова и Мелихова для собирания предметов естественной истории, то желательно, чтобы они уже постоянно находились в распоряжении того, кому угодно будет поручить надзор за этим делом» [104]. В ответ, как, очевидно, и предполагалось, последовало распоряжение передать их «в непосредственное ведение» В.И. Даля [105]. С этого момента в архивном деле постоянно фигурируют его записки о необходимости выделить средства «для занятия чучельников работой» и «для основания местного собрания животных», т. е. для ремонта, отделки и отопления рабочей комнаты, устройства шкафов для чучел, приобретения животных и т. д. Средства сразу же выделялись из сумм, ассигнованных «на улучшение края».

Как видно из писем В.И. Даля к Ф.Ф. Брандту, хранящихся в ПФА РАН [106], в это время он систематически отправлял в Петербург научные сообщения и посылки со шкурами, обитающих в Оренбургском крае зверей и птиц, которые были добыты и обработаны Мелиховым и Волженцовым. Эта работа была высоко оценена учеными и 21 декабря 1838 г. В.И. Даль был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук [107].

Весной 1839 г. закончился срок обучения Лысова и Скорнякова. В записке от 25 мая Даль сообщает, что по приказанию Перовского академику Брандту отправлено письмо об их возвращении и деньги на дорогу [108], а 10 сентября он пишет военному губернатору: «Прибывшие из Санкт-Петербурга казачьи малолетки Скорняков и Лысов по словесному приказанию Вашего превосходительства должны быть зачислены в казаки и прикомандированы ко мне для занятий по музею; не угодно ли будет положить им при этом жалованья по десяти рублей в месяц и казенное довольствие пайком; а при разъездах по 25 копеек кормовых и прогоны, как это определено было уже для казаков Мелихова и Волженцова» [109]. Все эти предложения были сразу приняты и отданы соответствующие распоряжения [110].

Академику Брандту Даль написал, что вновь прибывшим чучельникам было предложено испытание — изготовить чучела нескольких синиц и жаворонка. С заданием они, «к удовольствию губернатора», справились прекрасно [111].

Когда несколько месяцев спустя начался военный поход в Хиву, все четверо чучельников были включены в отряд и сопровождали В.И. Даля и А. Лемана, проводивших по пути научные наблюдения и собиравших экспонаты для музея. Вместе со всеми они испытали невзгоды, выпавшие на долю участников трудного зимнего похода. У Волженцова, например, как писал Даль, «села на подбородок сибирская язва», но ее «вырезали, присыпали и все прошло благополучно» [153, с. 455-456]. На обратном пути Скорняков вместе с Леманом

совершил поездку к Ново-Александровскому укреплению, которая дала интересные научные результаты.

Наступило лето 1841 г. Работа чучельников шла полным ходом. Мелихов находился на «кочевке» при Перовском, Лысов оставался в музее в Оренбурге, Скорняков, ставший к тому времени урядником, вместе с Волженцовым готовились к отправке в Бухару, куда собирался Леман, включенный в состав геологической экспедиции Бутенева. Сопровождая экспедицию, они совершили трудное путешествие по степям до Бухары, а затем по долине реки Зеравшан до ее верховьев, где еще не ступала нога европейца. По возвращении Леман доносил в рапорте от 27 июня 1842 г. «Во все время нахождения миссии в Бухарии, равно как и при затруднительном следовании оной в оба пути по Киргизской степи бывшие при мне чучельники урядник Андрей Скорняков и чернореченский казак Павел Волженцов совершенным знанием своего дела, постоянным отличным поведением и неусыпным рвением в исполнении своих обязанностей заслужили быть представленными к награде» [112].

Речь шла о выдаче Скорнякову 100 рублей серебром и производстве Волженцова в чин урядника. Но генерал Обручев, сменивший Перовского на посту военного губернатора, нашел нужным награды уменьшить: по его представлению первый получил 75 рублей серебром, а второй 30 [113].

Для чучельников наступило нелегкое время: осенью 1841 г. покинул Оренбург В.И. Даль, а спустя несколько месяцев уехал и В.А. Перовский. Руководство музеем принял на себя М.Ф. Зелёнка. Передавая ему

дела. Даль сообщил сведения о чучельниках. Он писал: «При музее состоят Оренбургского войска урядники Скорняков и Лысов и казаки Волженцов и Мелихов. Первые два во всех отношениях отлично хороши и вполне надежны, знают дело свое отлично. Лысов уступает Скорнякову только несколько в расторопности. Последние два обучены только снимать и приготавливать меха и шкуры, а набивать хорошо не могут. Они требуют также более строгого надзора по поведению.

Доселе заведено было, что четыре чучельника эти не отлучались постоянно от домов своих во весь год, а только поочередно и по мере надобности. Во время отлучек из домов своих, а именно Скорнякова из Оренбурга, а остальных трех из Черноречья, они получали кормовые деньги... Все расходы по музею можно вполне поверить Скорнякову или Лысову, которые в этом отношении известной честности» [114].

Однако после отъезда В.И. Даля и В.А. Перовского отношение к музею изменилось. Уже в ноябре 1842 г. «для сокращения расходов по содержанию чучельников» по представлению заведующего при музее были оставлены только Скорняков и Лысов, другие же два отправлены в станицу «впредь до востребования» [115]. Позднее, 1 июня 1844 г. Зелёнка докладывал военному губернатору Обручеву: «Согласно предписанию Вашего высокопревосходительства от 20 мая прошлого 1843 г., прекращены постоянные занятия чучельников в Музее, из оставшихся двух один в то же время отправлен в станицу и отпуск ему содержания прекращен. А остается один Скорняков, которому вменено в обязанность ежедневно находиться при Музее, смотреть за чисто-

тою чучел и выделывать оные, когда поступают какие экземпляры» [116]. Указывая, что с января Скорняков не получал жалования, Зелёнка просил «удовлетворить его за последние месяцы и впредь отпускать определенное содержание» [117].

В.И. Даль и теперь, пользуясь своим влиянием в Петербурге, продолжал оказывать поддержку своим воспитанникам. За помощью к нему обратился Андрей Скорняков, которого не удовлетворяло создавшееся положение. Об этом свидетельствует собственноручное письмо Скорнякова от 22 февраля 1843 г., обнаруженное в ПФА РАН [118]. Оно адресовано Егору Ивановичу Шрадеру, консерватору Зоологического музея, в свое время обучавшего «казачьих малолетков», и начинается словами: «Так как Вы наслышались и пишете ко мне от г. полковника Владимира Ивановича Даля, что я желаю опять в Санкт-Петербург к Вам, в Академию, в Музеум, это справедливо оне говорят и я очень желал бы усовершенствоваться известною Вам наукою и послужить с Вами еще вторичный раз в Музеуме». Он просит не отказать ему, напоминая, с каким старанием и прилежностью учился, и надеясь, что о его ревностной службе в последующее время рассказывал В.И. Даль, которым он был «всегда доволен» и помнит его.

«Егор Иванович, — пишет далее Скорняков, — после расстания с Вами моего я был в четырех походах; первый раз с полковником г. Далем в Хивинской зимней экспедиции и три раза с Александром Ивановичем Леманом, а последний раз в Бухарии за 2000 верст от Оренбурга». По его словам, после того, как «военный губернатор Перовский отправился совсем из Орен-

бурга», все идет по-другому, а о ксендзе Зелёнке, который «поступил вместо полковника Владимира Ивановича Даля», он говорит: «По этой части оне не знают». Скорняков рассказывает, что с Лысовым они «наделали штук 400 больших зверей» (медведя, оленя, трех сайгаков, дикую козу) и «птиц больших довольно», причем использовали все шкуры, «которые были приготовлены при Владимире Ивановиче Дале, начальнике нашем и отце». «Что будет дальше, — заключает он, — ничего неизвестно».

По-видимому, благодаря стараниям В.И. Даля, откликнувшегося на призыв о помощи, 8 декабря 1844 г. к Обручеву поступил запрос из Департамента военных поселений «о четырех казачьих малолетках, которые обучались в Зоологической лаборатории Академии наук анатомическому препарированию и чучельному искусству» [119]. Отвечая на вопрос, «куда именно они были по возвращении в войско распределены по настоящему их образованию», Обручев вынужден был признать, что «три из них, по неимению более надобности присутствия их, обращены в войско впредь до востребования», и только один находится при музее [120].

Судьба Скорнякова, несомненно, по ходатайству В.И. Даля решалась в самых высоких инстанциях. 30 сентября 1845 г. М.Ф. Зелёнка доносил В.А. Обручеву: «Оренбургского казачьего войска урядник Скорняков, находившийся постоянно при здешнем Музеуме, согласно Высочайшему повелению, последовавшему в 18 день июля, переведен препаратором в Зоологический Музеум Императорской Академии наук по уважению отличной способности его к анатомическому препари-

рованию и чучельному искусству» [121]. На место Скорнякова он просил назначить Лысова.

Из документов ГАОО мы узнаем, что 26 марта 1847 г. Степан Лысов умер и в музее его заменил Иван Мелихов [122].

В мае 1851 г. в Оренбург, сменив В.А. Обручева, на губернаторский пост вновь вернулся В.А. Перовский. И уже 13 ноября к нему поступило прошение от коллежского ассесора Андрея Скорнякова (в этот чин он был произведен в 1849 г.) об обратном переводе его в оренбургский Музеум [123]. Прошение мотивировалось желанием «перейти в родной климат» — для восстановления расстроенного здоровья и необходимостью оказывать помощь «престарелой матери, жительствующей в городе Оренбурге». Перовский, обратившись с ходатайством к министру народного просвещения, получил согласие на перевод Скорнякова в Оренбург [124]. В июле 1852 г. он приехал и приступил к работе в музее, где, кроме Ивана Мелихова, встретил и Павла Волженцова, которого губернатор вернул из станицы в марте того же года [125].

Архивные документы рассказывают, что музей начал быстро возрождаться и для пополнения его коллекций чучельники опять посылались в далекие поездки по Оренбургскому краю.

В.И. ДАЛЬ — ВОСТОКОВЕД

Оренбург, основанный в 1743 г. как город-крепость на реке Яик, сразу стал главной точкой соприкосновения России с Востоком. Здесь сходились пути караван-

ной торговли, отсюда отправлялись русские дипломатические миссии в ханства Средней Азии, сюда прибывали посланцы восточных правителей. Более ста лет Оренбург оставался важнейшим постом охраны юго-восточной границы России от вооруженного нападения извне [380].

Чтобы успешно решать нелегкие задачи внешней политики и торговли, необходимо было хорошо узнать восточных соседей — изучить географию и составить карту Центрально-Азиатского региона, освоить языки населявших его народов, ознакомиться с их характером и бытом. Это поняли и последовательно осуществляли «устроители» и первые начальники Оренбургского края И.К. Кирилов (1689–1737), В.Н. Татищев (1686–1750), И.И. Неплюев (1693–1773). Вместе со своими помощниками по управлению краем П.И. Рычковым (1712–1777) и А.И. Тевкелевым (1675–1766) они сделали Оренбург центром практического востоковедения.

Но почти одновременно город становился также одним из центров научного востоковедения — ориенталистики, которая изучает историю, литературу, памятники материальной и духовной культуры народов Востока. В XVIII в. эти исследования велись главным образом в Петербургской Академии наук. Начало научному востоковедению в Оренбуржье было положено в 1737–1739 гг., когда в должности начальника края находился выдающийся государственный деятель и ученый, первый русский историк В.Н. Татищев. Он был знаком с восточными языками и проявлял большой интерес к историческим судьбам народов Азии, часто переплетавшимися с судьбой русского народа.

Татищев собирал восточные рукописи, стремясь найти в них сведения, касающиеся истории России. Много внимания, например, он уделил сочинению «Родословная тюрков» хивинского историка XVII в. Абу-л-Гази Бахадур-хана. Он старался организовать перевод трудов восточных ученых на русский язык. С этой целью им была учреждена школа переводчиков при Оренбургской комиссии. Ему принадлежала инициатива создания русско-татарско-калмыцкого словаря.

В этой работе В.Н. Татищеву деятельно помогал его ученик П.И. Рычков, впоследствии первый член-корреспондент Петербургской Академии наук [373], который позднее продолжил начатое дело самостоятельно. Он писал, что поручил купцам, отправлявшимся из Оренбурга в Бухару и дальше, доставать «не жалея денег», рукописные книги по истории Востока на арабском и персидском языках. К их переводу он привлекал толмачей, служивших в Оренбурге.

Полученные из восточных книг сведения, а также материалы о Казахстане и Средней Азии, собранные у путешественников, П.И. Рычков использовал в своих сочинениях. Его «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются» содержали важные данные о краях, остававшихся в XVIII в. еще совсем неизведанными.

В XIX в. востоковедение окончательно оформилось в самостоятельную науку. В России появились учебные и научные учреждения, задача которых состояла во всестороннем изучении Востока. Четко определились два направления в востоковедении: практическое, под-

чиненное интересам министерства иностранных дел, и академическое, которое развивалось в Академии наук и университетах — Петербургском, Московском и Казанском.

Оренбургу было суждено объединить оба направления науки о Востоке. Во многом этому способствовала созданная в 1799 г. Оренбургская Пограничная комиссия, в которой видели своего рода филиал Азиатского департамента министерства иностранных дел России. Поэтому её чиновники по долгу службы становились востоковедами-практиками. Среди них прежде всего должен быть назван Г.Ф. Генс, более 20 лет возглавлявший это учреждение.

С другой стороны, ввиду важности внешнеполитической роли, которую играла Оренбургская Пограничная комиссия, её штат пополнялся первоклассными специалистами-востоковедами, которые умели сочетать исполнение своих обязанностей с научными исследованиями. Об этом свидетельствуют биографии известных русских востоковедов — П.И. Демезона (1807—1873), В.В. Григорьева (1818—1881), В.В. Вельяминова-Зернова (1830—1904), И.И. Ильминского и др., которые в разное время служили в Оренбурге.

Большое значение для русского востоковедения имело открытие в Оренбурге в 1825 г. Неплюевского военного училища (с 1844 г. кадетский корпус) — первого военного учебного заведения, где арабский, татарский и персидский языки входили в число главных предметов обучения. Преподавали их такие знатоки восточных языков, как П.И. Демезон, М.И. Иванов (род. в 1812 г.), С. Кукляшев и др., которые одно-

временно были переводчиками в Оренбургской Пограничной комиссии.

Необходимо, наконец, отметить, что немалую роль в превращении Оренбурга в крупный центр отечественного востоковедения сыграли военные губернаторы П.П. Сухтелен и В.А. Перовский, которые стремились привлекать к работе специалистов-востоковедов. Благодаря П.П. Сухтелену в Оренбурге оказался П.И. Демезон. С В.А. Перовским в 30-х годах сюда приехали из столицы В.И. Даль, а также талантливые братья Я.В. Ханыков и Н.В. Ханыков, которые внесли важный вклад в изучение Востока и прежде всего Средней Азии. Во второй период службы В.А. Перовского в Оренбурге (1851—1857) с ним, кроме Я.В. Ханыкова, здесь работали В.В. Григорьев и В.В. Вельяминов-Зернов.

По инициативе В.А. Перовского в дипломатических миссиях в Бухару приняли участие П.И. Демезон, И.В. Виткевич, Н.В. Ханыков, записки которых о Средней Азии имели большое значение как для практического, так и научного востоковедения.

Серьезно занимались вопросами востоковедения многие образованные гражданские и военные чиновники, служившие в Оренбурге в это время. Особого упоминания среди них заслуживает В.И. Даль.

По делам службы ему приходилось постоянно общаться с состоявшими в российском подданстве казахами (киргиз-кайсаками), и с представителями Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств, вникать в политику этих государств, а следовательно, заниматься вопросами, которые относятся к востоковедению. В этой области он приобрел большие познания. Своим руково-

дителем и наставником В.И. Даль считал Г.Ф. Генса, о котором писал в 1835 г. в газете «Северная пчела»: «Меня здесь Бог натолкнул на клад: не только могу я вам сказать, коли угодно, как зовут хана Бохарского с чадами и домочадцами и весь двор его по имени и отчеству, но почти мог бы взяться отвечать на любой вопрос относительно нынешнего состояния Средней Азии, благодаря от всей души ученого и благомыслящего человека, который, не будучи сам в состоянии, по многосложности служебных занятий, воспользоваться собранными им в течение десятков лет записями, поручил мне вывести из-под многолетнего спуда сведения, за которые весь ученый и неученый мир должен сказать ему, неутомимому собирателю и исследователю, большое спасибо» [25].

Материалы Г.Ф. Генса касались всех сторон жизни совершенно закрытых для европейцев ханств Средней Азии и основывались, главным образом, на рассказах купцов, привозивших товары в Оренбург, и освобожденных российских пленных, которые ранее были похищены и проданы в рабство на невольничьих рынках Хивы и Бухары. Из цитированной выше статьи мы узнаем, что В.И. Даль собирался обработать и опубликовать эти материалы. «Все издание мое, — сообщает он, — само собою разделяется на три части:

1. Рассказы русских пленников о Средней Азии, независимой Татарии и Турана и соседственных с ней странах;
2. Рассказы путников и купцов о том же;
3. Объяснения и замечания ко всему к этому, расположенные не отрывками, к которым не знаешь, как при-

норовиться, отколь подойти, а соединенные в одно целое, в связный рассказ.

Тут же будут приложены родословные Бухарских, Хивинских, Кокандских ханов, Афганских шахов. Не знаю, в каком виде удастся мне издать все это, но я работаю прилежно и почти половина дела закончена».

Свой план В.И. Даль осуществил, хотя, к сожалению, лишь частично. Он опубликовал в разных периодических изданиях целый ряд рассказов русских пленников — Федора Грушина [49], Андрея Никитина [50], Якова Зиновьева [58], урядника Попова [59], Тихона Рязанова [57], портупей-поручика Медяника [67], а также рассказ освобожденных пленников об осаде Герата персами в 1837—1838 гг., в которой им довелось принимать участие [75]. Эти публикации вызвали огромный интерес у современников. Известный востоковед П.С. Савельев, упоминая «статьи В.И. Даля, составленные из рассказов русских пленных в Хиве», писал, что «для этнографии края они представляют драгоценные данные, каких напрасно будем искать у ученых путешественников, и заслуживали бы быть изданными отдельно, книгою» [448]. Н.И. Веселовский отмечал, что эти рассказы были изложены «так мастерски, как умел излагать только Даль» [243]. На основании полученных сведений В.И. Даль написал статью «Новейшие сведения о Хиве», которая была напечатана в 1839 г. на немецком и русском языках [65].

Много сведений о Хивинском ханстве приводит В.И. Даль в сочинениях посвященных зимнему военному походу на Хиву 1839—1840 гг., в котором сам принимал участие. В 1860 г. он опубликовал статью «Воен-

ное предприятие противу Хивы» [143], а в 1867 — «Письма к друзьям из похода на Хиву» [153].

В 1836 г. В.И. Даль сделал запись рассказа своего друга прапорщика И.В. Виткевича о его смелой поездке в Бухару, где он собрал много интересных сведений о Бухарском ханстве, его хозяйстве, системе управления, нравах и обычаях народа. Эта «Записка», хранящаяся в рукописи ПФА РАН, была опубликована только в 1983 г. [188].

С большим интересом В.И. Даль относился к казахскому народу, его языку, быту, обычаям. Об этом свидетельствуют как его замечательные литературные произведения на казахские темы «Бикей и Мауляна» [36] и «Майна» [73], так и очерки, носящие этнографический характер, например, «Нечто о кумысе» [90]. Глубокие знания зауральских степей он проявил в статье о карте, изданной в Берлине Л. Циммерманом [76].

Не меньшее внимание В.И. Даль уделил Башкирии и башкирскому народу. Уже в 1834 г., вскоре после приезда в Оренбург, он опубликовал в Дерптском научном ежегоднике на немецком языке статью «Замечания о башкирцах», которая тогда же в сокращенном русском переводе была помещена в «Журнале министерства внутренних дел» [20]. В художественных произведениях Даля оренбургского периода башкирская тематика также играет значительную роль («Башкирская русалка» [84] и др.).

Интерес к фольклору и этнографии татар, башкир, казахов побудил В.И. Даля к серьезному изучению тюркских языков, знакомство с которыми началось у него еще во время турецкой кампании 1828—1829 гг.

Он систематически занимался татарским языком под руководством оренбургского муллы Абдуллы Давлетшина, а в своих очерках и письмах отмечал сходство и различие между тюркскими языками, разъяснял значение отдельных слов и оборотов [280]. Анализ работ В.И. Даля, проведенный в настоящее время, дал основание причислить его к первым лингвистам-тюркологам [388, с.83-84].

Нельзя не отметить еще одну важную заслугу В.И.Даля перед отечественным востоковедением, состоявшую в собирании редких восточных рукописей. Живя в Оренбурге, он общался с людьми, через которых можно было найти рукописи, ценные для науки, и не упускал таких возможностей. Так по просьбе востоковеда академика Х.Д. Френа (1782-1851) он предпринял поиски рукописи сочинения «Родословная тюрков» хивинского историка Абу-л-Гази Бахадур-хана (1603—1664). Поиски увенчались успехом. В письме к Френу от 1 мая 1838 г. Даль сообщил, что ему удалось через бухарцев приобрести прекрасный экземпляр сочинения, который он затем передал в Академию наук. Его находка была особо отмечена в академических протоколах и научной печати. Исследованием этого важного исторического документа занялся П.И. Демезон, который впоследствии в 1871—1874 гг. опубликовал его текст с французским переводом и комментариями.

Как видно из материалов ПФА РАН, в 1840 г. Даль «представил для Академии рукопись, содержащую часть турецкого перевода исторического сочинения известного Табери», а в 1842 г. передал «в дар Академии для Азиатского музея десять восточных рукописей».

Самым ярким свидетельством интереса В.И. Даля к востоковедению и его хорошего знания восточных языков являются выполненные им переводы на русский язык татарских легенд «жизнь Джингиз-хана» [24] и «Повествование об Аксак-Тимуре» [51]. Первый перевод был опубликован в 1835 г. в журнале «Сын отечества и Северный архив», второй — в 1838 г. в газете «Литературные прибавления к Русскому инвалиду».

В примечаниях к легенде о Джингиз-хане В.И. Даль сообщает, что перевод был сделан с татарского текста, опубликованного в 1822 г. адъюнктом восточной словесности Казанского университета Ибрагимом Хальфиним (1778—1829), который заимствовал сказку из какой-то старинной рукописи, отысканной в татарской деревеньке» [24, с.227]. Далю понравилась эта легенда, которая «как все сказки, основана на некоторых исторических событиях, перемешана с баснословными преданиями, разукрашена небывальщиною всякого рода и искажена странностями уносчивого восточного воображения... Сказка эта вещь неважная, но наравне со многими подобными заслуживает, кажется, быть тиснутою, хотя бы только в повременном издании» [там же]. Примечательны слова Даля: «Стыдненько, что мы доселе не много ознакомились с непространною словесностью азийских народов или около белой Руси обитающих» [там же].

В.И. Даль выражает уверенность в точности своего перевода и называет тех, кто помогал ему — Абдуллу Давлетшина и преподавателя Неплюевского военного училища Мартиниана Ивановича Иванова. «Кажется перевод верен и близок, — пишет он, — впрочем, под-

линник во многих отношениях сбивчив и неясен, да притом и словаря татарского у нас в России нет вовсе. Я ссылаюсь во всем, что сделал, на муллу Абдуллу и на учителя татарского языка при Неплюевском военном училище г. Иванова, который со всегдашним радушием и готовностью нередко служил мне, так сказать, живым словарем» [там же].

Приведем небольшой отрывок из этой сказки, иллюстрирующий достоинства перевода. В нем идет речь о том, как красавица Буртакучюн спасла четырех мальчиков из непокорных родов, которые по приказу Джингис-хана были вырезаны, и хан, узнав об этом, приказал привести ослушницу. «Буртакучюн, отвечав на это, хорошо, иду, встала, накинула хребтовую соболью шубу на распашку, а на нее башмет алого шелку, надела на голову шапку чернобурой лисы и взяла утаенных четырех ребятишек с собою. А ребятам тем было которому одиннадцать, которому тринадцать, а которому и четырнадцать годов и собою бесконечно пригожи. Сама же Буртакучюн была пятерицею пригоже их и в то время не было человека, выдавшего подобную красавицу; только всемогуществом Божиим могла быть создана таковая. Волосы у нее были в сорок сажен маховых и две прислужницы, склав их в золотые чаши, несли их за нею вслед... Хан, увидев красоту ее и долгий волос, изумлялся; однако же сказал: «Гой, Буртакучюн, для чего ты, утаив детей этих, стала мне виновата воровством?» И Буртакучюн умильно молвила: «О хан! Из сожаления к тебе утаила я их и сделала». И Джингиз-хан спросил: «Да почему же ты меня жалела?» Она же отвечала: «О, хан мой, тяжело будет душе твоей так я подумала... Ты,

будучи ханом, не раб всевышнего Бога? И сам лев даже, хотя он и зверь лютый, гонится за добычею вперед, а за тою, которую уже миновал, назад не кидается, а дарует ей волю. Хан мой, ты человек. Итак, даруй жизнь мне и детям этим! Месть — дело низкое, чернь, не щадящая достоинства, погубила бы и их при общем убийстве, а потому, чтобы не истребились роды их и племена, я их сокрыла». Тогда Джингиз сказал: «Гой, ради убедительных речей пространного, как море, сердца твоего дарю им жизнь и свободу от сотни тысяч смертей».

Основные даты жизни В.И. Даля

1801, 10 (22 нового стиля) ноября — родился в Лугани, Екатеринославской губернии.

1815—1819 — учеба в Морском кадетском корпусе (Петербург).

1819—1825 — служба на черноморском и балтийском флоте (1819 — мичман, 1824 — лейтенант).

1826, 20 января — начало учебы в Дерптском университете.

1829, 18 марта — сдача экзаменов, защита диссертации и получение диплома доктора медицины.

1829—1831 — служба в качестве военного врача в действующей армии во время турецкой и польской кампаний.

1832—1833 — служба ординатором в петербургском военном госпитале.

1832 — выход из печати первой книги: «Русские сказки Казака Луганского. Пяток первый».

1833 — публикация военно-инженерной работы: «Описание моста, наведенного на реке Висле для перехода отряда генерал-лейтенанта Ридигера».

1833 — выход из печати 1-й части «Былей и небылиц».

1833 — женитьба на Ю.Е. Андре.

1833, июнь — отъезд в Оренбург; начало службы чиновником особых поручений при оренбургском военном губернаторе В.А. Перовском.

1833, август - сентябрь — командировка в земли Уральского казачьего войска.

1833, 19 - 20 сентября — встреча с А.С. Пушкиным в Оренбурге.

1834, июль — поездка в Ново-Александровское укрепление на восточном берегу Каспийского моря.

1835 — выход из печати 2-й части «Былей и небылиц».

1836 — выход из печати 3-й части «Былей и небылиц».

1836, октябрь — отъезд в длительную командировку в Петербург.

1837, 28 - 29 января — уход за раненым А.С. Пушкиным и присутствие при его кончине.

1837, июнь — встреча в Оренбурге и поездка до Уральска с В.А. Жуковским, сопровождавшим наследника престола в путешествии по России.

1837 — выход из печати «Памятной книжки для нижних чинов казачьего войска».

1837 — начало переписки с академиком Ф.Ф. Брандтом и сотрудничества с Зоологическим музеем Петербургской Академии наук; работа над созданием оренбургского Музеума естественных произведений Оренбургского края.

1838 — смерть жены.

1838, 29 декабря — избрание в члены-корреспонденты Петербургской Академии наук по Отделению естественных наук.

1839 — начало сотрудничества с А. Леманом в Оренбурге.

1839, лето — участие в подготовке научной экспедиции к Аральскому морю; переписка с академиком К.М. Бэр.

1839, октябрь — 1840, март — участие в Хивинском военном походе.

1840 — выход «Естественной истории Оренбургского края» Э.А. Эверсмана в переводе Даля с его дополнениями.

1840 — женитьба на Е.Л. Соколовой.

1841, 1 сентября — начало службы в Петербурге в министерстве уделов, затем министерстве внутренних дел при Л.А. Перовском.

1843 — выход из печати «Солдатских досугов».

1844 — служебная поездка по северным губерниям России.

1844 — выход серии статей о животных («Зверинец»).

1846 — выход книги «Повести, сказки и рассказы».

1847, 16 января — избрание членом-учредителем Русского Географического общества.

1847, март — назначение редактором и составителем руководства по естественной истории для военно-учебных заведений.

1847 — выход «Зоологии» (в соавторстве с А.Ф. Постельсом и А.П. Сапожниковым); 2-е издание — СПб., 1852.

1849 — Выход «Ботаники»; 2-е издание — СПб., 1851.

1849, 7 июня — назначение на должность управляющего Нижегородской удельной конторой.

1853 — выход книжки «Матросские досуги».

1859, 4 марта — избрание действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете.

1859 — уход в отставку, поездка в Оренбург с семьей и переезд в Москву.

1861 — публикация «Полного собрания сочинений в 8 томах».

1862 — выход из печати «Пословиц русского народа».

1863, 13 декабря — избрание почетным членом Петербургской Академии наук.

1863—1866 — публикация «Словаря живого великорусского языка».

1868 — присуждение Константиновской золотой медали Русского Географического общества.

1869, 27 ноября — присуждение Ломоносовской премии Отделения русского языка и словесности Петербургской Академии наук.

1872, 22 сентября — кончина В.И. Даля.

Труды В.И. Даля

1827

1. Два стихотворения. («Отрывок из длинной повести», «Совет молодым моим друзьям»)// Славянин 1827 (Изд. А.Ф. Воейков). Ч.2.С.106, 462.

1828

2. Отрывок в стихах// Литературное прибавление к «Русскому инвалиду» за 1828 г.

1830

3. Цыганка// Московский телеграф. 1830 Ч.XXXVI. №21. С.36-57; №22.С.165 - 185.

1832

4. Слово медика к больным и здоровым// Сев.пчела. 1832, №127 - 128.

5. Об операциях катаракты. В «Росписи напечатанным сочинениям» Даль замечает: «Мои операции катаракты — в одном из немецких журналов в Берлине. Сам не видел, по слухам».

6. Из украинской повести («Переписка, по-русски корреспонденция», «Проклятие»)// «Лит.прибавление к «Русскому инвалиду». 1832. № 66,73.

7. Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приноровленные и поговорками ходячими разукрашенные Казакон Владимиром Луганским. Пяток первый. СПб.:Тип. А.А. Плюшара, 1832. — 201 с.

1833

8. Описание моста, наведенного на реке Висле для перехода отряда генерал-лейтенанта Ридигера// Сын отечества.1833.Т.33.№6.С.340-358; №7.С.391-418. Отд.изд.: СПб. Тип. Н.И. Греча, 1833.; 2-е изд.: Военно-инжен.журн. 1864. №5. С.699-733.

9. Изложение книги Ф.А. Симона, посвященной критике гомеопатии// Сын отечества. 1833. Т.34. С.347 - 358, Т.35. С.22-33.

10. Сказка о Емеле-дурачке // Новоселье. СПб.: Изд. А.Ф. Смирдина, 1833.

11. Были и небылицы. Ч.1.СПБ.: Тип.Н.И.Греча, 1833.

12. О песнях русских И.П. Рупини// Сев.пчела.1833. №66.

13. Письмо к Н.И.Гречу из Уральска// Сев.пчела.1833. №230 - 231.

1834

14. Письмо к издателю из Оренбурга// Сев.пчела.1834. №6.

15. Новый атаман// Сев.пчела.1834. №101.

16. Совершеннолетие наследника// Сев.пчела.1834.

17. Письмо к Зейдлицу о гомеопатии./ Сев.пчела.1834. №124. В «Росписи» сказано: «В переводе, а писано ему было по-немецки».

18. Скачки в Уральске // Сев. пчела. 1834. №255 - 256.

19. Сказка о воре и бурой корове // Библ. для чтения. 1834. №9.

20. Замечания о башкирцах // Жур. мин-ва внутр. дел. Ч. XIII. СПб., 1834. С. 293-313.

1835

21. Были и небылицы. Ч. 2. СПб.: Тип. Н. И. Греча, 1835.

22. Сказка о нужде, о счастии и о правде // Библ. для чтения. 1835. Т. 9. С. 176-210. В «Росписи» отмечено: «Сказка Бедный Кузя и сказка О нужде, счастии и правде — соединено и переделано произвольно Сенковским». В письме к М. П. Прогодину от 2 декабря 1840 г. Даль писал: «Бедный Кузя. Искажено в Библ.; как вообще все то, что там напечатано, почему я и отказался тогда от соучастия».

23. О козьем пухе // Библ. для чтения. 1835. Т. 9. Отд. IV. С. 17-28.

24. Жизнь Джингиз-Хана. Татарская сказка. (Перевод с татарского) // Сын отеч. 1835. Т. 47. №4. С. 195-230.

25. О бухарском хане // Сев. пчела. 1835. №15.

26. Рецензия на книгу: Малороссийские повести, рассказываемые Грицьком Основьяненком. Книжка первая. М.: Тип. Лазаревых, 1834 // Сев. пчела. 1835. №17. С. 65-68; №18. С. 69-71.

27. Скачки в Уральске и Оренбурге // Сев. пчела. 1835. №262 - 263.

28. Статьи для «Энциклопедического лексикона» (изд. А. А. Плюшар) (Статьи «Айда», «Айдар», «Аксакол», «Айран», «Аксюяк», «Арал», «Баранта», «Буран» и др.). В упомянутом письме к М. П. Погодину Даль называет «несколько статей в Энциклопедическом словаре, которые частично искажены и исполнены неправдой Барона Брамбеуса».

29. Schriftstellerei des Russischen Volks // Dorpater Jahrbuch für Lit., Statistik u. Kunst. 1835, №11.

30. Über den Kumisse // Dorpater Jahrbuch für Lit., Statistik u. Kunst. 1835. №11.

31. Сказка про Ивана Лапотника // Моск. наблюдатель. №1.

32. Гомеопатия. Еще письмо к доктору Зейдлицу // Сев. пчела. 1835. №97.

1836

33. Письма о книжной и письменной управе благочиния // Моск. наблюдатель. 1836. Ч. VIII. №8. Кн. 1. С. 349-367.

34. Были и небылицы. Ч. 3. СПб.: Тип. Н. И. Греча, 1836.

35. Сказка о Георгии Храбром и о волке /// Библ. для чтения. 1836. №2. В «Росписи» добавлено: «Немецкий перевод без моего участия — «Magasin für Literatur des Ausland. u. Staatsseitig». В переводе же появились и другие сказки и малые статьи».

36. Бикей и Мауляна // Библ. для чтения. 1836. №6. Отд. I. С. 171-259. В «Росписи»: «На немецком — в Friedbergs Journ».

37. Записка, составленная по рассказам оренбургского линейного батальона №10 прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно// Записка о Бухарском ханстве./ Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича. М.: Наука.1983. С.84-129.

38. Во всеуслышанье// Рус.архив. 1880. №3.

1837

39. Памятная книжка для нижних чинов Императорского казачьего войска. СПб., Типогр. Деп. военных посел., 1837.— 52 с. В «Росписи»: «Правительство разослало в казачье войско, весьма некстати, общую памятную книжку (воинские правила, наставления и пр.) для всей армии; пошел ропот на солдатчину; я написал особую книжку и она принята, напечатана в Департаменте военных поселений и разослана во все казачьи войска». В письме к М.П. Погодину от 2 декабря 1840 г. по поводу «Памятной книжки» сказано: «NB. Это последнее — полезнейшее и, может быть, самое лучшее, что я написал».

40. Ведьма. Украинская сказка// Лит.прибавл. к «Рус.инвалиду». 1837. №5. С.39-42.

41. Болгарка.// Моск.наблюдатель. 1837. Ч.ХIII. №7. Кн.1. С.5-40.

42. Два оригинальных письма: 1. Образцовое письмо старшего писаря Семиградского пехотного полка Овчинникова. 2. Письмо казака из-под Шумлы (1829 год, 8 июля)// Лит.прибавл. к Рус.инвалиду. 1837. №17. С.154-160.

43. «Солдатский портрет» Основьяненки (Пер. с украинского)// Современник. 1837.

44. Рецензия на книгу: «Сватанье. Малороссийская опера в 3-х действиях. Соч. Грицька Основьяненко»// Лит.прибавл. к «Рус. инвалиду». 1837. №39. С.382-384.

45. Рецензия на книгу: «Малороссийские повести, рассказываемые Грицьком Основьяненком». Кн. вторая. М.: Тип.Лазаревых, 1837.

46. Статьи в разделе «Смесь»// Лит.прибавл. к «Рус. инвалиду». 1837.

47. Статьи, представленные в «Энциклопедический лексикон». В «Росписи» отмечено: «До сорока статей в словарь Плюшара — что напечатано, не знаю».

1838

48. Об омеопатии (Письмо князю В.Ф.. Одоевскому)// Современник. 1838. №12. С.43-72. (Отд.отт.: 1838. С.1-30).

49. Рассказ хивинского пленника Федора Федорова Грушина// Лит.прибавл. к «Рус. инвалиду». 1838. №5. С.81-86.

50. Рассказ невольника, хивинского уроженца Андрея Никитина. 1830// Утренняя заря. Альманах, изд. В.Владиславлевым. 1838. С.188-211.

51. Повествование об Аксаке Тимуре. (С татарского)// Лит.прибавл. к «Рус. инвалиду». 1838. №45. С.881-885.

52. Восточные притчи и сказки// Моск.наблюдатель. 1838.Ч.1. №2. С.225-245.

1839

53.Бедовик.// Отеч.зап. 1839. Т.3. №5. Отд.III. С.136-245.

54.Были и небылицы. Ч.4. СПб. 1839.

55.Клад (Русская сказка)// Лит.прибавл. к «Рус. инвалиду». 1839. №1.

56.Рассказ казака Деревянова// Сев.пчела. 1839.

57.Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова// Утренняя заря. Альманах за 1839 г. (изд. В.Владиславлев). СПб. 1839. С.74-92.

58.Рассказ пленника из Хивы Якова Зиновьева. (С изустного рассказа)// Санкт-Петерб.ведомости. 1839. №22 - 24.

59.Рассказ урядника Попова// Там же

60.Буран// Там же. 1839. №68. С.301-302.

61.Каспийское море// Там же. 1839. №86. С.381-382.

62.Статьи: Озеро Айчулы. Ремесленность. Остатки. Молокососы. Старина// Там же. 1839. №101. С.447-448. В «Росписи» — статейки.

63.Об иностранных словах, вошедших в русский язык// Там же. 1839. №136. С.597-598.

64.Подольянка// Современник. 1839. Т.13. С.59-91.

65.Новейшие известия о Хиве// Сын отечества. 1839. Кн. С.11-18.

66.Две притчи о всякой всячине, да еще кое о чем// Новогодник / Изд.Н.В.Кукольник. СПб. 1839. С. 212-217.

1840

67.Перевод первой части «Естественной истории Оренбургского края» Э.А. Эверсмана и примечания к ней. Оренбург: Тип. штаба Оренб.корп., 1840.

68.Известия о Хиве, взятые из рассказов кизильского гарнизонного батальона портупей-поручика Медяника, бывшего в плену у хивинцев// Лит.газ. 1840. №4.

1841

69.Записка полковника Пекарского о бунтах яицких, что ныне уральские, казаков и о самозванце Емельяне, донском казаке Пугачеве// Москвитянин. 1841. Ч.III. №6 С.438-468.

70.Мичман Поцелуев, или Живучи оглядывайся// Рус.беседа. 1841. Т.2. С.1-92.

71.Сила Калиныч, душа горемычная, или русский солдат ни в аду, ни в раю. Солдатская сказка// Огонек. 1966. №52. С.20-23. (Публ. М.Я. Бессараб).

72.Савелий Граб или Двойник// Сказка за сказкой (Н.В. Кукольник). Т.2. СПб. 1841. С.3-116.

73. Майна// Москвитянин. 1841. №10. С.340-404.
74. Из солдатских досугов// Москвитянин. 1841. Ч.II. №3. С.97-109; №11. С.353-369.
75. Осада Герата, по рассказам пленников// Собр.соч. 1861. Т.2.
76. О карте Зауральских степей, изданной в Берлине// Отеч. зап. 1841. Т.19. №11 - 12. С.32-47.
77. Записки оренбургского старожила// Отеч. зап. 1841. (29) Т.20. 1842
78. Полтора слова о нынешнем русском языке// Москвитянин. 1842. Ч.I. №2. С.554-556.
79. Недовесок к статье «Полтора слова о русском языке»// Москвитянин. 1842. Ч.I. №2. С.81-103.
80. Уральский казак// Напи, списанные с натуры русскими. Изд. Я.А. Исаков, ред. А.П. Бапуцкий. 1842. Вып.4.
81. Из солдатских досугов// Москвитянин. 1842. Ч.II. №12. С.353-369.
82. Сказка о купце с купчихою и о выкраденном их сыне// Москвитянин. 1842. Ч.VI. №11. С.1-12.
83. Солдатские досуги. СПб.: Тип.штаба воен.-уч. завед. 1843. — 203с.
84. Башкирская русалка// Москвитянин. 1843. Ч.I. №1. С.97-119.
85. Хмель, сон и явь// Москвитянин. 1843. Ч.II. №3.
86. Вакх Сидорович Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье за первую половину жизни своей// Библ. для чтения. 1843. Т.57. №3 Отд.I. С.15-134.
87. О народных врачебных средствах// Журнал министерства внутр. дел. 1843. Ч.3. С.101-186.
88. Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту// Москвитянин. 1843.
89. Зюгря, или Происхождение зорницы. Мусульманское предание// Молодик (лит. сб., изд. И.Е. Бецким). Харьков. 1843. Ч.II. С.186-191.
90. Нечто о кумызе// Журн. мин-ва внутр. дел. 1843. Ч.1. С.138-145.
91. Особый способ сидки дегтя, употребляемый киргизами// Журн. мин-ва внутр. дел. 1843. Ч.3. С.467-469.
92. Находчивое поколение// Картины русских нравов (изд. В.Тимм. Кн.5. СПб., 1843.
93. Притчи «О дятле», «О дубовой бочке», «Не положив, не ищи», «Что знаешь, о том не спрашивай», «Чт о легко наживается», «Ось и чека». «Потерявши не тужи, нашедши не радуйся»// Сельские чтения. 1843-1845.
94. Похождения Христиана Христиановича Виольдамуре и его Аршета// Библ. для чтения. 1843. Т.62.

1844

- 95.Петербургский дворник// Лит.газета. 1844. №38 - 39.
96.Колбасники и бородачи// Отеч.зап. 1844. Т.34.
97.Зверинец// Лит.газета. 1844. №3, 4, 9, 16, 18, 23, 50.
98.Словесная речь человека// Лит.газета. 1844. №12.
99.Черепословие и физиогномика// Лит.газета. 1844. №27, 29.
100.Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета/. Худ. А.П. Сапожников. СПб.: М.Д.Ольхин, 1844.

1845

- 101.Денщик// Финский вестник. 1845. Т.2.
102.О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа// Иллюстрация. 1845. №3, 5, 12, 13, 16, 17, 19, 26, 32, 34, 36.
103.Карай-царевич и Булат Молодец: Болгарская сказка// Москвитянин. 1845. Ч.1. №1. С.43-54.
104.Сказка о баранах// Москвитянин. 1845. Т.61. №8.
105.Русский словарь// Иллюстрация. 1845. №1, 2, 9, 15.
106.Bemerkungen über L.Zimmermanns Entwurf des Kriegstheaters Russlands gegen Chiwa, und die beigefügte Geographische Analyse etc.// Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens. Hrsg. K. Baer und Gr. von Helmersen. Bändchen 7. St.-Pet. 1845. S.1-25.
107.Ueber den Kumiss// Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches und angranzende Lander Asiens. Hrsg. K. Baer und Gr. von Helmersen. Bandchen 7. St.-Pet. 1845. S.29-39.

1846

- 108.Небывалое в бывалом и бывшее в небывалом// Отеч.зап. 1846. Т.46. №5-6.
109.Повести, сказки, рассказы Казака Луганского. Ч.1-4. СПб.: Гутенбергова тип. 1846. (Полное собрание сочинений русских писателей Т.8.).
110.Чухонцы в Питере// Финский вестник. 1846. Т.8.
111.Русский мужик// Новоселье. Ч.3. Изд.А.Ф.Смирдин. СПб. 1846.
112.Где потеряешь, не чаешь, где найдешь, не знаешь// Моск.лит и ученый сборник (изд.Языков). 1846.
113.Гофманская капля// Отеч.зап. 1846. Т.48.
114.Несколько мелких статей// Солдатское чтение (изд.Чекмарев).
115.О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа (продолжение)// Иллюстрация. 1845. №10, 11, 16, 21, 22, 24, 26.

1847

- 116.Павел Алексеевич Игривый// Отеч.зап. 1847. Т.50. Кн.2.
117.О русских пословицах// Современник. 1847. Т.50. С.143-156.
118.Нога. Рукобитье// Современник. 1847. №8.

119.Чернобровая руса коса//Сын отеч. 1847. №1.

120.Зоология (Учебные руководства для военно-учебных заведений. Естественная история). СПб.: Тип.Э.Праца, 1847. 502 с. В соавторстве с А.Ф.Постельсом и А.П.Сапожниковым.; 2-е изд. СПб.: Тип.штаба воен.-науч.завед., 1852.

1848

121.Рассказ лезгинца Асана о похождениях своих// Современник. 1848. Т.7. №1. С.5-48.

122.Отец и сын// Отеч.зап. 1848. Т.61.

123.Картины русского быта (3 статьи)// Современник. 1848. №3. С.5-48.

124.Картины русского быта (15 статей)// Отеч.зап. 1848. Т.56,61.

125.Картины русского быта (8 статей)// Москвитянин. 1848. Т.61.

126.Повиновение начальству. Ложь и правда// Чтение для солдат. 1848. №2.

127.Неправедно нажитое. Ворожейка// Москвитянин. 1848. №10.

1849

128.Ботаника. (Учебные руководства для военно-учебных заведений. Естественная история). СПб.: Тип.И.Фишона, 1849. —211 с.; 2-е изд.: СПб., 1851.

1852

129.Об «Опыте областного словаря», изданного Академией наук// Вестн. Рус.геогр. об-ва. 1852. Кн.5.

130.О наречиях русского языка. По поводу опыта областного великорусского словаря, изданного Вторым отделением Имп.Академии наук// Там же, кн.5. Отд.оттиск: СПб.: Тип.Э.Праца, 1852.

1853

131.Матросские досуги. СПб.: Морск.уч.комиссия, 1853.

1855

132.Мичман Поцелуев, или Живучи оглядывайся. СПб.: Тип.Смирдина, 1855. 204 с.

1856

133.Письмо к издателю А.И. Кошелеву// Рус.беседа.№3. Отд.V. С.1-16.

134.Мысли по поводу статьи «О воспитании» в «Морском сборнике». 1856, январь// Морской сб. 1856. №7.

135.Картины русского быта (20 статей)// Современник. 1856. №9. С.5-56; №11. С.121-152.

136.Картины русского быта (20 статей)// Отеч.зап. 1856.

137.Картины русского быта (10 статей)// Рус.беседа (изд. А.И. Кошелев). 1856.

1857

138.Картины русского быта// Современник. 1857. №7. С.61-80.

139. Картины русского быта (4 статьи) // Рус. беседа. 1857.

140. Картины русского быта (12 статей) // Отеч. зап. 1857.

141. О грамотности // Санкт-Петерб. ведомости. 1857. №245.

1860

142. Записка о русском языке. Отчет общества любителей российской словесности // Русская беседа. 1860;

143. Военное предприятие противу Хивы // Чтения в Об-ве истории и древностей российских. 1860. №1. Отд. II. С. 147-166.

1861

144. Полное собрание сочинений в 8 томах. СПб. 1861.

145. Картины русского быта. Т. 1-2. СПб.: изд. М. О. Вольфа, 1861.

146. Солдатские досуги. Изд. 2-е. СПб.: изд. М. О. Вольфа, 1861.

147. Верующие и неверующие // Журнал гомеопатического лечения. 1861.

1862

148. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. // Об-во истории и древностей рос., 1862. - 1096 с.; 2-е изд. СПб.: изд. М. О. Вольфа, 1879.

149. Два-сорока бывальщинок для крестьян. Ч. 1-2. СПб.: изд. М. О. Вольфа, 1862.

150. Напутное слово // В. И. Даль. Полн. собр. соч. Т. X. 1898. С. 240-279.

1863—1866

151. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М.: Об-во любителей рос. словесности, 1863-1866. 2-е изд.: СПб.—М.. 1880—1882; 3-е изд. (под ред. И. А. Бодуэна де Куртене): СПб. 1903-1909; 4-е изд.: СПб., 1912-1914; 5-е изд.: Т.: 1-4 — М., 1935; 6-е изд.: — М., 1955; 7-е изд.: — М., 1956-1962; 8-е изд.: — М., 1978-1980; 9-е изд.: — М., 1981-1982; 10-е изд.: — М., 1989-1991; 11-е, 12-е изд.: — М., 1994; 13-е изд.: — М., 1995; 14-е изд.: — СПб., 1996; 15-е-17-е изд.: — М., 1998.

152. Ответ на приговор // В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4.

1867

153. Письма к друзьям из похода на Хиву // Рус. архив. 1867. №3.

154. Картины русского быта // Рус. вестник. 1867.

1868

155. Картины русского быта // Рус. вестник. 1868. Т. 3. С. 335-361.

156. Об искажении русского языка // Русский (газ. М. П. Погодина): 1868, №25, 31, 39, 41.

1870

157. Первая первинка полуграмотной внуке. Сказки, песенки, игры. М., 1870; (2-е изд.: СПб., 1874; 3-е изд.: СПб., 1873).

1871

158.Первинка другая. Внуке грамотейке с неграмотною братиею. Сказки, песенки, игры. СПб., 1871.

159.Донская конная артиллерия// Рус.старина. 1871. С.445-447.

1872

160.Автобиографическая записка// Рус.архив. 1872. №11.

1873

161.Автобиографический очерк// Грот Я.К. Воспоминания о В.И. Дале и П.П.Пекарском. СПб., 1873. С.38-42.

1878

162.Автобиографическая записка (1841)// Рус.старина. 1878. №5 - 6. С.182-186.

1880

163.Два-сорока бывальщинок. Ч.1-2. Спб. —М.: изд. М.О.Вольф, 1880.

164.О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа. СПб. — М.: Изд. М.О. Вольф, 1880.

1880—1882

165.Полное собрание сочинений Т.1-8. СПб.: М.: 1880—1882.

1883—1884

166.Сочинения. Повесть и рассказы. 2-е изд. Т.1-8. СПб.;М.: Изд. М.О. Вольф, 1883-1884.

1887

167.Заметка на крестовый календарь// Рус.старина. 1887. №10. С.230-231.

1889

168.Переписка с Вел.кн. Константином Николаевичем// Рус.старина. 1889. №4-5. С.35-42.

169.Письмо генерал-аудитору флота Д.А. Эристову// Рус.старина. 1889. №1-3. С.557-584.

1890

170.Воспоминания о Пушкине// Майков Л.Н. Пушкин и Даль/ Рус.вестник. 1890. №10. С.3-20.; Майков Л.Н. Пушкин. СПб. 1899. С. 416-421.

1893

171.Всероссийский словарь-толкователь. СПб. 1893-1895.

1897—1898

172.Первое посмертное полное издание сочинений, дополненное, сверенное и вновь просмотренные по рукописям. Т. 1-10 . СПб.: Т-во Вольфа, 1897-1898.

1898

173.Формулярный список о службе управляющего нижегородской удельною конторою действительного статского советника Даля В.И. (1858)// Действия Нижегородской губернской Ученой Архивной комиссии. Сб.статей, сообщений, описей и документов. Т.Ш. Н. Новгород. 1898. С.36-43.

174.Светлый праздник. Украинское поверье. СПб.: Тип. Н.В. Васильева, 1898.

1902

175.Русские сказки для детей Казака Луганского. СПб. —М.: М.О. Вольф, 1902.

1904

176.Пословицы русского народа. Т.1-8. 3-е изд. СПб.: Т-во М.О. Вольфа, 1904.

1907

177.Записки об А.С. Пупкине// Лернер Н.О. Из неизданных материалов для биографии Пушкина/ Рус.старина. 1907. №10. С.63-67. См. также: Бартенев П.И. О Пушкине. Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М.: Сов.Россия, 1992. С.421-424.

1912

178.Формулярный список о службе и достоинстве выключенного из С.-Петербургского военно-сухопутного госпиталя доктора медицины Владимира Иванова Даля (1833)// Модестов Н.Н. Владимир Иванович Даль в Оренбурге. / Тр.Оренб. Ученой Архивной комиссии. Выш.27. Оренбург., 1913. С.15-20. См. также: Цыпляев П.И. Из переписки оренбургского военного губернатора гр. В.А. Перовского о Владимире Ивановиче Дале// Рус.старина. 1912. №7-8.

1915

179.Собрание избранных сочинений для детей школьного возраста/. Под ред. Н. Лернера, илл. Е. Лебедевой. Пг.; М.:Т-во М.О. Вольфа, 1915.

1957

180.Пословицы русского народа. Сборник В. Даля/ Предисловие М.А. Шолохова. Вступ.ст. В. Чичеровой. М.: Гослитиздат. 1957.

1959

181.Старик-годовик. Сказки, загадки, пословицы, игры. М.1959.

1960

182.Привередница. Русская народная сказка. М.: Детгиз, 1960; 1973; 1977.

1961

183.Повести. Рассказы. Очерки. Сказки/ Вступ. ст. Л.П. Козловой. Подгот. текста и примеч. В.П. Петушкова. М.:Л.: Гослитиздат. 1961.

184.Лиса и заяц. Илл. Ю. Васнецова. М.: Детгиз, 1961; 1971; 1972.

185. Медведь-половинщик. М.: Детгиз, 1969; 1971; 1972.

1981

186. Повести и рассказы. Предисл. и сост. М.А. Чванова. Уфа: Башк. кн.изд., 1981.

1983

187. Избранные произведения / Сост. Н.Н. Акопова. Предисл. Л.П. Козловой. Примеч. В.П. Петушкова. М.: Правда, 1983; 2-е изд., 1987.

188. Записка, составленная по рассказам оренбургского линейного батальона прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно // Записка о Бухарском ханстве. Отчеты П.И. Виткевича / Отв.ред. Н.А. Халфин. М.: Наука, 1983.

1985

189. Бикей и Мауляна. Повести, рассказы, очерки / Предисл. М.Чванова. Челябинск: Юж.-Ур.кн.изд-во, 1985.

1986

190. Кружевница. Повести, рассказы, очерки / Предисл. Л.П. Козловой. Красноярск: Красноярск. кн.изд-во, 1986.

1987

191. Пословицы и поговорки русского народа. Из сборника В.И. Даля. М.: Правда, 1987.

1991

192. Матросские досуги. М.: Дет.лит., 1991.

193. Месяцеслов. Русские народные приметы. Саратов, Б.П., 1991.

1992

194. Месяцеслов, суеверия, приметы, причуды, стихии.

195. Пословицы русского народа. СПб.: Лениздат, 1992.

196. Письма В.И. Даля из Оренбурга к Гречу. Публ. В.Я. Дерягина // Родина. 1992. №4. С.102-105.

197. Повести и рассказы / Вступ. ст. Ю.М. Акутина и А.А. Ильина-Томица. Примеч. А.А. Ильина-Томица. М.: Сов. Россия, 1993.

1994

198. Пословицы русского народа. М.: 1994.

1995

199. Крылатая мудрость: Пословицы и поговорки из собрания В.И. Даля. М.: 1995.

200. Полное собрание сочинений. В 8 т. Подгот. и сост. В.Я. Дерягин, З.С. Дерягина. Предисл. В.Я. Дерягина. М.: Столица, 1995. Т.1. Повести.

1996

201. Пословицы и поговорки русского народа. СПб.: Диамант, 1996.

202. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Терра, 1996.

203. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа: Материалы по русской демонологии. Послесловие Н.В. Ушакова. СПб.: Литера, 1996. 447 с.

1997

204. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа: Материалы по русской демонологии. Русские былины, бывальщины и сказки о мифологических персонажах. (Из фольклорного сборника.) М.: Терра, 1997.

205. Пословицы русского народа. М.: Олма-пресс, 1997.

206. Пословицы и поговорки русского народа. Сборник в 2-х т. СПб.: Литера: Виан, 1997.

207. Владимир Иванович Даль (Казак Луганский). Картины из русского быта. Автобиографические заметки. В.И. Даль в воспоминаниях современников. Сост., подготовка текста, предисловие и примеч. Б. Романова. М.: Новый Ключ, 2002.

208. Пословицы русского народа. М.: ННН: Эксмо-Пресс, 1999.

209. Даль В.И. Оренбургский край в художественных произведениях писателя. Составители: Прокофьева А.Г., Матвиевская Г.П., Прокофьева В.Ю., Зубова И.К. Оренбург: Оренб. книжное изд-во, 2001.

210. Даль В.И. Неизвестный Даль. Оренбургский край в очерках и научных трудах писателя. Составители: Прокофьева А.Г., Матвиевская Г.П., Прокофьева В.Ю., Зубова И.К. Оренбург: Оренб. книжное изд-во, 2002.

Литература

211. Академия наук СССР. Персональный состав. Кн. 1 (1724-1917 гг.). С. 124.

212. Аксаков И.С. Речь о А.Ф. Гильфердинге, В.И. Дале и К.И. Невострове // К.С. Аксаков, И.С. Аксаков. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 256-263.

213. Аксютин Н.В. СобираТЕЛЬская деятельность В.И. Даля в Оренбургском крае. // К 190-летию со дня рождения Владимира Ивановича Даля. Материалы юбилейного «круглого стола». Луганск. 1991. С. 36-37.

214. Алмазов А. Письма из Оренбурга 1833 года // Рус. архив. 1902. Кн. 2. № 5-8. С. 643-660.

215. Арсеньев К.И. Путешествие по России Его Императорского Величества Государя наследника цесаревича. // Современник. Т. 9. 1838. С. 1-26.

216. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.Н. Погодина. Т. X. СПб., 1896.

217. Бартенев П.И. В.И. Даль // Рус. архив. 1872. № 7-12. С. 2030-2031.

218. Бартенев П.И. О Пушкине. Страницы жизни поэта. Воспоминания современников/ Сост., вступ.ст. и примеч. А.М. Гордина. М.: Сов.Рос., 1992.

219. Белинский В.Г. Повести, сказки и рассказы казака Луганского// Полн.собр.соч. М., 1956.Т.Х. С.79-83.

220. Белый А. Рапорт Даля// Простор. 1980. №3. С.137-139.

221. Беньковская Т.Е. В.И. Даль: исследования и материалы. (Библиографический обзор)// Вторые междунар. Измайловские чтения, (25-27 окт. 2001 г.). Материалы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С.17-22.

222. Берг Н.В. В.И. Даль и П.В. Нащокин// Рус.старина.1880. Т.28. С.613-616.

223. Бессараб М.Я. Владимир Даль. М.: Современник, 1972.

224. Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, 1978.

225. Блюмин Г.З. В дали неизведанной земли. Труды и жизнь Григория Карелина. Челябинск: Юж.-Ур. кн.изд-во, 1982.

226. Бодуэн де Куртене И.А. Даль Владимир Иванович// Энциклоп. словарь рус.библиогр.ин-та Гранат. 7-е изд. Т.17. С.522-532.

227. Божерянов И.Н. Памяти В.И. Даля. (По поводу 40-летия его «Толкового словаря»)// Рус.старина. 1907. №11. С.275-281.

228. Боянус К.К. Гомеопатия в России. Исторический очерк. М., 1882.

229. Брандт Ф.Ф. Зоологический и зоотомический музей// Зап. Имп. Академии наук. 1865. Т.VII. Кн.1. С.1-35.

230. Бронникова Д.А. В.И. Даль в Оренбургском крае (к 140-летию приезда В.И. Даля в Оренбург). Оренбург, 1973.

231. Брюзгина Л.П. Нравственно-философское осмысление религии в творческом наследии В.И. Даля. К постановке проблемы// Пятые Междунар.Далевские чтения. Тезисы, статьи, материалы. Луганск, 1995. С.39-46.

232. Булич С.К. В.И. Даль// Энцикл.словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. 1893. Т 10. С.46-48.

233. Быков П. Владимир Иванович Даль// Оренб.листок. 1901, №48, (25 нояб.).

234. Бэр. К.М. Из эпистолярного наследия К.М. Бэра в архивах Европы. Сост., автор вступ. статьи, коммент. и переводов Т.А. Лукина. Л.: Наука, 1978.

235. Вальская Б.А. Путешествия Е.П.Ковалевского. М.: Географгиз, 1956.

236. Верстуков В.И. Пушкин едет в Оренбург. Оренбург: Печ.дом «Димур», 2000.

237. Вертоусова Е.Г. Холера 1829-1833 годов в Оренбургском крае// Гостиный двор. Лит.-худ. и обществ.-полит.альманах. №6. Оренбург, 1999. С.55-61.

238.Вертоусова Е.Г. «Доставить просвещенных чиновников» (история открытия военного училища в Оренбурге)//Вечерний Оренбург. 1995, №44 (2 ноября).

239.Вертоусова Е.Г. В.И. Даль и И.Ф. Бларамберг// Вторые междунар. Измайловские чтения (25-27 окт.2001 г.) Материалы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С.256-259.

240.Вертоусова Е.Г. Оренбург в произведениях В.И. Даля// Литература. Методика. Краеведение. Сб.науч.тр., посв.70-летию проф.А.Г.Прокофьевой. Оренбург: ОГПУ, 2004. С.359-365.

241.Вертоусова Е.Г., Зубова И.К., Матвиевская Г.П. Из истории культурной жизни Оренбурга XIX века// Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Вып.3. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. С.26-41.

242.Веселаго Ф.В. Очерк истории Морского корпуса. СПб., 1852.

243.Веселовский Н.И. Русские невольники в среднеазиатских ханствах// Матер.для описания Хивинского похода 1873 г. Ред. В.Н. Троцкий. Ташкент. 1881. С1-9.

244.Владимир Иванович Даль. Справочно-информационные материалы. К 200-летию со дня рождения. М., 2001.

245.Высоцкий В.И., Свиридова Т.Н. Дом-музей В.И. Даля. Донецк, 1990.

246.Габдулгафарова И.М. Образ жизни уральского казачества в описании В.И. Даля// Вторые междунар. Измайловские чтения (25-27 окт.2001 г.) Материалы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С.260-264.

247.Ганюшкина А. «Горели венчальные свечи...»//Оренбургский край. 2001. №3. С.44-45.

248.Гептнер В.Г. Эдуард Александрович Эверсман. Зоолог и путешественник (1794-1860). М.: Изд-во МГУ, 1940.

249.Горбенко Е.П. А.П. Зонтаг и В.И. Даль (К истории знакомства и творческих контактов)// Творческое наследие В.И. Даля в идейно-нравств.формировании личности. Ворошиловград, 1988. С.42-44.

250.Горбенко Е.П. Письма А.П. Зонтаг к В.И. Далю// Пятые Междунар. Далевские чтения. Тезисы, статьи, материалы. Луганск, 1995. С.147-160.

251.Горель Г.К. Основание Николаевской обсерватории// Историко-астрономические исследования. Вып.ХII. М.: Наука, 1975. С.139-155.

252.Горячок В.И. «Оренбуржец В.И. Даль»// К 190-летию со дня рождения Владимира Ивановича Даля. Луганск, 1991. С.40-41.

253.Гра А.П. Оренбург 40-х годов XIX столетия по описанию Базинера// Труды ОУАК. Вып.ХI. 1903. С.1-10.

254.Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.: Книга, 1990.

255.Громбах С.М. Пушкин и медицина его времени. М., 1989.

256. Грот Я.К. Воспоминания о В.И. Дале и П.П. Пекарском. СПб, 1873. Зап.Имп.АН, 1873, Т. XXII.

257. Гулак А.Н. В.И. Даль и Т.Г. Шевченко. (К вопросу о русско-украинских литературных связях)// Творческое наследие В.И. Даля в идейно-нравственном формировании личности. Ворошиловград, 1988. С.9-10.

258. Гулак А.Н. В.И. Даль и Украина. (Автореф. канд.дис.). Киев, 1975.

259. Гулак А.Н. Фольклоролистические и литературные отношения Г.Ф. Квитки-Основьяненко и В.И. Даля (на укр.яз.)// Народна творчість та етнографія. 1979. №1. С.23-29.

260. Гус М.С. Дуэль в Кабуле. Роман. Нукус, 1969.

261. Гусаров В.Б. Произведения В.И. Даля как источник по истории Оренбургского края// Исследования и исследователи Оренбургского края XVIII—нач. XIX вв. /Матер науч.конфер. Свердловск, 1983. С.146-148.

262. Даль Владимир Иванович// Оренбургская биографическая энциклопедия. Оренбург — М., 2000. С.97-98.

263. Даль Владимир Иванович (10.XI.1801-22.IX.1872) писатель, лексикограф, этнограф// Оренбургская Пушкинская энциклопедия. Оренбург, 1997. С.97-98.

264. Даль Е.В. В.И. Даль. (По воспоминаниям его дочери)// Рус.вестник. 1879. №7. С.71-112.

265. Даль Е.В. Оренбург. В.И.Даль и Оренбургский край. Публикация и примечания А.Г.Прокофьевой// Гостиный Двор. №1. Калуга, 1995. С.140-149.

266. Даль Е.В. Хивинский поход. Публикация и примечания А.Г. Прокофьевой// Гостиный Двор. №2. Калуга, 1995. С.168-173.

267. Даль Е.В. Воспоминания (неопубликованные главы). Институт Русской Литературы РАН (Пушкинский Дом), Ф.265, оп.2, ед.хр. 834.

268. Дебу И.Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., 1837.

269. Дерягин В.Я. Предисловие к новому изданию (1995 г.) собрания сочинений В.И. Даля// Владимир Даль. Казак Луганский. Полное собрание сочинений. Т.1. М.: Столица, 1995. С.7-15.

270. Дмитриева Л.В., Мутинов А.М., Муратов С.Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. I. История. М., 1965.

271. Добросмыслов А.И. Тургайская область// Изв.Оренб.отдела Рус. Геогр.об-ва. Вып.16.

272. Дорофеев В.В. Оренбург шевченковский. Оренбург, 1993.

273. Дорофеев В.В. Пушкинские места в Оренбурге. Оренбург, 1997.

274. Дорофеев В.В. Над Уралом-рекой. Оренбург, 1998.

275. Дорофеев В.В. Оренбург пушкинский. Оренбург: Оренб.книжное изд-во, 1998.

276.Дорофеев В.В. Оренбург В.И. Даля// Вторые междунар. Измайловские чтения, (25-27 окт. 2001 г.). Материалы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С.266-269.

277.Дорофеев В.В. Оренбург времен пребывания в нем В.И. Даля// Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Вып.2. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2003. С.7-17.

278.Евстратов Н.Г. Даль и Западный Казахстан// Уч.зап.Уральск.-пед.ин-та. Т.4. Вып.12. Уральск, 1957.

279.Елагина Е.И. Из воспоминаний Екатерины Ивановны Елагиной// Рус.архив. 1902. №3. С.476-482.

280.Емельченко И.Р. В.И. Даль и восточные языки// Тюркизмы в восточно-славянских языках. М.: Наука, 1974. С.164-196.

281.Емельянова Н.А. Свой Пушкин// Гостиный двор. №6. Оренбург, 1999. С.105-107.

282.Жакмон А. Цесаревич Александр Николаевич в Оренбурге// Исторический вестник. Т.84.1901. №4. С.235-239.

283.Завалишин Д.И. Заметки по поводу некролога В.И. Даля// Московские ведомости. 1872. №267 (23 октября).

284.Завалишин Д.И. По поводу отрывка из автобиографии В.И. Даля, напечатанного в «Русском архиве»// Московские ведомости. 1872. №290 (16 ноября).

285.Завалишин Д.И. Воспоминания о Морском кадетском корпусе. 1816–1822// Рус.вестник. 1873. Кн.6.

286.Завалишин Д.И. Некоторые обстоятельства жизни Владимира Ивановича Даля. (По поводу статьи «В.И. Даль. (По воспоминаниям дочери)»// Русская старина. 1904. №4. С.321-339.

287.Захарьин (Якунин) И.Н. Граф В.А. Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб., 1901.

288.Зейдлиц К.К. О чуме, свирепствовавшей во 2-й русский Армии во время последней турецкой войны в 1828-1829 гг. СПб. 1844. Кн.1-4.

289.Зобов Ю.С. Исследовательская деятельность В.И. Даля в Оренбургском крае//К 190-летию со дня рождения В.И. Даля/Матер.юбилейной конфер. Луганск, 1991. С.37-38.

290.Зобов Ю.С. Деятельность Г.Ф. Генса в Оренбургском крае// Немцы и Оренбургский край. Матер.обл.науч.конф., посв.250-летию Оренб. губернии и 60-летию Оренб.области. Оренбург, 1994. С.16-19.

291.Зобов Ю.С. Исследователь Оренбургского края Я.В. Ханыков (1818–1862)// Двенадцатые Бирюковские чтения. Челябинск. 1996. С.104-107.

292.Зобов Ю.С. Исследовательская деятельность И.Ф. Бларамберга в Оренбургском крае// Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура. Оренбург: Димур, 1998. С.108-116.

293.Зобов Ю.С. Оренбургский край 30-х — начала 40-х годов XIX века// Вторые междунар. Измайловские чтения, (25-27 окт. 2001 г.). Материалы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С.270-273.

294.Зобов Ю.С. «Я по совести исполнил долг историка...»// Гостиный двор. Лит.-худ. и обществ.-полит.альманах. №6. Оренбург, 1999. С.9-27.

295.Зобов Ю.С. К творческой биографии Я.В. Ханыкова// Историческая демография русских Башкортостана. Уфа, 2002. С.49-50.

296.Зотов В.Р. Русский Литтре (По поводу нового издания «Словаря» Даля)// Ист.вестник, 1882. №11. С.410-421.

297.Зубова И.К. Сотрудник, доктор, товарищ// Вечерний Оренбург. 1999. №42. 14 окт.

298.Зубова И.К. «К фатам не лежит у меня сердце»// Вечерний Оренбург. 2001. №30 (20 июля).

299.Зубова И.К. Еще раз о воспоминаниях Екатерины Даль//Вечерний Оренбург. 2001. №11 (15 марта).

300.Зубова И.К. Они росли рядом.//Вечерний Оренбург. 2001. №17 (26 апреля).

301.Зубова И.К. «Меня соединяла с Далем с лишком 50-летняя дружба...»//Вечерний Оренбург. 2001. №25 (21 июня).

302.Зубова И.К. «...Я пишу не сказку, а быль»// Оренбургский край. Архивные документы, материалы и исследования. Вып1. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С.122-128.

303.Зубова И.К. «...Дом хорош, и мы очень довольны покупкой...»// Третьи международные Измайловские чтения. Материалы, ч.1. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. С.308-312.

304.Зубова И.К. «...В Россию бежать далече...»// Литература. Методика. Краеведение. Сб.науч.тр., посв.70-летию проф. А.Г. Прокофьевой. Оренбург: ОГПУ, 2004. С.344-354.

305.Зубова И.К. «...Новый покой мой — большой, просторный...»// Гостиный двор. Лит.-худ. и обществ.-полит. альманах. №18. Оренбург, 2005. С.184-187.

306.Иванин М.И. Описание зимнего похода в Хиву в 1839-1840 г. СПб., 1874.

307.Иванов Н.П. Хивинская экспедиция 1839—1840 гг. Очерки и воспоминания очевидца. СПб., 1873.

308.Ильин-Томич А.А. Переписка В.И. Даля и М.П. Погодина. I//Био-гр.альманах. Вып.2. М.: СПб. 1993. С.287-325.

309.История Академии наук СССР. Т.II. М.;Л.: Наука, 1964.

310.Канкава М.В. В.И. Даль как лексикограф.Тбилиси, 1958.

311.Ковалевский Е.П. Экспедиция на пути в Бухару и военная экспедиция, действовавшая против Хивы (1839—1842. Киргиз-казачья степь)//Собр.соч. Т.3. СПб.,1871. С.46-88.

312. Ковалевский Е.П. Английские офицеры в Средней Азии// Собр.соч. Т.3. СПб., 1871. С.90-103.

313. Ковалевский Е.П., Гернгрос А.Р. Описание западной части киргиз-казачьей и киргиз-кайсацкой степи. СПб., 1840.

314. Козлова Л.П. В.И. Даль// В.И. Даль. Повести. Рассказы. Очерки. Сказки. М.;Л., 1961. С.3-16.

315. Кокшаров Н.И. Памяти географа Платона Александровича Чихачева. СПб., 1892.

316. Коломцева Р.М. Золотое звено Владимира Ивановича Даля. М.: МГО ВООПИиК, 1992.

317. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Доктябрьский период. М., 1982.

318. Кононов А.Н. (ред.) Библиографический словарь отечественных тюркологов. М., 1989.

319. Королев-Антопечкин Г.Е. Первая попытка издания газеты в Оренбургском крае// Труды ОУАК. Вып. XII. 1903. С.131-152.

320. Косырев Е.М. Поход в Хиву в 1839 г. (Из записок участника)// Ист.вестник. Т.73. С.538-545.

321. Корсаков Д.А. О.И. Сенковский и М.П. Погодин как журналисты. Казань. 1902.

322. Крюков А.П. Оренбургский Меновой двор// Отеч.записки. Ч.30. 1828. С.127-140.

323. Крючков Ю.С. Адмирал А.С. Грейг — ученый и кораблестроитель// Вопр.истории ест. и техники. 1982. №2. С.80-88.

324. Кузнецов В.Н. Я посетил места...: Писатели-классики в Оренбургском крае. Калуга, 1995.

325. Кулешов В.И. Натуральная школа в Русской литературе XIX века. М., 1982.

326. Курочкин Ю. Уральский вояж поэта. Челябинск: Южно-Уральское кн.изд-во, 1988.

327. Кухар-Онышко Н.А. Далеvский Николаев// Творческое наследие В.И.Даля в идейно-нравственном формировании личности. Ворошиловград, 1988. С.20-21.

328. Лазаревский В.М. Из бумаг В.М. Лазаревского 1. Биографический очерк. 2. Знакомство с В.И. Далем. 3. Переписка В.И. Даля и В.М. Лазаревского: М.: Универс.Типогр., 1894.

329. Лернер Н.О. Из неизданных материалов для биографии Пушкина. Записка В.И. Даля. «Рус.Старина» 1907., №10. С.63-67.

330. Лернер Н.О. Удаление В.И. Даля из Николаева// Рус. Старина, 1901. №7. С.169-170.

331. Липский В.И. Григорий Силыч Карелин (1801-1872). СПб., 1905.

332. Лоссиевский М.В. Записки Песляка // Ист. вестн. 1883. Т. 13. С. 577-594.

333. Лобысевич Ф.И. Город Оренбург. СПб., 1878.

334. Ляхова Ж.Т. Проблемы творчества Г.Ф. Квитки-Основьяненко в рецензиях В.И. Даля // Творческое наследие В.И. Даля в идейно-нравственном формировании личности. Ворошиловград, 1988. С. 12-14.

335. Майков Л.Н. Пушкин и Даль // Рус. Вестник. 1890, № 10.

336. Майков Л.Н. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб. 1899.

337. Максимов С.В. Даль Владимир Иванович // Справочный энцикл. словарь. Т. 4. (Прибавление). Под ред. А. Старчевского. СПб., 1855. С. 425-427.

338. Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана. СПб. 1891.

339. Матвиевская Г.П. Исследователь Оренбургского края Александр Леман // Оренбургские немцы: Этническая история и духовная культура. Оренбург: Димур, 1998. С. 126-131.

340. Матвиевская Г.П. Натуралист Владимир Даль // Вопр. ист. естествозн. и техн. 1999. № 4. С. 36-42.

341. Матвиевская Г.П. О несостоявшейся Аральской экспедиции 1839 г. // Наука и техника: Вопросы истории и теории. СПб. 2000. С. 33.

342. Матвиевская Г.П. «К вящему развитию понятий юношества и общей пользе распространения наук...» // Вечерний Оренбург. 5 окт. 2000 г. № 41.

343. Матвиевская Г.П. «Музеум естественных произведений Оренбургского края» // Вечерний Оренбург. 23 ноября. 2000 г. № 48.

344. Матвиевская Г.П. Чиновник особых поручений // Вечерний Оренбург. 2001 г. № 9, 14, 21, 27, 29, 41, 45.

345. Матвиевская Г.П. «Прекратить навсегда враждебные России действия» // Гостиный двор, № 8 (2000). С. 198-199.

346. Матвиевская Г.П. Рукопись, найденная в Оренбурге // Гостиный двор, № 9 (2000). С. 74-81.

347. Матвиевская Г.П. «Загадочное произведение природы...» // Гостиный двор, № 11 (2001). С. 219-227.

348. Матвиевская Г.П. Э.А. Эверсман и Оренбургский край // Э. Эверсман. Естественная история Оренбургского края. Ч. 1-2. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С. 13-50.

349. Матвиевская Г.П. Первый музей Оренбурга // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Вып. 1. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 2001. С. 7-36.

350. Матвиевская Г.П. Оренбург и отечественное востоковедение в первой половине XIX века. // История и философия науки. Вып. 2. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2001. С. 9-20.

351. Матвиевская Г.П. «В словах этих читатель, надеюсь, не захочет искать пошлой лести...»//Вечерний Оренбург. 2001 г. 7 июня, №23.

352. Матвиевская Г.П. Новые данные о научной деятельности В.И. Даля в Оренбурге// Вторые междунар. Измайловские чтения. Материалы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С.276-277.

353. Матвиевская Г.П. В.И. Даль — востоковед// Евразийское ожерелье. Альманах Ин-та истории народов Оренбуржья им. Мусы Джалиля. Вып.2. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С.140-149.

354. Матвиевская Г.П. А. Леман — исследователь Оренбургского края//Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб.: 2001. С.442-449.

355. Матвиевская Г.П. Восемь лет в Оренбурге.// Неизвестный Даль. Оренбургский край в очерках и научных трудах писателя. Оренбург: Оренб. кн.изд-во, 2002. С.10-38.

356. Матвиевская Г.П. В.И. Даль — переводчик произведений татарского фольклора// Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Вып.3. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. С.157-198.

357. Матвиевская Г.П. «Добрейший, умный, веселый и чрезвычайно забавный собеседник»//Вечерний Оренбург. 2003 г. 5 июня. №23.

358. Матвиевская Г.П. «Пора бы вам перебеситься»//Москва. 2003. №3. С.206-209.

359. Матвиевская Г.П. «Средняя Азия стала научной целью моей жизни». Н.А.Северцов и Оренбург//История и философия науки. Вып.4. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. С.5-15.

360. Матвиевская Г.П. Оренбургские страницы жизни Г.С.Карелина// Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Вып.3. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. С.18-41.

361. Матвиевская Г.П. «Он на Руси был редкий человек»// Литература. Методика. Краеведение. Сб.науч.тр., посв.70-летию проф.А.Г.Прокофьевой. Оренбург: ОГПУ, 2004. С.331-343.

362. Матвиевская Г.П. «Оказывать доктору Лессингу всевозможные пособия»//Вечерний Оренбург, 15 сент.2005 г. №37.

363. Матвиевская Г.П. Яков Владимирович Ханыков. М.: Наука, 2006.

364. Матвиевская Г.П. «В Оренбурге вы явитесь к военному губернатору...»// Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Вып.3. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. С.6-22.

365. Матвиевская Г.П. В.А. Перовский и братья Брюлловы// Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Вып.3. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. С.80-91.

366. Матвиевская Г.П., Зубова И.К. «Твой верный брат В. Даль...»// Гостинный двор. Лит.-худ. и обществ.-полит.альманах. №12. Оренбург, 2001. С.117-140.

367.Матвиевская Г.П., Зубова И.К. В.И. Даль и В.А. Перовский. Фрагменты переписки// Вторые междунар. Измайловские чтения, (25-27 окт. 2001 г.). Материалы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С.278-282.

368.Матвиевская Г.П., Зубова И.К. «Оренбург наш город золотой: ходи в чем хочешь...» Письма В.И.Даля к сестре. 1835 год//Вечерний Оренбург. 2001 г. №30 (26 июля).

369.Матвиевская Г.П., Зубова И.К. «Как не благословлять судьбы...» В.И. Даль. Письма к сестре из Оренбурга, 1836 год// Вечерний Оренбург. 2001 г. №36 (6 сентября).

370.Матвиевская Г.П., Зубова И.К. «От самого приезда в Оренбург я еще не опомнился». В.И. Даль. Письма к сестре из Оренбурга, 1837 год// Вечерний Оренбург. 2001 г. №38 (20 сентября).

371.Матвиевская Г.П., Зубова И.К. Владимир Иванович Даль. М.: Наука, 2002.

372.Матвиевская Г.П., Зубова И.К. «Я Вас люблю как друга...». Письма В.А. Перовского к В.И. Далю//Гостиный Двор. Лит.-худ. и обществ.-полит.альманах. №14. Оренбург, 2003. С.247-260.

373.Матвиевская Г.П., Зубова И.К. «Я удовлетворю совершенно мою страсть к приключениям...» Письма И.В. Виткевича к В.И. Далю//Гостиный Двор. Лит.-худ. и обществ.полит. альманах. №16. Оренбург, 2005. С.291-312.

374.Матвиевская Г.П., Зубова И.К. «Вновь увидеть оренбургские степи...» Приезд В.И. Даля в Оренбург летом 1859 года.// Гостиный Двор. Лит.-худ. и обществ.-полит.альманах. №17. Оренбург, 2005. С.225-230.

375.Матвиевская Г.П., Прокофьева А.Г. Письма В.И. Даля к писателям// Урал. 2000. №3. С.167-173.

376.Матвиевская Г.П., Прокофьева А.Г. Письма В.И. Даля из Оренбурга//Вечерний Оренбург. 2001 г. №1 (1 января), №3 (18 января).

377.Матвиевский П.Е. Г.Ф.Генс и его записи о русско-индийских связях в XVIII — начале XIX в.// Из истории Южного Урала и Зауралья XIX в. Челябинск: Юж.-Ур.кн.из-во, 1966. С.49-69.

378.Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Петр Иванович Рычков (1712—1777). М.: Наука, 1991.

379.Матвиевский П.Е. Гумбольдт и Виткевич// Гост.Двор. Лит.-худ. и общ.-полит.альманах. №4. Оренбург, 1997. С.221-228.

380.Матвиевский П.Е. Очерки истории Оренбургского края XVIII — XIX веков. Оренбург: Оренбургская книга, 2005.

381.Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. (Материалы для географии и статистики России). СПб. 1865.

382.Мельников П.И. (А.Печерский) Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале// Русский вестник. 1873, №3. С.273-340.

383. Мельников-Печерский П.И. Владимир Иванович Даль: критико-биографический очерк// Полн.собр.соч. Владимира Даля (Казака Луганского) СПб., 1897. Т.1. С.33-35.

384. Мельников-Печерский П.И. Владимир Иванович Даль: критико-биографический очерк// Владимир Даль. Казак Луганский. Сочинения. М.: Столица, 1995. Т.1. С.XVII-LXXXII.

385. Мельников П.И. В.И. Даль СПб., 1903.

386. Митурич П.В. Очерк истории Оренбургского Неплюевского училища// Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 г. Отд.IV. С.193-216.

387. Михайлова М.В. За Далем — Даль (нечто наподобие рецензии)// Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Вып.2. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. С.394-400.

388. Модестов Н.Н. Владимир Иванович Даль в Оренбурге// Труды ОУАК. Вып.27. Оренбург, 1913.

389. Модестов Н.Н. К истории освобождения русских пленников из Хивы. 1837-1839 // Русский архив. 1915, №1. С. 31-48.

390. Модестов Н.Н. Бывший префект гродненской гимназии иеромонах доминиканского ордена Кандид Зеленко в Оренбурге// Тр.Оренб.Ученой Архивной комиссии. Вып.27. Оренбург, 1913.

391. Модестов Н.Н. Магистр философии Фома Карлович Зан в Оренбурге// Тр.ОУАК. Вып.35. Оренбург, 1917.

392. Модзалевский Б.Л. Пушкин и его современники// Избр.тр. 1898—1928. СПб.: Искусство — СП.; 1999.

393. Надель-Червинская М.А., Червинский П.П. Энциклопедический мир Владимира Даля. Книга I. Птицы. Т.1-2. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

394. Наумов Д.В. Зоологический музей АН СССР. Краткая история и описание экспозиции. Л.: Наука, 1980.

395. Небольсин П.И. Рассказ проезжего. Киргизы. СПб., 1854.

396. Небольсин П.И. Уральцы. СПб., 1855.

397. Никитечко А.В. Дневник// Рус.Старина. 1889. №8. С.59, 78; №9. С.552-553.

398. Новейшие экспедиции для обследования Аральского моря// Географ.изв., изд.РГО. 1850. Вып.3. С.348.

399. Новокшанова-Соколовская З.К. Картографические и геодезические работы в России в XIX—начале XX в. М.: Наука, 1967.

400. Нурмухамедов М.К. Пушкин, Оренбург и оренбуржцы. Ташкент: Фан, 1985.

401. Обручев В.А. Александр фон Гумбольдт как путешественник и географ и в особенности как исследователь Азии// А.фон Гумбольдт. Центральная Азия. Пер. с франц. М., 1915. С. CXIII-CXVI.

402. Овчинников Р.В. Встреча в Оренбурге// Рифей. 1981. С.7-45.
403. Овчинников Р.В. За пушкинской строкой. Челябинск, 1988.
404. Огородников Н.М. Оренбург пограничный. Оренбург: Изд-во «Димур», 1995.
405. Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский. Документы. Письма. Вспоминания. Составители: Вертоусова Е.Г., Матвиевская Г.П., Прокофьева А.Г. Оренбург: Оренб.кн.изд-во, 1999.
406. О трудах Лемана в связи с работами других исследователей Оренбургского края и соседних с ним стран Азии// Геогр.изв.РГО. Вып.3 1850. С.422-452.
407. Отчет о деятельности второго Отделения Имп. Академии наук за 1872 г., читанный в публичном собрании 29 октября ординарным академиком А.В. Никитенко. СПб., 1873.
408. Отчет Совета о действиях Имп. Русского Географического общества за 1862 г.// Зап.Имп.РГО. 1863. Кн.1
409. Охотин Н.Г. А.П. Башуцкий и его книга «Наши, списанные с натуры русскими». Приложение к факсимильному изданию. М.: Книга, 1986.
410. Павлова Г.Е. Организация отечественной науки в первой половине XIX в. М.: Наука, 1999.
411. Петров П.Н. Лев Владимирович Даль// Изв.Рус.археол.об-ва. 1879. Т.9. Вып.4.
412. Пирогов Н.И. Посмертные записки// Рус.старина. 1885. №2. С.292-294.
413. Попов П.Е. Документальные материалы Гос.Архива Оренбургской области о деятельности В.И. Даля в Оренбурге// Южноуральский археографический сборник. Вып.1. Уфа. 1973. С.289-290.
414. Письмо А.Н.Мордвинова к шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу. 1832-1837// Русский архив. 1886. №11. С.409-419.
415. Плюшар А.А. (Изд.) Энциклопедический лексикон 1835-1841. Т.1-17.
416. Полевой П.Н. Владимир Иванович Даль. Биографический очерк// Сочинения В.И.Даля. Повести и рассказы. Изд.2-е. Т.1. СПб., М.: Изд-во М.О.Вольфа, 1883.
417. Порудоминский В.И. Даль (1801-1872) М.: Мол.гв., 1971.
418. Порудоминский В.И. Болгарские страницы в творчестве В.И.Даля// Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л.: Наука, 1976. Т1.
419. Порудоминский В.И. Естественно-научные интересы В.И.Даля// Природа, 1976, №1. С.104-115.
420. Порудоминский В.И. Повесть о толковом словаре. М., 1981.
421. Порудоминский В.И. Жизнь и слово. Даль М., 1985.

422.Потто В.А. Ссылные поляки в Оренбурге// Ист.вестн. 1889. Т.38. №12. С.584-606.

423.Прокофьева А.Г. Оренбургские материалы в творчестве В.И. Даля//Творческое наследие В.И. Даля в идейно-нравственном формировании личности. Ворошиловград, 1988. С.59-61.

424.Прокофьева А.Г. В.И. Даль и А.С. Пушкин в Оренбурге// К 190-летию со дня рождения В.И. Даля/Матер.юбилейного «круглого стола». Луганск, 1991. С.39-40.

425.Прокофьева А.Г. Оренбургский край в произведениях русских писателей/ Учебное пособие по литературному краеведению. Ч.II. Оренбург, 1993.

426.Прокофьева А.Г. Оренбургские архивные документы о В.И. Дале// Два крыла духовности (Далевско-Гринчевские чтения) Луганский ГПИ, 1993. С.76-78.

427.Прокофьева А.Г.(сост.) Пушкин и Оренбургский край. Документы. Записи. Воспоминания. Исследования. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2000.

428.Прокофьева А.Г. Оренбургские мотивы в прозе В.И.Даля// Вторые междунар. Измайловские чтения, (25-27 окт. 2001 г.). Материалы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С.60-66.

429.Прокофьева А.Г. Оренбургские мотивы в прозе В.И. Даля// Владимир Иванович Даль. Оренбургский край в художественных произведениях писателя. Оренбург: Оренб.книжное изд-во, 2001. С.9-16.

430.Прокофьева А.Г. Оренбургские архивные материалы о втором браке В.И. Даля// Далевский сборник. Луганск: Альма матер. 2001. С.198-201.

431.Прокофьева А.Г. Оренбург в прозе В.И. Даля// Наука XXI века: проблемы и перспективы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2002. С.153-156.

432.Прокофьева А.Г. Провинциальный город в произведениях В.И. Даля, созданных на оренбургском материале// Город, усадьба, дом в литературе. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2004. С.86-90.

433.Прокофьева А.Г. Прокофьева В.Ю. Художественное пространство в повести В.И. Даля «Гофманская капля»// Вторые междунар. Измайловские чтения, (25-27 окт. 2001 г.). Материалы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С.67-71.

434.Прокофьева В.Ю. Оренбургские слова в «Словаре В.И. Даля»// Вторые междунар. Измайловские чтения, (25-27 окт. 2001 г.). Материалы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С.374-387.

435.Прокофьева А.Г., Прокофьева В.Ю., Федосова О.В., Хомутов Г.Ф. Литературное Оренбуржье. Библиографический словарь. Оренбург: Оренбургская книга, 2006.

436.Прянишников Н.Е. В.И. Даль в Оренбурге// Степные огни. 1941. №4.

437.Прянишников Н.Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Из литературного прошлого Чкаловской области. Чкалов, 1946; 3-е изд.: Челябинск: Юж.-Ур.кн.изд-во, 1970.

438.Пузанева Т.Н. Фольклор Оренбуржья в литературном творчестве В.И. Даля// Проблемы изучения русского народного поэтического творчества. Вып.7. М.: Мос.пед.ин-т, 1980.

439.Пузанева Т.Н. В.И. Даль — собиратель фольклора Оренбуржья// Четвертые Далевские чтения. Творческое наследие В.И. Даля в идейно-нравственном формировании личности. Ворошиловград. 1988. С.61-62.

440.Пушкин в воспоминаниях современников//Сб. под ред. С.Я. Гессена. Л., 1936.

441.А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т.1-2. М., 1985.

442.А.С. Пушкин. Письма последних лет. Отв.ред.Н.В. Измайлов. Л.: Наука, 1969.

443.Пушкин. Исследования и материалы. Т.1. Л., 1956.

444.Пушкин и Оренбургский край. Документы. Записи. Воспоминания. Исследования. Сост.А.Г. Прокофьева. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2000.

445.Ридигер. Свидетельство о Дале// Рус.Старина. 1878. Кн.5-6. №5. С.185.

446.Рубинштейн Н.Л. Даль Вл.Ив.// Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т.4. С.957-958.

447.Рупрехт Ф.И. О ботанических названиях в «Словаре» Даля// Собрание статей, читанных в отделении рус.яз. и словесности Имп.Акад.наук., 1870. Т.VII.

448.Савельев П.С. Путешествие г.Базинера через киргизскую степь// Геогр.известия, издаваемые Рус.Геогр.об-вом под ред. В.В. Григорьева. СПб.,1849. Вып.4. С.157-171; Вып.5. С.206-212.

449.Савельзон В.Л. Пушкин и Оренбуржье. Над страницами «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева». Оренбург: Оренб.книжное изд-во, 2001.

450.Савельзон В.Л. Оренбургская история в лицах. Оренбург: Изд-во «Южный Урал», 2000.

451.Садовский А.Я. Формулярный список о службе Даля// Действия Нижегород.Губ.Ученой Архивной Комиссии. Н.Новг. 1898. Т.3. С.36-43.

452.Свиньин П.П. Картина Оренбурга и его окрестностей. (Из живописного путешествия по России издателя «Отеч.зап.» в 1824 г.)// Отеч. записки. 1828, №99 (июль). С.5-38.

453.Севастьянов С.Н. Г.С. Волконский как инициатор памятника Неплюеву — Неплюевского училища, ныне Неплюевского кадетского корпуса// ТР.ОУАК. Вып.III. Оренбург, 1897.

454.Севастьянов С.Н. Григорий Федорович Генс// ТР.ОУАК. Вып.XIX. Оренбург, 1907. С.158-161.

455. Севастьянов С.П. События в Оренбургском крае, подготовившие экспедицию в Хиву 1839–1840 гг. // Тр. Оренб. Уч. Арх. Ком. Вып. XVI. 1906. С. 92-148.
456. Седов А.В. Нижегородский подвиг В.И. Даля. Н.Новг., 1993.
457. Семенов А.А. История полувековой деятельности Русского географического общества, 1845–1895. СПб., 1896. Т.1.
458. Семенов В.Г. Л.В. Соколов – современник А.С. Пушкина, родственник В.И. Даля // Два века с Пушкиным. Ч.2. Оренбург. 1999. С.3-8.
459. Семенов В.Г. «Я по молодым моим летам»: Л.В. Соколов и В.И. Даль // Гостиный двор №6 1999. С.225-227.
460. Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 1999.
461. Семенов Ю. Дипломатический агент. М., 1959.
462. Серебренников А.Г. (сост.) Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т.1. Ташкент, 1908.
463. Соколов Д.Н. Пушкин в Оренбурге // Пушкин и его современники. Вып. 23-24. 1916.
464. Соловьев М.М. Ученая экспедиция в Бухару в 1841-1842 гг. при участии натуралиста Александра Лемана. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1936.
465. Соловьев М.М. Академия наук и военный поход // Вестн. АН СССР. 1936. №8-9. С.83-86.
466. Сорокина С.Е. Оренбург, последняя цель моего путешествия. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 1999.
467. Спивак И.А. В. Даль и украинская культура его времени // Творческое наследие В.И. Даля в идейно-нравственном формировании личности. Ворошиловград, 1988. С.5-7.
468. Станишева М.В. В.И. Даль // Детский отдых. 1895. №1. С.83-99.
469. Столпянский П.Н. Об устройстве библиотек в 30-х гг. прошлого столетия в Оренбургском крае // Рус. архив. 1903. №6. С.292-295.
470. Столпянский П.Н. Эпизод из жизни В.И. Даля // Рус. старина. 1903. Т.115. №79. С.71-73.
471. Столпянский П.Н. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. Оренбург. 1908.
472. Судоргина Т.В. Цесаревич остался доволен // Вечерний Оренбург. 19 июня 1997 г. (№25).
473. Судоргина Т.В. Для предполагаемого путешествия наследника // Вечерний Оренбург. 18 июля 2002 г. (№29).
474. Т.Н.В. Даль Иван Матвеевич // Рус. биограф. словарь под ред. А.А. Половцова. Т.6. 1905. С.49.
475. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб. 1906. Т.1.

476. Творческое наследие В.И. Даля в идейно-нравственном формировании личности. Тез. докл. и сообщ. четвертых Далевских чтений. Ворошиловград, 1988. 144 с.
477. Ухмылина Е.В. В.И. Даль в Нижнем Новгороде // Уч. зап. Горьк. нед. ин-та. Сер. филолог. Вып. 42. 1963.
478. Февчук Л.П. Личные вещи Пушкина. Л., 1970.
479. Фесенко Ю.П. Сентябрь 1833: А.С. Пушкин и В.И. Даль // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 24. Л.: 1991. С. 104-116.
480. Фесенко Ю.П. Неопубликованное письмо В.И. Даля к В.А. Жуковскому // Пятые Международные Далевские чтения. Тезисы, статьи, материалы. Луганск. 1995. С. 170-174.
481. Фесенко Ю.П. Дарственная надпись А.С. Пушкина В.И. Далю // Русская филология. Украинский вестник. 1994. №4. С. 21-24.
482. Фесенко Ю.П. И.М. Даль и В.И. Даль по архивным материалам // Пятые Междунар. Далевские чтения. Тезисы, статьи, материалы. Луганск, 1995. С. 160-179.
483. Фесенко Ю.П. Судьба Казака Луганского. (Проблемы творчества и биографии) // Лугань. Сб. науч. трудов, посвященный 200-летию Луганска. Луганск, 1995. С. 49-67.
484. Фесенко Ю.П. Авторизованная писарская копия «Воспоминаний о Пушкине» В.И. Даля. Публикация, вступ. заметка и коммент. // Краеведч. зап.: К 200-летию основания г. Луганска. Луганск, 1995. Вып. 3. С. 71-72.
485. Фесенко Ю.П. Проза В.И. Даля. Творческая эволюция. Луганск, СПб.: Альма матер, 1999.
486. Фетисов (Ритман) М.И. Первые русские повести на казахские темы. Алма-Ата: Изд. АН Каз. ССР, 1950.
487. Фетисов М.И. Русско-казахские литературные отношения в первой половине XIX в. Алма-Ата, 1959.
488. Филатов Н.Ф. Лев Владимирович Даль. Художник, архитектор, исследователь мировой и русской национальной культуры. Н. Новгород. 1999.
489. Филин Ф.П. В.И. Даль и русская культура (К 100-летию со дня смерти) // Вестн. АН СССР. 1972. №9. С. 104-108.
490. Халфин Н.А. Драма в номерах «Париж» // Вопр. истории. 1966. №10. С. 216-220.
491. Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века): М.: Наука, 1974. — 406 с.
492. Халфин Н.А. (ред.) Записки о Бухарском ханстве. Отчеты Демезона и Виткевича. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1983.
493. Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханыков — востоковед и дипломат. М.: Наука, 1977.

494. Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.
495. Ханыков Н.В. Географическое обозрение Оренбургского края// Матер. для статистики Росс.Имп., изд. при Стат.отд. Совета мин-ва внутр.-дел. СПб., 1839. Т.1. Отд. II. С.1-92.
496. Ханыков Я.В. Обозрение рудного производства частных Оренбургских заводов в 1838 г.// Матер. для статистики Росс.Имп., изд. при Стат.отд. Совета мин-ва внутр.дел. СПб., 1841. Т.2. Отд. IV. С.46-118.
497. Ханыков Я.В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями// Зап.РГО. 1851. Кн.V. С.268-358.
498. Хартанович М.Ф. Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб.: Наука, 1999.
499. Ц. Воспоминания старожила// Тургайская иллюстрированная газета.
500. Цыбульский В.В. Петр Ал. Чихачев (1808-1890), Платон Ал. Чихачев (1812-1892). М.: Наука. 1988.
501. Цыпляев П.И. Из переписки оренбургского военного губернатора гр.В.А.Перовского о Владимире Ивановиче Дале. «Рус.Старина», 1913, №7,8. С.60-94.
502. Чабров Г.Н. Альбом бухарских этнографических зарисовок 1-й половины XIX в.// Сов.этнография. 1964. №5. С.103-108.
503. Чабров Г.Н. Поездка в Бухару переводчика П.И. Демезона (1833-1834 гг.)// Тр.Средне-Аз.гос.ун-та (История стран Востока). Нов.сер. Вып. 94. Ист.науки. Кн14. Ташкент, 1957.
504. Чванов М.А. «Пришлите справедливого Даля»// В.И. Даль. Повести и расск. Уфа: Башк.кн.изд., 1981. С.6-13.
505. Чванов М.А. «Пришлите справедливого Даля!»// В.И. Даль Бикей и Мауляна. Повести. Рассказы. Очерк. Челябинск: Юж.-Ур.кн.изд-во. 1985. С.367-383.
506. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Изд.2-е. Л.: Наука, 1989.
507. Черкас А. Даль Лев Владимирович// Рус.биогр.словарь. Под ред. А.А.Половцева. Т.6. С.49-50.
508. Черкас А. Даль Владимир Иванович// Рус.биогр.словарь. Под ред. А.А. Половцева. Т.6. С.42-48
509. Чернов И.В. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова// Тр.ОУАК. Вып.XVIII. Оренбург. 1907.
510. Чибилев А.А. В глубь степей. Екатеринбург, 1993.
511. Чумаков М.М. Оренбургские знакомые А.С. Пушкина// Два века с Пушкиным. Матер.науч.-практ.конфер. Ч. II. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1999. С.15-21.
512. Шевченко Т.Г. Дневник. М., 1954.
513. Шемиот В.Н. Общий список членов Имп.Академии наук, со дня ее основания// Зап.Имп.АН. 1873. Т.22. Кн.2. С.285-391.

514.Шренк Л.И. О зоологических терминах в «Словаре» Даля// Собрание статей, читанных в Отделении рус.яз. и словесности Имп.Академии наук. Т.VII. 1870.

515.Штыкалова Г.М. Даль и Оренбуржье. Библиографический список// Вторые междунар. Измайловские чтения, (25-27 окт. 2001 г.). Материалы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С.304-314.

516.Шубин Б.М. Дополнение к портретам. М., 1986.

517.Шукшинцев И.С. Дело о поляках в Оренбурге. (По архивным данным)// Рус.архив. 1902, кн.2. №5 - 8. С.661-666.

518.Эверсман Э.А. Естественная история Оренбургского края. Часть 1. Оренбург: Типогр. Штаба отд.Ор.корпуса, 1840.

519.Эверсман Э.А. Естественная история Оренбургского края. Часть 1-2. Сост. и вступ.ст.Г.П. Матвиевская и В.Н. Руди. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001.

520.Юдин М.Л. Начало сношений с туркменским народом. (Материалы для истории присоединения Закаспийской области)// ТР.ОУАК. Вып.XXIX. 913. С.85-141.

521.Юдин П.Л. Цесаревич Александр Николаевич в Оренбургском крае// Ист.вестник. 1891. №10.

522.Юдин П.Л. Граф В.А. Перовский в Оренбургском крае// Рус.-старина. 1896.№5, С.409-429; №6. С.521-551.

523.Юдин П.Л. Григорий Федорович Генс, первый директор Неплюевского кадетского корпуса// Рус.старина. 1899. №8. С.363-373.

524.Юлдашбаев С.Г. Этнографические исследования Оренбургского края В.И. Далем// Исследователи и исследования Оренбургского края XVIII-нач.XIX вв. (Матер.регион.науч.конфер.). Свердловск, 1983. С.180-189.

525.Ягмин А. Киргиз-кайсацкие степи и их жители. СПб., 1845.

526.Abbot J. Narrative of a Journey from Hearut to Khiva, Moscow and Sanct-Petersburg. Vol.1. London.1843.

527.Basiner Th.J. Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiva// Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Hrsg.von K.C.Baer und G.Helmersen. Bd.XIII. St.-Pet., 1849.

528.Eversmann E. Reise von Orenburg nach Buchara. Berlin, 1823

529.[Lehman A.] Alexander Lehmann's Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. Nach den hinterlassenen Schriften desselben bearbeitet und mit Anmerkungen versehen von G.v.Helmersen. Nebst einem zoologischen Anhang von J.F.Brandt.// Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Hrsg.von K.C.Baer und G.Helmersen. Bd.XII. St.-Pet., 1852.

530.[Gens G.] Nachrichten über Chiva, Buchara, Chokand und den nordwestlichen Theil des chinesischen Staates, gesammelt von dem Präsidenten der Asiatischen Grenz-Commission in Orenburg General-Major Gens, bearbeitet und mit Anmerkungen versehen von Gr.v. Helmersen// Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Bd.II. St.-Pet., 1839.

531.Helmersen G. Reise nach dem Ural und Kirgisensteppe// Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Hrsg.von K.C.Baer und G.Helmersen. Bd.V. St.-Pet., 1841.

532.Stieda L. Aus dem Leben Dahls. Mit Benutzung russischen Quellen. Dorpat. 1873. (Sonderabdruck aus №92 der «Neuen Dörptischen Zeitung» 1873).

Архивные источники

- ¹ ГАОО, ф.6, оп. 5, № 10651, лл.14-14 об.
- ² Там же, лл. 33-33 об.
- ³ ГАОО, ф.6, оп. 7, № 774.
- ⁴ ГАОО, ф.6, оп.2, №2006, л.5.
- ⁵ Рос.нац.библиотека (СПб).
Отд.рук. Ф.571, №13.
- ⁶ ГАОО, ф.6, оп.18, №91, лл.103-103 об., 196 об.
- ⁷ ГАОО, ф.6, оп.15, №470, лл.1,7.
- ⁸ Там же, л.1 об.
- ⁹ Там же, л.2.
- ¹⁰ ГАОО, ф.6, оп.15, №439.
- ¹¹ ГАОО, ф.6, оп.7, №778.
- ¹² ГАОО, ф.6, оп.18, №91, л.5.
- ¹³ ГАОО, ф.6, оп.18, №94.
- ¹⁴ Там же, л.40.
- ¹⁵ ГАОО, ф.6, оп.4, №9796.
- ¹⁶ Там же, лл.18-19 об.
- ¹⁷ Там же, лл.27-27 об.
- ¹⁸ Там же, л.27.
- ¹⁹ Там же, л.30.
- ²⁰ Там же, лл.28-29 об.
- ²¹ Там же, л.31 об.
- ²² Там же, л.32.
- ²³ Там же, л.33 об.
- ²⁴ ГАОО, ф.6, оп.5, №10869.
- ²⁵ Там же, л.1.
- ²⁶ Там же, л.5.
- ²⁷ Там же, л.6.
- ²⁸ ГАОО, ф.6, оп.5, №10729.
- ²⁹ ИРЛИ, 27368, СХС VI 6.8.
- ³⁰ ГАОО, ф.6, оп.5, №11027.
- ³¹ ИРЛИ, 27294, СХС VI 6.5.
- ³² ГАОО, ф.6, оп.10, №3590.
- ³³ ГАОО, ф.6, оп.10, №4110, л.144
- ³⁴ Там же, лл.1-1 об.
- ³⁵ ГАОО, ф.6, оп.10, №4186, лл.1-1 об.
- ³⁶ ГАОО, ф.6, оп.10, №4110, л.433.
- ³⁷ ГАОО, ф.6, оп.10, №4186, л.4.
- ³⁸ ГАОО, ф.6, оп.5, №10986.
- ³⁹ Там же, лл.16-16 об.
- ⁴⁰ ГАОО, ф.6., оп.5, №11082.
- ⁴¹ ГАОО, ф.6., оп.5, №10989/9, лл.79-82.

- ⁴² ГАОО, ф.6, оп.10, №4053, лл.194об.-196.
- ⁴³ ГАОО, ф.6, оп.5, №11615/5, лл.177-182.
- ⁴⁴ ИРЛИ, 27416/СХСVII. 6.10.
- ⁴⁵ РГБ, отд.рук., ф.473, картон №7.
- ⁴⁶ Там же, л.1.
- ⁴⁷ Там же, лл.3 об.-5 об.
- ⁴⁸ Там же, лл.6-6 об.
- ⁴⁹ ГАОО, ф.6, оп.10, №4290.
- ⁵⁰ Там же, лл.26-26 об.
- ⁵¹ Там же, л.3.
- ⁵² ГАОО, ф.6, оп.5., №11076.
- ⁵³ ГАОО, ф.6, оп.10, №4371, л.1.
- ⁵⁴ Там же, лл.1-2.
- ⁵⁵ Там же, л.2.
- ⁵⁶ Там же, лл.4 об.-5.
- ⁵⁷ Там же, лл.5-5 об.
- ⁵⁸ ГАОО, ф.6, оп.10, №4371, л.15 об.
- ⁵⁹ Там же, лл.21-21 об.
- ⁶⁰ Там же, л.23 об.
- ⁶¹ Там же, л.23.
- ⁶² Там же, лл.29-29 об.
- ⁶³ Там же, л.32.
- ⁶⁴ Там же, лл.34-37.
- ⁶⁵ Там же, л.36 об.
- ⁶⁶ Там же, л.35 об.
- ⁶⁷ Там же, л.34.
- ⁶⁸ Центр.Ист.архив, ф.4,
№1231=а, лл.14-18.
- ⁶⁹ ПФА РАН, ф.56, оп.1, №19, л.1.
- ⁷⁰ ИРЛИ, рук.отд., 27416/СХСVI 6.10.
- ⁷¹ ИРЛИ, 27368/СХСVI. 6.8..
- ⁷² Там же.
- ⁷³ ГАОО, ф.6, оп.10, №4371, л.55.
- ⁷⁴ Там же, л.63 об.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ ГАОО, ф.6, оп.10, №4337, лл.7об-9.
- ⁷⁷ ГАОО, ф.6, оп.10, №4350, лл.3-3 об.
- ⁷⁸ ИРЛИ, 27416/СХСVI 6.10, л.10.
- ⁷⁹ Там же, л.12 об.
- ⁸⁰ Там же, л.7.
- ⁸¹ ГАОО, ф.41, оп.1, №851, л.16.
- ⁸² ИРЛИ, 27416/СХСVI 6.10, л.50-50 об.
- ⁸³ ИРЛИ, 27416/СХСVI 6.8, док.19.
- ⁸⁴ Там же, ИРЛИ, 27416/СХСVI 6.10, л.71-72 об.

- ⁸⁵ Там же
- ⁸⁶ ГАОО, ф.6, оп.5, №11277.
- ⁸⁷ ГАОО, ф.6, оп.5, №11263, лл.3-5.
- ⁸⁸ РНБ, рук.отд., Ф.539, оп.11, №417.
- ⁸⁹ ГАОО, ф.6, оп.5, №11615/7, л.57об.
- ⁹⁰ ГАОО, ф.6, оп.5, №11263, лл.100-102.
- ⁹¹ Там же, л.25.
- ⁹² ИРЛИ, 27416/СХС VI 6.10.
- ⁹³ «Рус.старина». 1897. №11. Очерк VIII.
- ⁹⁴ ИРЛИ, 27416/СХС VI 6.10.
- ⁹⁵ «Отеч.зап.». 1843, Т.26. №1. Отд.VI. С.13.
- ⁹⁶ РНБ, рук.отд., ф.391, №318.
- ⁹⁷ Там же, лл.1-1 об.
- ⁹⁸ Там же, л.2 об.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Там же, л.3.
- ¹⁰¹ Там же, л.2
- ¹⁰² РНБ, рук.отд., ф.391, №22.
- ¹⁰³ ПФА РАН, ф.51, оп.3, №7, лл.67-68
- ¹⁰⁴ ПФА РАН, ф.51, оп.3, №8, лл.75-76 об.
- ¹⁰⁵ ПФА РАН, ф.2,1-1837, №2, лл.7-10.
- ¹⁰⁶ Там же, л.16 об.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ ГАОО, ф.6, оп.10, №4632, л.92 об.
- ¹⁰⁹ ПФА РАН, ф.51, оп.3, №8, лл.79об.-80.
- ¹¹⁰ ПФА РАН, ф.2,1-1837, №2, лл.7-10.
- ¹¹¹ Там же, л.25.
- ¹¹² Там же, лл.36-36 об.
- ¹¹³ ИРЛИ, рук.отд., №27.321.
- ¹¹⁴ ИРЛИ, рук.отд., 27416/СХС VI 6.10.
- ¹¹⁵ ИРЛИ, рук.отд., 27402/СХС VI 6.9.
- ¹¹⁶ ГАФО, ф.6, оп.10, №4053, лл.187-189
- ¹¹⁷ ИРЛИ, рук.отд., 27416/СХС VI 6.10.
- ¹¹⁸ РНБ, рук.отд., ф.391, №318, л.5.
- ¹¹⁹ Там же, лл.8-8 об.
- ¹²⁰ ИРЛИ, рук.отд., 27416/СХС VI 6.10.
- ¹²¹ Там же.
- ¹²² ИРЛИ, рук.отд., 27368/СХС VI 6.8.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ ИРЛИ, рук.отд., 27276/СХС XV 6.5.
- ¹²⁵ ИРЛИ, рук.отд., 27402/СХС VI 6.9.
- ¹²⁶ ИРЛИ, рук.отд., 27416/СХС VI 6.10.
- ¹²⁷ РНБ, рук.отд., ф.391, №318, лл.7-8 об.
- ¹²⁸ ПФА РАН. Ф.51, оп.3, №8, лл.77-78.

- ¹²⁹ Там же, лл.83-84 об.
¹³⁰ Там же, л.84 об.
¹³¹ ГАОО, ф.6, оп.5, №11488.
¹³² Там же, лл.1-1 об.
¹³³ ГАОО, ф.6, оп.4, №10172.
¹³⁴ ГАОО, ф.18, оп.2, №24.
¹³⁵ ИРЛИ, рук.отд., 27.416/СХС VI 6.10.
¹³⁶ ПФА РАН. Ф.1, оп.1а, №58, лл.126-129.
¹³⁷ Там же, л.129.
¹³⁸ ИРЛИ, рук.отд., 27.438/СХС VI 6.13.
¹³⁹ ПФА РАН, ф.2, 1-1837, №2, лл.36-36 об.
¹⁴⁰ ИРЛИ, рук.отд., 27.416/СХС VI 6.10.
¹⁴¹ ГАОО, ф.6, оп.10, №4928, лл.1-1 об.
¹⁴² Там же, лл.2-7 об.
¹⁴³ Там же, л.15.
¹⁴⁴ Там же, лл.13-14 об.
¹⁴⁵ ГАОО, ф.6, оп.1, №4941, л.52.
¹⁴⁶ ПФА РАН, ф.51, оп.3, №8, лл.73-74.
¹⁴⁷ ПФА РАН, ф.1, 1а-1839, 563.
¹⁴⁸ ПФА РАН, ф.56, оп.1, №22, л.1.
¹⁴⁹ ИРЛИ, рук.отд., 27380/СХС VI. 65.
¹⁵⁰ ГАОО, ф.6, оп.10, №4933.
¹⁵¹ Там же, лл.5-6 об.
¹⁵² Там же, лл.31-39.
¹⁵³ РНБ. рук.отд., ф.391, №318, лл.6-6 об.
¹⁵⁴ ИРЛИ, отд.рук., 27.368/СХС VI 6.8.
¹⁵⁵ ПФА РАН, ф.51, оп.3, №9, лл.56-57.
¹⁵⁶ ПФА РАН, ф.2, 1-1837, №2, л.72 об.
¹⁵⁷ ПФА РАН, ф.5-6, оп.1, №31.
¹⁵⁸ ГАОО, ф.6, оп.1, №5241, л.452.
¹⁵⁹ ПФА РАН, ф.56, оп.1, №22, лл.2-3.
¹⁶⁰ ГАОО, ф.6, оп.16, №7.
¹⁶¹ Там же, лл.1-2.
¹⁶² Там же, лл.3-3 об.
¹⁶³ Там же, л.4.
¹⁶⁴ Там же, лл.9-10
¹⁶⁵ Там же, лл.1-2.
¹⁶⁶ Там же, л.3.
¹⁶⁷ Там же, л.5 об.
¹⁶⁸ Там же, лл.14-16.
¹⁶⁹ ГАОО, ф.6, оп.10, №4928, лл.16-16 об.
¹⁷⁰ Там же, л.19.
¹⁷¹ ГАОО, ф.6, оп.1, №4941.
¹⁷² Там же, л.100.

- ¹⁷³ ГАОО, ф.6, оп.10, №5026.
- ¹⁷⁴ Там же, л.20.
- ¹⁷⁵ ГАОО, ф.6, оп.10, №7, лл.17-18.
- ¹⁷⁶ Там же, л.18.
- ¹⁷⁷ Там же, лл.18-18 об.
- ¹⁷⁸ ГАОО, ф.6, оп.6, №12548.
- ¹⁷⁹ Она определяется по шкале Реомюра, где 10 соответствует (5/4)0 по шкале Цельсия.
- ¹⁸⁰ ПФА РАН, ф.56, оп.1, №31, л.1.
- ¹⁸¹ ПФА РАН, ф.56, оп.1, №22, л.5.
- ¹⁸² ПФА РАН, ф.56, оп.1, №2.
- ¹⁸³ ГАОО, ф.6, оп.10, №5141, лл.118-118 об.
- ¹⁸⁴ Там же, лл.10-10 об.
- ¹⁸⁵ ГАОО, ф.6, оп.10, №4928, лл.21-21 об.
- ¹⁸⁶ ГАОО, ф.6, оп.10, №4927.
- ¹⁸⁷ ГАОО, ф.6, оп.6, №12172, лл.121-122 об.
- ¹⁸⁸ ГАОО, ф.6, оп.1, №4941, лл.115-115 об.
- ¹⁸⁹ ГАОО, ф.6, оп.10, №2055, л.1.
- ¹⁹⁰ Там же, л.2.
- ¹⁹¹ Там же, лл.2 об.-3.
- ¹⁹² Там же, л.1.
- ¹⁹³ Там же, лл.7-7 об.
- ¹⁹⁴ ГАОО, ф.6, оп.10, №4933, лл.86-87.
- ¹⁹⁵ Там же, л.93.
- ¹⁹⁶ Там же, л.89.
- ¹⁹⁷ Там же, лл.17-18.
- ¹⁹⁸ Там же, лл.19-20 об.
- ¹⁹⁹ ИРЛИ, рук.отд.27368/СХСVI 6.8
- ²⁰⁰ ГАОО, ф.6, оп.10, №2068.
- ²⁰¹ Там же, лл.1-4 об.
- ²⁰² Там же, лл.6-7 об.
- ²⁰³ Там же, лл.8-11 об.
- ²⁰⁴ ПФА РАН, ф.56, оп.1, №3.
- ²⁰⁵ Там же, №20, л.11.
- ²⁰⁶ Там же, №3, л.1.
- ²⁰⁷ ГАОО, ф.6, оп.10, №5068, лл.24-27.
- ²⁰⁸ Там же, лл.205-206.
- ²⁰⁹ ГАОО, ф.6, оп.10, №5026, л.9.
- ²¹⁰ ГАОО, ф.6, оп.10, №5068, л.30.
- ²¹¹ Там же, лл.32-32 об.
- ²¹² Там же, лл.178-178 об.
- ²¹³ Там же, лл.127-128 об.
- ²¹⁴ ГАОО, ф.6, оп.10, №4762.
- ²¹⁵ ГАОО, ф.6, оп.6, №11665, л.1

- ²¹⁶ Там же, лл.2-3 об.
²¹⁷ Там же, л.4.
²¹⁸ ИРЛИ, рук.отд., 27368/СХСVI 6.8, л.
²¹⁹ ГАОО, ф.6, оп.10, №5141.
²²⁰ Там же, лл.141-143 о., 152-152 об., 164-167
²²¹ ИРЛИ, рук.отд., 27368/СХСVI 6.8.
²²² ГАОО, ф.6, оп.10, №5141., лл.196-196 об.
²²³ РГБ, рук.отд. ф.231/II. Оп.10, №16.
²²⁴ Там же, л.1
²²⁵ Там же, л.2.
²²⁶ Там же.
²²⁷ Там же, л. 4 об.
²²⁸ Там же
²²⁹ Там же, л.9.
²³⁰ Там же, л.7.
²³¹ Там же, лл.7-7 об.
²³² Там же, л.9 об.
²³³ ИРЛИ, рук.отд, 27368/СХСVI 6.8.
²³⁴ Там же.
²³⁵ РГБ, рук.отд. ф.231/II, оп.10, №16.
²³⁶ ГАОО, ф.6, оп.10, №5110/1, л.15.
²³⁷ Там же, лл.21-25.
²³⁸ ГАОО, ф.6, оп10, №5240, лл.85-85 об.
²³⁹ Там же, лл.329-329 об.
²⁴⁰ Там же.
²⁴¹ Там же, лл.540-540 об.
²⁴² ИФА РАН, ф.56, оп.1, №31, л.2-3.
²⁴³ Там же, л.3.
²⁴⁴ Там же, лл.2-3.
²⁴⁵ ГАОО, ф.6, оп.18, №154, л.1.
²⁴⁶ Там же, л. 1 об.
²⁴⁷ Там же, л.4.
²⁴⁸ Там же, л.6.
²⁴⁹ ГАОО, ф.6, оп.10, №5211, лл.452-452 об.
²⁵⁰ РГАЛИ, с.239

Примечания к приложениям

1 Блистать на более широкой сцене (фр.).

2 Подчеркнуто Далем.

3 Смысл этой эпиграммы Шиллера таков: члены научного общества умны каждый в отдельности, но глупеют, когда собираются вместе.

4 Несчастливым (нем.)

5 Знаешь ли ты страну? (нем.)

6 Не показавшись бесцеремонным (фр.)

7 Мой дорогой Даль.

8 Мой дорогой Владимир Иванович (нем.)

9 Трудность (нем.).

10 Г.Ф. Генс.

11 К черту (франц.).

12 Аким Иванович Середа.

13 Поверенный в делах правительства Британии перед русским двором (фр.).

14 Двух тысяч верст.

15 Водосточную трубу (фр.).

16 Забавная описка В.И. Даля. Вероятно, он хотел написать «На новую квартиру» или «В новую избу».

17 По-видимому, эти соображения касаются болезни брата Павла. Возможно, сестра спрашивала Даля, есть ли надежда на его выздоровление в Италии.

18 Даль упоминает о своей сказке «Илья Муромец, сказка Руси богатырской», которая, видимо, в это время находилась в редакции одного из журналов, и о судьбе которой поручалось узнать «Алешке». Алешка, или в немецких письмах — Аксель, это, вероятно, один из двоюродных братьев В.И. Даля со стороны матери, Алексей Остафьевич Реймерс, живший в Петербурге. О нем неоднократно упоминает в своих мемуарах Е.В. Даль.

19 Здесь речь идет об «Энциклопедическом лексиконе», который в 1835 г. начал издавать А.А. Плюшар. В.И. Даль написал для него много статей.

20 Мать Юлии Егоровны жила в Петербурге. Даль сожалеет, что она не сможет повидаться с дочерью.

21 Имеется в виду «Памятная книжка для нижних чинов Императорских казачьих войск». [39]

22 Даль планирует написать повесть «Майна».

23 Здесь упоминается татарская легенда [24], переведенная Далем на русский язык.

24 Эту цитату из Шиллера Даль приводит и в письме к В.А. Жуковскому, написанном в это же время, (см. примеч. 3).

25 Начиная с этой фразы, написанное становится менее четким. Вероятно, Даль правил рукопись и несколько стер перо, а затем продолжил письмо.

26 ГАОО, ф.6, оп.18, №91, лл.3-4.

27 ГАОО, ф.6, оп.10, №3771, 3798.

28 ГАОО, ф.6, оп.7, №738.

29 Там же, лл.7-8 об.

30 ПФА РАН, ф.56, оп.1, №19, л.1.

31 ИРЛИ, рук.отд, 27294/СХСVI 65.

32 Г.Ф. Генс.

33 К.К. Родофиникин (1760—1838), директор Азиатского департамента министерства иностранных дел.

34 Назарбай Байкшиев — бухарский купец, живший в Оренбурге и имевший чин титулярного советника.

35 Шергазы — хан Малой киргизской Орды, в то время находившийся на жительстве в Уфе.

36 А.О. Реймерс — двоюродный брат В.И. Даля.

37 Брат В.А. Перовского Алексей Алексеевич (писатель Антоний Погорельский) умер 28 июля 1836 г.

38 ГАОО, ф.6, оп.7, №738, лл.17-17 об.

39 Виктор Карлович Ивалкевич, соученик Виткевича по Крожской гимназии, также сосланный в Оренбургский край. В это время служил в Орске в чине прапорщика.

40 Киргизы Джагалбайлинского рода.

41 Кутебар — предводитель киргизских мятежников.

42 Николай Васильевич Балкашин — в 1837 г. капитан, адъютант В.А. Перовского.

43 В.О. Покотиллов — наказной атаман Уральского казачьего войска.

44 Даст Бог (араб.).

45 Дворцы для удовольствий (фр).

46 ГАОО, ф.38, оп.1, №161.

47 ЦГАЛИ, ф.179, оп.1, №37.

48 По свидетельству О.В.Демидовой, дети Даля всегда называли отца батей.

49 Мемуар об этнографии Персии.

50 Проводником.

51 Когда Вы уедете? (фр).

52 Завтра (фр).

53 Я пожелал бы Вам избавиться наконец от удовольствий Оренбурга, что до меня, то я просил ген.Перовского разрешить мне остаться здесь на пару месяцев, я так устал от своих путешествий (фр.).

54 ГАОО, ф.6, оп.10, №3795 («По представлению председателя Оренбургской Пограничной комиссии об убийстве старшиною Исянгильды Янмурзиным сына своего Бикея»).

55 Там же, лл.5-5 об.

56 Там же, лл.5 об.-6.

- 57 Там же, лл.6 об.
58 Там же, лл.6 об.-7.
59 ГАОО, ф.6, оп.10, №4961.
60 ГАОО, ф.6, оп.10, №3850, л.7.
61 Там же, л.8.
62 Там же, л.21.
63 Там же, л.36.
64 Там же, лл.31-31 об.
65 Там же, л.33.
66 Там же, лл.106-106 об.
67 Там же, лл. 58-58 об.
68 Там же, лл.24-24 об.
69 Там же, лл.177об. —198.
70 Там же, лл.192об. —193.
71 Там же, лл.187об. —188.
72 Там же, лл.119—125.
73 Там же, л.139.
74 Там же, л.168.
75 Там же, лл.177-180.
76 Там же, лл.187-188 об.
77 Там же, л.188.
78 Там же, л.188 об.
79 Там же, лл.197 об.-198.
80 Там же, л.194.
81 Там же, л.197.
82 Там же, л.219.
83 Там же, лл.206-208 об.
84 Там же, лл.209 об.-210.
85 ГАОО, ф.6, оп.10, №4257.
86 ГАОО, ф.6, оп.10, №3850, лл.223-223 об.
87 Там же, лл.232-232 об.
88 Там же, лл.237-237 об.
89 Там же, лл.239-240 об.
90 Там же, лл.239-239 об.
91 Там же, лл.240-240 об.
92 РНБ, рук.отд. ф.571 (В.А.Перовского), №13.
93 ПФА РАН, ф.51, оп.3, №7, лл.32-33 об.
94 ГАОО, ф.6, оп.10, №5240, лл.452-452 об.
95 Там же, лл.571-571 об.
96 ГАОО, ф.6, оп.10, №4623.
97 Там же, лл.2-2 об.
98 Там же, лл.2 об.

- 99 ПФА РАН, ф.51, оп.3, №7, лл.32-33 об.
100 ГАОО, ф.6, оп.10, №4623, лл.2 об.-3.
101 Там же, лл.3-3 об.
102 ПФА, ф.51, оп.3, и №8, лл.32-32 об.
103 ГАОО, ф.6, оп.10, №4623, лл.27-28.
104 Там же, л.22.
105 Там же, лл.25-25 об.
106 ПФА РАН, ф.51, оп.3, л.7.
107 ПФА РАН, оп.1а, №58, лл.126-129.
108 ГАОО, ф.6, оп.10, №4623, л.35.
109 Там же, л.39.
110 Там же, лл.40-49.
111 ПФА РАН, ф.51, оп.3, №9, лл.56-57.
112 ГАОО, ф.6, оп.10, №5241, лл.540-540 об.
113 Там же, лл.679, 700, 703.
114 ГАОО, ф.6, оп.3, №9, л.56.
115 Там же, л.73.
116 Там же, л.91.
117 Там же, л.91 об.
118 ПФА РАН, ф.51, оп.3, №22, лл.28-28 об.
119 ГАОО, ф.6, оп.10, №4623, лл.94-94 об.
120 Там же, лл.98-98 об.
121 Там же, лл.108-108 об.
122 ГАОО, ф.6, оп.7, №72.
123 ГАОО, ф.6, оп.6, №12969, лл.1-2.
124 Там же, л.4.
125 ГАОО, ф.6, оп.6, №13017.

Указатель имен

- Аббот Джеймс 261-265, 268, 355-357
Абу-л-Гази Бахадур-хан 180, 192, 527
Абулхаир, хан Малой Орды 63, 143
Агапиев К.М. 199
Аитов Мухамет Шариф 268-270
Айчуваков Баймухамед 465, 466
Аксаков И.С. 297
Александр I 21, 68, 110
Александр Николаевич, великий князь,
позднее император Александр II 161, 163, 164, 322, 325, 385, 430
Аллакул, хивинский хан 268, 271, 478, 479, 481
Алябьев А.А. 347, 419
Андерсен Г.-Х. 453
Андре Мина Ивановна 301
Анна Иоанновна, императрица 63
Аракчеев А.А. 109
Арбенин 328, 330
Арбенева А.Н. 328
Аренд (Арендт) Н.Ф. 157
Арсеньев К.И. 164, 165, 305
Артюхов К.Д. 76, 87, 88, 103, 496, 497
Балкашин Н.В. 126, 425
Барбот де Мори 40
Бартенев П.И. 156
Башуцкий А.П. 151, 154, 162, 178, 179
Белинский В.Г. 174
Бенкендорф А.Х. 53
Берг Ф.Ф. 80, 89, 110, 305
Бернс Александр 436
Бестужев (Марлинский) А.А. 171, 391, 392
Бикей, сын старшины Ямурзина 462-467
Бларамберг И.Ф. 82, 284-286, 426, 427, 458
Блудов Д.Н. 99, 100
Бодиско Л.Н. 216, 217, 218, 221, 236, 239, 240, 254, 255, 405, 407
Бородин Д.М., атаман Уральского войска 118
Брандт Ф.Ф. 160, 183, 184, 190, 204, 205, 212, 220, 227, 387, 483-486, 505, 506,
509, 512, 513
Брюллов К.П. 189, 417
Булгарин Ф.В. 276, 281
Бутенев К.Ф. 222, 260, 287, 288, 483, 506, 515

Бутурлин Д.П. 315
Бэр К.М. 185, 212, 220, 221, 227, 228, 232, 250, 305, 310, 312, 407, 484
Васильев И.В. 253, 254
Вельяминов-Зернов В.В. 522, 523
Вернейль Ф.Э.П. 290
Вертоусова Е.Г. 437, 442
Веселовский Н.И. 525
Виткевич И.В. 94, 96, 97, 107, 108, 112, 126, 132, 133, 161, 347, 408-419, 422, 423, 425, 426, 434-437, 457-459, 468, 523, 525
Воейков А.Ф.
Волженцов Павел 184, 240, 288, 512-516, 519
Волконский Г.С. 76
Воронина Е.З. 91, 92, 495, 496
Врангель Ф.П. 305
Вронченко М.П. 305
Вяземский П.А. 54
Ганеман С. 55-57
Ганстен Х. 111
Гарлан 212
Гевлич А.П. 165
Гельмерсен Г.П. 70, 71, 74, 84, 100, 101, 118, 127, 159, 252, 305, 345
Генс Г.Ф. 76-78, 108, 110, 116, 117, 118, 126, 193, 196, 203, 225, 284, 285, 286, 349, 395, 410, 416, 463-466, 471, 493, 522, 524
Герн К.И. 349
Гернгросс А.Р. 225, 244, 259, 260
Гирс А.К. 297
Глинка М.И. 152
Глинка Ф.Н. 280
Гоголь Н.В. 302
Головин С.Е. 303
Гольм Оливер 105, 106, 342
Гончаров И.А. 302
Горбенко Е.П. 11, 26
Гофман Э.К. 71
Гребенка Е.П. 305
Грейг А.С. 27, 30, 37, 365
Греч Н.И. 54, 89, 102, 117, 118, 136, 152, 276, 302, 376
Григорович Д.В. 297, 302, 308
Григорьев В.В. 297, 307, 522, 523
Грот Я.К. 8, 9, 50, 54, 302
Грушин Федор 117, 470, 471, 473, 475, 525
Гумбольдт Александр фон 60, 71, 78, 97, 110, 409
Гус М. 436
Давлетшин Абдулла 120, 121, 240, 247, 450, 527, 529

Даль Владимир Иванович (Казак Луганский) 6-63, 70, 71, 73, 75, 76, 80, 82-97, 99-108, 112-120, 124, 125, 128-130, 134-158, 160-163, 165-180, 182-186, 190-217, 219-228, 230, 232, 237-250, 252-256, 259, 261, 262, 265, 266, 268, 269, 272-298, 301, 303-327, 332-343, 345-351, 353-355, 357, 359-369, 371, 372, 376, 378, 379, 381, 384-386, 393, 394, 396-398, 402, 403, 405, 406, 408, 414-416, 418, 419 423-425, 430, 431, 434, 435, 437-446, 450, 456, 457, 460-464, 467-471, 478, 479, 482-488, 495, 503-518, 523-528

Даль Екатерина Владимировна 10, 20, 23, 28, 30, 32, 34, 39-42, 47, 105-107, 138, 182, 194, 202, 227, 250, 340, 342, 351, 363, 365, 367, 368, 376, 381, 397, 405, 438, 439, 441, 442, 445, 446

Даль (Соколова) Екатерина Львовна 168, 272-274, 279, 300, 326, 357, 366, 408, 444, 445, 448, 455

Даль Иван Матвеевич 16-19, 21, 298, 363

Даль Карл Иванович 20, 21, 25, 27-29, 362, 364, 365, 367, 370

Даль Лев Иванович 20, 30, 32, 46, 47, 105, 362, 366

Даль Лев-Арслан Владимирович 105, 106, 138, 171, 199, 216, 297, 299, 320, 341, 342, 351, 369, 389, 395, 407, 425, 439, 442, 445-447, 451, 455

Даль Павел Иванович 20, 30, 32, 138, 150, 362, 366, 367, 368, 381, 439

Даль Святослав 142, 169, 345, 376, 377, 385, 388, 422, 430, 440, 441

Даль Юлия Владимировна 297, 299, 302, 393, 397, 407, 441, 442, 445, 448, 451, 453, 455

Даль (Андре) Юлия Егоровна 61, 91, 92, 149, 168, 169, 197, 198, 200, 227, 272, 274, 326, 349-351, 367, 382, 393, 397, 402, 406, 422, 425, 430, 434, 441

Даль (Фрейтаг) Юлия-Ульяна Христофоровна 19, 20, 30, 138, 147, 149, 273, 298, 301, 316, 367, 372, 437, 439, 441, 442, 444

Данзас К.К. 154

Дебу И.Л. 75, 491

Демезон П.И. 76, 94, 95, 133, 193, 411, 522, 523, 527

Демидова (Даль) Ольга Владимировна 9, 298, 301, 303, 316, 444, 445, 447

Джангер Букеев, хан Внутренней Орды 110, 491

Дорофеев В.В. 5, 69, 70, 72, 367, 439, 443

Дост-Мухаммед, афганский эмир 133, 257, 412, 459, 478

Дурасов Н.Н. 76, 92, 179

Дурова Н.А. 152

Дьяконов А.Н. 194-197, 203, 284

Елагина А.П. 26

Ерофеев, поручик 246

Жемчужников А.А. 107, 124, 127

Жуковский В.А. 26, 34, 35, 51, 52, 60, 152, 155, 156, 161, 163-165, 167, 168, 169, 274, 325, 326, 328, 332, 333, 368, 370, 385

Жуковский Н.В. 113, 347

Заболоцкий А. П. 459

Завалишин Д.И. 7, 9, 10, 19, 22-24, 31, 59

Зан Ф.К. 81, 82, 96, 107, 108, 145, 415, 493, 494, 499, 501

Звенигородский В.И. 83, 137, 367, 438, 454
Зейдлиц К.К. 35, 40, 58, 103, 345
Зелёнка М.Ф. 293, 506, 507, 515, 518
Зиновьев Яков 117, 471-479, 525
Зонтаг А.П. 26
Зонтаг Е. В. 26
Зонтаг М.Е. 52
Зотов А.Г. 494
Иванин М.И. 241, 251
Иванов Мартемиан (Мартиниан) Иванович 121, 122, 191, 192, 194, 196, 240, 284, 522, 528, 529
Иванов Н.П. 241, 243, 251
Ивашкевич В.К. 424
Ильминский И.И. 522
Иноземцев Ф.И. 35, 368
Ишервуд Дж. 159
Кавелин Д.А. 297
Карелин Г.С. 109-112, 284, 361, 492, 504
Карелина (Семенова) А.Н. 110
Квален Ф.Ф. фон 492
Квитка-Основьяненко Г.Ф. 119, 120, 162, 178, 179
Кейзерлинг А.А. 290
Кенисары, султан 237
Кеппен П.И. 305
Кирилов И.К. 63, 520
Кистер (Даль) Александра Ивановна 20, 29, 52, 138, 140, 299, 363, 365, 367, 370, 372, 374, 377, 379, 380, 386, 394, 398, 441-444, 446, 450
Кистер Луиза 372, 400
Кистер (Кюстер) Петр Осипович 29, 148, 299, 365, 372, 373, 377, 396, 400, 441, 443, 444, 446, 447, 450, 453
Кистер Федор 446, 453
Кнорре К.Х. 26, 27, 52, 364, 365, 370,
Ковалевский Е.П. 223-225, 240, 241, 244-260, 264, 287, 490
Кодынец Д. Ф. 429
Козловская О. 88
Кокшаров Н.И. 290
Константин Николаевич, великий князь 305
Косырев Е.М. 241, 242, 270
Кошелев А.И. 321
Краевский А.А. 151, 156, 157, 162, 177-180, 195, 196, 202, 203, 226, 227, 282, 297, 302, 340
Крузенштерн И.Ф. 305
Крылов И.А. 54, 370
Крюков А.П. 74

Кузьмищев П.Ф. 278
Кукляшев С. 522
Кусяб-Гали, султан 434, 435, 466, 467
Лазаревский В.М. 296, 297, 307, 321
Лебедев И.В. 77
Лёвшин А.И. 304
Леман А.И. 185, 217, 220, 221, 230, 231, 234, 235, 247, 248, 250-253, 265, 266, 283, 287-289, 293, 294, 360, 405, 407, 483, 505, 508, 514, 515, 517
Лермонтов М.Ю. 180
Лессинг Х.Ф. 103-105
Литке Ф.П. 305, 306, 310
Ломоносов М.В. 322
Лысов Степан 230, 240, 251, 252, 512, 514-516, 518, 519
Мансуров Н.А. 165
Марков И.М. 500, 501
Масленников Григорий 492
Матвиевская Г.П. 406
Мауляна 463, 465-467
Медяник, португей-поручик 117, 525
Мейер, рядовой 96
Мелихов Иван 184, 240, 512-516, 519
Мельников П.И. (Андрей Печерский) 7, 19, 40, 41, 48, 51, 195, 296, 297, 309, 311, 316, 319, 366
Меньшиков А.С. 236
Миддендорф А.Ф. 305
Милютин Н.А. 297
Михаил Павлович, великий князь 309
Модестов Н.Н. 11, 12, 499, 509
Мойер И.Ф. 34, 35, 138, 368
Мойер (Протасова) М.А. 34
Мойер Е.И. 34, 52
Моллер А.Ф. 457
Мордвинов А.Н. 53
Муравьев А.Н. 321
Муравьев М.Н. 305, 321
Мурчисон Р.И. 135, 290
Нагибин 196
Надеждин Н.И. 297, 306, 308
Назарбай Байкшиев 417
Назаров, старшина 85
Наполеон 59, 146
Насрулла, эмир бухарский 478
Нахимов П.С. 23
Нёбо (Фрейтаг, Реймерс) Анна Христофоровна 147, 302

Нёбо Федор 147
Негри А.Ф. 79, 478
Неплюев И.И. 64, 76, 520
Нессельроде К.В. 129, 131, 191, 214, 224, 225, 256-262, 271, 287, 413
Никитенко А.В. 52, 323
Никитин Андрей 117, 525
Николай Павлович, великий князь, позже
император Николай I 59, 158, 186, 215, 395, 478
Новосильцев П.М. 52
Обручев В.А. 507, 508, 518, 519
Одоевский В.Ф. 58, 151, 153, 156, 157, 162, 178, 180, 204, 226, 281, 302, 305
Павел Петрович, наследник престола,
позже — император Павел I 17, 298, 299, 363
Панаев И.И. 297
Панарев, капитан 235
Перов В.Г. 323
Перовский Алексей Алексеевич (Антоний Погорельский) 58, 59, 348
Перовский Василий Алексеевич 59-61, 76, 78, 80-82, 84-86, 92-94, 96, 99-102,
105-107, 111-116, 124, 126-131, 134, 135, 141-143, 145, 148, 149, 158-162, 166-
170, 175, 185-190, 192, 198, 205, 209, 214-218, 223-225, 227, 230-232, 233-
237, 239, 241, 245, 249, 252-263, 266, 269, 271, 273, 277, 279, 283, 286-294,
300, 305, 316, 325-328, 331-333, 336-343, 346-355, 357-359, 361, 362, 373,
374, 376, 377, 379-382, 385, 387-389, 397, 402-405, 410, 411, 413, 414, 417-
420, 423, 429-437, 441, 481-486, 495, 496, 498-512, 514-519, 523
Перовский Лев Алексеевич 291, 293, 295, 296, 297, 300, 302, 306, 316, 317, 321,
443
Петина Н.Г. 86
Петр I 226
Пирогов Н.И. 35, 36, 302, 308, 368
Плюшар А.А. 52, 136, 139, 140, 183, 372
Погодин М.П. 54, 152, 156, 176, 275-278, 280, 281, 283, 321
Покотоилов В.О. 84, 118, 169, 430, 463, 466
Полевой Н.А. 276
Попов Егор, урядник 117, 479, 480, 525
Порудоминский В.И. 367
Постельс А.Ф. 310
Прокофьева А.Г. 10, 15, 138, 325, 438, 469
Прянишников Н.Е. 12
Пугачев Е.И. 85, 86, 87, 146, 278, 300, 448
Пушкин А.С. 11, 12, 51, 52, 54, 55, 85-89, 92, 93, 146, 152-157, 163, 165, 172,
179, 278, 303, 325, 331, 370, 377, 384, 392
Пушкин С.Л. 155
Пуцин И.И. 156
Пыпин А.Н. 322

Разумовский А.К. 503
Реймерс А.О. 147, 418
Ридигер Ф.В. 43, 44, 374
Рикорд П.И. 305
Родофиникин К.К. 128, 131, 350, 413, 420, 436, 465
Розенбергер К.О. 217, 221, 222, 274, 284-286, 405, 407
Рокасовский П.И. 113, 273, 293, 345, 511
Россини Дж. 152
Рупини И.А. 54, 55
Рычков П.И. 520, 521
Рязанов Тихон 117, 525
Савваитов П.И. 322
Савельев П.С. 117, 307, 525
Самарин Ю.Ф. 297
Самойлова С.А. 339
Сапожников А.П. 302, 310
Сахаров И.П. 308
Свиньин П.П. 66-68, 70, 110
Северцов Н.А. 23
Седов А.В. 11, 317
Семенов (Тянь-Шаньский) А.А. 304
Семенов Ю. 436
Сенковский О.И. (Барон Брамбеус) 145, 146, 151, 173, 203, 283, 377-379
Сенявин Л.Г. 436
Середа А.И. 77, 349, 350, 500
Симон Ф.А. 56
Симонич И.О. 423, 426, 427, 436, 459
Синицин Н.И. 52
Скорняков А.И. 230, 240, 251, 252, 288, 512, 514-519
Смирдин А.Ф. 54, 146, 370, 378
Смирнов С.Е. 86
Смирнова-Россет А.О. 339, 503
Снегирев И.М. 179
Соболев Федор Михайлович 274, 300, 450, 451
Соболева (Соколова) Любовь Львовна 274, 300, 444, 446, 450, 451, 453
Сологуб В.А. 151
Соколов Лев Васильевич 104, 168, 272, 299
Соколова (Путятин) Анна Александровна 299, 300, 445
Соколова Наталья Львовна 300, 301, 445, 446, 453
Срезневский И.И. 306-308, 322
Стапешева (Даль) Мария Владимировна 24, 289, 297, 442, 445, 448
Старчевский А.В. 8
Стоддарт Ч. 459
Столпянский П.Н. 11, 509

Строганов А.Г. 290
Струве В.Я. 26, 305
Сузин А.Д. 96
Сухтелен П.П. 59, 76, 80, 81, 85, 94, 98, 99, 109, 111, 124, 410, 463, 465, 487-495, 523
Татаринов Н.С. 490
Татищев В.Н. 63, 520, 521
Тафаев К.М. 110
Тевкелев А.И. 520
Тимур (Аксак-Тимур) 146
Тургенев И.С. 297, 302
Турчанинов Н.С. 490
Тюменев Сербеджаб 491
Уатт Дж. 159
Уваров С.С. 188, 190, 191
Фесенко Ю.П. 11, 16, 18, 21, 24, 27, 315, 327, 328, 364, 367
Фетисов М.И. 367
Фишер К.И. 339
Фишер Ф.Б. 360, 361
Фрейтаг Мария Ивановна 19, 298
Френ Х.Д. 192, 483, 527
Фус П.Н. 213
Халфин Н.А. 95
Хальфин Ибрагим 121, 528
Ханыков Н.В. 222, 223, 239, 247, 248, 284, 287, 340, 456, 457, 460, 483, 523
Ханыков Я.В. 134, 135, 165, 193, 196, 197, 199, 200, 203, 214, 290, 293, 297, 483, 523
Хомяков А.С. 321
Хусейн-Али (Гусейн-Али) 133, 161, 412 418, 423, 425
Цеге фон Лауренберг 286
Циммерман Л. 526
Циолковский С.Т. 113, 126, 150, 350, 383, 389, 423
Цыпляев П.И. 12
Чегодаев Валериан 301
Чегодаева (Соколова) Надежда Львовна 300, 301, 455
Челяев 113
Чернышев А.И. 214, 232, 234, 235, 423
Чингиз-хан (Джингиз-хан) 121, 146, 528
Чихачев П.А. 231-236, 239, 247, 248-250, 305, 340, 460
Шангион-Гартинг Н.Д. 492
Шах-заде Мухаммед Мустафа, афганский принц 122
Шевченко Т.Г. 219
Шевырев С.П. 275, 279-281
Шекспир Ричмонд 268-270

Шиллер Ф. 331, 336, 399
Шиловский 378, 379
Ширинский-Шихматов С.А. 23
Ширков, калитан 218, 219
Ширяев 375, 378
Шлейден (Даль) Паулина Ивановна 13, 17, 20, 28, 29, 52, 125, 137, 139, 141, 146, 147, 149, 171-173, 175, 193, 201, 216, 230, 299, 342, 345, 362-365, 366, 369, 372, 376, 382, 384, 388, 391, 395, 398, 403, 405, 406, 408, 438, 440, 483
Шлейден Петр Петрович 28, 29, 141, 172, 299, 363, 364, 366, 372, 374, 375, 384, 387, 391, 408
Шмидт Я.И. 212, 484
Шрадер Е.И. 512, 517
Шредер Я.А. 50
Штендер, гомеопат 301
Штернберг В.И. 217, 219, 222, 239, 247, 248, 405, 407
Щукин Егор 479
Щуцкой Н.В. 511, 512
Эверсман Э.А. 78-80, 110, 185, 205, 206, 209, 220, 286, 287, 289, 486, 487, 492, 503-505
Эверсман (Мансурова) С.А. 79
Энгельгардт Д.И., вдова командира Оренбургского казачьего войска, ген. А.Г. Энгельгардта 348, 349
Эссен П.К. 78
Юдин М.Л. 123
Ягмин А. 240
Языков А.М. 194
Языков Н.М. 35, 36, 52, 194
Янмурзин Исянгельды, старшина 461-465

Оглавление

Введение	6
Жизнь В.И. Даля до приезда в Оренбург	16
Семья. Первые годы жизни	16
Морской кадетский корпус	21
Флотская служба.....	25
Дерптский университет.....	32
В.И.Даль — военный врач и инженер	38
Петербург. Медицина и литература	47
Оренбургский период	62
Оренбург	62
Чиновник особых поручений	83
Год первый (1833—1834)	83
Год второй (1834—1835)	105
Год третий (1835—1836)	123
Год четвертый (1836—1837)	143
Год пятый (1837—1838)	163
Год шестой (1838—1839)	197
Год седьмой (1839—1840)	227
Год восьмой (1840—1841)	266
Деятельность В.И. Даля после Оренбурга	295
Петербург	295
Работа в министерстве	295
В.И. Даль и Русское Географическое общество	304
Работы по зоологии и ботанике	308
Нижний Новгород	317
Москва	321
Приложения	325
1. «К фатам не лежит у меня сердце» (И.К. Зубова).....	325

2. «Сотрудник, доктор, товарищ» (И.К. Зубова)	332
3. Из переписки В.И. Даля с сестрой П.И. Шлейден (Г.П. Матвиевская, И.К. Зубова)	362
4. «Я удовлетворю совершенно мою страсть к приключениям...» Письма И.В. Виткевича к В.И. Далю (Г.П. Матвиевская, И.К. Зубова)	408
5. «Дом хорош и мы очень довольны покупкой» (И.К. Зубова)	437
6. «Вновь увидеть оренбургские степи...» Приезд В.И. Даля в Оренбург летом 1859 года (Г.П. Матвиевская, И.К. Зубова)	443
7. «Много воды утекло...» Письмо Н.В. Ханькова В.И. Далю от 11 апреля 1868 г. (Г.П. Матвиевская)	456
8. «...Я пишу не сказку, а быль.» (И.К. Зубова)	460
9. «В Россию бежать далече...» (И.К. Зубова)	468
10. Новые данные о научной деятельности В.И. Даля в Оренбурге (Г.П. Матвиевская)	482
11. «Музеум естественных произведений Оренбургского края». В.И. Даль и Оренбургский краеведческий музей (Г.П. Матвиевская)	487
12. В.И. Даль — востоковед (Г.П. Матвиевская)	519
Основные даты жизни В.И. Даля	531
Труды В.И. Даля	533
Литература	544
Архивные источники	563
Примечания к приложениям	569

**Матвиевская Галина Павловна,
Зубова Инна Каримовна
ДАЛЬ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ
В ОРЕНБУРГЕ**

Редактор — Л.П. Петрова

Макет и оформление — Ф.М. Абленин

Технический редактор — И.М. Жосан

Верстка — Т.Н. Чалкина

*Корректоры — Л.С. Волкова, Г.И. Грибанова, А.В. Карпекина,
Л.Р. Миняева, Ю.С. Пименова*

Подписано в печать 30.05.2007. Формат 84х108/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура BodoniC. Уч. изд. л.31.3. Усл.печ.л.30,24.
Тираж 2000 экз. Заказ 12094.

**ООО «Оренбургское книжное издательство»,
460000, г. Оренбург, ул. 8 Марта, 8.**

**Отпечатано
в ОАО «ИПК «Южный Урал, г. Оренбург, пер. Свободина, 4.**